
LE MESSAGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

Париж – Нью-Йорк – Москва

№ 207

1 – 2017

Ответственный редактор
ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (Париж)

Секретарь редакции
НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА (Москва)

Редакционная коллегия
Д. Струве, Т. Викторова,
прот. Николай Озолин (Франция);
О. Раевская-Хьюз (США);
Б. Александров (Венгрия);
прот. Владимир Зелинский (Италия);
Жорж Нива (Швейцария);
Е. Барабанов, Ю. Кублановский,
Н. Ликвинцева, Б. Любимов, Е. Майданович,
В. Никитин, О. Седакова (Россия);
К. Сигов (Украина)

От редакции

В 2017 году мы вспоминаем две трагичные и между собою связанные годовщины: столетие Февральской и Октябрьской революций и 80-летие кульминации государственного террора в 1937 году. Величайшее событие XX века, перевернувшее курс истории не только Российской империи, но и всего света, с одной стороны; неслыханная по масштабу и жестокости волна репрессий, с другой, отмечались предельно скромно, почти незаметно, как будто еще не настало время полного их осмысления и подлинного раскаяния за содеянные преступления. О долге памяти пишет в статье этого номера Ольга Седакова. Отнятие памяти после отнятия жизни уничижает не повинных жертв ленинских и сталинских репрессий равнозначно двойному убийству.

Для христиан 2017 год также является столетием московского Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов, тесно связанного с революцией, которая позволила ему состояться, но сделала невозможным исполнение принятых на нем решений. Собор открылся и продолжал работу вплоть до 1918 года, так и не завершив, под давлением событий, свое дело. Несмотря на огромный труд по изданию деяний Собора, в самой Церкви значение Собора остается сегодня практически не осознанным и забытым. И это – несмотря на продолжающуюся актуальность многих тем, затронутых Собором, от вопросов церковной организации, участия мирян в управлении Церковью до вопросов богослужебного языка. И здесь история словно споткнулась. Подобно трагическим страницам русской истории XX века, и эта страница церковной истории остается открытой и не-перевернутой. Поместный Собор был скорее прерван, чем завершен. Решения его, никем не отмененные (да и не было с тех пор и когда еще собирается столь авторитетное собрание, чтобы их отменить или дать им окончательную оценку), до сих пор являются основой канонической организации Православной Церкви в России. Однако они так и не вступили в силу. Да и рецепция Собора в большой мере – дело будущего. Собору посвящена в этом номере обзорная статья Елены Беляковой, раскрывающая сложные процессы, имевшие место

в течение длинных месяцев после его открытия. Открытое обсуждение, всестороннее осмысление и освещение, возвращение церковной памяти — такими вырисовываются пути исторического исцеления.

О своеобразном топтании на месте современной русской истории свидетельствует еще одно знаковое явление, которое заставляет вернуться на страницах «Вестника РХД» к столь хорошо знакомой ему в прошлом правозащитной теме. Речь о деле краеведа Юрия Дмитриева, посвятившего жизнь возвращению памяти, интервью с которым публикуется в этом номере. Дело Юрия Дмитриева рассматривалось в Карельском суде в то время, когда журнал сдавался в печать. Хочется надеяться, что восторжествует правосудие.

И наконец, сама судьба «Вестника РХД» не разделяет ли в какой-то мере общую судьбу русской истории? Дискуссия о путях «Вестника», начатая на страницах 206-го номера, продолжилась недавно на страницах интернета в связи с вопросами, поднятыми Сергеем Чапниным. Для многих «Вестник РХД» и по сей день остается прежде всего знаковым изданием 1970-х и 1980-х годов прошлого века. Но время не стоит. И история «Вестника РХД» не сводится к одному, пусть славному, периоду. Журнал продолжал издаваться и в 1990-е, и в 2000-е, находя новые темы и новых авторов; существует он и поныне. Храня память о славном прошлом, редакция «Вестника» видит свое призвание не в повторении старого, а в творческом развитии и умножении полученных талантов. И надеется на поддержку читателей в деле продолжения живой традиции.

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Митрополит Сурожский Антоний

Слова в неделю молитв о христианском единстве

I

Sevenoaks, Kent
17 января 1983

Год за годом различные христианские деноминации встречаются, молятся вместе и надеются, что когда-то станут едиными; с этой целью на протяжении многих лет были предприняты важные шаги. Мы можем встречаться, смотреть друг на друга и признавать друг в друге друзей и братьев по вере: это уже достижение. Те из вас, кто молод, вряд ли помнят печальные времена, когда члены разных Церквей считали совместную молитву грехом и не допускали, что можно признать печать Христову на челе, на душе того, кто не принадлежит к их собственной деноминации. Да, большое достижение – что мы можем встречаться, можем молиться вместе, молиться друг за друга и друг с другом, призывая Бога соединить нас за пределом любых человеческих разделений – общественных, политических, расовых.

Мы прошли также большой путь в области богословской мысли. Мы постарались понять, почему происходили расколы, почему некоторые верующие настолько критичны –

иногда справедливо, иногда ошибочно — по отношению к основам веры других людей. Мы достигли возможности открыто говорить о наших расхождениях, о том, что нас разделяет, и это уже не воспринимается как оскорблениe. Это прекрасно, но этого далеко не достаточно. Церковь не станет едина только благодаря тому, что люди проявят больше добной воли по отношению к своим отделенным братьям или сестрам. Церковь не станет едина благодаря тому, что мы станем лучше понимать причины наших разделений, нашей разделенности. Церковь станет едина, когда — это может прозвучать слишком просто или даже нелепо — христиане станут *христианами*. Ведь когда мы, каждый из нас, смотрим на себя, нетрудно заметить, что раскол, разделение, противоборство в первую очередь и сильнее всего живут внутри нас самих. Пока я неспособен любить брата или сестру (уж не говоря о врагах), как могу я сказать, что я един с ним, с ней? Опять-таки, недостаточно испытывать некоторого рода доброжелательство друг к другу. По словам Христа, любовь к ближнему означает не просто готовность положить жизнь за другого: следует на самом деле отдавать жизнь за ближнего.

Вы можете возразить, что в наше время и в наших странах на Западе никто не станет убивать нас за нашу веру, что нет никакого повода действительно принимать смерть, защищая брата или сестру. Но *отдать жизнь* не всегда означает умереть; это может означать жить, но такой жизнью, которая вся — жертвенная любовь к Богу и к ближнему. Порой гораздо легче принять быструю смерть, чем изо дня в день, из года в год служить Господу и ближним. Так что, когда Христос призывает нас быть готовыми умереть ради любви, Он просто иными словами заповедует нам отречься от себя вплоть до готовности *не быть* в собственных глазах, не иметь никакого значения для себя; призывает научиться от Христа служить в Нем Богу. То есть — любить и полностью забыть о себе, о своей жизни, страданиях, опасности, смерти, обо всем, так, чтобы в центре нашей жизни был Бог и в Боге наш ближний, а мы сами стали бы второстепенными, забыли о себе. Это случается в обычной человеческой жизни. Мать совершенно забывает о себе, когда ее ребенку грозит смерть или страдание; она может совершенно забыть собственные потребности, голод, усталость, угрозу ей самой. Мы призыва-

ны подобным образом забывать о себе. Если бы только мы умели посмотреть друг на друга и уловить, понять всем сердцем и умом: этот человек важнее, чем я, — то мы вступили бы на путь христианской любви. И тогда любой человек, знамый нам или незнаемый, увидев нас, узнал бы в нас любовь, сострадание, силу и истину Господа нашего Иисуса Христа.

Вы, наверно, помните рассказ из Евангелия от Иоанна о слепорожденном, которого исцелил Христос. Когда глаза этого человека открылись, первое, что он увидел, был взор Христов, взор Бога, сострадательно глядевший на него. Он увидел сострадание Живого Бога, ставшего живым и совершенным Человеком (см. Ин, гл. 9).

Вот чем каждый христианин должен быть для своего ближнего, для тех, у кого есть очи, чтобы видеть, — для христианина, для верующего. В нем должны были бы узнавать образ, вернее, реальное присутствие Христа, видеть члена тела Христова, место присутствия, храм Святого Духа. Через него должна бы сиять слава Божия.

Апостол Павел учит нас, что мы должны прославлять Бога и в душах наших, и в телаах наших (см. 1 Кор 6, 20). Это не означает просто — воспевать хвалу и совершать добрые дела. «Слава» означает «сияние». Душой и телом мы должны бы являть сияние Божие на земле. Таковы ли мы? Хотя бы стремимся к этому? Когда мы называем себя христианами, мы скорее думаем о своей верности — пусть ограниченной, но в доступных пределах подлинной — вероучительным и нравственным основам наших собственных общин. Этого недостаточно. Христианство — не мировоззрение, христианство — новизна жизни. Существуют критерии и пути, как это может проявляться в нашей внутренней сущности, как это может быть явлено другим через нашу жизнь, через нас самих. Являемся ли мы народом Божиим, собственно Христовым народом, как бы расширением Воплощения, телом Христовым, посейанным и все растущим, всегда присутствующим и всегда ломимым за спасение мира, жизнью, изливающейся ради того, чтобы могли жить другие?

Такой пробный камень мы находим, например, в Послании к Галатам (5, 22–23), где Павел описывает плоды духа. Можем ли мы утверждать, что приносим плоды духа и что мы чужды тому, что он называет делами плоти? Дела плоти —

не физические грехи. Апостол перечисляет дела плоти: гордость, надменность... (см. Гал 5, 19–21). Многое из того, что мы называем нравственными, духовными грехами, – это дела плоти; они означают, что дух покинул нас, что мы всего лишь твари в человеческом образе; мы не являем через себя и вокруг себя Божественное присутствие.

Но есть еще одно место в писаниях апостола Павла, которое бросает вызов самым основам нашей жизни. Он говорит: жизнь для меня Христос и смерть – приобретение, но так как моя жизнь вам на пользу, я буду жить дальше, несмотря на то, что для меня лучше, желаннее умереть и быть со Христом (см. Флп 1, 21–25).

Задумайтесь серьезно, трезво над этими словами апостола: жизнь для меня – Христос... Все, что Христово, – важно, значительно; все, что чуждо или противно Христу, – мертвко или ненавистно. Можем ли мы сказать так? Вот еще проверка для нас. Жаждем ли мы, чтобы свершилось все, что есть воля Христова? Стремимся ли мы всеми силами, всем устремлением души исполнить каждую заповедь Евангелия, следовать за призывом Христа в каждой мелочи, усиливаляемся ли с напряжением, подлинным подвигом быть тем, чем нас задумал Христос, чем призвал нас быть, за что Он умер? Так ли мы относимся к Его Евангелию? Является ли для нас все Евангелие неложно словом Самого Бога? Являются ли Божии заповеди жизни нашими правилами? Или мы постоянно пытаемся приспособить пути Божии к своим путям, свести Евангелие до уровня собственной жизни, сделать его как можно более приемлемым, сносным? Прилагаем ли мы усилия, чтобы вырасти в ту меру, которую Бог провозгласил для человека и общества? Если не так, то мы должны быть честными и признать, что лжем, когда говорим, что Евангелие – слово Божие, потому что если оно слово Божие, то оно – слово истины, и его нельзя заменить, приспособить, разжижить. Им должно жить от начала до конца в его целостности и полноте, чего бы это нам ни стоило. Это относится к учению Христову о Боге, о Себе Самом, о Его Воплощении, Его Божестве, о всем, в том числе о том образе жизни, который Он нам открыл. Если не так, то наша жизнь – не Христос, и мы должны понять, что еще не начали становиться христианами. Возможно, мы стоим в притворе церковном, мы хотели бы из-

бежать одиночества нашего языческого, секулярного состояния, но мы еще не христиане.

А дальше Павел говорит: смерть для меня – приобретение, потому что пока я живу в теле, я отлучен от Христа, от Его любви... Как мы думаем о смерти? Устремлены ли мы к ней? Думаем ли о ней с ликованием и надеждой? Говорим ли: «Настанет день, когда все, что на земле прозревается верой, улавливается надеждой, переживается зачаточной любовью, станет полнотой жизни; когда я буду знать так же, как сам познан; когда исполнится всякая надежда, когда в меня вселится Божественная любовь, и я приобщусь самой Божественной природе, стану един с Богом?» Думаем ли мы так на самом деле? Когда я был подростком, мой отец как-то сказал мне: «Жив ты или умер – не должно иметь значения ни для кого, включая тебя самого. Важно, ради чего ты живешь и за что готов умереть». И добавил: «Живи так, чтобы научиться ждать свою смерть, как юноша ждет прихода своей возлюбленной». Смерть для нас – возлюбленная, или мы задумываемся о смерти, только когда измучены болезнью или когда душевные страдания кажутся нам невыносимыми? Выходит, мы видим в смерти только возможность убежать от жизни? Насколько это отличается от слов апостола, когда он говорит, что для него умереть не значит сбросить временную, переходящую жизнь, а облечься в вечность! Так ли мы переживаем смерть? А если не так, то мы еще не устремлены ко Христу, не любим Его, не жаждем всем существом быть с Ним.

И последнее. Готовы ли мы отказаться от всего, что наиболее нам дорого, – не только от Христа, от веры, от всего великого, но даже от обыденных, простых вещей, которые мы ценим в жизни, – если это будет нужно для нашего брата, нашей сестры? После слов о том, что смерть – самое для него желанное в жизни, апостол Павел добавляет, что, хотя она несет освобождение и полноту, он готов отказаться от нее, если так полезнее, нужнее для жизни других. Готовы ли мы отказаться от всего самого нам дорогого, драгоценного, оставить все это навсегда ради другого человека и поступать так день за днем? Едва ли! В таком случае чему мы научились из заповеди о любви? И так ли удивительно, что мы – разделенная община, которая претендует называться именем Христа, но даже не пытается научиться тому, чему Он учит нас так ясно,

так недвусмысленно? Как мы можем надеяться стать едиными во Христе и в Духе, когда мы сами не едины со Христом и не следуем ясным побуждениям и указаниям Духа и Господа?

Поэтому, мне думается, что прав был Майкл Рамсей, который в бытность свою Архиепископом Кентерберийским сказал: «Единственный путь к единству — святость». Святость каждого члена Церкви, которая может исцелить болезнь каждой души и каждого сообщества, может уврачевать разлад семьи, разделенных приходов, разделенных Церквей. Евангельский призыв к нам ясен: будьте совершенными. Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (см. Мф 5, 48), стремитесь к цельности, которая сделает каждого из вас христианином. Тогда мы обнаружим, что Церковь едина, потому что будет один Господь, одно Тело, один Дух, один храм, одна жизнь.

Возможно, вы скажете, что я предлагаю нечто недостижимое. Да, это недостижимо, если мы собираемся напрячь для этого все наши человеческие силы и способности. Но вспомните снова апостола Павла. Он молился о силе, и Господь ответил: «Довольно тебе благодати Моеей, сила Моя в немощи совершается» (2 Кор 12, 9). Не в расслабленности, не в лености, ни в чем подобном, но в иной слабости: в полной гибкости, полной отданности всесильному веянию Духа, всесильной руке Живого Бога. Со смирением, в послушании и дерзновенно обратимся к Евангелию Божию; будем жить им не только в поступках, но станем такими людьми, для которых Евангелие — сама жизнь и реальность. И тогда сила Божия проявится в нашей слабости, в нашей отданности, в этой прозрачности, этой хрупкости нашей, потому что все возможно и нам в укрепляющей нас силе Господа Иисуса Христа. Аминь.

II

Great Missenden, Chiltern
19 января 1983

Наш христианский мир разделен и в силу этой разделенности принадлежит раздробленному секулярному миру, в котором мы живем. Наше призвание как христиан — быть едиными и

явить единство Бога, Святой Троицы – Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога в Трех Лицах. Таким должно быть наше единство: явлением, доказательством того, что Бог победил, что сила Божия может соединить тех, кто иначе был бы разделен. Одно из поразительных свойств ранней Церкви было то, что у ее членов не было ничего общего, кроме Господа. Эти люди принадлежали к разным слоям общества: там были рабы и патриции, нищие и богатые, хозяева и рабы; они говорили на множестве языков; люди разных рас и обычаев не понимали друг друга. Одно, однако, объединяло их неразрывно, было сильнее любых предрассудков, сильнее любых сил разделения в их среде и в них самих. У них был один Господь, все они встретили Господа Иисуса Христа, узнали в Нем своего Отца и Спасителя.

Одна из трудностей, с которой сегодня сталкиваются христиане при поиске единства, потерянного много веков назад, заключается, как ни странно, в том, что у нас так много общего на земном уровне. Приходы собираются не только на основе Символа веры, но и по признаку общественного положения, языка, вкусов. В рамках одного прихода, уж не говоря о Церкви в целом, есть столько разных направлений деятельности и интересов, которые фактически вытесняют наше чувство, что у нас нет ничего общего, кроме Бога, нашего Господа и Спасителя. Я не хочу сказать, будто все то, что объединяет нас с точки зрения культуры, просто по-человечески, дурно или излишне; но оно должно бы быть с краю, должно быть дополнительной радостью, а не силой, нас объединяющей и сохраняющей вместе. А если подумать о конкретных приходах, о конкретных христианских группах, вы, я уверен, поймете, сколько у нас общего, что вовсе не связано с нашей верой; и как редко мы понимаем, что мы – братья и сестры, что мы близки благодаря нашей общей преданности Живому Богу, Который стал живым Человеком ради того, чтобы спасти мир.

Мы все сознаем себя христианами, но что это означает? С ранних времен язычники стали называть уверовавших – христианами (см. Деян 11, 26); ученики Христа не сами выбрали себе такое имя. Язычники признавали, что в них есть что-то, отличающее их от всех окружающих людей. Их стали называть христианами, потому что они не только были

учениками Христа на словах, каковы мы, а потому что через них открывалось нечто о Христе. Встречая отдельного христианина или сталкиваясь с христианской общиной, будь то приход или местная Церковь, люди, должно быть, поражались, поняв, что встретились с чем-то, чего они никогда не видели, нигде не встречали. Глядя в лицо христианина, наблюдая его отношение к жизни и смерти, к нам самим и к Богу, люди внешние, должно быть, ставили себе вопрос: что такое есть у этих людей, чего нет ни у кого больше?.. Кто из нас смеет претендовать, что при встрече с секулярным миром мы производим именно такое впечатление? В ком окружающие нас люди мира сего могли бы увидеть и узнать того, кто принадлежит миру иному?

Сколько-то лет назад одному христианину был поставлен вопрос, непосредственно относящийся к тому, о чём идет речь: «Если бы возникло гонение и кто-то из нас был бы задержан, можно ли было бы его засудить на том основании, что он христианин?» Я имею в виду: не основываясь на том, что он *называет себя* христианином, а — можно ли было бы из его жизни, а не из его слов доказать, что он христианин и, следовательно, заслуживает смерти? Не думаю, что многих из нас можно было бы признать виновными! Боюсь, немногие из нас заслужили бы честь и привилегию смертного приговора, потому что принадлежим Христу и выделяемся в мире, который Его отвергает.

Так что в нашем стремлении к единству первый вопрос, который мы должны ставить себе, касается не того, можем ли мы найти способы изжить наши расхождения; можем ли мы найти пути, как наши исповедания веры стали бы достаточно сходными или размытыми, чтобы не быть причиной взаимного оскорбления или разделения. Нет, первый вопрос касается не этого и даже не форм нашего богослужения; первый вопрос гораздо более глубокий и существенный.

Лет тридцать тому назад я встретил старого русского священника из Советского Союза. Мы недолго побеседовали, и я обнаружил, что когда началась революция, он был очень молодым священником. И он сказал мне, что когда быть христианином, быть священником стало вопросом жизни и смерти, реальной смерти, реального тюремного заключения, побоев, он поставил себе вопрос: за что в моей вере я

должен быть готов жить и должен быть готов умереть?.. Если вы поставите этот вопрос себе не в уютной обстановке гостиной, а перед лицом реальной опасности, вы, вероятно, обнаружите, что вещей, ради которых стоит жить изо дня в день, тем более за что надо быть готовым умереть, не так-то много. Есть вещи, ради которых мы не вправе умирать, потому что они — дело рук человеческих; есть то, за что мы должны быть готовы умереть, потому это от Бога.

Это приводит меня к другому подходу. Как мы относимся к провозглашенной Самим Богом истине — к Евангелию? Мы действительно считаем его собственным Божиим словом, словом истины на веки вечные, словом, которое невозможно разбавить, подменить, изменить, к которому нельзя что-то прибавить, от которого невозможно что-либо отнять? Вспомните предостережение апостола Павла: горе тому, кто убавит от проповеди или прибавит к ней (см. Гал 1, 8–9; ср. Откр 22, 18–19). Относимся ли мы к Евангелию предельно ответственно или пытаемся исподволь сделать Евангелие более приемлемым, удобным в исполнении? Не стремимся ли мы помешать Евангелию быть тем, что оно есть: камень преткновения, меч, отделяющий истину от неправды, тьму от света, разделяющий их, если нужно, во имя того, что более существенно, более безусловно, чем любые человеческие взаимоотношения или взгляды? Если уж мы говорим о приспособлении — а за последние десятилетия мы ad nausea употребляли слово *adjuvamento*, — я бы сказал: если мы что-то должны осовременить, то современными должны стать мир или мы сами, никак не Евангелие. Мы должны приспособиться к Дню Господню, а не к преходящему дню человека, и в этом смысле мы все должны встать перед судом Божиим, ясно, неуклонно провозглашая Евангелие. Это относится к откровению, принесенному Христом в мир: откровению Бога Отца; откровению Самого Христа как Единородного Сына Божия, как Живого Бога, ставшего живым Человеком; как Агнца Божия, закланного за спасение мира; как Владыки жизни и смерти, воскресшего после Своего распятия, восшедшего на небеса и грядущего во славе судить живых и мертвых.

Мы должны также принять Божии нормы, Божию шкалу ценностей для мира, в котором мы живем, и для каждого из

нас лично. Речь не о том, чтобы вести нравственную жизнь; речь о том, чтобы стать такими людьми, в которых каждый узнает присутствие Христа. Ведь мы призваны быть членами Самого Христа, членами Его Тела: по слову одного русского богослова, быть через всю историю продолжением физического присутствия Христа, Его Тела, Его телесного присутствия; храмами Святого Духа, Которого Он послал Своей Церкви и дарует каждому верующему.

В таком случае нам нужно взглянуть на какие-то критерии, задаться вопросом: как я могу проверить, насколько серьезно мое отношение? Наша вера должна быть верой именно евангельской; наша жизнь должна соответствовать Евангелию ничуть не меньше; и наше видение мира должно быть Божие, а не человеческое. Если говорить о том, каков должен быть наш образ: мы должны быть людьми, для которых заповеди Христовы — не заповеди, данные Богом и оставшиеся внешними для нас, а побуждения, воспринятые от Бога и ставшие самой сутью нашей жизни, нашей второй природой, вернее, нашей подлинной природой. Мы должны быть не людьми, которые сверяются с Евангелием, чтобы знать, как следует жить, какими следует быть, а людьми, которые, безоговорочно приняв Христа и Его проповедь, получили Святого Духа, Который наставляет их всякой истине и ведет ко всей истине.

Тогда мы смогли бы увидеть друг в другие плоды духа, которые Павел описывает в Посланиях к Колосянам или к Галатам (см. Гал 5, 19–23; Кол 3, 5–15), столь отличающиеся от дел плоти; причем дела плоти — не телесные грехи, а грехи, которые совершают люди, ставшие плотью и утратившие Дух Божий, — гордость, надменность, зависть, страх, жадность, ненависть и т.п. А плоды Духа затрагивают нашу телесную, как и душевную деятельность, потому что Павел учит нас, что мы должны прославлять Бога и в тела, и в душах наших (см. 1 Кор 6, 20). А говоря «прославлять», он не подразумевает «восхвалять Его». В древних языках «прославлять» на словах или делом означало — быть сиянием. Мы призваны быть сиянием, славой Божиими, чтобы люди видели свет, который пришел в мир через нас, сияет в нас и через нас, вернее, должен сиять в нас и через нас так, как он сияет в святых Божиих.

Но путь к этому нелегкий, потому что, как говорит тот же Павел, в нас воюют два закона (см. Рим 7, 15–25): закон плоти, то есть косности, который ищет и стремится жить по своим хотениям, и закон Духа, закон Божий, который зовет нас, побуждает нас стремиться соединиться с Живым Богом, стать, по дерзновенному слову соборного послания апостола Петра, причастниками Божественной природы (2 Пет 1, 4), настолько быть едиными с Ним, чтобы стать по приобщению тем, чем Христос является по природе, обожиться, как говорит Сам Христос в начале Евангелия от Матфея (см. Мф 5, 45). Но чтобы достичь этого, мы должны переменить все наше отношение к жизни, к смерти и к любви.

К жизни. Вспомните слова апостола Павла: «Жизнь для меня — Христос» (Флп 1, 21). Что это значит? Это значит, что все, что несовместимо со Христом, не исходит от Него, должно быть чуждо нам. Мы должны быть мертвыми для всего, что было причиной смерти Христа на Кресте. Оно должно стать для нас отвратительным, вызывать в нас ужас. Кто из нас посмеет сказать, что он таков? С другой стороны, мы должны быть устремлены всем сердцем, и всем умом, и всей волей, телом и всем существом к тому, чтобы в нас и через нас совершалось то, что Христово, Его воля, Его устремления. То, чего Он желает человечеству, должно осуществляться, чтобы град человеческий стал Градом Божиим, градом настолько просторным, настолько глубоким и возвышенным, чтобы Сын Божий, ставший Сыном человеческим, чувствовал Себя там свободно, как его первый Гражданин и Господь, его Бог, центр и средоточие.

А наше отношение к смерти? Ужасно думать, что христиане боятся смерти, ужасно думать, что христиане не стремятся к той встрече, которую нам может обеспечить только смерть. Павел сказал: «Жизнь для меня — Христос, и смерть — приобретение, потому что пока я живу в теле, я разлучен от Христа» (Флп 1, 21–25). Кто из нас испытывает такие чувства? Помню, когда я был подростком, отец сказал мне: «Научись жить так, чтобы стремиться к смерти подобно тому, как юноша ждет прихода своей возлюбленной». Кто из нас так ожидает своей смерти? Не в моменты испуга, не в моменты страдания от болезни или душевных переживаний, когда смерть представляется избавлением от страдания, нет, — кто из нас

думает о смерти как о полноте, исполнении? Опять-таки, словами апостола Павла, думая о смерти не как о потере, лишении временной жизни, но как облечении в вечность. Когда мы думаем о себе самих и шире, чем только о себе, кто из нас способен всем сердцем перед лицом реальности произнести вместе с книгой Откровения: Дух и Невеста говорят: гряди, Господи Иисусе, и гряди скоро! (см. Откр 22, 20; 22, 17), зная, что приход Господень — это окончательный суд над всей историей человечества, конец всего, что чуждо Богу, огонь поглощающий, а вместе и свет вечный.

Если же говорить о любви, каждый из нас должен найти новые измерения в Евангелии. То, что мы называем любовью, так часто является жадностью, жаждой обладать, алчностью. Это не та любовь, к которой Христос призывает нас, когда говорит: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (см. Ин 15, 13). Можно бы добавить: по образу Бога, Который так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы мир был спасен (см. Ин 3, 17). Подумаем о своем состоянии и поставим себе вопрос: могут ли такие христиане, каковы мы, и, как следствие, такие христианские общины, какие мы составляем, быть едиными по образу Бога, Единого во Святой Троице? Мы неспособны на это!

А единство Церкви? Ведь ни единство семьи, ни единство прихода не может осуществляться на меньших условиях. Только люди, которые стали подлинно христианами, могут надеяться на единство христианской Церкви: малой семейной церкви, чуть большей церкви в лице прихода или вселенской Церкви. Но недостаточно взвывать к Богу: «Господи! Даруй нам единство», ведь мы беспрестанно нарушаем его в самих себе и вокруг нас.

Вот мысли, с которыми я хотел бы оставить вас. Они безрадостны, они суровы, но я принадлежу Церкви, которая вот уже шестьдесят пять лет подвергается преследованиям, в которой молодые люди вырастают с готовностью умереть, попасть в лагерь, но не отречься от своей веры и своего Господа или от жизни по заповедям Христовым. Эта проповедь не моя, это проповедь людей, которые имеют право так говорить; я — всего лишь глашатай и сегодня донес до вас их слова.

Даруй нам Господь такое единство, даруй нам Господь быть авангардом Царствия, посланным в мир ради Него центральной, если понадобится, нашей жизни – ради Его славы, ради Его победы и ради спасения всего человечества.

Помолчим пару минут, потом помолимся.

III

Malden Council of Churches,
Great London.
22 января 1985

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Год за годом мы молимся о единстве, и справедливо так поступаем. Но мы должны, кроме того, помнить, что Бог не совершает наше спасение односторонним образом, без нашего участия. Не сказал ли апостол Павел, что мы соработники Божии (см. 1 Кор 3, 9)? Воплощение Сына Божия не совершилось бы, если, когда созрело время, Дева Израильская не смогла в совершенной вере, смирении и послушании принять повергающую в трепет весть от Архангела и ответить: се, Раба Господня, да будет Мне по слову твоему (см. Лк 1, 38). Наше спасение не совершилось бы, если бы Сам Господь Иисус Христос, отождествившись с человечеством, будучи Человеком в полном смысле слова, не умер подлинно на кресте человеческой смертью, восстав из гроба силой Божией.

Думая о единстве, мы справедливо обращаемся к Богу за помощью. Но мы должны нести собственную ответственность за потерю единства, которая все еще налицо, и за постепенное его восстановление в надежде, что в конечном итоге откроется, что мы едины в Едином Господе, обладаем единой верой; что мы – одно тело, храм Святого Духа, что все вместе мы – сыновья и дочери Всевышнего; что, по дерзновенному слову святого Иринея Лионского на рубеже первого столетия, в Единородном Сыне все человечество станет единородным сыном Божиим.

В момент, когда надежды на единство как дело рук человеческих стали колебаться, когда богословские комиссии, диалоги, дискуссии стали казаться все более бесплодными,

хотя и необходимыми, Майкл Рамсей, тогда Архиепископ Кентерберийский, сказал, что единство невозможно построить, создать человеческими усилиями. Только если мы станем подлинными христианами, мы увидим, что среди нас есть единство. И действительно, как можно думать о Церкви единой во Христе и со Христом, подлинно Теле Христовом и храме Святого Духа, если каждый ее член по взглядам и в поведении принадлежит миру, язычнику? Ответ, который дал Майкл Рамсей уже много лет назад: святость — вот путь к единству.

Сегодня я хотел бы сказать о том, с чем сталкиваюсь каждый день, чему, мне кажется, каждый из нас должен посмотреть в лицо: христианин ли я? В какой мере я уже христианин и в какой мере я все еще не возрожден силой Божией? Можно найти разные критерии, способы оценить себя. Вспомните, что мы недавно слышали в Евангелии: собирают ли добрые плоды с плохого дерева (см. Мф 7, 16–18)? Достаточно ли говорить Богу «Господи, Господи!» в Его храмах, совершать великие дела в Его имя, чтобы принадлежать к числу Христовых учеников? Так что первый вопрос, который я хотел бы поставить вам, который я постоянно ставлю самому себе, таков: когда я говорю о Евангелии, то есть о Благой Вести, — что в нем нового и благого в моем собственном опыте и в моей жизни? Не укрывайтесь от ответа за общие слова: «Пришло спасение мира»; задумайтесь: что произошло для вас лично? Внесло ли Благовестие Христово в какой-то момент нечто новое в вашу жизнь, или это старый рассказ, который вы унаследовали от прошлых поколений и который принимаете, поскольку не имеется более убедительной альтернативы?

Было время, когда эта весть была принесена в языческий мир людьми, мужчинами и женщинами, чью жизнь она преобразила, и которые были готовы умереть ради того, чтобы донести до других новизну этого чудесного благовестия. А мы? Видим ли мы новизну? В чем ее благо? Образ поведения? В таком случае мы стоим, осужденные тем, как ведем себя. Это возвышенное богословское и этическое учение? Спасение не в этом. Что в ней есть такого настолько благого, что все переменилось для меня благодаря тому, что она принесла?

Я открыл для себя Евангелие в юности; и я знаю, что такое новизна, и я знаю, что такое благая весть. Это было начало и конец. Весь мир переменился для меня, и внутреннее содержание изменилось до неузнаваемости. Поставьте себе вопрос: был ли в вашей жизни момент, когда хотя бы прикосновенно, поверхностно вы почувствовали, что слово, обращенное к вам Христом в Евангелии, то, что проповедовали апостолы, отозвалось в вашей душе, словно победная песнь, на которую вы могли отзваться только «Аминь!», «Аллилуйя!», «Слава Богу за это!». Я знаю, что в христианских странах, где мы живем, такой опыт получить трудно. Он ощущается гораздо более остро, ясно в странах, куда Евангелие еще не дошло, или в странах преследования, где Евангелие отрицается, отвергается, а последователи Христа подвергаются гонениям. В таких случаях линия разделения более четкая, это действительно переход из тьмы в свет, из смерти в жизнь. Но у каждого из нас был, вероятно, момент, когда мы сказали: то, что я получил как наследство, что я воспринял, возможно, легковерно или с доверием от родителей и моего христианского прошлого, стало истиной, я обнаружил, что это – истина. Очень важно, чтобы такое откровение состоялось.

Вы, наверно, помните место в Евангелии от Матфея, в самом его конце, когда Христос говорит Своим ученикам: пойдите в Галилею, там вы Меня увидите (см. Мф 28, 10). И у нас вполне естественно возникает вопрос: зачем идти в Галилею, когда Христос – вот Он, здесь? Я слышал, как это объяснял один старый священник, которого я глубоко уважаю. Он сказал мне: Галилея – то время в жизни апостолов, когда они постепенно открывали, кто такой Христос. Он был мальчик среди других, но неповторимый; юноша, который отличался от других красотой и сиянием святости; мужчина, наделенный мудростью, какой они прежде не встречали; Он был их наставником, учителем, их Богом. Галилея – весенняя пора, когда они открывали Сына Божия, ставшего Сыном человеческим, пришедшего в мир ради его спасения. Позднее Иудея стала местом трагедии. Христос отсылает учеников к тому времени, когда все расцветало, все было возможно; когда их души оживали, когда апостолы стали Его учениками и последователями.

У каждого из нас есть в жизни момент или период, подобный такой Галилее, времени, когда все было свежо и ново, было живо и прекрасно, когда мы чувствовали, что все возможно, когда мы были способны смотреть на вещи и видеть их, хотя бы отчасти, такими, какими их видит Бог. Мы понимали тогда, что мысли Божии превосходят мысли человека, и пути Божии превосходят пути человека, и что мы призваны следовать Его путями и разделять Его мысли. Только если мы сумеем вернуться к новизне и благодатности возвещенного нам, мы вправе сказать, что мы действительно живые христиане, а не просто обладаем памятью прошлых времен, которая влияет на нас не больше, чем древние книги, древние здания, древние предания.

Следующим мы можем поставить себе вопрос: достиг ли я когда-либо момента, когда, подобно Нафанаилу или Фоме, я мог поклониться Господу со словами: «Господь мой и Бог мой!» (см. Ин 20, 28; ср. Ин 1, 49)? Раз мы стоим здесь, каждый из нас, вероятно, может сказать: да, был момент или период, постепенное врастание или внезапное озарение, которое было новым началом жизни. Но затем мы должны строго, серьезно и с любовью ставить себе дальнейшие вопросы. Недостаточно произносить имя Господне: не всякий, кто взывает «Господи, Господи!», — Христов (см. Мф 7, 21). Признавать Христа Господом означает быть готовым вслушиваться в каждое Его слово с тем, чтобы послушно исполнить его. Послушание означает вслушивание. Так ли мы поступали? Так ли поступал я? Вслушиваемся ли мы в каждое слово Христово, зная, что это слово ведет меня в вечную жизнь и что, если я отвергну это слово, я соглашусь на существование, в котором нет места жизни вечной? Назвать Христа Господом подразумевает: вслушиваться и исполнять.

И все это может нам дорого стоить, потому что вопрос, который Христос ставит каждому из нас, абсолютно всем без различия, тот же вопрос, который Он поставил Иакову и Иоанну (см. Мк 10, 35–40). Они, услышав о грядущем Его распятии и о Его Воскресении, забыв об испытаниях, в которые Он вступает, и думая только о плодах, которые можно пожать Его смертью, просили воссесть по правую и левую руку Его Славы. Христос обратился к ним и сказал: можете ли пить Мою чашу? готовы ли вы креститься крещением, кото-

рым Я буду креститься? – что означает: погрузиться в испытания, которые предстоят Мне? Этот вопрос Христос ставит каждому из нас; и каков же наш ответ? Не на словах, но всем поведением? А если поступков нет, если своим поведением мы говорим Богу: «Тебе, Господи, крест и смерть, мне – спасение, которое Ты принес», мы – увы! – не христиане.

Кроме того, что мы подразумеваем, когда провозглашаем Христа своим Богом? Принимаем ли мы всерьез за истину евангельскую весть о том, что в какой-то день Живой Бог воплотился и жил среди нас, в гуще человеческой истории, среди тварного мира? Или, поскольку это превосходит наше воображение или наш жалкий разум, мы стараемся отговориться от острой реальности, размыть истину, провозгласить иное благовестие, чем проповеданное апостолами? Мы называем Его своим Богом – но чтим ли мы Его?

А «чтить» не означает молиться, или преклонять колени, или как-то еще внешне проявлять благочестие; это все так легко. Это означает – придавать наивысшую ценность тому, кого почитаешь. Он – наше сокровище, самое ценное, что есть в нашей жизни, самое ценное Существо в нашей жизни, ради Кого мы готовы отказаться от самого дорогое для нас. Задумаемся, так ли это. «Господь мой и Бог мой» – мы повторяем эти именования, но живем ли мы согласно с собственными словами? Не будем ли мы судимы самими словами, которые мы произносим в слух Богу и другим людям?

И последнее. Вы помните слова апостола Павла: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор 11, 1), и еще: «Жизнь для меня – Христос, смерть – приобретение», но я останусь жить, потому что так полезнее для вас (см. Флп 1, 21–23). Жизнь для меня – Христос... Кто из нас может так сказать? Мы часто можем сказать нечто подобное по отношению к человеку, которого любим. Жизнь для меня – мой ребенок, моя жена, мой муж. Я готов отдать всего себя, чтобы спасти их от нужды, или страдания, или смерти. Так ли со Христом? Он для нас такая же ценность, как те, кого мы любим? А если нет, как же мы далеки от сказанного Павлом!

Опять-таки, «жизнь» не означает приподнятое состояние духа, чувство полноты бытия. Слово это означает, что все в моей жизни должно быть жизнью Христовой, текущей в моих жилах, исполняющей мое тело, мой ум, мое сердце,

мою волю; точно так же, как можно сказать, что дерево живо, когда сок, почерпнутый из земли, бежит по стволу в ветки до самого маленьского отростка, до последнего цветочка. Есть ли что-то подобное между нами и Христом? Павел говорит: мы носим в теле своем мертвость Христову (2 Кор 4, 10), мы умерли для всего, что есть тление, зло, разрушение. Таковы ли мы?

И еще. Как мы относимся к смерти? К собственной смерти, к смерти тех, кого мы любим, к собственной осиротелости? Помню, когда я был подростком, мой отец сказал мне: «Живи так, чтобы научиться ждать своей смерти, как юноша ждет прихода своей возлюбленной». Вот это чувствовал Павел, когда в другом Послании он сказал, что для него смерть не означает совлечься временного, а облечься в вечность. Он имел в виду именно это. А мы? Как часто мы отшатываемся от страдания, от мысли о смерти, даже отдаленной. Это очень строгий критерий.

Апостол Павел после слов, что́ для него жизнь и как он жаждет умереть, в заключение добавляет: но я готов жить дальше, потому что я нужен вам... А в Послании к Римлянам он говорит, что готов быть навеки отлученным от Христа, если это обеспечит спасение его народа (см. Рим 9, 3). Кто из нас способен сказать нечто подобное? Очевидно, что слова Павла о его отлучении можно назвать «безумием любви», это не могло произойти; но таковы были его чувства. Переживаем ли мы нечто подобное?

Вглядимся же пристально в себя и поставим вопрос: какую единую Церковь Бог может создать из нас, людей, разделенных в самих себе, разделенных друг с другом, разделенных на противостоящие группы, но твердящих: «Господи, сделай нас едиными, чтобы мир мог поверить»? Действительно, если это произойдет, мир поверит, что невозможное – возможно; но, прошу прощения, это не может произойти, потому что невозможно создать христианскую Церковь из людей, которые не христиане. Я не обвиняю себя или вас в том, что мы в корне не христиане; но мы слишком уж далеки от подлинности, и нам следует задуматься над этим. Мы должны ставить себе серьезные вопросы и, если уж молимся о единстве, должны быть готовы к тому, что оно стоит дорого. И цена его – не диалог, не компромисс, не доброе отноше-

ние к ближнему; цена его в том, чтобы самим стать христианами; а это очень и очень нелегко.

IV

Loughton, Essex
26 января 1986

На протяжении тридцати пяти лет, что яучаствую во встречах в неделю молитв о христианском единстве, меня все больше поражает, как постепенно, шаг за шагом отмирала сначала враждебность, потом отчужденность. Вот уже несколько лет мы вступили в новый период, когда чувствуем, сколько у нас общего, насколько мы едины в самой основе; и мы вполне можем поставить себе вопрос: что еще можно сделать, что еще должно быть сделано? Мы можем удовлетвориться тем, что у нас есть: человеческая дружба, открытость, отмирание подозрений, готовность слушать друг друга, готовность видеть в другом, в каждом другом христианина, подлинного христианина, независимо от того, согласны ли мы с основами его веры или нет; но достаточно ли этого? В Евангелии от Иоанна Господь говорит нам, что мы должны быть едины, чтобы мир мог поверить (см. Ин 17, 21). Но разве не ясно, болезненно ясно, что мир теряет веру, а не обретает ее? Наше присутствие в этом мире как будто не преображает языческий град человеческий в град Божий, в град человеческий настолько широкий, насколько глубокий и святой, что одним из его граждан мог бы быть Сам Господь Иисус Христос, Бог вочеловечившийся.

Так что нам следует задаться вопросом: что еще может быть сделано ради единства? Недостаточно жаждать его, недостаточно даже молиться о нем, потому что мы должны быть готовы *трудиться* ради того, о чем молимся. Недостаточно произнести: «Господи, даруй нам мир!» Мы должны трудиться ради мира в самих себе, и только если мы примирены с Богом, с собственной совестью, со своим ближним, с обстоятельствами своей жизни, если есть внутренний покой и умиротворенность в нас, мир может распространяться вовне. Это подобно свету: свет распространяется, и мы должны быть

светом в мире; мы должны быть солью, которая останавливает гниение; мы должны быть провозвестниками, вестниками Царства Божия, которое уже зачаточно присутствует в мире.

Но как за это взяться? Этого не достичь, как мы постоянно видим, просто взаимным дружелюбием. В какой-то момент стали привычными выражения: «Мы достаточно доверяем друг другу, мы достаточно уважаем друг друга, чтобы быть в состоянии выражать истину с любовью, да и слышать ее с любовью; мы уже в состоянии спорить с ближним или излагать ближнему то, что считаем более истинным, чем его мысли или убеждения». Да, это так. Мы теперь можем, не оскорбляя, не разрывая узы любви, говорить друг другу многое, чего не могли сказать в прошлом, — нас бы отвергли вместе с нашими словами. Теперь один христианин может выслушать другого и отзоваться: «Сколько правды в его свидетельстве? Что он открывает мне из того, что за годы и столетия разделения ему было открыто Господом, Духом Святым?»

Этого, однако, недостаточно. Должно быть что-то большее, и если мы обратимся к Евангелию, мы можем найти указание, что это должно быть. Господь Иисус Христос явился десяти Своим апостолам (см. Ин 20, 19–29). Одного, Фомы, не было с ними; еще один, Иуда, предал Христа и повесился. Христос явился Своим ученикам и принес уверение в Своем Воскресении, они достоверно знали, что видели воскресшего Христа. Однако когда Фома присоединился к ним, когда они рассказали ему, что им явился Христос, что Умерший на Голгофе восстал и, значит, все, на что они надеялись и что предрекал Христос, — истинно, Фома не мог им поверить. Почему? Мы привыкли говорить «Фома неверующий», «Фома сомневающийся». Это в каком-то смысле ложное обвинение. Он не столько сомневался, сколько бросал вызов. Немного ранее в Евангелии рассказывается, как Христос собирается вернуться в Иерусалим, потому что Его друг Лазарь умер. И все апостолы в ужасе отвечают: «Не ходи! Ведь иудеи собирались Тебя убить. Зачем Ты идешь?» Один только Фома отзывается: «Пойдем и умрем вместе с Ним» (см. Ин 11, 7–16). Это слова не сомневающегося, это слова человека, обладающего глубокой уверенностью и непоколебимой верностью, нелегковерного. Он посмотрел на прочих учеников и, вероятно, поставил себе вопрос: что случилось с ними?

Насколько Воскресение их изменило? Да, они выглядят счастливыми, они ликуют, но это те же люди, которых я знал ранее. Если Христос воскрес, если вечная жизнь хлынула в мир, торжествуя над смертью, если Бог одержал победу — разве бы могли эти десять человек остаться такими же, какими я их знал многие годы? И он решил: нет, я должен сам удостовериться в Воскресении.

Не таково ли состояние окружающего нас мира? Мы твердим направо и налево, что Бог стал Человеком ради того, чтобы мы, земные, обожились. Христос воскрес и даровал нам вечную жизнь, Христос благовествовал нам Царство, сказал, что Он Сам — путь и истина и жизнь (см. Ин 14, 6). И люди смотрят на нас и ставят вопрос самим себе и друг другу: «Путь? В чем их жизнь отличается от моей? Они такие же жадные, страшливые, безлюбовные, холодные, как прощие люди. Какой же это путь?» Мы говорим об истине; где она? Христос сказал о Себе: «Я есмь истина». Мы предлагаем людям интеллектуальные, логические истины, утверждения, которые звучат для них (если не для нас) как согласованные утверждения, условные обозначения, выраждающие, возможно, мировоззрение — одно из многих. Чем мы отличаемся? Как можем мы быть убедительными для других? Верно и то, что однажды сказал первый Генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей, др. Виссер'т Хуфт*. Он говорил, что можно быть еретиком, не только провозглашая ошибочное, ложное учение, противное Евангелию, Христовой истине; можно быть еретиком самой своей жизнью, которой мы опровергаем провозглашенное нами учение.

В богослужении Православной Церкви, перед тем как весь народ поет Символ веры, священник оборачивается к собранию и произносит: «Возлюбим друг друга, чтобы единомысленно исповедовать Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную». Возлюбим друг друга, потому что мы собираемся провозглашать Бога любви, Бога, Единого в Трех Лицах, где любовь — не чувство, не эмоция, но жизнь торжествующая, изливающаяся ради того, чтобы другие могли жить; жизнь жертвенная, жизнь распятая. А если у нас нет взаимной любви, то мы лжем, провозглашая, что наш

* Др. Вилем Виссер'т Хуфт (1900–1985) был избран Генеральным секретарем ВСЦ в 1938 г. в Уtrechtе.

Бог есть Бог любви; и это может видеть каждый. Наши слова ударяют в слух людей, наши дела ударяют их в сердце, поражают ум, тело, жизнь. Сколько бы мы ни провозглашали, что наш Бог есть Бог любви, мы одновременно провозглашаем, что сами предаем этого Бога любви.

Так что перед нами задача нашего становления, задача быть тем, чем мы должны быть, чем мы по благодати Божией уже являемся: детьми Царствия. Как этого достичь? Чего нам недостает? Святой Серафим Саровский как-то сказал одному посетителю, что единственная разница между погибающим грешником и святым, через которого прославляется Бог, – в решимости. Решимость эта начинается с выбора. Кого я выбираю: себя, чтобы все строить вокруг себя самого, собирать все под себя? Или я выбираю Бога, Господа Иисуса Христа, Его Отца и Его Духа Святого? Каков мой выбор? Буду ли я строить мир вокруг себя, с теми, кого я люблю, с друзьями, исключая остальных, оградив небольшое царство человеческих привязанностей и дружбы, или я готов совершить то, что в первую очередь заповедует Христос, когда говорит: если хочешь следовать за Мной, отвергни себя (см. Мф 16, 24). Если посмотреть первоисточник, «отвергни себя» значит в первую очередь «отвернись от самого себя». Твоя жизнь проходит, говорит нам Христос, будто ты смотришься в зеркало и не видишь ничего другого. Если хотите другой образ, более близкий английской литературе, вот Леди Шалотт^{*}: она провела всю жизнь перед зеркалом и видела только отражение мира, никогда не взглянула на реальность. Очень часто мы живем именно так. Начиная проповедь, при выходе на Свое служение Христос произносит: «Покайтесь!» (Мк 1, 15). Опять-таки, «покаяться» не означает оплакивать свое состояние, испытывать печаль, плакать. Это греческое слово означает «перемена ума»: повернись к Богу, вместо того чтобы смотреться в зеркало, разбей зеркало, забудь про себя и смотри в сторону Бога.

* «Волшебница Шалот» (в других переводах «Леди Шалотт», «Волшебница Шелот»). *The Lady of Shalott* (англ.) – баллада английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892). Стихотворение является основанной на средневековом источнике интерпретацией легенды из Артуровского цикла.

А когда мы обращаемся в сторону Бога, мы видим нечто дивное, чудесное. И кроме того, мы обнаруживаем в каждом нашем ближнем, в каждом человеке, добром или злом, грешном или святом, образ Господа Иисуса Христа, потому что все мы сотворены по Его образу. Если бы мы это знали — не разумом, но сердцем, — мы могли бы, встречая человека, кто бы он ни был, друг или враг, посмотреть на него и сказать себе: «Я встретился с образом Божиим. Как мне почтить его, как могу я послужить ему, ей?» Вспомним слова Христа: «Что вы сделали одному из малых сих, вы Мне сделали» (см. Мф 25, 40).

Вот наша первая задача: отвернуться от себя и посмотреть в сторону Бога, и только в Боге мы можем обнаружить друг друга в нашей подлинности, не как неудобного соседа, но как нашего брата во Христе, как откровение Бога. Вот самое главное. Это означает, что, если мы хотим все дальше углубляться в тайну единства, мы должны открыть в каждом другом присутствие Божие, отнести к нему с почитанием, послужить ему; я чуть не сказал: благоговейно поклониться ему, не как идолу, но как чему-то святому, священному. Положения веры, провозглашение веры родились из нашего опыта Бога, из нашего опыта человека, изнутри видения Самим Богом — Себя, человека и мира. Если мы разделены в основах своей веры, если мы думаем друг о друге в категориях разделения, истины или заблуждений, единственный путь к возвращению единства — наше врастание в такое единство со Христом, такую открытость Святому Духу, чтобы нам достигать сходного познания Бога, чтобы Дух Святой привел нас ко всей истине, единой и единственной истине. Это означает, проще говоря, что, если мы, каждый в отдельности и все вместе, не станем подлинно христианами, не может быть речи о христианском единстве. Будет содружество, дружба, близость, добрые взаимоотношения, но не то единство, какого Христос желал для нас, когда заповедал: будьте едины, как Я и Отец одно (см. Ин 17, 11), чтобы Церковь была отражением, более того, явлением, обнаружением в глазах всех Бога, Единого в Троице. Если этого нет, если есть что-то меньшее, это не христианское единство; нам доступно только человеческое содружество и добрая воля. Значит, мы должны быть готовы отречься себя, не искать компромисса

с ближним, не искать компромисса с истиной, не должны снижать требования к себе. Единственная истина, которую мы можем принять, — та истина, которую провозгласил Христос, во всей ее полноте. Апостол Павел говорит: если кто проповедует иное Евангелие, да будет отлучен (см. Гал 1, 8–9). Да, ничего меньшего, чем истина Божия, и мы ответственны за нее перед Богом. Мы — вестники, мы — те, кого Бог послал в мир явить истину своей жизнью и своими словами, потому что наша жизнь, а не наши слова должны быть вызовом окружающему миру.

Я принадлежу стране, которая вот уже более шестидесяти пяти лет подвергается гонениям. В ней есть люди, которые провозглашают истину только собственной личностью: они не вправе обращаться к толпам, но они могут быть светом во тьме. Вот чем мы должны быть. Есть древнее изречение, гласящее, что никто не может поверить в вечную жизнь, если не увидит ее сияние, блеск, великолепие в глазах или на лице хотя бы одного христианина. Мы должны быть такими людьми, встречая которых другие бывают поражены.

Вы, наверно, помните рассказ о том, как Моисей сошел с Синайской горы (см. Исх 34, 29). Его лицо так сияло, что люди не могли вынести этого света. На каждом из нас должен бы быть хоть отблеск такого сияния, луч, светящий сквозь все, что мы делаем, все, что мы говорим. Если мы вырастем в такую меру, если мы настолько подлинно станем христианами, если готовы будем пролить кровь ради того, чтобы принять Дух, готовы отречься от себя во всем ради Бога — Бога любви, любви распятой, жертвенной, — тогда мы станем христианами в меру, пока нами не достигнутую, в меру святых, тех христиан, кто, порой без всякой образованности, мог возвещать слова спасения.

Мне вспоминается один католический святой во Франции, приходской священник, предмет презрения его более образованных и ученых собратий*. Кто-то из них пожаловался епископу на его невежество, и тот ответил: «Я не знаю, учен ли он, но я знаю, что он просвещен». Вот такими мы должны быть — просвещенными; тогда наше единство будет подлинно единством христиан: нам не нужно будет создавать его, творить его, борясь за него. Оно станет нашим един-

* Жан-Батист Мари Вианне. «Арский кюре» (1786–1859).

ством, потому что каждый из нас обретет внутреннее единство. Не будет той раздленности, которую все мы можем видеть, не будет колебаний воли, запутанности в мыслях, не будет расхождений между нашими благими порывами и дурными поступками. Когда мы станем едиными и примиренными с Богом, мы обнаружим единство между собой. Но это вызов каждому из нас. Это не может быть достигнуто иерархическим путем, или богословами, или кем бы то ни было. Это может быть достигнуто только устремленностью к Богу, стремлением к святыни, радикальным, беспощадным, без жалости к себе, подлинным мученичеством. Мученичество – это пролитие крови, но это и свидетельство. Вот наше призвание, вот, как мне кажется, единственный подлинный путь к единству.

Перевод с английского и публикация Елены Майданович

*К 125-летию со дня рождения
архимандрита Льва (Жилле)*

ЭЛИЗАВЕТ БЕР-СИЖЕЛЬ

Из книги «Монах Восточной Церкви:
отец Лев Жилле»

Глава «“Эрос” и “Агапэ”. Страдающий Бог»

В феврале 1937-го Лев Жилле прислал мне длинное письмо, из которого ясно, какие богословские вопросы волновали его в последние месяцы. Он пишет: «Центром моей интеллектуальной жизни в этом году стал кружок*, в котором я каждую неделю веду занятия на тему “Богословие христианской любви”».

Сама формулировка темы для занятий в кружке, как и продолжение того же письма, говорят о перекличках с «Эросом и Агапэ» — примечательной книгой шведского протестантского богослова Андерса Нигрена¹, переводы которой на английский и немецкий языки вышли незадолго до этого. Отец Лев, видимо, читал тот или другой вариант перевода или же статьи с обзором основных идей Нигрена, публиковавшиеся тогда в англоязычных богословских журналах, — как бы то ни было, свод этих идей он и приводит в упомянутом письме, хотя и без конкретных ссылок на книгу. Но влияние Нигрена здесь бесспорно. В оригинале, по-шведски, книга называлась «Христианская идея любви». В переводах это название сместилось в подзаголовок, но мы легко обнаруживаем его,

* Речь, видимо, идет о кружке, который отец Лев вел у матери Марии в доме на улице Лурмель. — Примеч. авт.

в слегка измененном виде, в названии того кружка, который ведет Лев Жилле.

Во Франции православный монах, конечно, стал одним из первых, сумевших оценить и богословскую, и духовную значимость книги Нигрена. Поскольку перевод на французский еще не был сделан, то французские богословские круги, причем как протестантские, так и католические, еще ничего о ней не знают, они только-только, с большим опозданием, заинтересовались, наконец, диалектическим богословием Карла Барта. «Эрос и Агап» находится в том же русле «трагического и патетического» богословия, что восходит еще к Сёрену Кьеркегору и стало реакцией на оптимистический и моралистический гуманизм, преобладавший в протестантском богословии XIX и даже начала XX века. Как и Бруннер с Бартом (тоже протестантские богословы), Нигрен подчеркивает пропасть, отделяющую Бога религиозных философов (не так важно даже, рационалисты они или романтики) от *Совсем Другого Бога* библейского откровения, чье Слово окликает человека в Священном Писании. В это общее дело реакции на современность, восстанавливавшей основополагающие интуиции Реформации XVI века, Нигрен вносит свою лютеранскую специфику мировосприятия. И она оказывается глубокоозвучной Льву Жилле. Новым языком, используя терминологию исторической науки и современной экзегетики, шведский богослов заново утверждает *sola gratia* («только благодать») Мартина Лютера: спасается грешный человек вовсе не *восхождением к Богу*. Его спасет лишь благодать бесконечно милосердного Бога, нисходящая к нему. В христианской жизни всё — благодать. Всё исходит от Бога, Который есть *Агап*, любовь, «нисходящая» к людям.

В продолжении все того же дружеского письма отец Лев в нескольких кратких, почти математических формулировках — он иллюстрирует их стрелочками, направленными вверх и вниз, — резюмирует основные идеи шведского богослова, ставшие содержанием уже его собственной мысли. Вот что он пишет: «Христианская *caritas* (блаж. Августин, св. Фома) оказывается гибридной смесью из двух несочетаемых понятий: *эрода и агапа*. Эрос тут — вовсе не плотский эрос, это лишь частный случай, — но эрос в более общем смысле слова: как любовь-желание, любовь-усилие, любовь-восхождение, любовь,

которая ищет так или иначе обогатить и усовершенствовать бытие, любовь, выраженная в платонизме, идеализме, спиритуализме и — хотя и совершенно чуждая Евангелию — незаконно проникшая в христианство через неоплатоников, Александрийцев и многих мистиков. Агапэ — любовь нисходящая, отдающая себя, всегда безвозмездная, совершенно бескорыстная — слезы, прощение, жертва и т.д.

Любить Бога = осознать нисхождение Его агапэ в нас, а не восходить к Нему. Любить людей = дать пройти к ним, через нас, той агапэ, что нисходит от Бога, отождествив себя с ней. Агапэ = благодать = Евангелие = христианство. Но в истории христианства *эрос* вытеснил *агапэ*, потому что жизнь в институциях (церкви и государства) несовместима с агапэ и в каком-то смысле постулирует эрос. Вернуться к чистой *агапэ*.

Последняя фраза подчеркнута. «Вернуться к чистой агапэ» — такой призыв к переворачиванию сердца — к *метапоией* — почерпнул отец Лев в ученой книге шведского богослова. Требование обращено к Церкви как к исторической институции и в то же время и, может быть, особенно — к нему лично. В том же письме он продолжает: «Агапэ требует от Отца страдания, Его со-распинания с Сыном, Его участия в боли каждого человека, всех людей. В мире сем Отец всегда будет побежден и ранен. Крест воздвигнут в сердце Отца: голгофский Крест — лишь его внешнее выражение. И это не умаляет Отца. Он — победитель *durch Leiden*^{*}, но страдание — это та материя, которую Ему нужно преодолеть и преобразить, чтобы превратить ее в триумф и радость».

Это письмо, в котором интеллектуальная честность сочетается с лиризмом, а богословские размышления с личным духовным опытом, много раскрывает в личности самого отца Льва Жилле, православного последователя Паскаля, и говорит о решительном повороте и начале выхода из кризиса, в котором он бился последние месяцы. Выход этот напрямую связан с новым видением страдающего Бога, Бога, побеждающего через страдание, и с призывом, предполагаемым таким видением: обратиться к агапэ. Роль книги Нигрена здесь

* Durch Leiden (*нем.*) — через страдание; Лев Жилле, возможно, читал книгу Нигрена в немецком переводе. Письмо датировано 27 февраля 1937 г. — Примеч. авт.

была лишь инструментальной. Его идеи привлекли Льва Жилле именно своим радикализмом. Позднее их интеллектуальное содержание поблекнет. А вот экзистенциальный импульс останется. Резкая и режущая разница между *Эросом* и *Агапэ*, между эгоцентрической страстью и жертвенной любовью, стала катализатором того обращения, начало которому было положено событием, случившимся у Тивериадского озера². Теперь постепенно проясняется его смысл — движение к новому жизненному выбору. Следовать призыву Господа, Который есть чистая агапэ, — значит отказаться от всех амбиций, даже от тех, что на поверхности кажутся благородными, например, от желания реализовать великий замысел или достигнуть определенной степени духовного совершенства. Ответить на призыв Агапэ — это всего лишь открыться Божественному Состраданию, дать затопить себя этой Любви, нисходящей к людям, — и прежде всего к самым жалким и грешным из этих людей. Это отождествить себя с ней, молить о благодати такого отождествления, которое невозможно осуществить только по человеческой воле, но ведь и Богу, желающему того же, это тоже невозможно без смиренного согласия на то человека.

Так в конце туннеля забрезжил свет. Наметился выход. Лев Жилле, «человек желания», осознавал себя «глубоко эротическим существом». Он признавался в этом своим друзьям. Но Бог, написал он еще в одном письме того же времени, «может превратить то неправедное насилие, которое грешный человек носит в себе, в насилие Иисуса, то есть в ту силу, которую, как сказано в Евангелии, Царство Божие “берется” (Мф 11, 12)»*.

То, что останется для отца Льва непреходящим от этого эпизода с чтением книги Нигрена, это, конечно, приближение к тайне страдающего Бога, — Бога, одновременно победительного и страдающего. Отныне это и станет горизонтом его земного странствия. Эта тайна, к которой он будет вновь и вновь обращаться, все глубже в нее погружаясь, находится, как пишет Оливье Клеман, «в сердцевине богословского и духовного синтеза» Монаха Восточной Церкви. Человек хрупкий и уязвимый, он будет черпать в ней силу и внутренний мир, сохраняющиеся даже посреди бурь, порой нешуточных, — ту силу и

* Воскресное письмо от 22 августа 1937 г.

мир, которые так поражали всех, кому довелось общаться с отцом Львом в последние годы его жизни.

Мысль о страдающем Боге, зародившаяся в письме 1937 года, расцветет и принесет плоды в более поздних работах отца Льва. Этую тему он будет развивать и в книге «Иисус очами простой веры» (1959)³, и в богословской поэме «Безграницная любовь» (*Amour sans limites*, 1971). В более строгой и систематической форме размышления на эту тему изложены в его статье «Страдающий Бог», опубликованной в 1965 году в журнале *Contacts*. Еще раз отец Лев вернется к ней в 1972 году в интервью, данном оксфордскому психологу Эдварду Робинсону (Interview), интервью, которое стало по многим вопросам его своеобразным духовным и творческим завещанием.

Основополагающие идеи отца Льва о страдающем Боге, щедро рассыпанные по разным его текстам, были умело выделены и кратко изложены Оливье Клеманом в его статье об отце Льве Жилле; приведем несколько значимых отрывков из нее:

«Современному человеку, который не может примирить существование всемогущего Бога со злым миром и для которого поэтому Бога не существует, отец Лев отвечает, что следует “отвергнуть всякий образ восседающего на небесном престоле Бога, Который бы безучастно созерцал ведущуюся на земле борьбу” (ASL, 68; Interview, 43). Всемогущество Бога – это всемогущество любви. Любовь себя не навязывает. Падению человека предшествовало падение ангелов. Одна эта люциферическая тайна объясняет, как своим отступничеством и обособлением от Бога человек однажды отдал и продолжает отдавать по сути своей столь прекрасное и благое творение во власть зла, ужаса и своего рода ночной магии. Бог ничего этого не хочет. Все это дела Его “супротивника”. Но Бог своей жертвенной любовью уготовал “выход к свету” (ASL, 70). Сотворение свободных существ, способных к богоотступничеству, предполагало и некую свободную жертвенность Творца. Вот почему можно сказать, что Агнец приносится в жертву с самого начала творения и что крест был воздвигнут в сердце Бога задолго до Голгофы (ASL, 71). Перефразируя отца Льва, я бы сказал, что без ущерба для своей божественной природы Бог как личность своими “энергиями” реально включается в исторический процесс и повсе-

дневно борется вместе с нами против “власти тьмы”. Ибо Бог может действовать “убеждением” и “милостью” лишь на те души, которые согласны довериться Ему (ASL, 68). Наш Бог являет Себя страдающим. Ибо в борьбе с нами Он и поныне претерпевает оскорблений и смерть. Он не безучастно претерпевает их, а идет им навстречу и принимает их деятельно и добровольно в безумии любви. <...>

Употребляя либо восточную терминологию сопричастности, согласно которой человек существует в силу своего приобщения божественному бытию, либо западную терминологию причинности, по которой Бог – причина нашего существования и само *бытие*, которое *имеем* только мы (JSR, 169–176; DS, 250), отец Лев подводит к тому, что Бог “знает наше нутро” путем подлинного “совпадения”, подлинного “отождествления” с нами. Бог знает нашу борьбу, наше страдание, наше отчаяние и наш смертный час лучше, чем мы можем знать не только нашего ближнего, но и самих себя. Сын Божий в “Своем соединении с человеческой природой” (ASL, 68) “насущно” знает мытарства каждого из нас. На протяжении своего земного бытия Иисус был страждущим Служителем. Перед мертвым Лазарем Он оплакивает “присущую всем людям судьбу и смерть, поразившую эту человеческую природу, сотворенную Богом столь прекрасной... Он оплакивает все страдания мира” (JSR, 75). <...> Но в божественной вечности Великая пятница и Пасха – одно и то же. Так что в своих вольных, “божественных” страданиях (ASL, 71) страдающий Бог торжествует над страданием. “Скорбь твоя, Христе, не противоречит Твоей славе и Твоему блаженству. Эта скорбь есть именно то, откуда Ты черпаешь Твое торжество. Твое страдание, совпадающее по времени с Твоей победой, этой победой преодолено, просветлено, преображенено” (JSR, 172)... Божественное совершенство есть даже в самой “трещине”, которая “проходит через высшую сферу бытия и которой в этом совершенстве *уделено* место еще большее” (DS, 251).

Следовательно, “Бог всегда с нами”, и отец Лев завершает свою статью о страдающем Боге таким обращением: “Бог страдает с человеком и за человека, и в этом участии уже преодолено всякое страдание. Крест, который ты сейчас несешь подобно Симону Киренскому, – это на самом деле крест

твоего Спасителя. Иисус несет его сегодня вместе с тобой, и это несение выражает торжество Бога, несмотря на то что в эту минуту ты чувствуешь только тяжесть этой ноши” (DS, 253–254).

Да, “Бог всегда с нами”, Он ищет человека с неистощимым терпением, с неослабевающей нежностью, даже в “самой искаленной любви” (ASL, 42), даже в грехе (ASL, 84–87). Ибо даже в грехе может быть потребность подлинной жизни, проблеск настоящей любви. Нет ни одного мгновения, когда бы Бог не ходатайствовал о человеке, не окружал бы его Своей любовью. Бог, “подобно атмосферному давлению, которое без разбора действует на всех” (Interview, 39), готов ворваться к человеку, чуть только приоткроется его дверь. Как только этому давлению уступают, оно начинает преображать и очищать эту с виду очень загрязненную реальность. Поэтому нет ничего только чистого или нечистого, но есть то, что может быть очищено и с этого момента переживает очищение. “Некоторые положительные компоненты, извлекаемые из эгоизма, то есть те, которые готовы к самопожертвованию и к искренней ласке, могут погружаться в грех, не смешиваясь с ним. Как искра Купины неопалимой” (ASL, 86). Божие давление может “проникнуть в состояние ‘обособления’ от Любви и привить к одной или двум душам крепкие членки, которые однажды смогут принести плоды спасения” (Там же). В братской молитве, в сострадании не к греху, а к грешнику, все должны объединиться в этом отрезвляющем и очищающем усилии (ASL, 87)»*.

В этом последнем тексте, который цитирует Оливье Клеман, антиномия *Эрос – Агапэ*, ставшая точкой отсчета размышлений отца Льва о страдающем Боге, уже преодолена. Но что-то преодолеть – не значит выпустить из виду или отрицать само существование. Его поэма «Безгранична любовь» – это гимн Агапэ, «Любви, отдающей себя и при этом неисчерпаемой», она-то и будет тем «Источником», из кото-

* Клеман Оливье. Отец Лев Жилле / пер. с фр. о. Игнатия Крекшина) // Вестник РХД. 2013. № 201. С. 126–129. Упомянутые в статье работы отца Льва: ASL – Amour sans limites. Chevetogne, 1971; DS – Le Dieu souffrant // Contacts. 1965. № 51; JRS – Jésus. Simples regards sur le Sauveur. Chevetogne, 1959 (в русском переводе: Монах Восточной Церкви. Иисус очами простой веры. М., 2012).

рого изливается вся любовь (ASL, 20, 25). «Господь-Любовь» не хочет уничтожения «людей, которых Он сотворил». Он не хочет искоренить – это ведь синоним смерти – человеческое желание. Любящий больше и сильнее всех, Он страстно желает, «чтобы в человеке, мужчине или женщине, исчезло то, что противостоит самой сущности Любви». В то же время он и сам различает, и других призывает различать – даже в самом извращенном желании, на первый взгляд самом вроде бы несоответственном, – зерно подлинной любви, которое, возможно, там таится, зерно и надежду на освобождение Эроса, ставшего пленником эгоизма, на его преображение.

От такого преодоления антиномии, свершившегося к концу жизни, Лев Жилле еще очень далек, когда в начале смутной весны 1937 года он делится своими мыслями в дружеском письме. Сейчас он еще в сумерках, свет только начинает нарастать, и он в полумраке наощупь движется к новому утру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андерс Нигрен (1890–1978) – шведский лютеранский богослов. Был профессором систематической теологии в Лундском университете с 1924 по 1948 г., с 1948 по 1958 г. епископ Лундский. Самая известная его книга «Эрос и Агапэ» была опубликована по-шведски в 1930 (1-я часть) и в 1936 г. (2-я часть). Английский перевод первой части вышел в 1932 г., второй части в дух томах в 1938–1939 гг. В книге подробно анализируется понятие христианской бескорыстной любви (агапэ) в его отличии от античного представления о любви как об эросе.

² В 1935 г. на берегу Тивериадского озера (или Галилейского моря) отец Лев пережил очень важный для него мистический опыт Божьего присутствия. Элизабет Бер-Сижель подробно говорит о нем в одной из предыдущих глав этой книги – «Несказанное событие».

³ См.: Монах Восточной Церкви. Иисус очами простой веры / пер. с фр. М., 2012.

*Перевод с французского и примечания
Натальи Ликвинцевой*

ИЕРОМОНАХ ЛЕВ ЖИЛЛЕ

Страдающий Бог^{*}

Существование зла и дилемма, проистекающая из его существования, — или Господь всемогущ, и тогда Он не благ; или Господь благ, и тогда Он не всемогущ — в течение веков являлась камнем преткновения для многих душ. Все те, чья пастырская или социальная деятельность заставляет сталкиваться с человеческим страданием, не могут не ставить себе почти ежедневно этого вопроса или не слышать его от других.

Если мы станем не на почву чистой спекуляции, а социальной жизни, мы сможем констатировать, что среди многих ответов на вопрос, что такое зло, есть такие, которые еще недавно давались без малейшего колебания, но которых мы не можем давать теперь. Таковы ответы юридические: «страдание есть наказание за грехи»; ответы педагогические: «страдание — это испытание»; ответы оптимистические: «страдание есть необходимое условие большого блага, быть может, в этой жизни и, во всяком случае, в будущей». Эти ответы могут считаться адекватным решением вопроса в некоторых отдельных случаях. Их можно также защищать и как общие теоретические положения. Но мы прекрасно понимаем, что не смеем их давать матери, у которой ребенок умер в ужасных страданиях, а если и даем их, то с ощущением внутренней неловкости. Мы инстинктивно чувствуем, что здесь «что-то не то». И мы знаем также, что в настоящее время большинству людей совершенно чуждо и даже враждебно представление о небесном монархе, судье и воспитателе, который с высоты своего трона определяет своим слугам награды и наказания.

Ответ, в некотором роде «агностический», который дают последние главы Книги Иова — «Где ты был, когда Я основал землю?» (Иов 38, 4). «Может ли спорить с Вседержителем хулиатель?» (Иов 40, 2), — лучше всех предшествующих. Он не пытается оправдать Непостижимого. Он предполага-

* Статья была опубликована в сборнике «Православное Дело» (Париж, 1939. С. 9–20). С тех пор не переиздавалась.

ет смижение и доверие, которых Бог имеет право ждать от человека. Тем не менее мы не станем скрывать, что и этот ответ не удовлетворит матери, о которой мы только что говорили. Но ведь Книгой Иова не исчерпывается Божественное Откровение. Не найдем ли мы в Библии других слов, если не более глубоких, то более ясных, более утешительных, более отвечающих нашему отчаянию?

Прежде всего, мы должны поискать более точного определения всемогущества Божия. Большинство верующих имеют о нем ложное представление. Сказать без всякого определения или объяснения, что Бог всемогущ, это значило бы сделать проблему зла абсолютно неразрешимой. Во все времена некоторые умы искали разрешения этой проблемы в представлении о личном Боге, конечном и ограниченном, который вследствие этого не может быть всемогущим. Не восходя до Маркиона, дуалистов и манихеев первых веков, напомним, что представление об ограниченном Боге нашло блестящих защитников в современной философии у позитивистов, как Стюарт Милль, неокантианца Ренувье, pragmatista Уильяма Джемса. Последний писал: «Единственный Бог, достойный этого имени, должен быть ограниченным»*. На почве христианской теологии это понимание поддерживается уже более четверти века одним из самых блестящих представителей французского протестантизма, Вильфредом Моно. Если мы правильно понимаем философию Н.А. Бердяева, то Бог, согласно этой философии, тоже не отожествляется с Абсолютом. Как же должны мы мыслить это понятие «ограниченного» Бога? Совершенно очевидно, что всякий дуализм или плорализм, допускающий бытие существа или существ, предшествующих Богу, или совечных Ему, или независимых от Него, и не признающий в Боге единого Абсолюта и Создателя всей твари, несовместим с верою в нашего Бога, Бога Священного Писания, Который говорит Аврааму: «Я Бог всемогущий, ходи предо Мною» (Быт 17, 1). Тот, кто не верит, что судьба полевых лилий, птиц небесных и каждого волоса на нашей голове ежесекундно находится в руках Отца, тот мыслит Бога иначе, чем Христос. Мы должны быть благодарны Карлу Барту за то, что он привлек наше внимание к всемогуществу Божию. Но утверждая по-прежнему, что

* A pluralistic Universe. С. 111. Здесь и далее – примечания автора.

могущество Божие, само по себе, безгранично, мы не станем отрицать, что временно, в настоящем мире, проявление этого могущества получило некоторые ограничения от Самого Бога (ограничения фактические, а не юридические).

Эти ограничения двоякие: одни из них зависят от человека. Господь, создав человека, ждал от него ответа на Свою любовь. Но этот ответ мог иметь ценность только в том случае, если он был свободен. Вот почему Бог дал человеку возможность выбора: принять Бога или Его отвергнуть. Грех и его последствия для человеческой природы являются плодами этого отвержения. Но, несмотря на это, отвержение всегда должно оставаться возможным, ибо иначе творение не имело бы смысла. Свобода человека есть ограничение всемогущества Бога. Но это ограничение отнюдь не является ни первичным, ни самым тяжким. Человек совершил первый грех под влиянием Змия. Тот, кого Библия именует Сатаной, еще до человека имел возможность выбора и своим добровольным отказом от Бога стал тем, что Кант называет «коренным злом». Иисус говорит о нем: «Он человекоубийца был от начала» (Ин 8, 44). Восстание Сатаны имело космические последствия: помимо страданий «человеческих», оно погрузило мир в хаос, повлекло за собой страдания «физические», болезнь, смерть, борьбу за существование, катаклизмы и т.п. ...Оно оковало нашу природу теми «узами греха», о которых говорит апостол Павел: «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим 8, 22). Бог мог бы воспользоваться Своим всемогуществом, чтобы уничтожить зло, но, поскольку это зло является последствием свободного выбора, Он запрещает Себе всякое принуждение, Он не хочет употреблять иного оружия, кроме благодати и слова, — Он в каком-то смысле Сам связывает себе руки. Слова Иисуса Петру превосходно рисуют это положение: Бог мог бы послать «более, нежели двенадцать легионов ангелов», но «так должно быть» (Мф 26, 53), — ибо Отец положил границей Своего всемогущества человеческую свободу. О зле во всех его проявлениях мы можем сказать то, что говорит притча о плевелах: «Враг человека сделал это» (Мф 13, 28). Нам, подобно слугам притчи, хотелось бы спросить у Бога: не вырвать ли немедленно плевелы? И Хозяин, как в притче, отвечает, что мы рискуем вырвать одновременно с плевелами

и пшеницу, ибо свобода есть корень добра и зла, — и принуждение, исходящее от Бога, уничтожило бы и то и другое. Насколько реально и глубоко это ограничение могущества Бога могуществом тьмы, понятно из слов Самого Господа Иисуса, Который неоднократно называет Сатану «князем мира сего» (Ин 12, 31; 14, 30; 16, 11).

Итак, мы прежде всего убеждены в том, что Бог не является добровольным творцом человеческого страдания и греха; но Он лишь изначально принудил Себя их принять. «В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом, и Сам не искушает никого» (Иак 1, 13). Но недостаточно признать, что Бог неповинен в наших страданиях. Нельзя допустить, чтобы Он был только их зрителем. Между Богом и страданиями человечества есть глубокая внутренняя связь. Личность Господа нашего Иисуса Христа, — это мост между Богом и нашими страданиями. Всякое страдание, — это капля из чаши горечи, которую испил Христос, это соучастие человечества в Страстях Спасителя. Слова Священного Писания по этому поводу совершенно ясны и решающи: «Восполняю недостаток во плоти моей скорбей Христовых» (Кол 1, 24); «умножатся в нас страдания Христовы» (2 Кор 1, 5); «как вы участвуете в Христовых страданиях» (1 Пет 4, 13). Только в свете Страстей Спасителя мы начинаем понимать человеческое страдание.

Итак, к нашему первому утверждению, что Бог не является причиной зла, присоединяется и второе: всякая форма зла есть часть того зла, наше соучастие в том зле, физическом и моральном, которое Христос претерпел в Гефсимании и на Голгофе. Проблема зла, так поставленная, становится глубже, но она еще не решена. Она только перенесена. Вместо того, чтобы рассматривать ее в нас самих, мы рассматриваем ее в личности Христа. В Его лице пострадала природа человеческая; но пострадала ли природа божественная? Если допустить, что божественная природа Христа не была затронута страданиями Его человеческой природы, то Отец остается «по ту сторону» страданий Сына, а следовательно, и наших страданий, которые являются их частью. Сын Человеческий входит во все человеческие страдания, несет всю человеческую скорбь, но Бог остается как бы вне их. Какое-то инстинктивное чувство не дает нам успокоиться на решении, будто

Господь не знает страданий человеческих. Смутное, но могучее упование, крик: *dei ton Theon pathein*, «пусть Бог страдает», порою вырывается из сердца человеческого. О, если бы к первым двум утверждениям, только что установленным, могло присоединиться и третье: «Сам Господь страдает с нами», как бы изменилось наше представление о мире! Но возможна ли такая гипотеза? Мыслима ли она?

Идея о Боге страдающем (а не только Боге ограниченном) имеет теперь многих защитников. В середине XIX века Лотце заявил, что не может принять обычного Бога метафизиков, потому что Ему не хватает «существенного условия подлинной реальности: способности страдать»*. Датский епископ Мартенсен видит в Боге «внешние покой, где господствует страдание, и внутренние, где царит радость совершенная»**. И если немецкие теологи не интересовались этой проблемой, о которой ни Ритчль, ни Кафтан, ни Лофс, ни Гарнак не говорят ни слова, то многие англичане еще до 1914 года (Кларк, Масон, Саймон, Тимме, Ферберн, Стивенс, Динсмор, Мак Довелль, Уайт) ориентировались на страдающего Бога. 1914 год может считаться очень значительной датой, так как мировая война, поставив с особой остротой вопрос о человеческих страданиях, дала идею страдающего Бога новый импульс. В 1918 году романист Уэлльс в своей книге «Бог невидимый Царь» выдвигает эту идею. Сторр, Рольт, Стритец, Стеддерт-Кеннеди, Юз поддерживают тезис о божественном страдании. Нынешний архиепископ Йоркский, д-р Темпль, настойчиво проводит эту мысль в своих работах *Mens Creatrix* и *Christus Veritas*. Он пишет, что ни один идол так трудно не поддается разрушению, как идея Аристотеля о бесстрастном Боге, и это несмотря на то, что сердце человеческое всегда горело ожиданием откровения о божественном страдании. В своей книге, озаглавленной «Бесстрастие Бога» (1926), И.К. Мозлей очень интересно описывает возрастание этого движения в Англии. О. Сергию Булгакову приближается к нему в «Агнце Божием»; но он говорит больше о кенозисе и сострадании Отца, чем о Его реальном страдании.

Но приемлема ли идея страдающего Бога для христианского вероучения, или она является чудовищной ересью?

* Microcosmus. II. C. 682.

** Crotion dogmatics (англ пер.). 1866. C. 101.

Вопрос этот был поставлен в III веке. Вера в страдающего Бога называлась тогда *патрипассианством*, что указывает на идею о страданиях Отца. Тертуллиан написал целый трактат против одного из адептов этой идеи, Праксия, которого он упрекает в том, что он «распинает Отца»*. Не может быть сомнения, что вера в страдания Отца считалась в III и IV веках ересью. Эта вера казалась в противоречии с тем атрибутом Бога, который называют бесстрастием (*impassibilitas, apatheia*). Если Бог бесстрастен, как Он может страдать? Средневековые богословы Ансельм, Фома Аквинский, Дунс Скотт мыслили об этом подобно Тертуллиану и Ипполиту; также и Лютер, Кальвин и Весли полностью принимают классическое учение о божественном бесстрастии.

Мы попытались показать выше, что, хотя понятие об ограниченном Боге и несовместимо с христианским вероучением, мы все же имеем право говорить в каком-то смысле о границах, которые Бог Себе добровольно положил. Посмотрим теперь, нельзя ли также различать между допустимыми и недопустимыми представлениями о страданиях Отца? Присмотримся поближе к понятию о бесстрастии Бога. Спросим себя, какие существенные ценности хотела сохранить традиционная христианская мысль, настаивая на этом понятии. А затем исследуем, правда ли, что божественное бесстрастие, понятое в своем подлинном смысле, исключает всякое страдание.

Слово «бесстрастие» (*impassibilitas*) означает отсутствие страсти (*passio*), способности страдать. Здесь понятие «страсти» взято в самом общем философском смысле этого слова и обозначает состояние, которое «претерпевают» (*pati, passio*) от чего-нибудь другого. Пассивность противопоставляется здесь активности. Если говорят, что Бог «доступен страданию», то это выражение имеет два смысла. Оно может означать, что твари своим состоянием или поведением могут возбуждать в Боге эмоции, чувствования, которые в некотором роде насилиуют Его природу, которые волнуют Его. Такое представление совершенно недопустимо. Бог не может поддаваться воздействию тварей в том смысле, будто какое-то чувство задевает Его извне или Его насилиует. Бога нельзя увлечь потоком эмоций. Он всегда «активен», а не

* Adversus Praxeam. 1.

«пассивен». Если бы было иначе, Он был бы ущерблен в Своем всемогуществе. И именно против этого ущербления протестует христианское сознание, когда оно утверждает, что Бог недвижим, неизменен, бесстрастен. Но попробуем понять божественную «способность страдания» иначе, чем мы только что ее определили, и в каком виде она должна быть отброшена. Предположим, что Бог, вместо того чтобы претерпевать человеческое воздействие, как субъект, Сам открывается этому воздействию собственным решением Своей всемогущей воли, продолжая, однако, быть «действующим». При этой гипотезе с Богом ничего не «происходит», а Он Сам активно, а не пассивно воспринимает человеческие страдания. Бог пребывает неизменным в том смысле, что, если Он и открывается человеческому страданию, природа Его не испытывает никакого «повреждения». Действительно, безграничная способность к состраданию может соединяться в Боге с всеблаженством и абсолютным торжествующим всемогуществом. Какое бы страдание Бог ни воспринял, радость Его остается совершенной, так как Он всегда видит торжествующий конец. Бог страдает от зла и торжествует над ним в одном и том же неделимом акте; или, вернее, Он торжествует над злом, проходя через него, страдая от него. Прохождение через зло есть причина и условие победы над ним. Здесь нам приходится остановиться на вопросе о времени. Нам трудно представить себе Бога одновременно и страдающим, и торжествующим, так как мы неизбежно представляем во времени и разделении то, что в Боге неделимо. Мы представляем себе момент божественного страдания и божественной победы как последовательный во времени, t_1 и t_2 . Но Бог вне времени, Он вечен. Его страдания не являются прошлым по отношению к Его победе, а Его победа будущей по отношению к страданию. И то и другое развертывается в вечном настоящем.

Совместимо ли такое понимание божественной способности к страданию с евангельским откровением и требованиями христианского сознания? Не нам это утверждать. Мы не предлагаем здесь ни доктрины, ни даже *теологумена*. Мы только ставим вопрос. Мы говорим не с точки зрения теолога, а простого верующего. Это положение имеет свои преимущества. Ибо в гипотезе, которую мы только что развивали, надо раз-

личать между интуицией, скажем лучше — опытом, лежащим в ее основе, и терминами, в которых она выражена. И если теологи признают, что эти термины недопустимы, мы их охотно уступим, но мы не откажемся от первоначальной интуиции. Мы только будем искать новых терминов для выражения этой интуиции.

Нам кажется, что некоторые из отцов Церкви говорили вещи, очень близкие к тому, что мы только что выдвинули. Блж. Августин пишет: «Если под *apatheia* мы понимаем состояние, в котором никакое чувство никаким образом не может затронуть дух, то такое бесстрастие горше всех пороков»*. Он определяет истинное бесстрастие как состояние, в котором нет места чувствам, противным разуму или соблазняющим. Он говорит в другом месте: «Никто не может насиловать природы Бога»**. Это именно то, что мы утверждаем. Ориген пишет: «Христос претерпел наши страдания раньше, чем претерпел крест, и раньше, чем признал нужным облечься в нашу плоть. Ибо если бы Он не страдал, то Он не пришел бы участвовать в нашей жизни. Он прежде страдал, а потом спустился на землю... И Отец, Господь всяческих, терпеливый, милосердный и сострадающий, не страждет ли и Он каким-то образом? Неужели вы не знаете, что, когда Он имеет дело с делами человеческими, Он испытывает человеческое страдание?.. Сам Отец не бесстрастен... Из-за нас Он испытывает человеческие страдания»***. Выслушаем, наконец, св. Григория Чудотворца: «Нельзя считать страданиями в Боге то, что Он несет для общего блага человеческого рода без противления Своей благословенной и бесстрастной природы. Ибо в этих страданиях Он остается бесстрастным. Ибо тот, кто страдает, страдает потому, что сила страдания давит на него и заставляет страдать вопреки его воле. Но о том, чья природа остается бесстрастной, кто по собственной воле погружается в страдания, чтобы их превозмочь, о том мы не говорим, что он подвержен страданию, даже тогда, когда по собственной воле он разделяет страдание»****. Все эти места не совсем ясны и точны, быть может, но нам кажется, что они

* De civitate Dei. XIV, 8, 4.

** De nat. boni contra Manich. I, 40.

*** Слово прор. Иезек., гл. 16.

**** Dialogue cum Theopompo. Изд. Pitra // Sacra Analecta.

указывают на направление мысли, которое, доведенное до конца, встретится с тем представлением о страдающем Боге, которое мы только что развили.

Некоторые тексты Библии могут быть приведены в подкрепление этой концепции. Например, следующие: «И не потерпела душа Его страдание Израиля» (Суд 10, 16). «Во всех страданиях их Он сострадал им» (Ис 63, 9). «Но они воспротивились и огорчили Святого Духа Его» (Ис 63, 10). «Не оскорбляйте Святого Духа Божия» (Еф 4, 30). Можно возразить, что это антропоморфизмы, как и многие другие места, где речь идет о гневе или зависти Господа, и что не следует искать в этих выражениях технических богословских терминов. Разумеется, мы не станем приписывать Богу чисто человеческий опыт; но отнюдь не доказано, что эти слова лишь символы, а не указывают на то, что Бог свойственным Ему образом, который не есть человеческий, имеет опыт, аналогичный опыту человека. Небезинтересно отметить, что вся еврейская традиция понимает эти тексты более или менее антропоморфично (что отнюдь не значит неточно). Так, Рабби Меир, говоря в Талмуде о Шехине или олицетворенном присутствии Божием, пишет: «Шехина вопиет с больным, который страдает: О моя голова! О моя рука!»^{*} Здесь можно увидеть контраст между живым Богом иудейской и иудео-христианской веры и неподвижным и бесстрастным Богом метафизики Аристотеля, которая, по нашему мнению, оказала вреднейшее влияние на христианскую мысль.

До сих пор мы развивали гипотезу страдающего Бога – повторяю, мы предлагаем только гипотезу – в терминах скорее абстрактных. Остается перевести их на язык веры и практической деятельности. Вот, в самых общих чертах, видение мира для того, кто готов присоединиться к этой гипотезе.

Любовь, неспособная к самопожертвованию, была бы любовью несовершенной. С начала веков возвышается невидимый крест, и от него вечно исходит тот голос сострадающей любви, который человеческие уши слышали на Голгофе. Господь не безучастный свидетель эволюции, которая часто превращается в агонию. Даже Сам Отец открывается для страдания, которое, однако, не может разрушить Его всеблаженства и Его совершенства, но все же является необхо-

* Sanhedim. IV, 46a.

димым его элементом. Крест укоренен в сердце Отца, и он будет пребывать там до тех пор, пока останется хотя бы одна страждущая или грешная душа. Сердцем всех вещей является не только Творческий Дух и Сила Жизни, но и Божественное Сердце, разбитое и кровоточащее, но вместе с тем исполненное бесконечной радости. Бог добровольно ограничил Свое могущество в этом испорченном мире во имя уважения к свободе твари; и Он несет бремя всех грехов и всех страданий мира. Всеблаженство Бога отнюдь не в отсутствии страдания, но в победе над всеми язвами этого страдания. Страдание не избегнуто, но оно сублимировано и обращено в славу. Полнота Божественного совершенства дана в преображении страдания, но Он может преобразить только то страдание, которое Он Сам испытал как непреображенное. Любовь страдающая и распятая, но всегда победоносная продолжает действовать в мире. Господь не восседает в далеком небе. Он борется с каждым из нас; каждый раз, когда человек впадает в соблазн, или грешит, или страдает, физически или морально, Бог борется вместе с этим человеком. В течение битвы Бог может быть ранен на том или другом участке поля битвы — всюду, где Князь мира сего одерживает временную победу. Но и в эти минуты кажущегося поражения Бог остается победителем, потому что конечная победа Ему обеспечена и потому что Он Сам есть победа. Такой Бог не отвечает ли самым глубоким вопрошаниям человечества? Напомним то, что мы сказали: гипотеза страдающего Бога опирается на рациональные формулировки, неизбежно неадекватные, и от которых мы охотно откажемся, если теологи их осудят; но под этой рациональной корой скрывается зерно живого опыта, непосредственно данное сознание, на которое мы отвечаем нашим полным внутренним согласием. Поскольку мы сохраним за этой интуицией ее живой и подвижный характер и готовы отказаться от ее кристаллизации в словах и понятиях, она остается недоступна критике. Чтобы поставить это видение вне нападок его противников, не стоит пытаться переделывать его рациональное выражение и подставлять приемлемые термины на место, быть может, неприемлемых. Лучше облечь его в символы, которыми пользовалось Священное Писание. И все, что предшествует, — во всяком случае для тех, кто имеет уши, — может резюмироваться в следующих

словах Божественной Книги: «А сии три мужа, Седрах, Мисах и Авденаго, упали в раскаленную печь связанные. ...Тогда Навуходоносор, царь, изумился, и в испуге встал, и, начав речь, сказал советникам своим: не троих ли мужей бросили мы в огонь связанных. Они в ответ сказали царю: поистине так, царь. Он возразил и сказал: вот, я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; а вид четвертого подобен сыну Божию» (Дан 3, 23; 3, 91–92).

Монах Восточной Церкви
(Лев Жилле)

Из книги «Безграничая любовь»^{*}

Глубины мира

Дитя мое, этот мир – мир знаков. Тебе нужно расшифровывать тайнопись.

Хорошо, если на каждом шагу тебе удастся обнаружить красоту мира и восхититься ею, хорошо, если ты вспомнишь при этом о сотворении мира. Но с какого-то момента и этого уже недостаточно. Нужно увидеть это величие в контексте целого, в торжественном контексте, в котором слышны и боль, и победа.

Если однажды тебя пронзило понимание, что тайна мира – это безграничая Любовь, но Любовь, распятая за нас, ты уже не сможешь смотреть на все так, как смотрел прежде. «Природная» красота тогда уступит место другому видению: Любви как Жертвы.

Ты видишь солнце. Подумай о Том, Кто есть свет миру, сияющий сквозь тьму.

Ты видишь деревья и ветки, вновь зеленеющие каждой весной. Подумай о Том, Кто был подвешен на древе, чтобы всех привлечь к Себе.

Ты видишь камни, скалы. Подумай о том камне, который однажды в саду заградил вход в гробницу. Его отвалили, и с тех пор врата этой могилы уже никогда не закрывались.

Ты видишь овец и агнцев. Невинных, их тащат на бойни, и они идут безмолвно. Подумай о Том, Кто стал Агнцем Божиим, закланым от создания мира.

Ты любуешься алыми окончаниями белых лепестков у некоторых цветов. Подумай о драгоценной Крови, излившейся за жизнь мира из абсолютной Чистоты.

* Перевод выполнен по изданию: *Un moine de l'Église d'Orient. Amour sans limites*. Chevetogne, 1971.

Врата надежды

Дитя мое, едва ты произнесешь эти слова: «Безграничная Любовь», едва ты дашь этой высшей реальности место в своем сердце, ты откроешь врата, и врата эти ведут в царство свободы и света.

Это врата надежды, порог, за которым возможно нескончаемое расширение твоей жизни.

Надежда: ожидание того, что придет, Того, Кто придет. Ожидание, наполненное любовью, основанное на любви. Потому что надеемся мы лишь на то, что любим.

Не путай свои «надежды», во множественном числе, с той единой «надеждой», которая стоит в единственном числе. Твои надежды – это частные и ограниченные замыслы, которые ты хотел бы исполнить и которые часто соответствуют всего лишь эгоистическим желаниям. Успех какого-то дела, например, или исцеление от какой-то болезни. Это надежды. Другое дело – сама Надежда.

Надежда: желание, стремление, направленное уже не на какой-то частный объект, но на сам контур твоей судьбы. Речь идет уже не о том или ином участке линии, но о всей линии целиком.

Если ты взглянешь лишь на какой-то фрагмент линии своей судьбы, у тебя может возникнуть впечатление неудачи, поражения, провала. Но взгляни на всю линию целиком, взгляни с доверием, питаемым любовью. Даже сама смерть, как бы важна для нас она ни была, будет на этой линии лишь точкой, лишь моментом. Любовь не умирает. Ничто из того, что есть Любовь, не пропадет.

Врата Надежды отворены пред тобою, и ничто не сможет их затворить. Что же в действительности представляют собою эти врата? Это врата случая, новые возможности, которые Любовь заботливо предлагает тебе в каждый миг твоей жизни.

Ты сразу вспоминаешь о всех тех возможностях, которые ты упустил в ходе своей жизни. Ты говоришь иногда: «Ах, если бы я тогда знал! Ах, если бы в тех обстоятельствах я поступил иначе! Ах, если бы можно был все исправить!..» Невозможно исправить то, что уже произошло. Да, некоторые возможности были упущены. Их уже не вернуть. Но эти упущенные воз-

можности ничто по сравнению с тем, что есть сейчас, по сравнению с теми, которые Я дарю тебе в будущем, по сравнению с теми, которые Я дарю тебе в этот самый миг.

Врата сегодняшних возможностей, которые есть также и врата Надежды, прямо перед тобою, в каждый миг твоей жизни. Каждому человеку они открываются по-своему. Не опускайся на землю у ворот в ожидании, когда же их откроют, и считая их закрытыми. Тебе нужно лишь слегка толкнуть, и дверь откроется нараспашку.

В тот момент, когда ты переступишь порог, к тебе выйдет безгранична Любовь. С моей стороны, это больше, чем обещание Любви. Это Любовь, которая уже дана. Но в мире сем, пока ты пребудешь в этой жизни, ты можешь разорвать наш брачный союз. Он оказывается непрочным. Это пока лишь обручение. Это еще скорее Надежда, чем обладание. Надейся на Господа твоего, Который есть Любовь, даже когда тебе кажется, что все потеряно. Вершина Надежды – это надеяться вопреки всякой надежде.

Надежда безгранична, потому что она проистекает из безграничной Любви и ведет к ней. Безгранична Любовь нанесла ли тебе уже на палец обручальное кольцо, которое есть не что иное, как безгранична Надежда?

Ты любим

Дитя мое, слово, с которым Я к тебе обращаюсь, приведет тебя в самую сердцевину Неопалимой купины. Ты уже переступил порог тайны. Ты любим. Два этих слова, стоит лишь захотеть принять их до конца, могут перевернуть и изменить всю твою жизнь.

Ты любим. Нужно начать с самого начала. Нужно поставить на первое место мою Любовь к людям, мою безграничную Любовь. Любовь человека к Богу – всего лишь ответ на мою Любовь. Я полюбил первым. В любви Я всегда начинаю.

Как бы мог ты Меня полюбить, если бы до того ты уже не получил откровение той Любви, которую Я питают к тебе? Нужно, чтобы в какой-то миг ты прочувствовал до дрожи, как же страстно и сильно Я тебя люблю. И если ты хочешь проповедовать Евангелие, то для этого сначала тебе нужно

просто пойти к людям и сказать каждому из них: «Ты любим». Все идет отсюда. Это точка отсчета.

Что означает «любить», когда любит Бог, Сама Любовь? Всякая любовь — это движение одного живого существа к другому с желанием быть вместе. Направления такого движения, его модальности и варианты бесчисленны. Они могут быть ниже человеческого уровня, а могут быть выше. Но всегда остается это стремление к единству, желание быть вместе, иногда захватническое, а иногда жертвенное.

Моя Любовь к людям — это движение от Меня к ним, и не только для того, чтобы они познали Меня или даже попытались как-то Мне подражать, но чтобы быть с ними вместе, чтобы отдать Себя им.

Моя Любовь, Любовь нетленная по самой сути своей, безгранична Любовь, никогда не будет совсем отсутствующей. Бог никогда не будет совсем отсутствующим. Иногда кажется, что Любовь едва теплится, что она почти неощутима, поверх нее накинута ненависть, всевозможные извращения, а самый верхний слой — инстинктивная жестокость. Но и сквозь все это Я продолжаю работать. Даже самую испорченную, искривленную любовь Я наделяю способностью возрасти до сознательного и всеобъемлющего дара. Любовь принимает множество видов. Но это всегда одна и та же Любовь.

Ты любим. Найдется ли место жалкому человеку в пламени Неопалимой купины? Душа, которую Я люблю, человек, которого Я люблю, не могут быть жалкими. Ты любим. Твое «ты» любимо. Углуби значение этого «ты». Ведь Я привожу здесь не какое-то общее утверждение. Сейчас речь не о множественном числе, не о совокупности людей. Я ведь не говорю сейчас «вы любимы».

Конечно, вы все, кого сотворила моя Любовь, вы все, в очень точном смысле этого слова, дороги мне и любимы. Вы члены одного тела, Моего тела. Но здесь и сейчас, дитя мое, Я говорю с личностью, с тобой. Я именую тебя именем, каким больше никто не может быть поименован.

Да, Я именую тебя тайным именем. От века это имя было уготовано именно тебе. Оно отличается от тех имен, какими величают тебя люди. Имя это написано на белом камне, и никто не знает его, кроме (если он внимателен к дару) того, кто его получает.

Каждому из вас еще в божественной мысли было уготовано открыть и явить другим определенную грань единого Алмаза. Ты эта грань. Во что бы ни превратила тебя твоя жизнь, ты — один из аспектов, отличный от других, той связи, которая соединяет каждого человека с личной Любовью. Ты — луч любви, сияющий из самой Любви, даже если кажется, что луч этот разбит и искорежен.

Какой же Любовью ты любим? Я не говорю тебе: «Ты был любим». Я не говорю тебе: «Ты будешь любим». Ведь не только вчера или позавчера Я любил тебя. Ведь не только завтра или послезавтра Я буду тебя любить. Сегодня, в этот самый миг, ты любим.

И так бывает с каждым человеком. Ты удивлен, дитя мое, и ты переспрашиваешь Меня: «Правда? С каждым?» Да, с каждым. Ты продолжаешь: «Господи, но как такое может быть? Тот, кто согрешает против Тебя, может ли он при этом, в тот же самый миг, быть Тобою любимым?» Да, дитя мое. Если бы Я не продолжал любить того, кто грешит, как бы Я оставил его в живых пред лицом моим? Любовь сидит, как нищий, у дверей того, кто не любит. Она ждет. Она будет ждать. Срок моего ожидания превосходит все человеческие прогнозы. Не пытайся проникнуть в эту тайну. Я жду. И кто сможет разлучить Меня со столь дорогим Мне грешником?

Видишь, дитя мое, какой Любовью ты любим. Я не говорю тебе, что ты любим великой любовью, очень любим, любим больше или меньше, чем кто-то другой. Тебе рассказывали, что одних Я люблю, а других ненавижу, что Я люблю разных людей по-разному. Мне самому приходилось говорить с людьми по-человечески, на человеческом языке, чтобы это звучало как наставление, бедными человеческими словами, неспособными выразить божественную реальность. Но в моей неделимой Любви нет «больше» или «меньше». Моя любовь — чистое качество. В ней нет ничего от количества, она неизмерима. Всем дана она во всей своей бесконечности. Я могу любить лишь так, как любит Бог, то есть всецело, отдавая Себя целиком. Остальное зависит от людей — открываются ли они навстречу Любви или остаются закрытыми.

Вот для примера образ. Божественная Любовь похожа на атмосферное давление, которое окружает всех и давит на каждого, направлено на него. Она атакует каждого человека,

хочет взять его приступом. Она пытается проделать отверстие, найти путь, который привел бы Ее к сердцу, пытается проникнуть везде и повсюду. Разница между грешником и святым в том, что грешник закрывает свое сердце перед Любовью, тогда как святой этой Любви открывается. Но речь идет об одной и той же Любви, об одном и том же давлении. Один ее отвергает, а другой принимает. Невозможно принять без благодати, но благодать эта неизмерима.

Дитя мое, Я повторяю это снова и снова. Я люблю каждого — одновременно всецело и индивидуально. Я люблю каждого «по-другому». Здесь есть место для божественных замыслов и надежд, даров благодати, призывов, выбора, и в этом каждый не похож на других.

И тебя, дитя мое, Я люблю иначе, чем других. Я люблю тебя такой Любовью, какая больше не достанется никому другому. Я люблю тебя несравненной, неповторимой любовью. Твои грехи могут ранить мою Любовь к тебе. Но они не могут ее уменьшить.

Сказать, что Я люблю человека «от всего сердца»? Слова эти плохо приложимы к Богу, потому что предполагают количественный аспект. Мое сердце — не одно целое сердце, не половина и не треть. Оно безгранично. Человеческая любовь ограничена, поскольку сам человек — существо конечное.

И все же символически, дитя мое, ты можешь говорить о божественном «от всего сердца». Это значит, что Любовь приблизилась к тебе без ограничений, всей своей огромностью, бесконечностью, абсолютностью, безграничностью. Каждый из вас, всякая тварь, всякая песчинка, всякое мельчайшее создание, увиденное в микроскоп, любимо. Веришь ли ты этому?

Дитя мое, в этот самый миг ты оказался точкой приложения безграничной Любви к этому миру. Я, твой Бог, твой Господь, склонился над тобой. Божественное существо сосредоточилось на тебе, как и на каждом живом существе, но так, как если бы ты был один в Его глазах. В этой мысли, в этой реальности есть что-то пьянящее и сбивающее с ног. Ты любим. Повторяй про себя эту весть, питайся ею. Прими мое объяснение в любви смиренно и с радостным доверием, и тогда душа твоя воспоет и возвеселится.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

*К столетию Поместного Собора
1917–1918 годов*

Обсуждение Поместного Собора в эмигрантской периодике

О церковном Соборе 1917 года*

На днях мне пришлось быть на собрании, посвященном воспоминаниям о Соборе 1917 года и о выборах патриарха¹.

Под председательством митрополита Евлогия, участники Собора – кн. Г.Н. Трубецкой, протоиерей Сергий Четвериков, протоиерей Сергий Булгаков, Е.П. Ковалевский² – делились своими впечатлениями о работах Собора, о той обстановке, в которой эти работы протекали, о драматическом и напряженном моменте выборов патриарха Тихона.

Для большинства русских людей, захваченных во время Собора быстрым и катастрофическим темпом общеполитических событий, работа Собора не могла быть достаточно

* Эта статья впервые была опубликована (в сокращенном виде) в парижской газете «Дни» (в то время еженедельнике), в которой в 1920-е гг. появилось немало публицистических статей будущей матери Марии (Дни. 1929. 12 мая. № 36. С. 11–12; за подписью Е. Скобцова).

оценена, и, может быть, только теперь мы можем понять, какое исключительное значение имел он в истории русской Церкви.

Ни одно событие того времени не подлежит еще в такой степени чисто исторической оценке, как именно деятельность церковного Собора. И поэтому воспоминания непосредственных участников этой деятельности носили не только характер воспоминаний, но и известной исторической оценки.

Основной смысл этой оценки совершенно определенный: центром достижения Собора было восстановление патриаршества и избрание патриарха Тихона³.

Двухсотлетнее вдовство Церкви было Собором закончено, и не только участники Собора во время его существования ощущали исключительную и благую значительность этого акта, делающую весь Собор одним из наиболее облагодатствованных и удачных в истории Православной Церкви, но и соборное сознание всего православного народа последующими актами верности патриаршеству подтвердило и утвердило соответствие Собора церковному самосознанию, сделало его уже неуничтожаемым и неотметаемым этапом на путях церковной истории.

И в этом смысле совершенно неоспоримо заключение одного из выступавших членов Собора, протоиерея отца Сергия Булгакова, что сам факт существования Собора имеет для церковного сознания чисто догматическое значение. В нем с абсолютной наглядностью подтверждено учение о соборности Православной Церкви, так горячо отстаиваемое в теории еще Хомяковым. И тут важно отметить особое значение самого состава Собора. В истории Церкви ни разу

Статья была переиздана (в более полном варианте, по машинописи) в имковском двухтомнике (*Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки*: В 2 т. Т. 2. Paris: YMCA-Press, 1992. С. 231–238) и в издании: Кузьмина-Караваева Е.Ю. (*Мать Мария*). Жатва духа: Религиозно-философские сочинения. СПб.: «Искусство-СПБ», 2004. С. 220–225. Данная публикация сделана на основе машинописи (перепечатанной С.Б. Пиленко, архив С.В. Медведевой, Париж), сверенной с рукописью (Бахметьевский архив Колумбийского университета, Нью-Йорк) и с первой публикацией: исправлены неточности предыдущих изданий.

не были так широко представлены миряне. Собственно, все церковное Тело имело своих полномочных иполноправных представителей⁴, действовало единомысленно и соборовалось в прямом и самом глубоком значении этого понятия.

Единомыслие это имело очень точное выражение. Дело в том, что по наказу Собора в нем внутри заключался еще другой Собор – Собор епископов, которые, принимая участие в общей соборной работе, имели право в трехдневный срок опротестовать любое постановление Собора. И за все время его деятельности ни одного такого протеста не было. Более того, этот малый епископский Собор должен был по первоначальному плану произвести окончательные выборы патриарха из трех кандидатов, намеченных общим собранием Собора, но от этого своего права отказался, предоставив окончательное решение жребию.

Таково теоретическое и догматическое значение Собора, делающее его *одним из крупнейших явлений в церковной истории*.

Не менее поучительны и интересны воспоминания о той обстановке, в которой протекала деятельность Собора.

Открывшись через два дня после открытия Московского государственного совещания, он с самого начала представлял собою резкий контраст политической жизни страны, совершенно не заражаясь ее страстью и борьбою.

Выборы патриарха записками происходили под гул пушечной канонады. Жребий вытягивали в храме Христа Спасителя 5 ноября, когда победа большевиков была уже очевидной. Члены Собора должны были зачастую, так сказать, переходить фронт, чтобы попасть на заседание, так как многие из них жили в белой части Москвы, а заседания проходили в красной части. На каждом углу их обыскивали, по улицам шла стрельба. Выходя, они не знали, вернутся ли домой; на конец, они не знали, не будет ли и сам Собор разогнан, а все участники его арестованы. И тем не менее общее настроение Собора было радостное, напряженное и творческое⁵.

Оно ярко характеризуется одним событием, имевшим место в момент расстрела большевиками юнкеров. Собор послал в Совет свою депутатию, во главе с митрополитом Платоном, просить о прекращении казней. Сначала Совет не хотел слушать делегацию, пришедшую с иконами. Тогда

митрополит Платон сказал, что готов коленопреклоненно просить Совет выслушать его⁶.

Эта подробность не единственная. Шли пестрые рассказы участников Собора. То большевики не разрешали вынести из Успенского собора икону Владимирской Божией Матери, которую ждут в храме Христа Спасителя перед окончательными выборами патриарха. То это рассказ о том, как только что выбранный патриарх занимает двести лет пустовавший престол в Успенском соборе. То, наконец, это передача слов одного крестьянина-делегата: «Синод мы любить не можем, а патриарха можем». Или история, как трехтысячная толпа выпрягла лошадей из розвальней, в которых ехал патриарх, и везла его на себе (крестный ход).

Я не буду пересказывать всех этих подробностей – они имеют непередаваемую убедительность в устах свидетелей работы Собора и очень много теряют при пересказе.

Единственный вывод, который вытекает из них, – это исключительная значительность Собора в русской церковной истории и непрекращаемая его облагодательствованность для русского религиозного сознания.

И тут сам собой, во время речей всех, кто имел возможность лично принимать участие в работе Собора, напрашивался вопрос о тех исторических условиях, которые сделали возможным его созыв.

Один из говоривших упомянул о том, что идея восстановления патриаршества и созыва Собора существовала давно, что в 1905 году, во время освободительного движения, она впервые получила некоторую надежду на осуществление. Но, мол, в последнее царствование состояние России было настолько неспокойно и тревожно, что и думать нельзя было о созыве Собора, и осуществление этой мысли приходилось откладывать на неопределенное время⁷.

В этом утверждении, равно как и во всей исторической обстановке 1917 года, необходимо разобраться, а разобравшись, с неизбежностью надо прийти к выводам, которые на первый взгляд поражают своей невероятной парадоксальностью.

Что делать? Очевидно, не выводы тут парадоксальны, а парадоксальна сама русская жизнь, и упрощать ее, сглаживая ее парадоксальность, из интересов защиты и выявления истины отнюдь не приходится.

В самом деле, попробуем сделать эти выводы. Обратимся назад, к временам уничтожения патриаршества и замены его Святым Синодом. Петр решил во главе церковных дел поставить «из офицеров доброго человека, который бы церковное дело знал и смелость имел». Этой кощунственной, безграмотной фразой начинается двухсотлетнее пребывание Церкви в синодском параличе. Не только просветительским устремлениям Екатерины, но и религиозному мистицизму западного образца Александра I не претило это пребывание Церкви под каблуком светской власти. Более того, Павел I в качестве главы Православной Церкви собирался служить литургию. Он былдержан от этого не тем, что он не обладал саном священника, — царское помазание в его глазах вполне восполняло этот недостаток, — а тем, что он был два раза женат, что уже с несомненностью даже для его церковного сознания не согласовалось снесением иерейских обязанностей.

Наконец, последнее царствование. Благочестивейший и православнейший Николай II считал возможным диктовать свою волю Церкви и вместе с тем по соображениям внутреннего политического нестроения в своем государстве не считал возможным созыв Собора — как будто с точки зрения церковной не правильнее было бы обратное решение: *именно ввиду нестроения и надо было созвать Собор*. Но государственная власть понимала, что церковная точка зрения тут ни при чем: она должна была себя чувствовать в час созыва Собора во всеоружии своего всевластия, чтобы Собор не оказался ни авторитетнее, ни могущественнее ее. И несомненно, что при таких условиях она *не допустила бы* до восстановления патриаршества.

С другой стороны, так же несомненно, что опоздай созыв Собора на несколько месяцев — и он вообще не состоялся бы, потому что большевики его бы сорвали.

Другими словами, за двухсотлетний период русской истории существовало *лишь восемь месяцев*, когда этот Собор мог быть осуществлен, когда патриаршество могло быть восстановлено, — это полгода от февральской до октябряской революции, в период времени власти Временного правительства.

Конечно, было бы совершенно неправильно на этом основании отождествлять идею православной соборности

с идеей демократии, и даже «социалистической демократии», как это делали в свое время некоторые участники самого Собора.

Но вместе с тем совершенно законно и правильно утверждать, что *идея соборности стоит в резком противоречии с идеей самодержавной власти одного человека, или класса, или партии, – при любой диктатуре ей нечего делать, она задыхается, она искается или уходит под спуд.*

Ни «из офицеров добрый человек», ни комиссар по религиозным делам в одинаковой степени несочетаемы с идеей соборности. И совершенно так же неизбежно признать, что идея демократии – даже если она безрелигиозна, нейтральна в области религии – абсолютно не противоречит соборности.

Из этого исторического факта необходимо сделать самые точные выводы. Они сами напрашиваются.

Если во многих областях русской народной жизни власть Временного правительства порицается, если ему с основанием или без основания ставят в вину последующие события и если тут иногда трудно спорить, потому что за него не стоит поговорка «победителей не судят», и обращается она обратным утверждением: «побежденных судят беспощадно», – то в истории Церкви период февраль – март *не нуждается ни в какой защите*.

И тут могут быть две точки зрения в оценке событий, в конце концов, одинаково законные.

На основании одной из этих точек зрения можно возразить на все эти соображения так: в конце концов историческая удача осуществления Собора действительно совпала с временем Временного правительства и не могла быть осуществлена в другой период. Но в этом менее всего было заложено само Временное правительство в целом. Если некоторые его члены и относились с сочувствием и надеждой к церковному Собору, то подавляющее большинство было в лучшем случае нейтрально – с их стороны созыв Собора был только попустительством.

Такая психологическая точка зрения, основанная на чтении в сердцах, допустима, конечно. Но допустима при условии, что она уже и проводится до конца. И если на ее основании власть того времени непричастна к церковной удаче,

к грандиознейшему успеху в церковных делах, то с таким же основанием надо считать, что она непричастна и к неудаче в остальных делах. Временное правительство не хотело ни развала на фронте, ни торжества большевиков, оно принимало меры против этого, — хотение, настроение, принимаемое за историческую реальность, в силу которой можно оправдывать или осуждать, может быть, сильно умаляют значение власти в осуществлении церковного чаяния, но с такой же силой умаляют и ее ответственность за общеполитическую неудачу.

Может быть и обратная точка зрения, совершенно не считающаяся с этими хотениями и настроениями, даже с возможностями. Она такова: мало ли, что Временное правительство хотело победы, Учредительного собрания, законности и т.д. Оно этого не осуществило, оно привело к распаду, поражению, беззаконию, а следовательно, виновно. И если мы примем эту точку зрения и сделаем из нее логические выводы, то должны будем сказать: мало ли что Временное правительство не целиком и не безоглядно оценило возможное значение церковного Собора! Оно способствовало ему, оно создало возможность его созыва, оно было единственной властью на протяжении двухсот лет, во время которой могло быть восстановлено патриаршество, а следовательно... оно целиком несет ту благую ответственность, какую возлагает на весь русский народ церковный Собор 1917 года.

Таким образом, с точки зрения церковной истории период Временного правительства может иметь только одну оценку — положительную.

И совершенно неважно даже, что этот положительный результат церковной политики Временного правительства не совпадает с положительным религиозным настроением всех его членов. Тут важно иное: *важно признание, что нужен некий формальный признак демократического утверждения свободы совести как неизбежное и необходимое предисловие реального осуществления идеи православной соборности.*

В этом центральное значение политической обстановки, современной церковному Собору 1917 года.

Е.Ю. Скобцова (мать Мария)

Еще о положении Церкви при Временном правительстве (доклад А.В. Карташёва)*

Когда я писала мою прошлую статью о Московском Соборе 1917 года, я думала, что выводы, кажущиеся мне очевидными, могут вызвать довольно резкое возражение со стороны лиц, безоговорочно осуждающих февральскую революцию. В самом деле, в таком важном вопросе, как восстановление патриаршества и соборного устройства Церкви, Временное правительство не только оказалось на высоте, но было по существу единственной властью, при которой эта великая реформа могла произойти.

С большой радостью встретила я подтверждение высказанной мною точке зрения в докладе А.В. Карташёва о положении Церкви в февральское время, читанном по личным воспоминаниям⁸.

А.В. Карташёв – ближайший свидетель и деятель перехода Церкви «от тысячелетнего положения к новому, вне опеки государственной власти»⁹. Вот как он описывает ход событий:

«Быстрый темп революции, нарастание крайних течений постепенно обессиливали все декларации Временного правительства».

И только декларация Временного правительства – заявление о свободе Церкви от государственной опеки – устояла, несмотря ни на что¹⁰.

Временное правительство – может быть, извне – позволило Церкви принять форму соборности – патриаршую форму, каноническая непорочность которой является в данный момент основной твердыней в борьбе Церкви с отрицающим ее государством. И в этом отношении мы обязаны Временному правительству «сравнительно добной памятью». Поэтому доклад Карташёва – «некоторая апология Временного правительства и некоторая личная апология».

* Эта статья матери Марии, продолжающая предыдущую, также была опубликована в «Днях» (1929. 9 июня. № 40. С. 9. Подпись Е. Скобцова). С тех пор не переиздавалась, печатается по первопубликации.

Конечно, с другой стороны, надо признать, что в этот период Церковь лишилась многих своих привилегий. Но нельзя забывать, что эти привилегии в свое время были куплены ценой утраты свободы и должны были отпасть в момент ее восстановления.

Собственно, с 12 декабря 1903 года, с записки «о видоизменении и улучшении государственного строя», существовала программа в области церковных дел, проведенная потом Временным правительством. Она включала в себя требования свободы религиозной совести, свободы соборного самоуправления Церкви и сокращения обер-прокурорской опеки.

И «правительство не милостию Божией, а волею народа» оказалось той исторической властью, которая должна была провести грань в жизни Церкви.

Церковную политику Временного правительства можно было бы разделить на два периода: до июля, при обер-прокуроре В.Н. Львове¹¹, и с июля, при министре исповеданий А.В. Карташёве.

В начале, несмотря на гибель царского правительства, Синод и обер-прокурор продолжали существовать. Правда, обер-прокурором стал либеральный в вопросах церковных председатель церковной комиссии Государственной Думы В.Н. Львов. Но по существу этого, конечно, было недостаточно.

А.В. Карташёв, став товарищем обер-прокурора, сразу же убедился в том, что Временному правительству надлежит отнестиесь несколько иначе к церковному вопросу.

В самом деле, с момента отречения от престола Михаила Александровича основные законы перестали существовать. Вместе с ними пал духовный регламент Петра Великого. И Временное правительство должно было заявить, что «я — государство — над тобой — Церковью — власти не имею». Это надо было декларировать и покончить с обер-прокуратурой.

На деле же механически продолжали существовать старые установления. Отношения В.Н. Львова с иерархами Синода приняли скоро такой характер, что ему пришлось распустить данный состав Синода и созвать новый¹².

Председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов¹³ также не был склонен заявлять об отмене регламента Петра Великого, боясь обидеть этим Церковь.

Таким неопределенным образом, без каких-либо особых новшеств, дело шло до июля, когда (после ухода кн. Львова) В.Н. Львов был устранен и должность обер-прокурора занял Карташёв. За это время был осуществлен Московский церковный съезд, стало работать предсоборное совещание¹⁴ и совершенно ясно наметилась невозможность существовать в старых рамках регламента.

25 июля Временное правительство отменило титул обер-прокурора и заменило обер-прокуратуру министерством культов и исповеданий, во главе которого был поставлен Карташёв. Временно, впредь до Собора, министр сосредоточил в своих руках все права обер-прокурора, к нему перешел также департамент духовных дел министерства внутренних дел¹⁵. Само по себе это переименование имело огромное символическое значение. Оно означало новую эпоху — эпоху последних предсоборных недель.

И окончательная формулировка отношений власти к Церкви была дана декларацией Временного правительства, прочитанной Карташёвым на открытии Собора. Декларация начиналась словами: «Временное правительство *гордо* сознанием существования Собора под его сенью и защитой». Декларация рассматривала Собор «не как обычный съезд частного сообщества, а как *полномочный орган церковного законодательства*», тем самым подтверждая свое нежелание чем бы то ни было стеснять церковную свободу и продолжать политику государственной опеки над Церковью.

Таковы основные этапы церковной деятельности Временного правительства. Я намеренно излагаю сухо и схематически доклад Карташёва, переполненный интереснейшими личными воспоминаниями, — только отдельные черточки, характеризующие основной тезис: за двести последних лет только месяцы Временного правительства — месяцы зарождения *народовластия* — были тем моментом, когда могло быть осуществлено соборное начало в Церкви.

А.В. Карташёв идет еще дальше и считает этот момент переломным не только по отношению к двухсотлетнему петровскому периоду, но и по отношению *ко всему полутора тысячи летнему периоду* пребывания Церкви под пятой государственной власти.

Е.Ю. Скобцова (матерь Мария)

Временное правительство и Русская Церковь^{*}

I

Эпоха Временного правительства России 1917 года была только прологом ко всем ужасам большевизма, терзающим Россию вот уже второе десятилетие. Поэтому очень многие русские рассматривают эти быстро промелькнувшие 8 месяцев первого революционного правительства исключительно в мрачном свете и не хотят признать в них ничего положительного, ничего светлого. Величайшие страдания Родины от революции и острые личные страдания лишают людей всякого беспристрастия. А между тем нечто положительное и светлое в действиях Временного правительства должно быть признано и, конечно, будет признано спокойным и объективным судом истории. И это положительное относится по преимуществу к судьбе Русской Церкви.

Все другие действия Временного правительства погибли и рассеялись как дым. И только одно его дело: *внутреннего освобождения Церкви*, даже под *внешним* порабощением большевиков, устояло. Под эгидой Временного правительства и с его помощью Русская Православная Церковь вернула себе присущее ей по природе *право самоуправления* по ее каноническим нормам. Государственное Учредительное собрание не удалось и было разогнано большевиками. А церковное Учредительное собрание (т.е. первый Поместный Собор), благодаря сочувствию Временного правительства, успело собраться и сделать свое главное дело: восстановить канонический строй церковного самоуправления с патриархом во главе. Для всякого учреждения существенно важен его правомерный строй. В правомерности его формальное здоровье, обеспечивающее правильность его функций. Для Церкви ее канонический строй есть сугубая ценность. Он не только гарантирует ее внешнюю и внутреннюю свободу, но и силу

* В основу этой статьи А.В. Карташёва лег его доклад, тезисы которого изложены в приведенной выше статье Е.Ю. Скобцовой. Статья опубликована в «Современных записках» (1933. № 52. С. 369–388). Переиздано в: Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX ст.: Сб. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 9–27. (Материалы по истории Церкви. Кн. 5). Печатается по первопубликации.

ее мистических действий. Нарушение канонического строя причиняет глубокие страдания совести членов Церкви, ибо порождает сомнения, подлинна ли, истинна ли, спасительна ли в мистическом смысле та видимая Церковь, к которой принадлежат данные, может быть, самые религиозно добросовестные лица. Этих страданий не поймут люди внецерковные. Они понятны лишь изнутри Церкви.

Но канонический строй свободного, соборного самоуправления в данную историческую минуту для Русской Церкви имел и *чрезвычайное утилитарное значение*. Он ее спас, насколько это возможно было среди наступившей катастрофы, от грозившего ей глубокого и внешнего и внутреннего распада. Если бы не новая конституция Церкви, данная ей Собором 1917 года, то есть создание заново до тех пор не существовавшей основной единицы самоуправляющегося церковного прихода, затем образования выборных органов епархиального управления, выборного епископата, таких же высших органов управления, возглавляемых соборно избранным пожизненно патриархом под контролем периодически собираемого собора, и — если бы не все это, — то гонение, воздвигнутое на Церковь коммунизмом, кроме тех внешних потрясений, которые отсюда произошли, грозило бы и внутренне свести ее почти на нет как организацию. Вся предшествующая история Русской Церкви как Церкви национально-государственной, и особенно ее синодального периода, делала ее организационно беззащитной в борьбе за свое существование. Бюрократический строй Духовного регламента Петра Великого отрывал иерархию от народа и народ от дел Церкви. Распыленный и формально бесправный в церковной организации народ (в параллель со своим политическим бесправием при самодержавном строе) был совершенно не подготовлен к организационной борьбе за Церковь. Еще более, чем народ, была к этому не подготовлена и даже совершено беспомощна небольшая группа иерархов в 100–150 человек, всецело зависевшая от назначившей ее государственной власти и потерявшая вместе с падением этой власти всякую опору^{*}.

* Эмпирической проверкой вредности для жизни Церкви старого синодско-консисторского строя является опыт частей Русской Церкви, оставшихся за пределами Советской России. Разумеем положение православных Церквей в новых лимитрофных государ-

Данные Собором 1917 года формы приходской организации и выборности духовенства и епископата в другое, спокойное время могли бы, может быть, и не войти так глубоко в жизнь, как это случилось в настоящее героическое время в России. Приходы, например, почти чудесно разрешили ту материальную задачу, пред которой русское правительство два столетия стояло как перед неразрешимой проблемой. Под бичами и скорпионами большевизма новорожденные приходы, в голодающей и нищей стране, после ограбления всех церковных ценностей, сумели обеспечить культовую жизнь Церкви и дать содержание духовенству. Коммунистические законы воспретили нормальное функционирование центральных и епархиальных органов управления, обезглавили Церковь, не говоря уже об арестах и ссылках иерархии и всяческом поддерживании конкурирующих раскольнических формаций (Живая Церковь). Несмотря на это, молекулярная интенсивная жизнь Церкви бьет живым ключом в скромных приходских ячейках.

Конечно, внутренняя духовная живучесть Русской Церкви, проявленный ею бесспорный геройский дух мученичества и исповедничества не могли быть даны ей никакой внешней силой и никакими внешними формами со стороны. Как не мог отнять и окончательно угасить этих внутренних духовных возможностей и стеснявший ее свободу старый синодальный строй. Тут проявилась неумирающая сила Христовой веры вообще во все времена и у всех народов, в частности, и у религиозно одаренного русского народа. Но историк обязан с благодарностью признать и учесть, что реформа Церкви 1917 года, ничего не прибавляя к внутренним благодатным силам русской Церкви, дала ей несомненно великую помощь и внешнее подкрепление в ее теперешнем тяжелом положении.

ствах. Там, где Православная Церковь (собственно, ее иерархия) сумела перейти к новому соборному самоуправлению, там она пропорционально сохранила и свою свободу, и полноту своей жизни. Более – в Эстонии и Латвии, менее – в Финляндии. Там же, где, как, например, в Польше, Православная Церковь, благодаря близорукости русских иерархов, воспитанных в понятиях обер-прокурорского строя, наивно потянулась к потерянным в России и сомнительным благам государственного протектората, там православие оказалось внешне обессиленным и по существу гонимым. – Примеч. авт.

Велико значение, помимо всяких утилитарных соображений, устройства Церкви на правильных канонических началах, даже если внешнее большевицкое насилие и не позволяет их вполне воплотить в конкретных открытых формах. *Великую невесомую ценность* для Русской Церкви в ее нынешнем героическом подвиге составляет ее внутреннее сознание своей канонической непорочности и, наоборот, порочности и греховности всех тех единиц, групп и целых частей Русской Церкви, которые, самочинно и беззаконно, не по установленным канонами правилам, отпадали от ее законной центральной власти. Даже не имея во главе своего патриарха, из-за внешнего препятствия со стороны коммунистической власти, Русская Православная Церковь имеет его в своем сердце и в своем добром намерении избрать и вместе с тем развернуть всю полноту своей канонической организованности в первую же минуту внешнего освобождения. Если можно так выразиться, с момента своего восстановления на Соборе 1917 года Русская Церковь *полна внутреннего духовного здоровья, полна чувством своей канонической праведности и святости*. Это сознание воодушевляет ее и заставляет забыть о всех внешних привилегиях прошлого синодального периода, когда лучшие русские иерархи и высококультурные члены Церкви непрестанно вздыхали в тяжких объятиях государственного плена и чувствовали себя очень смущенными под ударами злой критики римско-католиков, упрекавших их в предательстве свободы Церкви. Равным образом Русская Церковь, отныне безупречная с точки зрения канонических норм, чувствует себя морально сильной и в неразрешенном еще каноническом вопросе о закономерности процесса отделения от нее ее бывших частей. Как Церковь-мать, она имеет бесспорное право произнести окончательный, ей по канонам принадлежащий суд над этими отделениями и дать всем неправильностям в нужных случаях любовную амнистию. Прежняя, неправильно устроенная и несвободная, Русская Церковь старого режима этого суда морально не в силах была бы произнести.

Есть ли, однако, во всех этих благих последствиях для Церкви какая-нибудь действительная заслуга Временного правительства, прямая или косвенная? *Несомненно, есть*. Ломка старого церковно-правительственного строя и замена его

новым, если бы она совершилась даже и вне политической катастрофы, все равно должна была бы причинить немало болей иерархическим лицам, занимавшим привилегированные посты в прежнем административном аппарате Церкви. К этому при революции присоединился еще взрыв веками наколенного недовольства низших клириков против высших. Все эти неприятные переживания некоторых элементов Церкви проис текали из переворота как такового, а не из программы, намерений и воли Временного правительства.

Программа Временного правительства в отношении Церкви была и не могла не быть отражением широких либеральных течений *общественного мнения*, ибо этими средними элементами Государственной думы и было выдвинуто это правительство. В ней не было ничего нового и радикального. От повторений в течение двух-трех предыдущих десятилетий эта программа стала прямо шаблонной и общеизвестной. А именно: а) свобода религиозной совести для всех исповеданий (со включением и свободы пропаганды), б) свобода соборного самоуправления для Православной Церкви, в) упразднение государственной опеки обер-прокурора над Церковью, но, конечно, упразднение и некоторых привилегий православия в смысле его полицейской защиты от сторонней пропаганды. Эти идеи и положения были давно уже сформулированы самими церковными кругами, даже высшими правящими кругами, например митрополитом СПБ Антонием в начале 1905 года и даже самим св. Синодом (вопреки желанию обер-прокурора Победоносцева), когда, под давлением первой революции, Государь Николай II соглашался было немедленно собрать Собор.

Если бы великий князь Михаил Александрович не совершил 3 марта 1917 года акта отречения от трона, то и данная церковная программа осуществлена была бы и передана с печатью царского авторитета на утверждение Учредительного собрания. Но царская власть сама ушла с горизонта политической борьбы. Исчезла та форма государственной власти, которую Русская Церковь, согласно своим византийским традициям, помазывала святым миром при короновании и допускала в качестве уже не светской, а освященной Церковью силы к соучастию во внутреннем управлении церковными делами совместно с иерархией. Новое революционное

правительство, не миропомазанное Церковью (т.е. уже не «Милостью Божией», а «волею народа»), не могло и не должно было оставаться в прежних конфессионально тесных отношениях к Православной Церкви. Оно обязано было мыслить себя как власть *только светскую*, принципиально *вне-вероисповедную*. И лишь как правительство русское, национальное оно должно было отнести к Православной Церкви как к *исторически-первенствующей* среди других исповеданий в русском государстве. Иная правовая точка зрения ему просто не приличествовала. Так себя Временное правительство сознавало и так себя и вело.

II

Достаточно ли сознательно и тактически твердо вело свою линию Временное правительство? Приходится признать, что нет, особенно вначале. Революции не делаются по плану. Застигнутые революцией врасплох члены думских партийных фракций выдвинули в правительство своих наиболее представительных политически или наиболее активных по специальностям членов. Председателем думской комиссии по церковным делам в то время состоял член партии октябристов В.Н. Львов. Он, как «церковник», почти автоматически и взят был в правительство для управления делами Православной Церкви по программе вышеуказанной и общеизвестной. Человек хотя и бурного темперамента, В.Н. Львов все-таки консервативно смотрел на формы своей деятельности. При надлежа к помещичьему классу, он имел основания издавна мечтать сделаться обер-прокурором Св. Синода. Когда эта мечта внезапно осуществилась, В.Н. Львов не имел достаточно политического воображения и политического радикализма, чтобы расстаться с вожделенным титулом обер-прокурора и его подавляющей властью над архиереями. А расстаться с этим титулом и с этой властью было нужно. Сохранение этого титула и его полномочий было *недосмотром и тактической ошибкой Временного правительства*. Ненавистная и прежде фигура обер-прокурора потому только и принималась иерархами и церковным мнением, что она была личным органом царской власти, самой же Церковью миропомазанной и призванной к церковным делам. Обер-прокурор, назначающий и изгоняющий епископов и самый Св. Синод,

в качестве органа светского, внеконфессионального правительства — это nonsens и каноническая обида для Церкви. И этот nonsens был допущен. Лично В.Н. Львов к этому еще прибавил остроту своей вражды к епископам — друзьям Распутина. Он их с шумом арестовал и изгонял, задевая тем больно самолюбие епископата и прежнего, еще царского состава Св. Синода, с которым он бесплодно проработал полтора месяца, до половины апреля, находясь в самых натянутых отношениях, после чего все-таки вынужден был его распустить и пригласить новый состав Св. Синода.

Когда в конце марта В.Н. Львов пригласил в качестве товарища обер-прокурора пишущего эти строки на основании моей либеральной репутации, как председателя СПБ религиозно-философского общества и публициста по церковным вопросам, я начал развивать пред ним свой тактический план, который сводился к следующему.

С момента отречения императора и упразднения императорской власти в России принципиально упразднились и все основные законы, и все учреждения, созданные волеизъявлением исчезнувшей верховной власти. Вся верховная конститутивная власть на время до Учредительного собрания перешла к Временному правительству, которое своими декретами вынуждено неограниченно творить законы, учреждения и акты управления. Все старые законы и учреждения существуют лишь по инерции, до момента, пока Временное правительство не объявит их замененными новыми. В прямых интересах новой власти, ради ее престижа и популярности, декларировать исполнение издавна формулированных общественным мнением политических и культурных стремлений различных классов населения. И оно декларировало и в общей форме, и по конкретным поводам все демократические свободы: веры, слова, печати, собраний, союзов. Декларировало полную государственную независимость Польши, восстановление конституции Финляндии, автокефалии Грузинской Церкви. Недоставало аналогичной торжественной декларации в отношении Православной Церкви. Из заявлений обер-прокурора все знали, что Церковь отныне призвана готовиться к Собору и свободному каноническому самоопределению. Но нужно было бы в первые дни переворота, и именно торжественно и *expressis verbis*, декларировать

то, что само собою разумелось, но большинством не сознавалось, то есть что вместе с самодержавной властью пал и созданный ею Духовный регламент Петра I – этот символ порабощения Церкви государством, – а за ним *еще более тяжелый символ того же порабощения – синодская обер-прокуратура*. Это прозвучало бы для Русской Церкви пасхальным благовестом и сердца многих приверженцев старины привлекло бы на сторону нового грядущего порядка. Это было бы осаждательно убедительным доказательством благожелательности к Церкви новой власти, что было неясно для масс. И во имя этой ясно засвидетельствованной благожелательности и иерархи, и ревнители старого положения Церкви легче бы перенесли ту «каноническую обиду», которую они чувствовали от присутствия в церковных делах властной руки нецерковного правительства. Между тем не присутствовать здесь рука новой власти не могла. Революция потому и есть революция, что по чьей-то вине потеряна возможность эволюционного перехода от старого к новому и создался неизбежный *прерыв легальности*. В добной воле людей лишь *смягчить его*. Светская «немифопомазанная» власть не имела морального права сразу бросить Церковь и уйти из нее, из того положения, в котором с некоторым каноническим правом находилась власть царская. Во имя помочи и облегчения самой Церкви в переходе ее от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю Временному правительству нужно было как бы «нелегально» остаться на время внутри церковно-правящего аппарата и продлением по существу прежних обер-прокурорских полномочий акушерски помочь рождению соборной реформы Церкви. Ибо только такой хирургией можно было ускорить ликвидацию тяжелого наследия старого строя. Этим наследием было умонастроение епископов-ставленников обер-прокурорской власти, в большинстве враждебных соборности и неспособных к ней. А потому необходимо было, вслед за декларированием конца синодального и обер-прокурорского строя, тотчас же назвать представителя государства в Церкви новым именем «Высокого комиссара по делам Православной Церкви» или «Министра исповеданий». Новый министр должен был бы по телеграфу объявить, что созданное не Церковью, а павшей государственной властью церковное правительство

перестало существовать, и на его место самой Церковью, через Собор, должно быть создано чисто церковное правительство. Пока же для подготовки к Собору должен быть создан голосами одних епископов «Временный Священный (не «Святейший» — это титул патриарший) Синод», в параллель «Временному правительству». Епископы должны были телеграфно указать семь имен из черного и белого духовенства в члены Временного синода. Срочный ответ исключил бы возможность саботажа или срыва, и, на основании хотя бы половины полученных ответов, церковный министр мог бы подобрать и вызвать для заседаний, вместо распущенного старого, новый временный орган управления. Так была бы *смягчена неизбежная доля нелегальности* в акте Временного правительства и устранена «каноническая обида» иерархии, в значительной мере лицемерно-искусственная или наивная, ибо распускаемый Св. Синод был не церковным учреждением. Государственная власть создала его; она же имела право и упразднить его. И это уже вина самой иерархии, что она беззаботно поверила в вечность назначившей ее государственной власти и не подготовила никакой чисто церковной базы для своего правящего органа. Этим бездействием она вынудила новую светскую власть к некоторым необходимым действиям во внутреннем ходе церковных дел. Все это не было сделано в первые, самые благоприятные для нового творчества, дни переворота. Но еще не поздно было это сделать и месяц, и два спустя.

В.Н. Львов, не входя в интерес и во вкус моих мыслей, но и не отрицая их, порекомендовал мне убедить в этом главу Временного правительства, князя Г.Е. Львова и его помощников по министерству внутренних дел. Но ни князь Львов, ни его товарищи Д.М. Щепкин и Г.А. Алексеев, подавленные до утомления тревогами их бурного министерства, не вняли моим советам. Кн. Львов откровенно признался, что он боится в этой области всякого нового творчества, чтобы не увеличить и без того распускаемых врагами клевет, будто Временное правительство «насилует Церковь». Я подал все-таки об этом письменный меморандум; может быть, он и сохранился где-нибудь в архивах эпохи Временного правительства. От этой инертности положение Временного правительства перед Церковью, однако, не улучшилось, а ухудшилось. Старый

Синод под председательством консервативного митрополита Киевского Владимира¹⁶ не хотел работать вместе с обер-прокурором Львовым по подготовке и ускорению Собора и срывал все его предложения. Между тем широкое церковно-общественное движение шло навстречу планам обер-прокурора и подозревало в данном составе старого Синода негласный орган старорежимной иерархии, враждебной Собору. Учитывая все это, В.Н. Львов решил наконец в начале апреля с запозданием сделать то, что следовало сделать в первую же горячую минуту. Он распустил прежний состав Синода и вызвал новый из епископов и протоиереев, готовый работать на ускорение и созыв Собора из всех элементов Церкви, включая и мирян. Председательство в новом составе принадлежало экзарху Грузии Платону, ныне митрополиту русских церквей в Северной Америке. Новый Синод по-прежнему носил название Святейшего, по-прежнему молчаливо признавался как бы действительным Духовной регламент и по-прежнему эти перемены были произведены в рамках прежних полномочий царского обер-прокурора. Но без царской власти все эти акты носили острый привкус «нелегальности», которую не сумел свести до минимума консерватизм обер-прокурора В.Н. Львова и Председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Старо-монархические и обиженные в иерархии элементы за это громко, хотя и неубедительно провозглашали В.Н. Львова «гонителем Церкви». Фальшивая политическая психология этих обвинений отчасти изобличалась непрерывной волной съездов духовенства и мирян по всем епархиям, урегулированных новым Синодом в правильные епархиальные съезды. На них раздавались единодушные приветствия программ революционного обер-прокурора, и именно в нем видело церковное общество защитника Собора и обновления строя церковного, а не в своих иерархах. Многие из епархиальных епископов были дезавуированы своими съездами, и новому Синоду пришлось признать необходимость или переводить их, или совсем убирать с кафедр. Новые кафедры объявлены по правилам, декретированным новым Синодом, подлежащими замещению по выборам голосами клира и мирян. Так, в новом выборном порядке, введены были в июне 1917 года на кафедры Петербургскую и Московскую новые митрополиты-избранники: незабвенный

священномученик Вениамин (расстрелян 12 августа 1922 г.) и незабвенный исповедник Тихон, вскоре первый Патриарх Всероссийский.

С первых же дней новому Синоду В.Н. Львовым предложено было в помощь по подготовке Собора совещание из компетентных и просвещенных сил Церкви по подобию уже двух созывавшихся в 1906–1912 годах – Предсоборного присутствия и Предсоборного совещания. Теперь оно названо, по моему предложению, «Предсоборным советом». В его состав вошел цвет богословской образованности в рясах и без ряс, упорно работавший два месяца, иногда под грохот пулепетов на революционных улицах Петербурга, для подготовки Собора.

В виде некоторой как бы репетиции Собора в начале июня в Москве отшумел очень многолюдный Всероссийский съезд духовенства и мирян. На нем было до 1200 делегатов-добровольцев, желавших манифестировать в пользу готовящейся под покровительством Временного правительства освободительной реформы Церкви и осуждавших неподвижность иерархов старого закала.

Но в эту гармонию церковного мнения и программы Временного правительства врывались и диссонансы. Так, в июне 1917 года Временное правительство передало в ведение министерства народного просвещения все школы, содержащимые на государственные средства, в том числе и школы церковно-приходские. Это было встречено и в либеральных церковных кругах всеобщим неодобрением и огорчением. Даже новый Синод хлопотал о сохранении церковно-приходских школ или по крайней мере их зданий в ведении Церкви. Но правительство в этом вопросе не могло поступить иначе. Это был один из вопросов, безвозвратно решенных русским общественным мнением. Школы эти созданы были не в чисто церковных, а в политических целях, и не Церковью, а государством, и не на церковные, а на государственные ассигнования. Правда, со временем и духовенство, неохотно встретившее это правительственные начинание, постепенно начало привязываться к нему и затрачивать на школы часть церковных средств. Но светское внеконфессиональное правительство не могло впредь ассигновать очень крупных сумм на эти школы, предоставляемые Церкви свободу создавать

заново свои — чисто церковные, без политических целей. Правительство в этом вопросе не уступило и несколько позднее, когда явилась к нему делегация самого открывшегося в августе Собора, квалифицируя весь этот вопрос как чисто политический и только по недоразумению воспринимаемый духовенством как вопрос будто бы религиозный.

III

Отказ в ассигнованиях на приходские школы старого типа был только частичным осуществлением принципа новых отношений светского вневероисповедного правительства и Церкви. Новая власть через свою обер-прокуратуру предупреждала церковное общество, что впредь *отношения государства к Православной Церкви и другим исповеданиям* будут строиться под руководством начала отделения Церкви и государства, хотя бы и не в его чистой абстрактной форме. Ежегодные ассигнования в смету Св. Синода из государственного казначейства в количестве 55 миллионов рублей (половина бюджета церковного ведомства) должны почитаться временными. Церкви выгоднее для защиты своих позиций и независимости в Учредительном собрании теперь же, с момента Собора, переходить на собственные средства. Поэтому все издержки по Собору были спроектированы новым Синодом всецело из сумм синодальной казны. В дополнение к этому Временное правительство выдало на организацию Собора лишь скромную сумму в один миллион рублей в том же порядке, как оно выдавало пособия и на другие съезды, например на съезд учителей.

Новая система отношений Церкви к государству и общественному мнению, и подавляющему большинству деятелей Предсоборного совета мыслилась давно желанным *освобождением Церкви от унизительной и дух убивающей синодско-консисторской формы зависимости от светской власти*. Но радикальное проведение отделения Церкви от государства также мыслилось с церковной стороны неприменимым к России, несоответствующим исторической роли православия и вредным для общественной морали. Комиссия Предсоборного совета, обсуждавшая этот коренной вопрос, состояла из выдающихся русских канонистов (теоретиков и практиков) и профессоров государственного права. Некоторые из них

принадлежали к партии конституционно-демократической и большинство ей сочувствовало. Неудивительно поэтому, что и в программу этой культурнейшей партии, пересмотренную на партийном съезде в Москве (июль 1917 г.), были внесены вновь разработанные пункты о взаимоотношениях Церкви и государства, по существу и даже букве совпадавшие с тем, что сформулировано было и на Предсоборном совете в Санкт-Петербурге. Проф. С.А. Котляревский¹⁷, член партии к.д., работал над вопросом в Предсоборном совете и сообщал о результатах сочлену по партии проф. П.И. Новгородцеву¹⁸, человеку церковно настроенному, работавшему на съезде в Москве. П.И. Новгородцеву с его авторитетом и принадлежит создание этого совпадения либеральной политической мысли с законопроектом церковных кругов.

Вот проект основных положений по данному вопросу, принятый Предсоборным советом 13 июля 1917 года. Он еще должен был поступить на рассмотрение Собора и уже в исправленном виде быть внесененным в Учредительное собрание.

В русском государстве Православная Церковь должна занимать первое среди других религиозных вероисповеданий, наиболее благоприятствующее в государстве публично-правовое положение, превосходящее ее как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности, а также религии большинства населения. В соответствии с признанной в новом государственном строе России свободой религиозной совести и вероисповеданий, Православная Церковь должна обладать этой свободой во всей ее полноте. Эти основные начала должны быть выражены в следующих положениях:

- 1. Православная Церковь в России в делах своего устройства, законодательства, управления, суда, учения веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и внешних сношений с другими Церквами независима от государственной власти (автономна).*
- 2. Постановления, издаваемые для себя Православной Церковью в установленном ею самой порядке, со стороны государства признаются нормами права, имеющими со временем опубликования их церковной властью обязательное значение для всех лиц и установлений, принадлежащих к Православной российской Церкви, находящихся как в России, так и за границей.*
- 3. Действия органов Православной Церкви подлежат надзору государства исключительно в отношениях соответствия законам государства; причем эти органы ответственны перед государством*

только в судебном порядке. <...> 10. Двунадесятые праздники, воскресные и особо чтимые Православной Церковью дни признаются государственной властью неприсутственными днями. 11. Глава русского государства и министр исповеданий должны быть православными. 12. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь... <...> 17. Православная Церковь получает из средств государственного казначейства ежегодные ассигнования в пределах ее действительных потребностей, под условием отчетности в полученных суммах на общем основании.

Это, конечно, не система «отделения» Церкви от государства, а лишь система «отдаления» двух сторон друг от друга на такое расстояние, которое давало бы и Церкви свободу, и государству позволяло быть светским, а не односторонне конфессиональным. Разумеется, этот проект мог еще несколько «клерикализироваться» на Соборе и значительно «секуляризироваться» в Учредительном собрании, но в основе своих идей он все же оставался бы системой взаимной независимости соборной Церкви и правового государства при их моральном культурном сотрудничестве. Система, о которой ранее не думало русское освободительное и революционное движение, устами и либералов, и социалистов провозглашавшее голый лозунг «отделения Церкви и государства», без попытки его раскрытия.

Этот идеал не был односторонним мечтательством церковно-общественной среды. Ему навстречу шло и текущее законодательство других полномочных органов Временного правительства, проводивших в жизнь ту же идеологию. И это понятно даже с точки зрения личных влияний. Во главе Департамента духовных дел инославных исповеданий в министерстве внутренних дел стоял член Предсоборного совета проф. С.А. Котляревский. Под его руководством здесь шло реформирование всего религиозно-гражданского законодательства. Отсюда вышел радикальный закон Временного правительства 14 июля 1917 года о снятии всяких гражданских ограничений и преимуществ в связи с вероисповедным состоянием, то есть закон о свободе перехода из одного исповедания в другое и о выходе из всякого исповедания, или о свободе веры и неверия, с узаконением впервые в России вневероисповедного гражданскоого состояния. С другой сто-

роны, отсюда же в начале июля 1917 года вышел сравнительно консервативный законопроект, применявший уже указанный принцип культурного сотрудничества государства и Церкви ко всей сфере вероисповедных отношений. Законопроект гласил:

1. Каждая признанная государством Церковь пользуется полной свободой и самостоятельностью во всех своих делах, управляясь по собственным своим нормам, без всякого прямого или косвенного воздействия или вмешательства государства. 2. Органы Церкви находятся под надзором государственной власти лишь постольку, поскольку они осуществляют акты, соприкасающиеся с областью гражданских или государственных правоотношений, каковы метрикация, бракосочетание, развод и т. п. 3. По делам этого рода надзор государственной власти ограничивается исключительно закономерностью действий органов Церкви. 4. Органом такого надзора является Министерство исповеданий. Окончательное разрешение дел о незакономерности действий церковных органов принадлежит правительствующему Сенату, как высшему органу административной юстиции. 5. Государство участвует ассигнованием средств на содержание Церквей, их органов и установлений. Средства эти передаются прямо Церкви. Отчет по израсходованию этих средств сообщается соответствующему государственному установлению.

Ясно отсюда, что Временное правительство шло в Учредительное собрание с системой не отделения, а сотрудничества Церкви и государства.

IV

В половине июля Временное правительство подверглось реконструкции. Оно полевело. Во главе его встал социалист А.Ф. Керенский, и из него должны были выйти члены партии октябристов, в числе их и В.Н. Львов. На его место в состав правительства приглашен был пишущий эти строки по признаку принадлежности к партии ка-де. До сих пор беспартийный, я только что в июне месяце был, по настойчивой просьбе членов этой партии, записан в нее ради выборов в Учредительное собрание, как специалист по церковным вопросам. Министерство наше составилось 25 июля. Я вошел с проектом упразднения обер-прокуратуры Синода и создания общего Министерства исповеданий. 12 дней я еще носил

столь памятное в истории Русской Церкви имя обер-прокурора и, наконец, безболезненно похоронил его, превратившись в министра исповеданий. Положение об учреждении Министерства исповеданий было вчерне спроектировано по моему заданию в Синоде опытными чиновниками П.В. Гурьевым и С.Г. Рункевичем, преимущественно последним. Но когда я его лично привез в Мариинский дворец в нашу законодательную лабораторию, в так называемое «Юридическое совещание» при Временном правительстве, где сидели такие наши ближайшие юристы, как В.Д. Набоков и бар. Б.Э. Нольде, то проект принял следующий сжатый и дельный вид:

Для заведывания делами всех вероисповеданий учреждается Министерство исповеданий. 2. В это министерство передаются: а) дела, касающиеся ведомства православного исповедания, временно в том объеме, в каком они подлежат, по действующим законам, компетенции обер-прокурора Св. Синода, и б) дела инославных и иноверческих исповеданий, составляющие, по закону, предмет ведения министерства внутренних дел по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. 3. Должности обер-прокурора Св. Синода и товарища обер-прокурора упраздняются. В составе министерства учреждаются министр исповеданий и два товарища министра. <...> 5. Министр исповеданий в отношении дел, предусмотренных статьей 2-ю, соединяет в своем лице временно всю полноту власти обер-прокурора и министра внутренних дел по принадлежности, впредь до утверждения в законодательном порядке, выработанных Всероссийским поместным собором реформ церковного управления и коренного пересмотра отношений русской государственной власти к исповеданиям при новом строе.

Помню, как в Малахитовой зале Зимнего дворца, где проходили тогда заседания Правительства, числа 1 или 2 августа я поднес на подпись министру внутренних дел Н.Д. Авксентьеву бумагу о передаче из его ведомства «департамента духовных дел инославных исповеданий» в новое министерство исповеданий и как он охотно подписал ее со словами: «Пожалуйста, берите, с полным удовольствием!»

В таком преображенном виде власть Временного правительства предстала пред великим и долгожданным событием в Русской Церкви, пред открывшимся в Москве 15 августа 1917 года Всероссийским Собором. На торжественном богослужении в Успенском соборе присутствовали, кроме мини-

стра исповеданий, еще министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев и премьер-министр А.Ф. Керенский, который затем шел по Кремлю вслед за крестным ходом среди давки толпы, символизировавшей этим беспорядком полицейское безвластие Временного правительства. Все это были манифестации благожелательности Временного правительства к Православной Церкви.

На первом парадном заседании Собора в обширном Храме Христа Спасителя от лица Правительства, в роли министра исповеданий, я принес нижеследующее приветствие-декларацию, в которой старался выяснить и принципиальную, и деловую благожелательность новой власти к делам Церкви, приглашаемой к законодательному творчеству и совместному с Временным правительством преобразованию конституции России:

Временное правительство поручило мне заявить освященному Собору, что оно гордо сознанием видеть открытие сего церковного торжества под его сенью и защитой. То, чего не могла дать русской национальной Церкви власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое правительство, обязанное наладить и укрепить в России истинную свободу. Временное правительство видит в настоящим Соборе не обычный съезд частного сообщества, каких теперь несчетное число; оно видит в Соборе Русской Православной Церкви полномочный орган церковного законодательства, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений Церкви к государству. Временное правительство сознает себя, впредь до выработки Учредительным собранием новых основных законов, стоящим в тесной близости к делам и интересам Православной Церкви. В своем составе оно до сих пор имело обер-прокурора Св. Синода Русской Православной Церкви (а не иных каких-либо исповеданий). И если недавно упразднена эта должность (но не упразднены до времени ее права и обязанности), то только потому, что, ввиду Церковного Собора, правительство не желало, ради символики утверждаемой им свободы Церкви, сохранять это имя, ставшее, по мнению церковного общества, синонимом тяжкой зависимости Церкви от государства. Временное правительство ждет той минуты, когда Собор представит ему новый план церковного управления, и тогда оно с готовностью упразднит в круге полномочий

своего Министра исповеданий его обер-прокурорские права и обязанности по делам внутреннего церковного управления, оставил за ним более внешний надзор за закономерностью. Ожидая от Собора законодательных предположений, касающихся преобразований церковного управления, Временное правительство полагает, что впредь до принятия им этих предположений все прежние правящие установления Русской Церкви, к учреждению коих государственная власть приложила печать своей санкции, останутся в полной силе их действия и не могут быть поколеблены без внесения в область управления церковно-государственных отношений беспорядка и анархии. Не желая этого ни Церкви, ни государству и утверждая публично-правовые полномочия Собора, Временное правительство 11-го сего августа приняло следующее постановление в двух пунктах: 1) предоставить открывавшемуся 15-го сего августа в Москве Поместному Собору Всероссийской Церкви выработать и внести на уважение Временного правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской Церкви; 2) сохранить впредь до принятия государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении Св. Правительствующего Синода и состоящих при нем установлений.

Через эту декларацию Временное правительство вновь подчеркивало, что оно идет на суд Учредительного собрания не только с идеей Кавура – *libera chiesa in stato libero*¹⁹, – но и с дополнением ее идеей культурного сотрудничества государства и Церкви.

Тогда же от лица нового, выдвинутого революцией муниципального управления Москвы выступал с приветствием Собору городской голова В.В. Руднев. Высказывая горячие пожелания успеха в предстоящем Собору деле устроения отныне свободной Церкви, В.В. Руднев сказал между прочим: «...источники религиозного одушевления вечны... и пока жив русский народ, жива будет в нем и вера православная». Целый фонтан озлобленных ругательств по адресу этого «социал-предателя» был извергнут на другой день московской большевицкой газетой за столъ «реакционное» слово на столъ «реакционном» собрании.

Подземный вулкан большевицкого варварства уже клокотал, готовый взорваться и похоронить под развалинами всеобщего разгрома все идеалистические планы Временно-

го правительства и Церкви. 25 октября 1917 года Временное правительство уже заключено было в казематы Петропавловской крепости, а Собор продолжал еще работать и закреплять новый строй Церкви до 8 сентября 1919 года. Но Собор под властью большевиков потерял уже всякую почву для какого-либо законопроекта о взаимоотношениях Церкви и государства. Наступал режим гонений, и нужно было думать только от случая к случаю о мерах защиты Церкви.

Интересно было отношение патриарха Тихона к похороненному большевиками законопроекту. По освобождении из большевицкой тюрьмы я жил конспиративно в Москве летом 1918 года. Состоя избранным членом Высшего Церковного Совета при патриархе, я одновременно работал в антибольшевицкой политической организации так называемого «левого центра». Между прочим мы разрабатывали программы и законопроекты для декларативного и делового употребления в Южной России, находившейся под управлением генерала Деникина, а также на случай появления национального правительства и в самой Москве. Программа положения Православной Церкви в русском государстве была по существу повторением уже изложенной выше системы взаимной свободы при взаимном сотрудничестве обеих сторон. Пред тайной отсылкой программы на юг России мы с другим общественным деятелем, ныне еще живым, отправились к Святейшему Патриарху за советом и критикой. В начале сентября 1918 году патриарх Тихон принял нас в своем Троицком подворье, как всегда, очень ласково, за стаканом чая и даже с самоварчиком. Дослушав до конца внимательно и грустно, он вдруг снисходительно засмеялся над нашими «хорошими словами», как мудрый старец смеется над идеализмом мечтательных юношей. «Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда все это будет? Конечно, не теперь!» Как сын народа, патриарх Тихон тогда уже инстинктом чувствовал силу и длительность народного увлечения большевизмом, не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах.

Действительно, история к нашему времени антиквировала этот план эпохи Временного правительства. Он был продиктован эволюционными взглядами на положение вещей. Мыслилась наличность исторической инерции,

непотрясенность основ старого строя государства и Церкви. Теперь от них не осталось камня на камне. Революция спалила последние остатки каких-то опор Церкви в государстве. В гонениях и мученичестве от государства Церковь приобрела полнейшую самоопору и свободу, которыми должна дорожить и обратно их не сдавать ни за какую чечевичную похлебку обманчивых привилегий. Сегодня государство друг, а завтра враг. При текущести и неустойчивости режимов для так трагически освободившейся Церкви наилучше блюсти свою свободу, независимость и соединенную с ними моральную силу в *отделении от государства* и не подвергать себя новому риску связи с неверным союзником.

Будущий режим свободной России для нас теперь – уравнение со многими неизвестными. Абстрактно мыслима, однако, и такая комбинация, когда вновь вставал бы вопрос о некотором культурном сотрудничестве государства с Церковью. Но форма и подход к нему были бы уже обратными эпохе Временного правительства: не от дурного союза к благодетельному разводу, а от принципиального и ценного разделения к свободной кооперации двух независимых величин.

А.В. КАРТАШЁВ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поводом для написания статьи послужило собрание РСХД, прошедшее 21 апреля 1929 г. под председательством митрополита Евлогия (Георгиевского), на тему «О Всероссийском церковном соборе в Москве в 1917 г. и о восстановлении патриаршества» с участием о. С. Булгакова, о. С. Четверикова, кн. Г.Н. Трубецкого, проф. А.Ф. Карташёва.

² Трубецкой Григорий Николаевич (1874–1930), русский дипломат и общественный деятель. В 1912–1915 гг. посланник в Сербии. В эмиграции с 1920 г., жил сначала в Австрии, затем во Франции, в Кламаре под Парижем. Член учредительного комитета Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, член приходского совета Свято-Сергиевского подворья, член-основатель общества «Икона» в Париже (1927).

Протоиерей Сергий Четвериков (1867–1947), в 1896 г. окончил МДА, в эмиграции с 1920 г., с 1928 по 1941 г. духовник РСХД, иеросхимонах (принял схиму незадолго до смерти); автор многочисленных книг и статей.

Ковалевский Евграф Петрович (1865–1941), юрист, церковно-общественный деятель. Член Государственной Думы (III и IV). Автор закона о всеобщем образовании в Российской империи (1912). В эмиграции с 1920 г., жил во Франции, сначала в Ницце, затем в Париже. Член Епархиального совета в Париже при митрополите Евлогии. Член учредительного комитета Свято-Сергиевского института.

³ Последним Патриархом Русской Православной Церкви был патриарх Адриан, чье патриаршество пришлось на 1690–1700 гг. После его смерти в 1700 г. Петр I не предпринял никаких шагов к тому, чтобы найти ему преемника, в 1721 г. патриаршество было отменено и заменено Синодом, что положило начало синодальному периоду управления Русской Церковью. 4 ноября 1917 г. Поместный Собор принял определение по основным вопросам о высшем управлении Православной Российской Церковью: высшей властью обладает соизываемый периодически Поместный Собор; церковное управление возглавляется Патриархом, являющимся «первым между равными ему епископами»; Патриарх подотчетен Собору. Кандидатами в Патриархи собор избрал трех архиереев: архиепископа Антония (Храповицкого), набравшего больше всего голосов, архиепископа Арсения (Стадницкого) и митрополита Тихона (Беллавина). Однако окончательный выбор епископы решили предоставить жребию, который пал на митрополита Московского и Коломенского Тихона.

⁴ Членами Собора были избраны 564 человека, среди которых было: 72 архиерея, 192 клирика (среди них – 2 протопресвитера, 17 архимандритов, 2 игумена, 3 иеромонаха, 72protoиерея, 65 приходских священников, 2 протодиакона и 8 диаконов) и 299 мирян.

⁵ Вот как описывает митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях это постепенное нарастание радости, мира, рождение соборности, объединившей людей, начавших соборную работу в ситуации крайней исторической нестабильности и политической разобщенности: «Русская жизнь в те дни представляла море, взбаламученное революционной бурей. Церковная жизнь пришла в расстройство. Облик Собора, по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений и настроений, поначалу тревожил, печалил, даже казался жутким... Некоторых членов Собора волна революции уже захватила. Интеллигенция, крестьяне, рабочие и профессора неудержимо тянули влево. Среди духовенства тоже были элементы разные. Некоторые из них оказались теми левыми участниками предыдущего революционного Московского Епархиального съезда, которые стояли за всестороннюю “модернизацию” церковной жизни. Необходимость, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие... – вот вначале состояние Собора. Но – о чудо Божие! – постепенно все стало изменяться... Толпа, тронутая революцией, коснувшаяся ее темной стихии, стала перерождаться в некое гармоническое целое,

внешне упорядоченное, а внутренно солидарное. Люди становились мирными, серьезными работниками, начинали по-иному чувствовать, по-иному смотреть на вещи. Этот процесс молитвенного перерождения был очевиден для всякого внимательного глаза, ощущим для каждого соборного деятеля. Дух мира, обновления и единодушия поднимал всех нас...» (Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий; ВПМД, 1994. С. 273).

⁶ См. об этом подробнее в воспоминаниях митрополита Евлогия «Путь моей жизни» (ук. соч., с. 277). Митрополит Платон (Рождественский Порфирий Федорович; 1866–1934) – участник Собора; с 1915 г. экзарх Грузии и член Священного Синода; в 1917 г. митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский, в 1918 г. митрополит Херсонский и Одесский. С 1920 г. в эмиграции. С 1922 г. митрополит Северо-Американский и Аляскинский, в 1923 г. назначен патриархом Тихоном управляющим Северо-Американской епархией; с 1924 г. возглавил Американскую митрополию вне общения с Московским Патриархатом.

⁷ Вопрос о церковных реформах и созыве Поместного Собора был остро поднят в 1905 г. по инициативе митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) и председателя Комитета министров С.Ю. Витте. Необходимость церковных реформ была настолько очевидной, что 22 марта 1905 г. Синод единогласно принял решение о созыве Поместного Собора и восстановлении патриаршества. Однако крайний противник реформ, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев убедил Николая II отменить посланное на утверждение Императору предложение членов Синода: время для созыва Собора было названо «неблагоприятным».

⁸ 28 мая 1929 г. в парижском зале Американской Церкви (Salle de l'Eglise Americaine) состоялась лекция А.В. Карташёва «Положение Церкви при Временном правительстве (по личным воспоминаниям)». Статью, в которую докладчик переработал затем свою лекцию, мы печатаем ниже.

⁹ Антон Владимирович Карташёв был последним обер-прокурором Синода. Когда должность обер-прокурора была упразднена Временным правительством, а вместо этого организовано Министерство вероисповеданий, министром исповеданий стал А.В. Карташёв. Когда на второй день работы Поместного Собора (16 августа) начались приветствия гостей, то первым произнес речь именно министр А.В. Карташёв, бывший одним из организаторов, вдохновителей и активных участников Собора.

¹⁰ 14 июля 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О свободе совести» (Вестник Временного правительства. 1917. № 109). Постановление провозглашало свободу совести, определи-

ние принадлежности к вероисповеданию малолетних (до 9 лет) родителями или опекунами, свободу религиозного самоопределения для каждого гражданина, достигшего 14-летнего возраста, отмену правовых ограничений по конфессиональному признаку, свободу перехода из одной конфессии в другую (кроме «изуверных учений») и признания себя не принадлежащим ни к какой вере. В последнем случае акты гражданского состояния велись органами местного самоуправления.

¹¹ Львов Владимир Николаевич (1872–1930), российский политический деятель, член Государственной Думы (III и IV), председатель думской комиссии по церковным вопросам, принадлежал к партии октябристов. После Февральской революции занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода в первом и втором (первом коалиционном) составах Временного правительства. Уволил из Синода его прежних членов. Был сторонником церковных реформ, но придерживался авторитарного стиля управления. В июле 1917 г. подал в отставку, поддержав создание нового правительства во главе с А.Ф. Керенским, который, однако, не включил его в состав своего кабинета министров, предпочтя назначить обер-прокурором А.В. Карташёва. В конце 1919 г. эмигрировал сначала в Японию, затем во Францию. В 1921 г. примкнул к «сменовеховцам» и в 1922 г. вернулся в СССР, где примкнул к обновленцам. В 1930 г. был арестован и сослан в Томск. Умер в томской тюремной больнице при повторном аресте.

¹² 14 (27) апреля 1917 г. В.Н. Львов инициировал издание указа Временного правительства об освобождении всех членов Святейшего Синода (за исключением одного архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского)) и о вызове новых членов. Формирование нового состава Синода обер-прокурор Львов оставил своей прерогативой.

¹³ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, русский общественный и политический деятель, после Февральской революции, с 10 (23) марта 1917 г., — министр-председатель и министр внутренних дел первого Временного правительства; возглавлял также первое коалиционное правительство. С 1918 г. жил в эмиграции, сначала в Америке, затем во Франции.

¹⁴ 1–12 июня 1917 г. в Москве прошел Всероссийский съезд духовенства и мирян, на котором рассматривались проблемы преобразований в РПЦ, вопросы об отношении Церкви к революции и проблемы взаимоотношения государства и Церкви. На съезде было до 1200 делегатов.

Еще в 1912 г. для подготовки Собора Святейшим Синодом было учреждено Предсоборное совещание, председателем которого был назначен архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский);

в задачу Совещания входила доработка предсоборных вопросов, начатых еще в 1906 г. предсоборным присутствием. Совещание с перерывами работало до 1917 г. 12 июня 1917 г. начал работу Предсоборный совет в зале заседаний Синода под председательством архиепископа Сергия (Страгородского). Совет должен был определить порядок выборов членов Собора и программу его деятельности. Решением Предсоборного совета открытие Поместного Собора было назначено на 15 августа в Москве. Было также разработано «Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви», утвержденное Синодом 5 июля.

¹⁵ Заняв должность обер-прокурора, А.В. Карташёв сразу занялся вопросом учреждения поста министра исповеданий. К разработке законопроекта были привлечены члены Синода С.Г. Рункевич, П.В. Гурьев и юристы В.Д. Набоков и барон Б.Э. Нольде. После обсуждения текста законопроекта в Юридическом совещании Правительство 5 августа утвердило его (Вестник Временного правительства. 1917. № 127). Был отменен пост обер-прокурора и учреждено Министерство исповеданий в составе Временного правительства. Во главе министерства был поставлен тот же Карташёв, при нем назначались 2 товарища. В Министерство исповеданий передавались дела ведомства обер-прокурора Синода и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Это положение было объявлено временным вплоть до выработки Поместным Собором РПЦ новых основ церковного управления.

¹⁶ Речь идет о митрополите Киевском, священномуученике Владимире (Богоявленском) (1848–1918), который в описываемое время был первенствующим членом Святейшего Синода и был против его роспуска. В 1918 г. был зверски убит в Киеве вооруженными людьми, ворвавшимися в лавру и требовавшими денег.

¹⁷ Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) – историк, правовед, один из учредителей партии кадетов, ординарный профессор кафедры государственного права МГУ (1910–1919). Первый арест в 1920 г., но тогда с условным сроком был освобожден; вновь арестован в 1938 г., в 1939 г. расстрелян, реабилитирован в 1992 г.

¹⁸ Павел Иванович Новгородцев (1886–1924) – философ права, правовед, ординарный профессор юридического факультета МГУ, член партии кадетов. В эмиграции с 1920 г.; жил в Праге, создал Русский юридический факультет при Пражском университете.

¹⁹ «Свободная церковь в свободном государстве» (*ut.*) – афоризм государственного и политического деятеля Италии, сыгравшего важную роль в деле ее объединения, графа Камилло Бенсо ди Кавура (1810–1861).

ЕЛЕНА БЕЛЯКОВА

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов: слишком длинный путь к реформам и драма истории

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов принадлежит к уникальным явлениям истории Церкви. Его участники сделали все, чтобы сохранились его документы. Уже во время работы Поместного Собора начали печатать тоненькие книжки Деяний, вся работа Собора и его Отделов тщательно протоколировалась. После почти 70-летнего молчания в СССР, когда о Соборе писали только в зарубежной христианской прессе, о нем вновь заговорили, а его архивные фонды стали тщательно изучаться историками. Среди исследователей Собора необходимо упомянуть И.К. Смолича, П.Н. Зырянова, В.А. Федорова, Д.В. Поспеловского¹. Изучение Собора приняло поистине экуменический характер. Значительный вклад в изучение Собора был сделан Гюнтером Шульцем, автором монографий² и статей о Соборе и редактором обзора Деяний Собора, подготовленных А.А. Плетневой и А.Г. Кравецким. Другой проект изучения Собора под редакцией прот. Николая Балашова был поддержан фондом «Христианская Россия». В этом проекте вышло уже пять томов, каждый из которых посвящен определенным Отделам Собора³. Одновременно публиковались материалы, посвященные Собору, в серии «Материалы по истории Церкви» Крутицкого подворья и в «Историческом вестнике». Необходимо особо отметить и репринтное переиздание Новоспасским монастырем Деяний Собора в 11 томах в 1994–2000 годах, сделавшее их доступными широкому кругу читателей. В последние годы осуществляется проект научного издания архивных материалов Собора (ответственный редактор А.И. Мраморнов)⁴.

Одним из результатов этой научной работы является появление понятия «предсоборное движение», «предсоборный

период». Историкам сейчас очевидно, что о Соборе нельзя писать, не упоминая той исключительно важной подготовительной работы, растянувшейся на десятилетия и сделавшей возможным Собор.

Внимание историков других Церквей к этому Собору связано с тем, что значение Собора как фактора не только русской истории, но и истории Вселенской Церкви, истории богословия XX века уже не требует доказательств.

Однако исследование Собора еще не означает, что он стал фактором современной церковной жизни и влияет на современное православное сообщество. Само слово церковное «обновление», пронизывающие материалы Собора и предсоборного периода, оказывается пугающим для современного российского сознания, так как связано с движением церковного раскола, церковной смуты. Широко распространился взгляд, что Собор был нужен только для того, чтобы восстановить институт патриаршества.

Сейчас, когда исполняется уже 100-летие с начала Поместного Собора 1917–1918 годов, а Церковь в России перестала быть гонимой, мы ясно видим всю уникальность этого явления. Практика церковных Соборов, столь ясно следующая из принципов, положенных в основу Церкви Христовой, и закрепленная постановлениями Вселенских Соборов, перестала осуществляться в русской истории в синодальный период. Церковь была встроена в государственную систему управления, на нее были возложены идеологические и полицейские функции. Через духовное ведомство правительство общалось с народом в самые ответственные моменты истории: во время войн, в приведении к присяге, в усмирении бунтов, при освобождении крестьян. В синодальный период духовенство окончательно превратилось в особое «левитское» сословие, отличающееся от других сословий уровнем и характером образованности, и образом жизни, и составом семьи, и одеждой⁵. Оно противостояло как крестьянству, так и другим сословиям. Ненормальность этого положения остро ощущалась обществом. В предсоборный период и на самом Соборе звучали резкие характеристики синодального периода как периода «духовного голода», «государственного пленения». Только после советских гонений на Церковь можно понять, насколько преувеличена была эта трактовка. Тем не менее нельзя не го-

ворить о том кризисе, в котором оказалась Русская Церковь в синодальный период при всем ее наружном блеске.

Собственно, с 60-х годов XIX века предпринимаются попытки реформ в Русской Церкви. Это связано с общими процессами в русском обществе: отменой крепостного права, с судебной, военной реформой. Делается попытка преодолеть сословную замкнутость духовенства, реформировать и церковный суд, и бракоразводный процесс, и систему образования. С дискуссий о том, как должен быть устроен церковный суд, и начинается открытый разговор о необходимости возобновить церковные соборы – ведь именно они являются по канонам высшей судебной инстанцией. В эти же годы начинается и преподавание канонического права в университетах, что сделало это право из второстепенной богословской дисциплины настоящей наукой. Изучение церковных институтов с целью выявления в них того, что отвечает церковным нормам, – это одна из задач науки, как она была сформулирована знаменитым канонистом А.С. Павловым. Историки-канонисты выступали за свободу слова, против гонений на староверов, обсуждали правовое положение Церкви в государстве, спорили о статусе Константинопольского Патриархата и месте Русской Церкви в православном мире.

Деятельность Академий находилась под бдительным надзором синодальных чиновников во главе со знаменитым обер-прокурором К.П. Победоносцевым. Нельзя сказать, чтобы и обер-прокурор не искал ответов на запросы времени. Но он был противником парламентаризма и соборов по существу, у него очевиден страх перед свободным словом, перед дискуссией, недоверие к епископату и к самому духовенству. Умный юрист ясно видел сращение церковного и государственного не только в жизни империи, но в народном сознании и считал, что нет необходимости разделять эти принципы. Образованность, просвещенность вызывали тревогу: школам Министерства народного просвещения противопоставлялись церковно-приходские школы, в которых священники преподавали Закон Божий. К.П. Победоносцев искал поддержку в народной религиозности, противопоставляя ее светской образованности.

Кризис традиционной религиозности не был заметен современникам. Все новые религиозные движения, которые

так стремительно распространялись по России: «штунда», баптизм, пашковцы — рассматривались духовенством не как результат религиозных поисков народа, а как следствие иностранного влияния. Для борьбы с ними в епархиях употреблялись миссионеры, имевшие уже длительный опыт полицейской борьбы со староверием. В то же время движение старообрядчества не ослабевало, а сформировавшаяся элита староверов-фабрикантов оказывала значительное воздействие на политическую жизнь страны. Существование старообрядчества, не только не пользовавшегося государственной поддержкой, но преследуемого на протяжении уже двух с половиной столетий, не могло не вызывать уважения в русском обществе, как в народе, так и в высших слоях общества.

После революции 1905 года и Манифеста о свободе совести о необходимости реформ в Церкви заговорили даже самые консервативные монархические круги. Цель реформ виделась в укреплении церковного организма, в снятии контроля чиновников, в восстановлении канонических норм организации Церкви, в восстановлении статуса епископата. Статус Русской Православной Церкви в условиях веротерпимости вызывал тревогу; как писал Петербургский митрополит Антоний (Вадковский), «может явиться опасность, что эта община (имеется в виду Старообрядческая Церковь, приемлющая священство) обратится в церковь народную, тогда как Православная Церковь останется только церковью государственной»⁶.

В этих условиях все архиереи заявили о необходимости серьезных преобразований в Церкви⁷. В результате было в январе 1906 года открыто Предсоборное Присутствие. Все его заседания отражены в журналах и протоколах, изданных уже в 1906 году. В Присутствии принимали участие три митрополита, обер-прокурор и его товарищ, «особо вызванные архиепископы и епископы, профессора духовных академий и прочие приглашенные духовные и светские лица». Даже на Поместном Соборе не будет такого блестящего состава профессоров, как в Предсоборном присутствии. Здесь выступали Е.Е. Голубинский, Н.П. Аксаков, прот. М.И. Горчаков, Н.А. Заозерский, И.Е. Бердников, Н.С. Суворов, Н.Н. Глубоковский, В.Ф. Певницкий, С.Т. Голубев, М.А. Остроумов, К.Д. Попов, А.И. Алмазов, И.И. Соколов, М.Е. Красножен,

В.З. Завитневич, В.И. Несмелов, А.И. Бриллиантов. Целью Присутствия было «устройение жизни Церкви на канонических основах», которое понималось как возрождение соборности в жизни Церкви, «обновление внешних форм жизни святой Церкви»⁸ (выражение митр. Антония (Вадковского)). Необходимость преобразований обосновывалась тем, что статья «В управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святого Правительствующего Синода, ею учрежденного» (Свод законов 1892 г. Ст. 43. Т. 1. Ч. 1) уже не удовлетворяла даже консерваторов. В Предсоборном присутствии Н.Д. Кузнецов заявлял, что не новые институты Государственного Совета и Государственной Думы, имевшие вневероисповедный характер, должны обсуждать законы, касающиеся Церкви, а церковный Собор⁹. Именно Предсоборное присутствие выработало основные принципы работы Поместного Собора и детально проработало его программу. Именно здесь была обоснована законность участия мирян в Поместном Соборе. Выступавшие канонисты заговорили о необходимости обращения и к апостольской эпохе как образцу для церковной жизни. Тематика Отделов Предсоборного присутствия стала повесткой и для Поместного Собора. Были созданы Отделы: 1) О Соборе, его статусе, его участниках, его месте в системе государственного управления; 2) О епархиальном управлении, митрополичьих округах; 3) О церковном суде; 4) О приходе и приходском уставе; 5) О религиозном образовании и духовных учебных заведениях; 6) О старообрядчестве; 7) Об ограждении православной веры в условиях веротерпимости. Предсоборное присутствие утвердило выборность епископов; участие мирян в епархиальном управлении; частично выборность судей; создало оригинальную модель собственности церковного имущества, признав приходы юридическим лицом. Участие мирян и клириков в Соборе должно было дать ему легитимность, способствовать преодолению разрыва между верующими, духовенством и епископатом.

Все выступавшие на Предсоборном присутствии говорили о необходимости немедленного созыва Собора, однако император Николай II решил отложить созыв Собора. (Есть легенда, что он сам хотел стать патриархом, а сына сделать царем¹⁰.) Это решение было, несомненно, губительным для

Церкви. Тем самым была утрачена возможность «усовершенствования» и обновления церковной жизни, изменения ее правового статуса в условиях империи. Предполагаемые реформы обсуждались уже в революционных условиях, когда они заведомо не могли быть осуществлены, а Церковь однозначно трактовалась как «служанка самодержавия».

В 1912 году началась деятельность Предсоборного совещания. Опять обсуждались те же вопросы, что и на Предсоборном присутствии.

Из обычного изложения церковной истории выпадают два роковых явления начала XX века — «распутинщина» и Первая мировая война. «Правление» Распутина способствовало, с одной стороны, дискредитации части иерархии, обвиненных впоследствии в поддержке «друга», а с другой стороны, превратило в оппозиционеров значительную часть епископата. Что касается Первой мировой войны, то иерархи Православной Церкви ничего не сделали для предотвращения бессмысленного участия России в небывалой кровавой бойне. Последствия мобилизации более 16 миллионов крестьян были разрушительными для России. Церковь идеологически поддерживала эту войну, что стало причиной кризиса доверия к иерархам, но не воспринималось ей как зона ответственности Церкви. Война, боевые потери в которой составили 7 млн человек¹¹, разорившая русскую деревню, привела к появлению нового типа «человека с ружьем», вырванного на годы из традиционной среды и закономерно окончательно потерявшего веру. Как свидетельствуют выступления на Соборе, солдаты ждали, что Собор «остановит войну»¹², но Собор призывал защищать Родину. Случай нападения солдат на церкви известны еще до октябрьского переворота.

Современные исследования показывают, что Февральская революция приветствовалась многими представителями Церкви как этап борьбы «за честь и достоинство России» (слова архиепископа Серфима (Чичагова)), ее последствия не всеми воспринимались как окончательное свержение монархии, многие ждали решения Учредительного собрания, которое должно было установить форму правления в России.

Временное правительство в лице обер-прокурора В.Н. Львова всячески форсировало проведение Собора и

стремилось провести часть реформ до Собора. Еще в июне 1917 года было принято Синодом Временное положение о православном приходе, в июне было принято Постановление Временного правительства «Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве МНП»¹³. В июне состоялся в Москве Всероссийский Съезд духовенства и мирян, еще раньше съезды духовенства прошли по многим епархиям, вызвав «церковную революцию»: 15 епархиальных архиереев было уволено, в 11 епархиях (включая Московскую) состоялись выборы местных иерархов¹⁴.

В июне в Петербурге начал работу Предсоборный совет. Поставленные на нем вопросы почти полностью повторяли тематику Предсоборного присутствия, по-иному только звучал вопрос об отношении Церкви к государству, добавлен был вопрос о монашестве и о финансах. Предсоборный совет считал необходимым начать Собор как можно скорее, уже в августе. Предсоборный совет избегал упоминания о восстановлении патриаршества. Планировалось создание Высшего Церковного Совета для решения дел церковно-общественного характера, в состав которого должны были входить и миряне.

Именно выборность стала символом эпохи: выборы коснулись и монастырей, и приходских церквей.

На июль были назначены выборы членов Собора, которые были многоступенчатыми: сначала на приходе с участием и женщин избирались выборщики. Выборщики от приходов составляли благочинническое собрание для избрания двух клириков и трех мирян, далее епархиальное собрание при участии епископов избирало пять членов Собора (также двух клириков и трех мирян). Кроме избранных, членами Собора становились по должности: все члены Предсоборного совета, епархиальные архиереи, члены Синода. Выборщики от монастырей участвовали в благочинническом собрании по месту расположения монастыря. Академии имели право прислать по три представителя, Академия наук и университеты имели право на одного представителя, Государственная Дума и Гос. Совет – по пятнадцать. Единоверцы избирали десять депутатов. Важно отметить, что и представители других Православных Церквей были приглашены на Собор с правом голоса.

Историки вслед за членом Собора, редактором «Всероссийского церковно-общественного вестника» и впоследствии деятелем обновленчества Б. Титлиновым отмечают резкий сдвиг вправо настроений среди духовенства уже летом 1917 года. 2 августа 1917 года Синод издал определение «О мерах к возвращению в воинских частях и в народе религиозно-нравственного сознания и патриотического долга». Это было связано с тем, что эйфория от свержения самодержавия сменилась тревогой из-за происходившего в стране развала, повышения уровня агрессивности по отношению к духовенству, возрастающим недоверием к Временному правительству.

15 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, началась работа Поместного Собора. В работе Поместного Собора приняло участие 564 члена, из них 299 мирян, 72 архиерея, 192 клирика. 156 человек приняли участие в Соборе по должностям, 434 были избраны. От каждой епархии было по 5 делегатов. Согласно Уставу Собора, решения Собора готовились в Отделах (было создано 23 Отдела), затем выносились на общее заседание Собора и утверждались на Епископском Совещании. В случае, если Епископское совещание $\frac{2}{3}$ голосов не принимало решение Собора, оно возвращалось на Собор.

Кто же были эти миряне на Соборе? Как это ни удивительно, значительное место занимали чиновники (130 человек). Значительно уступала им профессура. Надо отметить, что канонистов на Соборе все время не хватало, что неоднократно отмечалось в работе Отделов. Присутствовали известные общественные деятели: С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, А.Д. Самарин. Отдельно можно выделить миссионеров. Они очень активно вели себя на Соборе, проваливая многие реформы. Вообще отношение к реформам на Соборе изменилось: они все больше воспринимались как навязываемые предшествующей властью. К профессорам-либералам отношение было также критическое – в воспоминаниях митр. Вениамина (Федченкова), написанных много лет позднее, сохранилось полное неприятие либералов. Начинаяла преобладать консервативная тенденция, и только активная защита членами Собора предлагаемых изменений давала воз-

можность принятия проекта. Как заявил митрополит Сергий (Страгородский) в дискуссии по докладу о расширении поводов к разводу: «Говорят, что кто защищает положение доклада, не имеют веры в Бога, не имеют страха Божия. Мне думается, что такой способ воздействия на противников едва ли допустим, тут явно стремление смутить душу колеблющуюся, неуверенную, отнять у человека дерзновение – назвать черное черным, стремление сбить с толку. Едва ли это допустимо. <...> Я очень желал бы, чтобы этот прием у нас не повторялся, мы призваны сюда, чтобы свободно высказывать свои мнения, из столкновения этих мнений мы надеемся достичнуть истины»¹⁵.

Собор открылся необычайно торжественно: крестные ходы стекались со всей Москвы. Об упованиях обновления всей церковной жизни Собором говорил при его открытии митрополит Тихон (Беллавин). Проф. В.З. Завитневич связал с отсутствием соборности «небывалое нравственное разложение, тот страшный аморализм, который мы наблюдаем в наши дни». Выступления были пронизаны ликование по поводу открытия Собора и одновременно тревогой из-за ситуации в стране. Был поставлен вопрос о необходимости донести до народа то, что происходит на Соборе: «В светской прессе Собор игнорируют. Епархиальную печать не читают. “Церковно-Общественный Вестник” не имеет распространения в широких кругах»¹⁶.

Во время I сессии Собора с 28 августа по 22 декабря 1917 года в стране происходили бурные события: Корниловский мятеж, восстание юнкеров, наконец, Октябрьская революция. Собор пытался встать над партиями и политическими событиями, писал об ужасе переживаемых времен. Эти воззвания выполнены в жанре церковной риторики, в них содержится как традиционный призыв к покаянию, так и новый: возвращение к вере. Воззвания написаны в парадигме «предатели» и «верные сыны православия», хотя составители уже и сомневались в последних. В обращении к армии говорилось: «Немецкие шпионы и наемники и наши предатели и изменники из тыла отравили армии ум и вырвали сердце», «богатырь-солдат теперь для многих мирных граждан стал предметом ужаса и отвращения», «Вы будете виновны, если

сраженная Россия склонит свою голову, лишится своей свободы и подпадет под немецкое рабство» (из возвзания 24 августа (6 сентября))¹⁷. В обращении 11 (24) ноября содержался призыв отказа от мести: «Священный Собор во всеуслышание заявляет: довольно братской крови, довольно злобы и мести. <...> Победители, кто бы вы ни были и во имя чего бы вы ни боролись, не оскверняйте себя пролитием братской крови, умерщвлением беззащитных, мучительством страждущих»¹⁸. Церковь вспомнила о своей миротворческой функции, когда уже вся Россия оказалась охвачена войной.

Несмотря на этот страшный фон, дискуссии на Соборе по любым, даже маловажным вопросам, длились очень долго, всегда было много желающих высказаться – члены Собора явно пытались утвердить свою позицию. Во время первой сессии начали работать 22 соборных Отдела, готовивших постановления Собора. Дискуссии в Отделах, в которые записывались хорошо знающие вопрос специалисты и участвовавшие в разработке предсоборных документов, часто происходили на более высоком уровне, чем на Соборе. Поэтому особой задачей было донести результаты обсуждения в Отделах до консервативного соборного большинства.

Почти два месяца длилась дискуссия о восстановлении патриаршества. Только после свержения Временного правительства было принято решение о восстановлении патриаршества. Сейчас, когда этот институт функционирует, становятся очевидными причины опасений противников его восстановления. Собор не наделял патриарха исключительными правами, а четко определил, что «В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, судебная, контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенное время созываемому в составе епископов, клириков и мирян. <...> Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору». Среди обязанностей патриарха Собор установил «долг печалования перед государственной властью»¹⁹. Здесь Собор не стал применять четкий юридический термин, а воскресил уже забытое в синодальный период понятие. Отметим и пункт, что «единственным наследником патриарха после его кончины является патриарший престол». Собор определил также, что «Управление церковными делами принадлежит Всерос-

сийскому Патриарху совместно с Священным Синодом и Высшим Церковным Советом». Высший Церковный Совет состоял из трех иерархов, одного монаха, пяти клириков и шести мирян. Было принято и Определение о круге дел, подлежащих органам церковного управления.

Показательны результаты голосования по избранию в патриархи: больше всех голосов (309) получил архиеп. Антоний (Храповицкий), затем архиеп. Арсений Стадницкий (159) и лишь на третьем месте был митрополит Тихон (148). Несомненно, что яркая фигура Антония (Храповицкого), убежденного сторонника восстановления патриаршества, пропагандиста монашества, автора ярких православно-патриотических посланий, откровенного сторонника иерократии, импонировала соборному большинству. И только жрец бий решил выбор в пользу Тихона (Беллавина). Зная те смуты, которые произошли после кончины патриарха Тихона, невозможно не удивляться, что не возникло «антониевской» или «арсениевской» оппозиции. Оба архиепископа продолжили самую активную работу во время Собора. Новый патриарх сплотил Собор, а его службы вызывали многотысячные собрания верующих. Именно соборное избрание сделало возможным такое необыкновенное почитание патриарха, хотя, как мы знаем, и не смогло впоследствии предотвратить позорных решений живоцерковников о лишении патриарха сана и монашества.

За время первой сессии было принято определение «О правовом положении Православной Российской Церкви» (2 декабря 1917 г.). Это постановление готовилось еще с Предсоборного присутствия. Острая дискуссия по этой теме возникла еще на Съезде духовенства и мирян, за отделение выступал докладчик П.А. Прокошев, А.И. Покровский, И.А. Странников, однако они не получили поддержки. На Предсоборном совете была принята формула «Свободная Церковь в свободном государстве» и тезисы П.В. Верховского, которые легли в основу и соборного постановления. Еще при обсуждении на Предсоборном совете проф. Н.И. Лазаревский выразил по поводу тезисов особое мнение о том, что в них проведены «принцип верховенства Церкви над государством» и «система клерикализма», при которой власть обязана считаться со всеми церковными постановлениями и актами церковного

управления²⁰. Первым пунктом соборного определения утверждалось, что «Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение». В постановлении пунктом 7 утверждалось, что «глава российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными». Пункт 24 определял финансирование Церкви из государственного казначейства по особой смете. Таким образом, даже в условиях большевистской власти Церковь не стремилась к отделению, и Собор считал возможным отстаивать свое правовое положение. Церковь оставляла за собой прежнюю сферу деятельности, включая учебную, метрическую, судебную, и требовала от государства признания государственного значения результатов этой деятельности. Необходимо упомянуть еще и о докладе С.Н. Булгакова 13 ноября 1917 года «О правовом положении Церкви в государстве», в котором докладчик начал с вопроса «да есть ли еще русская государственность и правительственный власть?» и пустился в длинные рассуждения о месте христианской Церкви в истории, отстаивая, по сути, теократию. Докладчик предлагал не «бойкот неугодной власти», а заявлял об ответственности Церкви за народ и заявлял, что государство Российское «само должно охранять первенствующее положение Православной Церкви в России»²¹. Несомненно, что эта Декларация была обращена не к Совету Народных Комиссаров, а к предполагаемому Учредительному собранию. Ни определение Собора, ни Декларация С.Н. Булгакова не принимали во внимание произошедшую смену власти, зато нашлись люди, которые донесли до правительства решения Собора²².

Ответ последовал незамедлительно: 16 декабря был издан декрет «О расторжении брака», согласно которому все дела о расторжении брака передавались из консistorий в окружные суды, а сам брак расторгался по просьбе обоих (или одного) супруга; 18 декабря – декрет «О гражданском браке», признававший церковный брак частным делом брачующихся, и 20 января (2 февраля) 1918 года – знаменитый «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», отделивший Церковь от государства, лишивший ее

статуса юридического лица, запретивший ей владеть имуществом и объявлявший народным достоянием имущество религиозных организаций.

К этому повороту члены Собора, несомненно, не могли быть готовы. На протяжении всей первой сессии Собор обращался неоднократно с посланиями к пастве, пытаясь остановить грабежи и убийства, вернувшись к христианским нормам. Наибольшую известность приобрело послание, изданное от имени патриарха Тихона 19 января (1 февраля), в котором он анафематствовал тех, кто участвовал в «ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей», в «кровавых расправах», и призывал паству «на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной»²³.

В эту сессию Собор принял Определение «О церковном проповедничестве», в котором помимо призывов паstryрей к проповедям содержалось также разрешение выступать с проповедями во время богослужения клирикам и мирянам по благословению епископа и с разрешения священника; кроме того, учреждались «благовестнические братства», чтобы настойчивее раздавался повсеместно учащий голос Церкви»²⁴; а также определение «О преподавании Закона Божьего в школах», «О церковных школах», «По поводу правительственного определения о церковно-приходских школах».

25 января (7 февраля) 1918 года был зверски убит в Киеве митрополит Владимир, председатель Отдела о церковной дисциплине. Он был выведен за ворота лавры и расстрелян, а никто из монахов не последовал за ним. На третьей сессии Собора этот день будет объявлен днем ежегодного поминования исповедников и мучеников²⁵.

2 февраля 1918 года Собор начал вторую сессию, продолжавшуюся до 20 апреля. Собор не признал законным гражданское расторжение церковного брака (Определение «По поводу декрета о расторжении церковного брака и о гражданском браке»). Однако к рассмотрению изменения церковного законодательства о разводе Собор приступил лишь в 3-й сессии, несмотря на многочисленные просьбы из епархий, в том числе и петроградского митрополита Вениамина.

За время второй Сессии было принято Определение «О епархиальном управлении», в котором был определен,

в частности, порядок выборов епископов. В выдвижении и избрании епископов должны были участвовать как епископы, так и миряне, устанавливался и возрастной ценз для избираемого – 35 лет. Епископ мог быть избран и из мирян. Епископ назначался на кафедру пожизненно. При нем вместо консисторий вводился епархиальный совет, избранный епархиальным собранием, при епархии предполагалось учреждать миссии, братства и духовные общества. В эту же сессию был принят Приходской устав²⁶. Управление в приходе было организовано по принципу выборности, избирался на три года приходской совет из двадцати человек, председателем был священник, заместителем – мирянин. Предполагался и выборный староста, эту должность могли занимать женщины. Выборность священников не была предусмотрена, но приход мог предлагать свою кандидатуру епископу²⁷.

В эту же сессию приняты определения, вызванные крайним упадком доходов клириков и обострившимся противостоянием среди них («О разделе местных средств содержания приходского духовенства», «Об образовании общепреставрковой казны и обеспечении содержанием преподавателей и служащих духовно-учебных заведений», «Об установлении особого сбора на покрытие расходов по содержанию Собора», «О внутренней и внешней миссии»).

После длительных пасхальных каникул Собор вновь приступил к работе с 15 июня и проработал до 7 сентября. Были приняты решения «О монастырях и о монашествующих». В начале XIX века произошел стремительный рост монастырей по всей России, в первую очередь женских. Но женские монастыри не были представлены на Соборе, их голос вообще не прозвучал. Среди монашествующих было множество необразованных крестьян. Было принято решение о создании специальных школ для монашествующих. Предполагалось также введение монастырской автономии и общемонастырских съездов. Обсуждался также вопрос о создании специальных монастырей для ученого монашества, но эта идея была отвергнута. И хотя уже была очевидна тенденция к изъятию у монастырей земель, Собор не предложил какой-то определенной альтернативы. Собор стремился упростить управление Церковью, внести элементы децентрализации, изменить систему образования (Определения «О викарных

епископах», «Об уездных собраниях», «О новых штатах Православных духовных Академий», «О духовных семинариях и училищах и о пастырских училищах», «О женских училищах епархиальных и духовного ведомства»).

Отдел о церковной дисциплине готовил ряд определений, направленных на расширение участия женщин в церковной жизни: введение чина диаконисс, предоставление права входить в алтарь, занимать должности в клире. Эти предложения были вызваны рядом причин: и возрастшим участием женщин в общественной жизни, и оскудением мужчин на приходах из-за войны. Попытки ввести чин диаконисс предпринимались неоднократно, диакониссы предполагались в учрежденной Елизаветой Федоровной Марфо-Мариинской обители, и чин их поставления был передан на Собор²⁸. Однако Собор так и не приступил к рассмотрению этого вопроса. Доклад об участии женщин в церковной жизни получил по сравнению с докладом в Отделе И.И. Галахова очень урезанный вид.

Удивительным образом не был принят на Соборе доклад об устройстве церковного суда, столь долго обсуждавшийся на всех предсоборных инстанциях, на заседаниях Собора и отвергнутый в последние дни Епископским совещанием. Принцип отделения суда от администрации оказался неприемлемым на уровне епархиальной власти. Очень длительным было обсуждение Постановления о поводах к расторжению церковных браков. Оно показывало, насколько по-разному относились к женщине, к браку в городских и крестьянских кругах. Обсуждение шло тогда, когда уже был издан декрет о разводе²⁹. Не было принято и решение о снятии клятв Соборов 1666–1667 годов и тем самым не был сделан шаг к воссоединению со староверами³⁰. Это тем более удивительно, что одним из аргументов в пользу восстановления патриаршества была возможность преодоления раскола.

Множество подготовленных докладов так и осталось в материалах Отделов и только в наше время становится достоянием общественности³¹. Не было принято решений о богослужебном языке. Были отклонены проекты о разрешении второго брака овдовевшим клирикам, о праве клириков носить светскую одежду и стричь волосы. Разумеется, последний из названных вопросов был второстепенным, но принял

исключительный характер в условиях гонений. Дьяконы, священники не могли устраиваться на работу, чтобы прокормить свои многодетные семьи, не могли передвигаться на транспорте, не подвергая свою жизнь опасности, о чем свидетельствовали письма на Собор и заявления его членов. Уже из предсоборной дискуссии было ясно, что каноны не определяют принятую форму одежды, а длинные волосы противоречат канонам. Но когда заявление членов Собора было заслушано на заседании, архим. Матфей (Померанцев) сказал: «Этот документ следует разорвать и бросить. И оглашать его не следует, чтобы не вызвать негодования верующих христиан». И когда Отдел подготовил Доклад, составленный архиеп. Иоасафом (Каллистовым) и И.М. Громогласовым, Совещание епископов не допустило его до рассмотрения на Соборе³².

За этими двумя второстепенными вопросами стояли судьбы людей, задавленных жизненными обстоятельствами.

Глобальный характер имел вопрос об автокефалии Грузинской Церкви, по которому также не было вынесено Соборного Определения. Не пытался сформулировать Собор и отношения к социализму – хотя этот вопрос поднимался на Съезде духовенства и мирян.

Всего остались нерассмотренными 20 докладов, уже представленных Собору. Число членов Собора, участвовавших в заседаниях Отделов и в соборных заседаниях, резко сократилось: передвигаться по России стало и трудно, и опасно. Что должны были чувствовать члены Собора, когда на 165 заседании 1(14) сентября 1918 года зачитывалась просьба Совета объединенных приходов о сношении с Советом народных комиссаров с тем, чтобы приговоренным к расстрелу православным разрешалось приобщаться Святых Таин, а родственникам выдавались тела казненных для похребения?³³ Предвидели ли они, что и их это ожидает? Как сказал архиепископ Арсений: «Настоящее гонение тяжко для нас, но и счастливо, ибо нас упреждают мученики, и кто из нас, провожая день и встречая утро, знает, что его ожидает?»³⁴ Епископ Охтенский Симон (Шлеев) остро почувствовал необходимость изменения стиля работы Собора: «Мы слишком отшлифовываем свои постановления, думая, что тщательная обработка сообщает им жизненность. Но жизнь

нас не ждет. Она быстрыми шагами идет вперед, так что мы из-за этой тщательной отшлифовки своих работ слишком долго ждем»³⁵.

На последнем, 170 заседании уже был озвучен мартiroлог. Секретарь Собора В.П. Шеин докладывал о гонениях на Церковь: «Обычным оправданием расстрелов и убийств служит для советской власти обвинение, в большинстве случаев непроверенное и голословное, в контрреволюционности. <...> Третьим видом убийств пастырей является теперь так называемый “красный террор”, применяемый теперь так широко советской властью. <...> Забывшие всякую совесть агенты ВЧК, не считаясь ни с чем, хватают и расстреливают всех кого хотят»³⁶.

Нам сегодня невозможно представить, что такие речи звучали на Церковном Соборе. И это удивительный опыт противостояния террору властей.

Разумеется, Собор не решил всех проблем, стоявших перед Церковью. Не было принято постановление о митрополичьих округах. И тем не менее был очень важный опыт сорборности, опыт присутствия Святого Духа. Церковь, пусть и ненадолго, обрела Дар Слова, который дошел до нас. В новых условиях Церковь не могла существовать только в прежних формах. Именно поэтому появилось определение «О возведении в сан лиц в безбрачном состоянии», возобновлявшее практику целибатных священников. Но и к поиску новых форм, адекватных гонениям, Собор не был готов, хотя и пытался противостоять написку гонений. Так было издано уже упомянутое Определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», в котором в церквях должны были молиться о гонимых за православную веру (пункт 1), Патриарх должен был добиваться освобождения арестованных от местных властей (пункт 8). Собор призывал «11. Принять меры к возвращению всех отобранных имуществ церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций, в том числе зданий духовно-учебных заведений и консисторий. <...> 13. Призвать всех православных в целях ограждения от расхищения церковного достояния, возвращения уже отобранного и защиты гонимых: а) образовать при приходских храмах и монастырях особые братства из преданных Церкви людей, со включением в их

состав членов приходских советов», «утвердить ... Всероссийский Совет приходских общин»³⁷. Другое Определение 30 августа (12 сентября) 1918 года «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания» запрещало передавать церковное имущество в руки властей. В случае отобрания имущества общине вместе с паstryрем разрешалось с согласия епископа совершать литургию и другие службы «в частном доме или в ином приличествующем помещении», определение позволяло употреблять для службы и сосуды без украшения, и облачения из простой ткани. В заключение этого Определения говорилось: «Да будет ведомо всем, что Церковь Православная дорожит своими святынями по их внутреннему значению, а не ради материальной ценности и что насилия и гонения бессильны отнять у нее главное сокровище — святую веру, залог ее вечного торжества»³⁸. Этими словами Церковь возвращалась к апостольской эпохе. Эти определения не могли не повлечь дальнейшей конфронтации с органами большевистской власти.

Определением «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни» 6 (19) апреля 1918 года Собор пытался преодолеть назревавший церковной раскол, грозя отлучением непокорным, сотрудничавшим с властью, употреблявшим ее против других клириков³⁹. Орган Высшего Церковного Управления должен был продолжить работу Собора и ввести в жизнь нерассмотренные определения, Собор признал существование автономного органа Высшего Церковного Управления на Украине.

Собор был закрыт с надеждой на возобновление своей работы (Определение 5 (18) сентября 1918 г. «О полномочиях членов Собора»), но эта надежда не сбылась.

Несомненно, что значение Поместного Собора 1917–1918 годов выходит далеко за рамки русской истории. Гонения на Церковь в советской России вызывали протест во всем христианском мире и внимание к судьбе православия. Идея Церковного Собора как ответа на запросы времени, как способа преодоления противоположных течений внутри Церкви стала актуальной для христианского мира и нашла свое продолжение. Вместе с тем Собор показал, что возвращение Церкви к ее каноническим нормам оказалось очень сложной задачей, которую невозможно разрешить,

следуя лишь букве канона и пытаясь возродить ситуацию, в которой Церковь находилась в эпоху Вселенских Соборов. Требование «сообразовываться с условиями жизни» и при этом не изменять «правде и истине» — это тот опыт Собора, который не переносится механически. Ценность Собора сегодня для наших современников в том, что он донес голоса людей, не обезличенных, «не слившимся в массе», не благостно мычащих, а людей, ответственных за свою позицию, видящих реальные проблемы церковной жизни и пытавшихся найти пути их преодоления. За это многие из них поплатились жизнью⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обстоятельный обзор истории изучения Собора с библиографией имеется в статье: Белякова Н.А. Поместный Собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: опыт изучения в России и за рубежом // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1 (34). С. 379–403.

² Bolschewistische Herrschaft und orthodoxe Kirche in Russland. Das Landeskonzil 1917/1918. Quellen und Analysen / Eds. Schulz G., Schröder G.-A., Richter T.C. Münster, 2005. См. также и др. работы, примеч. 1.

³ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001; Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Савва (Тутунов), иг. Епархиальные реформы. М., 2011; Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2012.

⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012 (продолжающееся издание).

⁵ Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; Милюков Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 98–110, 133–136; Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.

⁶ Записки о реформе Церкви // Вера и Разум. 1908. № 15. С. 285–288.

⁷ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 4 т. СПб., 1906 (переизд.: М., 2004).

⁸ Журналы и Протоколы Предсоборного Присутствия. Т. 1. М., 1906. С. V.

⁹ Там же. Т. 1. С. 343–344.

¹⁰ См., напр.: *Вениамин (Федченков)*, митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 277.

¹¹ См.: *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 55.

¹² Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. М., 1995. С. 206.

¹³ См.: *Соколов А.В.* Государство и Православная Церковь в России в феврале 1918 – январе 1918 г. СПб., 2015.

¹⁴ См.: *Рогозин П.Г.* Церковная революция. 1917 г. СПб., 2008. С. 213.

¹⁵ В Деяниях опубликован лишь протокол 113-го заседания. Текст приводится нами по: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 114. Л. 48–54.

¹⁶ Из выступления священника Н.Т. Карташёва. Деяния. Т. 1. С. 57.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 98–101.

¹⁸ Там же. Т. 3. С. 145–146.

¹⁹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 1. С. 4.

²⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 578. Л. 441–442. См. более подробно: *Белякова Е.В.* «Симфония властей» или «свободная Церковь в правовом государстве»: Русские дискуссии начала XX века // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. Вып. № 7 (23). С. 6–18.

²¹ Деяния. Т. 4. С. 15.

²² *Кравецкий А.Г.* К истории появления «Декрета об отделении церкви от государства» // Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 429–435.

²³ Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1841 / Отв. ред. Я.Н. Щапов. Отв. составитель О.Ю. Васильева. М., 1996. С. 23–25.

²⁴ Определения. Вып. 2. С. 12.

²⁵ Определение от 5 (18) апреля 1918 г. «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь» // Определения. Вып. 3. С. 55.

²⁶ О подготовке Устава см.: *Беглов А.Л.* «Община, учреждение, братство...»: Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 241–264.

²⁷ Определения. Вып. 3. С. 2–41.

²⁸ См.: *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика*. М., 2011.

²⁹ *Белякова Е.В. Церковный суд. Ук. изд. С. 195–322.*

³⁰ *Белякова Е.В. Старообрядческий вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Старообрядчество в России (XVII–XX века). Вып. 4. М., 2010. С. 145–158.*

³¹ *Кравецкий А.Г. Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. Сб. 34. М., 1998. С. 202–388; Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001; см. также и др. работы, указанные в примеч 2.*

³² *Белякова Е.В. Церковный суд. С. 502–516.*

³³ *Деяния. Т. 11. С. 173.*

³⁴ *Там же. С. 194.*

³⁵ *Там же. С. 206.*

³⁶ *Там же. С. 231–232.*

³⁷ *Определения. Вып. 3. С. 55–57.*

³⁸ *Определения. Вып. 4. С. 29–30.*

³⁹ Ренегатство отдельных клириков, участие властей в организации церковного раскола только сейчас исследуется по архивным материалам. См.: *Петров С.Г. Русская Православная Церковь времени патриарха Тихона. Новосибирск, 2013.*

⁴⁰ *Кривошеева Н.А. Новомученики Русской Православной Церкви члены Поместного Собора 1917–1918 гг. // Почитание новомучеников XX столетия и восстановление национального исторического самосознания: Материалы V Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». 2008 г. Нижний Новгород, 2009. С. 277–287.*

Анкета «Вестника» о значении Собора 1917 года: в продолжение дискуссии

- 1. В чем Вы видите значение Собора для церковной истории, каково его главное «послание» Церкви?*
- 2. В чем значение Собора для Вашей Церкви? Насколько решения Собора были проведены в жизнь в Церкви, к которой Вы принадлежите?*
- 3. Есть ли необходимость в большей реализации решений Собора? Каковы перспективы такой реализации в Вашей Церкви?*

Протопресвитер Борис Бобринский, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже (Архиепископия Православных Русских Церквей в Западной Европе Константинопольского Патриархата).

1. Собор – это соборность, это чувство, что, все мы живы Духом единым, что все мы собираемся и живем во Христе. Будь то священник, иерей, мирянин – все мы братья и сестры во Христе. И это мы часто забываем: иереи изображают их себя что-то особенное, как и миряне...

Значение Собора 1917 года в том, что он показал необходимость здесь и сейчас продолжать возрождать истину древних соборов, которые часто отодвинуты в прошлое.

2. – *В чем значение Собора для местной Церкви? Для церковной жизни на Западе?*

– Местная Церковь должна быть соединена, жить вместе со всеми, жить в Духе Святом с другими Церквами, где бы они ни были, на Западе, на Востоке или на Севере. Должно быть чувство, что все мы друг от друга зависим, и нужно остерегаться, чтоб не создавать какое-то особенное первенство: мы, я, Москва, Константинополь... Все мы созданы воедино, и Господь всех нас объединяет, в подлинном смысле слова «соборность».

— Вы были знакомы с участниками Собора —protoиереем Сергием Булгаковым, protoиереем Сергием Четвериковым, А.В. Кафташёвым... Вам приходилось говорить с ними о Соборе 1917 года?

— Это наши подвижники, старцы, мудрецы... Они умели нам передать истину древних соборов, которой мы сейчас и живем, которую проповедуем и возвещаем. За это мы им благодарны и молимся за них. Они — наши святые отцы. Они позволили нам понять, что древние соборы, как Никейский и Константинопольский, были образцом, каким должен быть Вселенский Собор. Благодаря переданному ими, мы можем передавать нашему поколению, что точно нужно восстанавливать и что должно быть удержано из послания древних Соборов.

Беседовала Татьяна Викторова

Андрей Псарев, диакон, преподаватель канонического права в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле (Русская Православная Церковь Заграницей).

1. Значение Собора для церковной истории в том, что он стал выразителем чаяний всего народа Божия о том, как обустроить церковную жизнь, чтобы она максимально эффективно выполняла свое служение Богу и людям.

Главное послание я вижу в том, что Собор попытался «прослушать» всю Русскую Церковь, посредством привлечения к своим занятиям представителей всех ее составляющих общинностей.

2. Постановление Всероссийского Поместного Собора о сборе сведений о пострадавших за веру легло в основу почитания новомучеников в Русской Зарубежной Церкви. Принятый на Соборе приходской устав до сих лежит в основе Нормального приходского устава, по которому существуют общины РПЦЗ. То же, я думаю, можно сказать об органах епархиального управления и суда и совершенно определено о самом Всезарубежном Соборе с участием клира и мирян. Последний орган, кстати, и рассматривал в 2006 году вопрос о восстановлении общения в Русской Церкви. Пожалуй, что

этими аспектами влияние Собора на РПЦЗ ограничивается, что, впрочем, само по себе не так уж и мало.

Всероссийский Поместный Собор имел еще один важный аспект для самосознания РПЦЗ. В XX веке на протяжении десятилетий идея собора, находящегося в преемстве с Собором 1917–1918 годов, служила важным элементом риторики РПЦЗ. Такой свободный от внешнего воздействия Собор виделся неким форумом, должным подвести однозначный итог церковным разделениям XX века. Практически было неясно кто, как и на каких правах соберется на этот Собор. Поэтому такой собор, где бы участвовали представители РПЦ, РПЦЗ, Катакомбной Церкви, не состоялся. В какой-то степени он был заменен осмыслением процессов церковной истории XX века в лоне РПЦ (социальная концепция – яркий тому пример), переговорным процессом между РПЦ и РПЦЗ и начавшимся несколько лет назад освоением неизданного наследия Всероссийского Поместного Собора.

3. При всем вышеотмеченном значении решений Собора для РПЦЗ, зачастую среди представителей ее клира авторитет Собора считается скомпрометированным революционными и либеральными влияниями, которыми было охвачено российское общество в 1917 году.

Для ответа на подобные суждения необходима дискуссия о полноте решений, принятых на Всероссийском Поместном Соборе, в среде епископата, клира и христианского народа. Благо, сейчас корпус соборных деяний становится доступен посредством публикаций московского Новоспасского монастыря.

Независимо от отношения к конкретным решениям Собора 1917–1918 годов, Русской Зарубежной Церкви необходимо соборное осмысление тех задач евангельской проповеди и служения, которые ставят перед Церковью конкретные социальные и исторические условия, а это та же задача, которая стояла перед отцами Всероссийского Собора сто лет назад.

Павел Мейендорф, главный редактор журнала *St. Vladimir's Theological Quarterly*, в прошлом профессор кафедры литургического богословия Свято-Владимирской семинарии (Православная Церковь в Америке).

1. Я назвал бы Собор 1917 года самым значительным событием в истории православия со времени падения Константинополя в 1453 году. Его главным посланием была попытка восстановить в жизни Православной Церкви реальную соборность, создав церковный строй, который соответствует современной эпохе, — строй, где слышен голос верующих, представляющих все уровни церковной жизни, в частности, голос мирян, низшего клира и епископата.

2. Устав Православной Церкви в Америке создавали, ориентируясь на решения Собора 1917–1918 годов и адаптируя их к ситуации в Северной Америке. В каждой епархии существует ежегодное епархиальное собрание, где в равной степени представлены клир и миряне. Каждые три года в нашей Церкви проходит «Всемериканский собор», где клир и миряне представлены опять-таки в равной степени. Имена кандидатов в епископы называются епархиальными собраниями, после чего выдвинутые кандидаты избираются Синодом епископов. Выборы епископа — предстоятеля Православной Церкви в Америке проходят на очередном или чрезвычайном «Всемериканском соборе», а затем избрание утверждается Синодом епископов. Миряне активно участвуют в работе всех церковных учреждений.

В своей основе это устройство существует с той поры, когда архиепископ Тихон, впоследствии Патриарх Московский, служил в Америке, а после получения в 1970 году автокефалии от Московского Патриархата оно было закреплено Уставом Православной Церкви в Америке.

3. Несмотря на то что такой строй хорошо служит нашей Церкви уже около ста лет, временами возникает сопротивление ему со стороны отдельных епископов, полагающих, что он не вполне каноничен и ограничивает их власть и авторитет. В некоторой степени это объясняется долей клерикализма, под влиянием которого находится современное православие и который не способен признать священство всех верных, лежащее в основе соборности. Здесь следует отметить ту важную роль, которую сыграли в укреплении видения церковной жизни с точки зрения соборности Свято-Сергиевский богословский институт в Париже и Свято-Владимирская богословская семинария в Нью-Йорке.

Священник Георгий Кочетков, профессор, основатель и ректор Свято-Филаретовского православного христианского института в Москве, основатель и духовный попечитель Преображенского содружества малых православных братств (Русская Православная Церковь Московского Патриархата).

1. Мне представляется, что Московский собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов – явление выдающееся и в каком-то смысле даже уникальное в истории Православия. В любом случае прошло много исторического времени с тех пор, когда были возможны подобные соборы в Церкви. Думаю, что этот Собор важен прежде всего своим составом и своим настроем. Состав его включал в себя не только епископов, но и духовенство, монашество и мирян. При этом все работали очень интенсивно, очень самостоятельно, очень ответственно и компетентно. Да, на Соборе был принцип представительства, были какие-то элементы, связанные с реалиями того времени, со стремлением к демократии, к внешней свободе, к обновлению Церкви, но это не было определяющим фактором.

Очень важно, что предшественниками, «отцами» Собора по существу стали многие выдающиеся церковные деятели того времени, среди которых нельзя не назвать в первом ряду Николая Петровича Аксакова и Николая Николаевича Неплюева.

Собор с самого начала принял позицию на покаяние, то есть на изменения внутренние, а не только внешние. Но он не отказывался и от рассмотрения горячих внешних вопросов. Он действительно собрал реальные проблемы и, как мог, их сформулировал и попытался их решить. Это были проблемы жизни в Церкви, конечно, но в меняющемся обществе. Отказ от клерикализма, укрепление принципа соборности, восстановление канонических начал и желание определенной части Собора восстановить патриаршество – все это имело большое значение. Собор хотел рассматривать и рассматривал даже такие вопросы, как вопрос русского богослужебного языка, или, скажем, о введении чина диаконисс, изменения положения женщин, и не только мирян, в церковной жизни, выборности епископата, не только патриарха и синода, создания Высшего Церковного Совета и так далее.

На Соборе проявилось желание найти адекватную форму жизни прихода, установив приходской устав, в отличие от монастырского. Все это имело огромное значение и могло существеннейшим образом изменить духовную ситуацию в России к лучшему, если бы этот Собор собрался немножко раньше, скажем, в 1905–1907 годах, когда возникла идея его созыва, которая была, как казалось, близка к реализации.

На мой взгляд, была совершена огромная ошибка императором, который все-таки отказался от идеи созыва Собора, и поэтому он смог собраться только после февральского переворота 1917 года. Таким образом, главное как бы послание Собора – это обновление без обновленчества, как мы сказали бы теперь, это восстановление соборности снизу и сверху, это живая жизнь Церкви во всем ее многообразии.

2. – Вы говорите о значении Собора для Вашей Церкви и для цифковной истории в целом?

– Конечно, и то и другое. Собор имел, и имеет, и будет еще иметь огромное значение для нашей Церкви, для Русской Православной Церкви. Он не смог в большой степени раскрыться, раскрыть свои решения в жизни, так сказать, их осуществить, воплотить в жизнь, не смог по причине внешних обстоятельств, которые очень быстро сделали это практически невозможным. Но его идеи сохранились, его постановления сохранились, его намерения известны, его недостатки нам тоже известны.

Не случайно, Собор повлиял и в целом на христианскую жизнь в XX веке. Приведу пример, который, надеюсь, ни у кого не вызовет никаких сомнений: влияние этого Собора на Второй Ватиканский собор. Оно было не очень явным и, может быть, об этом не так часто говорят, однако очень многие вопросы, которые начал рассматривать и даже частично успел рассмотреть Великий Московский собор 1917–1918 годов, повторились на Втором Ватиканском соборе. В большой степени они были типологически усвоены и разработаны, развиты дальше отцами Второго Ватикана. Сыграл свою роль Московский Собор и в развитии мирового богословия. Конечно, его решения, оцениваемые критически или позитивно, вызвали большой интерес прежде всего у экклезиологов, а экклезиология – это одно из основных открытий XX века.

3. Решения Собора в XX веке были недостаточно реализованы, и сейчас мы пока еще имеем ту же картину. Некоторым может представляться, что развитие церковной жизни в нашей Церкви, в Русской Православной Церкви, особенно в последнее десятилетие или десятилетия после падения советской власти, устраивается в русле решений Собора 1917–1918 годов, но, как известно, это не совсем так. В целом ряде важнейших вопросов нынешняя ситуация в нашей Церкви отклоняется от решений Собора 1917–1918 годов, что большинство людей считает принципиальным недостатком нашей современной церковной жизни. Мне думается, что прежде всего надо вернуться к самим решениям этого Собора и сначала постараться их максимально исполнить. И дальше надо идти вперед, развиваться в духе этого Собора, но не идти назад. И конечно, это в первую очередь касается вопроса о клерикализме, который сейчас набрал обороты и превратил нашу Церковь в нечто совершенно иное по сравнению с тем, чем она была даже до революции. Этот клерикализм изменил сам экклезиологический тип жизни нашей Церкви. Я бы сказал, у нас появился новый тип экклезиологии, которого в православии прежде не было. Для православия никогда не была характерна такая вертикаль власти, какую мы имеем сейчас: вертикаль власти без какой-либо реальной соборности. Это не только не характерно для нашей истории, но не должно быть характерно и для православия в целом. Потому что иначе мы становимся большими католиками, чем сама Римско-Католическая Церковь, большими католиками, чем папа Римский.

Поэтому всем православным нужно трудиться над тем, чтобы изучать решения Собора, чтобы обсуждать их, чтобы исполнять их, потому что никакие его решения на сегодняшний день не отменены. Все, что отменено, на самом деле не очень канонично и законно, а все, что изменилось принципиальным образом, все эти изменения пока не в лучшую сторону, так что придется добиваться лучшего. Надеюсь, в нашей Церкви силы для этого будут: найдутся и богословы, найдутся и епископы, клирики и миряне, так же как и монахи. И это дело будет с Божией помощью сделано! И хочется верить, что это произойдет в обозримом будущем.

Константин Сигов

Община в гонениях. Круг отца Александра Глаголева

Только тогда страдания христианина будут подобны страданиям Христа и спасительны для страдальца, когда он среди страданий сохранит и правую веру, и твердую любовь к Отцу Небесному, вразумляющему бедствиям, а также братскую любовь к близким, не исключая и врагов своих.

Свящ. Александр Глаголев

Мартиролог и «микроистория»

Жизнь свидетелей и пути мучеников являются критериями критического переосмыслинения взглядов на мартиролог XX столетия. Статистика жертв и описания мук, фотографии в профиль и анфас в следственных делах жертв ГУЛАГа и архивные документы подобны полю, усеянному костями в видении Иезекииля (37, 1–14)¹. Одни способны усматривать в них почву для уныния и нигилизма, другие – для мести или реванша. Но такие поверхностные взгляды, как слои льда, отдаляют нас от глубинных мотивов свидетельства. «Главное в мученике – не кровь, а неизменная, неизменяющая любовь. Дело не в тиграх и львах. Многие люди погибали, растерзанные хищными зверьми, но только те, чья смерть была проявлением милосердной любви, то есть любви к Богу и любви к людям, погибли мучениками в основном смысле этого слова martyr, то есть свидетелями»².

В словах митрополита Антония (Блума) мы слышим неискаженный голос исповедников XX века. Их осмысление собственного пути тщательно искореняли в эпоху массового и безымянного уничтожения не только людей, но и памяти об их образе мысли. Самосознание целого сонма безвестных свидетелей правды точно передал погибший на допросах в 1937 году последний ректор Киевской духовной академии священник Александр Глаголев: «Только тогда страдания

христианина будут подобны страданиям Христа и спасительны для страдальца, когда он среди страданий сохранит и правую веру, и твердую любовь к Отцу Небесному, вразумляющему бедствиями, а также братскую любовь к близким, не исключая и врагов своих»³.

Отметим знаменательное единство в определениях специфики христианского мученичества, данных о. Александром Глаголевым и митрополитом Антонием: в них мы слышим выразительную перекличку двух поколений и при всем различии судеб — глубокое единство духа. Еще один пример: «В 1923 году проповедует молодой священник. Его арестовывают за проповедь Евангелия, сажают в тюрьму, допрашивают, пытают, бьют, через несколько месяцев выпускают. Он попал туда молодым человеком, полным силы, жизни и энергии, он вышел из заключения седым, разбитым стариком. Близкие окружают его и спрашивают: “Что осталось от тебя после этих месяцев?” И он отвечает: “Страдание выжгло все. Осталось одно — любовь”»⁴.

На этом-то неуничтожимом «остатке» — любви — и стоит свидетельство правды, а без него оно исчезает. Критерий правды — «закон любви»; это библейское словосочетание митрополит Антоний раскрывает своей формулой: «строгое требование безграничной любви». Такое определение помогает нам понять, в частности, что суть свидетельства как действия отсутствует в следственном «деле». Протоколы допросов еще меньше, чем отпечатки пальцев, говорят о лице того, в ком «страдание выжгло все».

Историки Церкви привлекают внимание к проблеме истолкования результатов переписи населения в СССР в 1937 году. Более половины многомиллионного населения СССР после двадцати лет атеизма, насаждаемого тоталитарным государством, черным по белому вписало в анкеты положительное исповедание веры. Как объяснить такое обширное отклонение от «генеральной линии»? В годы Большого Террора всем был ясен риск и последствия публичного исповедания веры (анкеты не были анонимными). Для истолкования этой «аномалии» недостаточно скучных социологических данных о сословиях, уцелевших после «большого перелома», или приблизительного подсчета сторонников нового режима и старого. В этом вопросе историческое понимание

особенно остро нуждается в «микроисторическом» подходе, в кропотливом и вдумчивом освещении общего контекста конкретными образцами свидетельств. Поясним эту мысль примером, помогающим за статистикой переписи разглядеть смысл и цену, которой она оплачена.

Киевскую землю, край первых страстотерпцев Киевской Руси — святых Бориса и Глеба, не удалось окончательно лишить тысячелетней исторической памяти. Глубоким свидетельством о неизгладимом — о том, что никакому насилию оказалось не под силу «стереть с лица земли» — стал путь отца и сына Глаголевых, новомученика о. Александра († 1937) и праведника о. Алексея († 1972)⁵.

Семя и плод

Александр Александрович Глаголев родился в 1872 году в Тульской губернии в семье священника⁶. По окончании Тульской духовной семинарии поступил в 1894 году в Киевскую духовную академию и навсегда связал свою жизнь с «Киевскими Афинами»⁷. Здесь, в 1898 году получил степень кандидата богословия и право на соискание степени магистра богословия без новых устных испытаний. О своем учителе, замечательном профессоре-бibleисте КДА Олесницком, его благодарный и достойный ученик сказал: «Как академический преподаватель А.А. Олесницкий отличался замечательным даром передавать свои богатые познания своим слушателям и изумительным терпением в этом деле. Как человек, он владел истинным благородством духа, честностию в высшем смысле слова, смиренiem, доброжелательством ко всем, простию в обращении»⁸.

В 1900 году А.А. Глаголев защитил в КДА магистерскую диссертацию «Ветхозаветное Библейское учение об Ангелах» — выдающийся труд, привлекший внимание к талантливому библеисту. А.А. Глаголев становится членом Комиссии по научному изданию славянской Библии, принимает участие в издании Православной Богословской энциклопедии. В 1911 году А.А. Глаголев возглавил паломническую группу студентов КДА, совершившую поездку на Святую Землю. Позднее ее подробно описал в своем очерке «Первая паломническая экскурсия студентов императорской Киевской духовной

академии в Святую Землю летом 1911 г.» Сергей Карнеев, который входил в состав группы. Очерк под редакцией А.А. Глаголева был опубликован в журнале «Труды Киевской духовной академии» в 1913–1914 годах и вышел отдельной брошюрой в 1914 году⁹. По приглашению А.П. Лопухина Глаголев пишет для «Толковой Библии» комментарии на 3 и 4 книги Царств, книги Товита, Притчей, Песни Песней, пророков Наума, Аввакума, Софонии, Аггея и на соборные послания¹⁰.

Между строк глаголевского послужного списка и библиографии прочитывается лейтмотив его ученых занятий: «...в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!» (Пс 1, 2).

Размыщление о библейском законе: в таком размыщлении вслед за первым псалмом Псалтири Глаголев видел преодоление ложной альтернативы — либо «слепое повиновение» закону, либо ослепленный порыв к беззаконию. Революция стремилась стереть со скрижалей человечества все «ветхие» законы. На смену прежним формам права марксисты звали железные «законы истории». Радикалы и консерваторы в это смутное время оставляют забытый путь к воле — воле открыть неведомый простор для ума и сердца «в законе Господнем», законе любви. Но именно этот закон и путь Глаголев называет царским, обличая многообразные «искажения царственного закона любви»¹¹.

Конкретным примером такого закона является закон гостеприимства. Согласно Глаголеву, он выявляет разнообразие конкретных форм библейской премудрости. Деятельное, заботливое гостеприимство Марфы и сосредоточенное внимание Марии к слову гостя олицетворяют два типа единого служения. Тенденция противопоставлять их друг другу грозит поляризацией внешнего и внутреннего, практики и теории, духа и буквы, слова и дела. Глаголев утверждает, что они по сути, «как семя и плод», сопряжены: «Внутреннее и внешнее служение наше Богу должны так тесно и неразрывно соединяться одно с другим, как связаны причина и действие, как семя и плод. Так в евангельском учении, уясняемом святой Церковью, находит разрешение возникший порою в христианском обществе вопрос о сравнительном преимуществе созерцательного подвижничества во Христе пред деятельным или наоборот»¹².

Миссия духовного просвещения была явлена великими выпускниками киевской школы — святителями Димитрием Ростовским, Феодосием Черниговским, Иннокентием Иркутским. Вослед за прославленными именами академии Глаголев вспоминает и других собратьев: «...сколько неведомых миру, но ведомых Сердцеведцу Богу тружеников в различных служениях дала школа наша обширному отечеству нашему, таких деятелей и тружеников, в жизни и деятельности которых находил осуществление и воплощение божественный закон любви»¹³.

Трудности в осмыслении опыта подвижников и праведников XX столетия связаны не только с фактической ограниченностью наших знаний, с исчезновением множества документов, источников и свидетельств. Архивные утраты, обретения и преобразование данных в историческое повествование по сути связаны с иной трудностью. В путях свидетелей «закона любви» неизбежно ускользает от нашего взгляда нечто необъяснимое словом и остающееся «странным». Глаголев указал на эту трудность, приведя слова свт. Иоанна Златоуста: «Знаю, что многим сказанное [о любви] покажется странным; причиною — то, что я говорю о предмете, который ныне обитает на небе. Как если бы я говорил о каком-нибудь растении, которое родится в Индии и о котором никто опытно не знает, то я не мог бы вполне объяснить его словом, хотя бы весьма много говорил о нем, так и теперь, сколько бы я ни говорил, говорил бы напрасно, потому что некоторые не поймут сказанного. Ибо на небе, как я сказал, насаждено это растение. Но если мы захотим, то оно может быть насаждено и в нас. Посему нам и заповедано говорить к Отцу Небесному: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли» (Мф 6, 10)»¹⁴.

Укорененным в земле «небесным растением» стал для человечества охваченный пламенем терновник, который Моисей встретил на склонах Синая. Неустранимая «страннысть» неопалимого куста бросает свет и на скрижали закона любви, вверенного Моисею. Закон, исполненный любовью, и куст, расцветающий огнем: оба события несут в себе парадоксальность библейской вести. Эта парадоксальность нарушает привычные для нас схемы мышления «эпохи информации». Ни информацией, ни концептом закон любви не является.

Сознанию тут как бы не за что ухватится: ветви закона охвачены огнем.

Свидетели огненной любви своим образом жизни предъявляют предельные требования, перед которыми немощны наши слова и наши школы. Но Глаголев предостерегает нас от поспешных выводов из этого противоречия. Те, о ком он говорил (и чьи ряды он пополнил), открыли особую школу: «...как существо Церкви образует союз истины, любви и благодати, так и душу братской школы составляют эти животворные стихии». После семидесятилетней разрухи такой образ школы многим покажется утопией. Но Глаголев подчеркивает историческую и эсхатологическую связь школы с Церковью: «Исконная связь братской школы с Церковью сообщила братскому союзу любви и истины высшее освящение и благодатную силу, делая и школу причастною той непереборимости, неодоленности противными силами, какая обетована и дарована Господом Иисусом Христом Его Церкви»¹⁵.

«Пламень был стерпим»

Накануне Первой мировой войны о. А. Глаголев публикует знаменательную работу «Купина неопалимая: Очерк библейско-экзегетический и церковно-археологический». В ней раскрыто многомерное видение той Встречи, которая предварила вверение человечеству десяти заповедей и Закона: событие «первого Богоявления Моисею, при котором не только состоялось призвание его к пророчеству, но и было открыто ему великое и священное имя – Иегова (Исх 3, 10–14)». Глаголев цитирует Мидраш: «Почему Бог показал Моисею такое видение? Потому что Моисей именно думал и говорил в сердце своем: “Вероятно, египтяне истребят евреев”; потому-то Бог показал ему горящий, но неопаляемый куст»¹⁶.

Ссылаясь на старинное толкование, о. А. Глаголев указывает на двоякое значение огня в этом «великом видении»: с одной стороны, уничтожающее его действие, символизирующее грозный гнев Иеговы (ср. Втор 4, 24); с другой – очищающее и прообразующее действие огня испытаний и страданий (ср. Быт 15, 17; Откр 3, 18), которые Бог посыпает «как отдельным людям, так и целым сообществам, призываляемым к высшей деятельности»¹⁷.

Гонимый библейский «остаток» человечества, как писал о. Александр, «народ, сжигаемый в “печи железной” (Втор 4, 20) египетского рабства, казался близким к окончательной гибели, огонь мучений охватил его со всех сторон, но совершенно уничтожить евреев он все же не мог»¹⁸. Древние христианские толкователи раскрывают двойной смысл события. Блаженный Феодорит к уже упоминавшимся двум прообразовательно соотнесенным парам (куст / огонь, Израиль / Египет) присоединяет третью: «Провозглашается Божия сила и Божие человеколюбие, потому что неугасимый огонь не истреблял сухого куста. Но, думаю, изображалось сим и другое, а именно, что Израиль, против которого злоумышляют египтяне, не будет истреблен, но победит врагов, а также и то, что Единородный, вочеловечившийся и вселившийся в девическую утробу, сохранит девство неприкосновенным»¹⁹.

Свящ. А. Глаголев особое внимание уделяет тому направлению истолкования, которое развивал св. Кирилл Александрийский. Каков прообразовательный смысл чуда, когда «пламень был стерпим»? На этот вопрос св. Кирилл отвечает: «Целью пестунства было таинство Христово, которое очень ясно указано было в видении. Ибо купина есть кустарниковое растение, бесплодное и мало отличающееся от терновника. Великий же пламень обнял ее. В образе огня явился святый Ангел. И пламень весьма высоко поднимался, но никак не вредил купине, в которой явился. Дело было поистине необыкновенное и выше всякого разума. Огонь объемлет терние и только согревает его тихим прикосновением своим, как бы забывая свою естественную силу и совершенно спокойно облегая то, что мог бы истребить. Посему-то Божественный Моисей и был поражен видением. Какой же смысл этого видения? Огню Священное Писание уподобляет Божественное естество по той причине, что оно всесильно и легко может все побороть; древам же и траве полевой уподобляет человека, из земли происшедшего...»²⁰

Купина неопалимая в живом христианском предании является не только высоким предметом для созерцания. «Мудрость христианина, — подчеркивает о. А. Глаголев, — выражается первое всего в исполнении воли и заповедей Божиих; она есть воплощение и осуществление учения Христова в жизни Его последователей, соответствие христианского поведения

христианскому исповеданию»²¹. Всей своей жизнью киевский пастырь свидетельствовал о решающем значении слов Спасителя, завершающих Нагорную беседу: «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне» (Мф 7, 24).

«Служение оправдания»

Оправдание без вины осужденного человека (например, по фамилии Дрейфус или Бейлис) как исторически значимое, мировое событие – таков новый горизонт человечности, «прозвёт» на пороге XX века...

В открытие этого горизонта внес свою лепту профессор-гебраист Киевской духовной академии священник Александр Глаголев, свидетель защиты Менделя Бейлиса. Избавление от клеветы ни в чем не повинного согражданина, киевского еврея, обрело правовую силу прецедента, обозначило предел беззаконию.

Подсудимый (как это случается и сегодня) пассивно-«бездейственно» претерпевал то, что на протокольно-тюремном языке именуется «делом». Снятие ложных подозрений и облыжных обвинений, *оправдание человека*: в такой отчетливой правовой форме приобрел широкую огласку, но по сути только приоткрылся смысл того большого исторического дела, с которым связано глаголевское имя.

Прямой, «физический» смысл этой инициативы (еще не отчеканенный в правовых формулах) выразил отец Александр Глаголев, когда встал на пути погромчиков, шедших крушить подольские лавки. Тогда с ним вышли против бесчеловечности прихожане храма Николая Доброго, верные своему настоятелю и другу. Но насколько одинок был его путь в последующие глухие годы, вплоть до допросов и гибели в 1937 году? Настоятель разрушенного храма Николая Доброго не принимал навязываемого ему статуса одиночки, изгоя, «отщепенца» – не следует и нам сводить его дело к «исключению из правила».

Первая мировая война годами фронтовой бойни, миллионами «оптовых смертей» (О. Мандельштам), казалось, изгнала лицо и личность с исторической сцены, заслонила приоткрывшийся горизонт новой человечности. Больше-

визм и гражданская война навязали тот взгляд на вещи (классы, группы, прослойки), который три четверти века мешал различить размах глаголевского дела, вдуматься в его подлинный смысл.

Свидетели правды

Сталинские репрессии истребили и бросили в лагеря сотни лучших пастырей Киева, в том числе духовника киевских священников прот. Михаила Едлинского († 1937) и ближайшего его друга, последнего ректора КДА прот. Александра Глаголева († 25.11.1937). Но их близкие, друзья, ученики не сгинули в одночасье, их семьи не исчезли в 1937 году.

Отец Анатолий Жураковский был лидером нового поколения киевских священников после революции 1917 года. Анатолий Жураковский окончил историко-филологический факультет Киевского университета после временного перерыва в связи с мобилизацией в нестроевую часть на фронт в Первую мировую войну (преподавал солдатам физику и математику). Анатолий Жураковский участвовал в работе Киевского религиозно-философского общества. Его учителями были замечательные философы и богословы Василий Зеньковский, Василий Экземплярский, Петр Кудрявцев²².

На фронте он не оставляет своих богословских исследований. Пишет статьи для киевского журнала «Христианская мысль»: «К вопросу о вечных муках» (1916), «Евхаристический канон прежде и теперь» и «Тайна любви и тайна брака» (1917).

25 января 1918 года у стен Киево-Печерской лавры большевики расстреливают киевского митрополита Владимира (Богоявленского). Церковь провозглашает день его мученической кончины днем памяти всех исповедников, казненных безбожной советской властью.

18 августа 1920 года в Успенском соборе Киево-Печерской лавры состоялась иерейская хиротония Анатолия Жураковского. В годы гонений его приход св. Марии Магдалины привлекает киевскую интеллигенцию и молодежь. Магдалина Глаголева вспоминает о том, как о. Анатолий «в мае 1922 года участвует в грандиозном диспуте на тему “Наука и религия”, проходившем три дня (первый – в актовом зале

университета; второй и третий – в помещении оперного театра). О. Анатолий заключил: “Вам принадлежит сегодняшний день... может быть, завтрашний... А нам принадлежит Вечность”²³.

Новомученик священник Сергий Сидоров писал брату в Москву о жизни в Киеве: «Центр религиозной жизни – Лавра и приход отца Анатолия Жураковского; но оба, быть может, скоро будут разгромлены»²⁴.

В марте 1923 года в ночь на Страстной четверг о. Анатолия арестовывают и отправляют в ссылку на год и девять месяцев. Храм закрывают. Его община находит приют в храме св. Николая Доброго у о. Александра Глаголева. Здесь после возвращения из ссылки о. Анатолий Жураковский сослужит с о. Александром Глаголевым. Община постоянно собирает еду и вещи для передач арестованным и поддержки их семей. Входящих в храм св. Николая Доброго встречала тарелка с надписью: «Для заключенных».

Активной участницей жизни общины была Ольга Михеева (5.12.1899–14.08.1987). Она была из дворянской семьи, трое ее братьев были репрессированы. Ее племянник – пианист Святослав Рихтер. 20 ноября 1937 года Ольгу арестовали, и пять лет она провела в ссылке. После возвращения в Киев написала воспоминания о жизни общины в 1920-е годы: «Было трудное время. Хотелось облегчить жизнь, помочь старым, немощным, болящим прихожанам. Был организован стол милосердия, куда в течение недели люди приносили крупу, муку, овощи, деньги. В воскресенье все принесенное за неделю раздавалось нуждающимся. Было трудно с деньгами, их было очень мало или, вернее, совсем не было. Вечерами и в свободное время сестры и прихожане делали игрушки, куклы, kleили кульки и все это продавали на базаре. За вырученные деньги делали передачи заключенным, посылали посылки ссылочным. Накануне праздника Маккавеев 1 августа женщины Куреневки и Приорки жертвовали головки мака, васильки, любисток, чернобровцы, желтые гвоздики в большом количестве, сестры делали букеты и продавали в притворе храма, а под вербное воскресенье продавали букеты из вербы с искусственными цветами и зеленью. Цветы делали сами. Деньги шли на бедных и заключенных»²⁵. Как отмечает киевский историк Сергей Белоконь, «у киевской интели-

генции сложились особые взаимоотношения с Лукьяновской тюрьмой, куда снова и снова попадали родные и друзья»²⁶. Глаголев и Жураковский благословляли верующих помогать узникам. «В пасхальную ночь, — вспоминала Ольга Николаевна, — наутро, после заутрени и литургии, большие корзины с куличами, яйцами, колбасой, сахаром и другими продуктами сестры отвозили в Допр. По очереди, нагруженные продуктами, въезжали в ворота Лукьяновской тюрьмы подводы от разных церквей. Широко открывались ворота. Привратник приветствовал с праздником сестер. В большом помещении сестры раздавали привезенные продукты. По очереди из всех коридоров и камер приходили старосты камер, им отпускали яйца, куличи, колбасу, сахар и пр. Так, чтобы вся тюрьма получила привет от Церкви и никто не оставался обижен»²⁷.

Противоречивую реакцию в среде киевского духовенства вызвала известная декларация лояльности советским властям, подписанная митрополитом Сергием (Страгородским) 29 июня 1927 года. В ней, в частности, говорилось: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»²⁸. Священники Анатолий Жураковский и Спиридон Кисляков примкнули к «непоминающим». Критическую оценку этого поворота церковного корабля резюмирует историк протоиерей М. Польский: «Декларация митр. Сергия была крупным авансом заведомому мошеннику и шантажисту, испытанному в аферах, и притом без всякой расписки, маленького залога, на веру одному его слову. И конечно, обман был полный. Поймавши “каноническую” церковную власть в свои сети, большевики не дали ей ни капли того, что дали прежде обновленцам, но продолжали гонения, систематически и неослабно их усиливая еще двенадцать лет (с 1927 по 1940 г.), доведя Церковь до полного изнеможения, когда она совершенно перестала быть опасной для советского идеологического строя»²⁹.

Жена о. Анатолия Жураковского описала понимание ситуации рядовыми священниками и верующими: «Неслыханная ложь раздается с амвона от лица Церкви. Так было еще впервые. Люди страдали, но они знали, что есть место, недоступное лжи и неправде. Пусть отступали отдельные пастыри, но Церковь, Церковь была свободна, и, когда появились

*O. Александр Глаголев с внуком
Александром Манохой. Киев, 1937 г.*

доверие и уважение. Люди потеряли веру друг в друга и потонули в океане лжи и лицемерия, неискренности и фальши. <...> Среди этой стихии всеобщего растления, огражденная скалою мученичества и исповедничества, непоколебимо стояла Церковь как столп и утверждение Истины. <...> И кажется нам, что не мы, а митр. Сергий и иже с ним пленены страшной мечтой, что можно строить Церковь на человекоугодничестве и неправде. Мы же утверждаем, что ложь рождает только ложь, и не может она быть фундаментом Церкви»³¹.

О. Александр Глаголев не присоединился к ряду «непоми-нающих» клириков. Он сохранил лояльность киевскому митрополиту Михаилу (Ермакову). Но в глаголевском приходе после каждой волны арестов киевских священников находили приют прихожане гонимых общин. Так было до и после первого ареста о. Александра в 1931 году – и, наконец, вплоть до его последнего ареста и гибели в ноябре 1937 года. После восем-

живоцерковники всех толков, верующие быстро разобрались, что это падение отдельных людей, но Церковь чиста и непорочна, как Невеста Христова. А вот теперь... И лучшее духовенство всех городов начало быстро сплачиваться. В Церкви не должно быть и тени неправды»³⁰.

Осенью 1927 года из среды священников круга о. Анатолия Жураковского вышло «Киевское воззвание». В нем говорилось: «Правда мира поколебалась, ложь стала законом и основанием человеческой жизни. Слово человеческое утратило всякую связь с Истиной, с Праведным Словом, потеряло всякое право на

надцати допросов и пыток в Лукьянинской тюрьме земной путь о. Александра прервался в ночь с 24 на 25 ноября 1937 года.

Связь поколений свидетелей о Христе

Свидетелем правды, ключевым свидетелем глаголевского дела спасения людей стал сын о. Александра, Алексей Глаголев (02.06.1902–23.01.1972). Он принадлежит к поколению последних выпускников КДА 1924 года.

Алексей Глаголев принимал активное участие в жизни общины новомученика отца Анатolia Жураковского. Четыре года спустя после гибели отца Александра Глаголева в Лукьянинской тюрьме Алексей Глаголев принимает крест служения священника³².

С первого дня (точнее, ночи) трагедии Бабьего Яра в Киеве спасительным ковчегом для многих еврейских семей стал дом Глаголевых на Подоле и Варваринская церковь³³.

«Изгнание, тяжелые работы, даже концлагерь, – вспоминал отец Алексей вскоре после войны, – все это не казалось таким страшным, как насильственная смерть, ибо “dum spiro, spergo” (пока дышу, надеюсь). Пока человек дышит, в нем теплится надежда на избавление от этой неволи, на спасение и своей жизни, и жизни своих детей и близких. Идти же на расстрел самим, да еще своими руками нести или вести туда же собственных детей и видеть перед смертью, как их оторвут от матери и будут убивать на твоих глазах, – эта мысль была настолько ужасна, что каждый гнал ее поскорее прочь...»³⁴ Не поддается пересказу путь Глаголевых (через рвы одичания и страха, шаг за шагом) ради избавления от ада неведомых им прежде сограждан.

Праведниками мира провозглашены отец Алексей³⁵, матушка Татьяна Павловна, их дети Магдалина Алексеевна и Николай Алексеевич Глаголевы. Свидетельство из первых рук участницы тех событий, дочери отца Алексея и Татьяны Павловны Глаголевых, воспоминания Магдалины Алексеевны

О. Алексей Глаголев.
Киев, ок. 1943 г.

сообщают нам сегодня точный фактический материал и вместе с ним важнейший элемент данных о деле их семьи: живой дух, который одушевляет его.

Дух подлинного свидетельства освобождает от протокольно-тюремного новояза само понятие «дело». Здравый смысл и просто здоровое ощущение неискалеченной речи сопротивляются механическому повторению слов, которые Магдалина Алексеевна Глаголева не только берет в кавычки, но и переносит в совершенно иной нравственно-исторический контекст. «До закрытия Киевской духовной академии в 1924 году А.А. Глаголев был там профессором кафедры библейской археологии и древнееврейского языка. Кроме того, он знал 18 классических и европейских языков. И всей своей жизнью он опровергал излюбленные обвинения антирелигиозников в адрес духовенства: невежество, тунеядство, одурманивание народа в корыстных целях и т.д. Машина НКВД поставила задачу уничтожить этого священника и создала “дело” о якобы его “активном участии в антисоветской фашистской организации церковников”...»³⁶

Отстранение этого набора убийственных терминов возвращает возможность увидеть лицо человека, ясно запечатлевшееся в памяти его внучки и крестной дочери. Она заботливо отстраняет и другую крайность: неуместное восхваление глаголевского подвига по меркам той логики, для которой «без всяких элементов тщеславия» непредставимо величие исторического дела. Но в том-то и тайна его правды: «Для него характерны смирение и простота. Не та *sancta simplicitas*, о которой говорят в отношении ребенка или простака, много недопонимающего. А простота от мудрости. Мудрость и предельное незлобие – любовь к людям»³⁷.

«Предельное незлобие» как новое определение правды – Божьей и человеческой – было явлено в том столетии, когда, казалось, озлобление и злопамятность были возбуждены до предела. От нас эти события требуют того редкостного качества, имя которому стереть не удалось: *непамятозлобие*. Его смысл выходит далеко за рамки психологии. Перемена ума («метанойя»), предполагаемая непамятозлобием, – глубже персональной незлопамятности. По сути речь идет об изменении основных навыков отношения к миру, к Богу, к людям, к былому и к настоящему.

Без свидетелей?

Как быть с данными, бросающими вызов нашим теориям? Ум не находит для них места в наших схемах; но ощущению уже явлена мощь реальности неистребимой, одолевшей адомы круги уничтожения и в теории, и на практике³⁸. Суть дела не упраятали ни в подвалах, ни под сукном: «Мой отец объяснял, что великомученики среди других христианских мучеников называются так потому, что их не только много мучили, но, умирая в колизеях, на площадях, они воздействовали своим примером на других, и те, в свою очередь, принимали мученическую смерть. У наших мучеников не было свидетелей. Они были лицом к лицу со своими мучителями. Поэтому о них нужно говорить не ради них, а ради живых, подвигая их на добро»³⁹.

Тоталитарная идея изнасиловать историю «без свидетелей» была отброшена категорической неустрашимостью свидетельских показаний тех, кто «был там», видел и дает видеть происходившее другим. О том, сколь трудно (но и неизбывно!) это свидетельское служение по самой природе вещей, дело говорит яснее слова и заодно с ним⁴⁰.

Глаголевская купина помогает нам яснее различать основные исторические черты нашей смутной, тонущей в анонимной «тени» эпохи. Выделим три направления, требующих дальнейшего подробного изучения и осмысливания.

1. Преступные режимы были названы своим именем *в свете свидетельств об Освенциме и ГУЛАГе*.

2. Свет свидетельств не только табуировал практику тоталитаризма, но и опроверг ключевое положение, априори его идеологии: *все позволено «без свидетелей», без Другого*.

3. Светом свидетельств пока высвечена только верхушка айсберга тотальных идеологий последних столетий; но с ними подспудно связана масса наших привычных схем, понятий, навыков мышления по инерции, которая *исключает свидетельское измерение мысли* о трагическом рубеже эпохи⁴¹.

Опираясь на библейское повествование о первосвидеце правды – Аврааме, в XIX веке Кьеркегор бросил вызов всеохватно-энциклопедическому теоретизированию гегелевского типа. В истолковании дела «рыцаря веры» родилась экзистенциальная философия, переменившая горизонт мысли XX столетия. После искушения миражами глобальных

идеологий мысль XXI столетия остро нуждается в возобновлении контакта с несговорчиво-конкретной реальностью⁴². В ближайших исторических событиях мы призваны рассыпать незаглушаемый ничем разговор Иерусалима и Афин, Синая и Фавора. Опорой в таком деле может сегодня послужить библейская мощь глаголевских деяний⁴³.

«Стирание» Декалога versus «полное христианство»

О Десяти заповедях (их греческое именование «декалог» ближе переводит наименование на иврите, означающее буквально «десять слов», Десятисловие) не слышно в школе после потопа, в начале XXI века о. Александр Глаголев о них писал: «...власть и действие этих “десяти слов” не только обнимает все время Ветхого Завета, но и сохраняет всю силу и в Новом Завете на все века его продолжения. Не лежат ли эти заповеди Синайского Закона в основе всей европейской христианской цивилизации и культуры права? Не ими ли держится всякое общественное благоустройство?»⁴⁴

Отсюда делался о. Александром вывод об изменении образовательного подхода: «Изучение Закона Божия в наших школах должно осуществляться так, чтобы всюду выступала органическая связь обоих Заветов и чтобы идеей спасения людей освещались все отдельные рассказы из ветхозаветной и новозаветной истории. Этого, к прискорбию, доселе не наблюдается ни в низших, ни в средних наших школах. Дети учат отдельные отрывки истории в форме рассказов, например, о Ное, об Аврааме, о Давиде и пр., а какое отношение имеют эти рассказы к истории христианства, они не представляют. Между тем нужно иметь такой учебник по Закону Божию, который бы обнимал и выяснял собой, так сказать, полное христианство, то есть ветхозаветное и новозаветное и их тесную взаимную связь»⁴⁵.

Созерцание неопалимой купины у о. А. Глаголева глубокоозвучно тому, что писал его современник преп. Силуан Афонский: «О, немощный мой дух! Он тухнет, как малая свеча от слабого ветра; а дух Святых горел жарко, как терновый куст, и не боялся ветра. Кто даст мне жар такой, чтобы не знал я покоя ни день, ни ночь от любви Божией?»

Много сменилось ветров и поветрий после памятного празднования 1000-летия Крещения Руси (1988) на всех пяти континентах и отмены государственного атеизма на 1/6 земли. Миллионы свечей загорались в эти годы, выхватывая из темноты новые лица. Немногие «малые свечи» горели верным и тихим пламенем, а другие «тухли от слабого ветра», от суety, рассеянности, забывчивости.

Гости издалека, заходя в наши храмы после перестройки, удивлялись тому, как мало в них памяти об огненной вере тех, кто во времена гонений на веру сберег таинственный свет верности. Почему этим светом не светятся лица благодарных преемников сгинувших исповедников и новомученников? Отчего память о ближайших к нам святых не преобразила язык, не обновила поначалу духовное образование, а мало-помалу и светское? Где среди нас сегодня бредут живые преемники путников в Эммаус, спрашивающих самих себя: «Разве не горело сердце наше...»? Спаситель в XX веке, как и во времена евангельские, вновь столь явно принес Свой огонь на землю в лицах Своих свидетелей. И вновь благая весть в том, чтобы этот огонь разгорался. Но вспомним, что путники в Эммаус ощутили телесно не вещественный огонь от пожара или очага: им приоткрылся бесконечный горизонт Слова Жизни, когда Христос изъяснил им книги Моисея, «о бывшем у Купины...».

Дар истолкования, этот многообразный дар сегодня необходим и тем, кто впервые открывает Евангелие и Псалмы, и тем, кто стремится читать их на языках оригинала и освоить современные открытия библейской науки. Истолкование ключевых поступков, слов и событий Священной истории выхватывает из темноты тот смысл, ради которого не боялись ни смерти, ни жизни, ни морока безвременья удивительные продолжатели этой истории.

Исповедники XX века множеством неуследимых нитей прочно связаны с библейскими подвижниками веры и христианами первых веков. Выявление и осмысление этих связей и соответствий — призвание нашей эпохи. Размах этих трудов подобен тем, которые были посвящены выявлению связей и соответствий Ветхого и Нового Заветов, раскрытию единства богочеловеческой истории, несмотря на войны, пленения, катастрофы и разрывы традиций.

Огонь и свет веры сегодня вынужден оказывать сопротивление «ветру» розни народов, разобщенности людей, фрагментации «заветов», искаженным и усеченным проекциям искомой полноты правды. Несмотря на многие обстоятельства, склоняющие нас сегодня к разочарованию и унынию, глаголевская перспектива остается открытой. Жизнь семьи Глаголевых – ближайшее историческое ручательство о «свете из терновника», обращенном к каждому и сегодня: «Тогда это произошло с Моисеем, а теперь происходит с каждым; каждым, кто, как и он, освободился от земной оболочки и возврел на свет из терновника»⁴⁶ (*Григорий Нисский. О жизни Моисея*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. собрание документов и библиографию в двухтомном труде: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: В 2-х кн. / Сост. Герд Штриккер. М.: Пропилеи, 1995. См.: Зубов А.Б. 75 лет Большому террору: Сначала население переписали, потом перестреляли. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/53394.html> (Дата обращения 29.08.16); История России. XX век: 1894–1939. М.: Астрель; ACT, 2009. А также: <http://memohrc.org/>; <http://bessmertnybarak.ru/rubric/repression/>.

² Антоний, митрополит Сурожский. Труды: В 2 т. Т. 1. М.: Практика, 2002. С. 943–944.

³ Глаголев Александр, свящ. Купина Неопалимая. К.: Дух и литература, 2002. С. 6.

⁴ Антоний, митрополит Сурожский. Труды: В 2 т. Т. 1. М.: Практика, 2002. С. 944.

⁵ На итальянском языке о Глаголеве можно найти такие материалы: *Francesca Perrucchini* (Relatore: Prof. Adriano Dell'Asta; Correlatore: Prof. Konstantin Sigov). E d'improvviso irruppe la storia. Aleksandr Glagolev e Michail Bulgakov negli anni della Rivoluzione. Tesi di Laurea. Universita Cattolica del Sacro Cuore – Milano, 2015; *Sigov K.* La missione della scuola teologica in Padre Glagolev // La Nuova Europa. 2003. № 3.

⁶ Київська духовна академія в іменах 1819–1924, у двох томах // Видавничий Дім «Києво-Могилянська Академія». Київ, 2015. С. 372–381.

⁷ Глаголев Александр, свящ. Купина Неопалимая. К.: Дух и литература, 2002. С. 6; Мень А., прот. Библиологический словарь. Т. I; Записки священника Сергея Сидорова. М., 1999.

⁸ Глаголев А.А. Профессор Аким Алексеевич Олесницкий. Некролог // Киевские Епархиальные Ведомости. 1907. Октябрь.

⁹ См. Київська духовна академія в іменах, 1819–1924 // Видавничий Дім «Києво-Могилянська академія». Т. 2. К., 2016. С. 539.

¹⁰ Толковая Библия А.П. Лопухина. Второе издание. Институт перевода Библии, Стокгольм, 1987; см.: Прот. Микола Макар. Гебраїстика в Київській Духовній Академії та праці прот. Олександра Глаголева // Національний університет «Києво-Могилянська академія» / Магістеріум. Історико-філософські студії, К., 2002 (в печачі).

¹¹ Глаголев Александр, свящ. Купина неопалимая, К., 2002. С. 93.

¹² Глаголев Александр, свящ. Христианская мудрость жизни. Слово в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и Софии, Премудрости Божией, произнесено в Киево-Софийском кафедральном соборе 8 сентября 1913 года // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 1. 1914 г. С. IV–V.

¹³ Глаголев Александр, свящ. Христианская мудрость жизни. Слово в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и Софии, Премудрости Божией // Купина неопалимая. С. 71.

¹⁴ Там же. С. 31–32.

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 225.

¹⁷ Сигов Константин. Предисловие // Глаголев Александр, свящ. Купина неопалимая. К.: Дух і літера, 2002. С. 15.

¹⁸ Глаголев Александр, свящ. Купина неопалимая. К.: Дух і літера, 2002. С. 82–83.

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Там же. С. 84–85.

²¹ Глаголев Александр, свящ. Христианская мудрость жизни. С. III.

²² См.: Жураковский Анатолий, свящ. Мы спасаемся Его жизнью. К.: Дух і літера, 2012; Свящ. Анатолий Жураковский. Материалы к житию / Сост. П.Г. Проценко. Paris: YMCA-PRESS, 1984; Жураковский А.Е., свящ. «Мы должны все претерпеть ради Христа...». М.: Православный Св.-Тихоновский гуманит. ун-т, 2008.

Проценко Павел, Семененко-Басин Илья. Священник Анатолий Жураковский: Возрождение во время катастрофы // Синопсис: Православний часопис: Богослов'я. Філософія. Культурологія. Київ, 2001. С. 373–411.

²³ Глаголева М.А. Предисловие // Жураковский Анатолий, свящ. Мы спасаемся Его жизнью. К.: Дух і літера, 2012. С. 15.

²⁴ Сидоров С. Записки. 1999. С. 208.

²⁵ Білокінь Сергій. О. Анатолій Жураковський і київські юрисфляни. Документальне дослідження // НАН України, Центр культурологічних студій Інституту історії України. Київ, 2008. С. 54.

²⁶ Білокінь Сергій. О. Анатолій Жураковський і київські юсифляни. Документальне дослідження // НАН України, Центр культурологічних студій Інституту історії України. Київ, 2008. С. 54.

²⁷ Там же. С. 55.

²⁸ Акты свт. Тихона. 1917–1943. Сборник в двух частях / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. С. 510.

²⁹ Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей / Прот. М. Польский. Джорданвиль, 1948. С. 38.

³⁰ Священник Анатолий Жураковский. Материалы к житию / Сост., вступ. ст. П.Г. Проценко. Paris: YMCA-Press, 1984. С. 20.

³¹ Осипова И.И. «Сквозь огнь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь. По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М.: Серебряные нити, 1998. С. 307.

³² Рукоположение совершено 20 ноября 1941 г. в г. Кременце Волынской епархии архиепископом Волынским и Житомирским Алексием, блюстителем Киевской митрополии.

³³ См.: Гроссман В., Эренбург И. Черная книга. Глава «Священник Глаголев». Вильнюс, 1993. С. 372–377.

³⁴ Глаголев Алексей, свящ. За други своя // Глаголев Александр, свящ. Купина неопалимая. С. 187.

³⁵ Киев недавно отметил столетие со дня рождения Алексея Александровича Глаголева (родился 2 июня 1901 года в доме, возвращенном недавно Киево-Могилянской Академии по улице Волошская 8/5; здесь установлена памятная доска).

³⁶ Глаголева-Пальян Магдалина. Воспоминания об Александре Александровиче Глаголеве // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 72.

³⁷ Там же. С. 75.

³⁸ См. главу «Протоиерей Александр Глаголев», открывющую книгу: Записки священника Сергия Сидорова. М., 1999. С. 7–15.

³⁹ Глаголева-Пальян Магдалина. Воспоминания об Александре Александровиче Глаголеве // Вестник РХД. 2000. № 181. С. 76.

⁴⁰ См. об этом в «Стихе об уверении Фомы» С.С. Аверинцева: «Что я видел, то видел, / и что осознал, то знаю: / копье проходит до сердца / и отверзает его навеки... / блаженны свидетели правды, / но меня Ты должен приготовить». В: Стихи духовные. Киев, 2001. С. 101.

⁴¹ Нашим расчетам с тоталитарным наследием еще предстоит радикальная трансформация, аналогичная той, которую произвело в высшей математике открытие «бесконечно малых величин».

⁴² См.: Сигов К.Б. Проблема разрыва между онтологией и этикой в современных учениях о человеке // Альфа и Омега. 2002. № 32. С. 204–219.

⁴³ См. книгу: *Глаголев Александр, свящ.* Купина неопалимая. Киев, 2002. – 296 с.

⁴⁴ Там же. С. 112.

⁴⁵ Глаголев А., свящ. Ветхий Завет и его непреходящее значение в христианской Церкви // Глаголев А., свящ. Купина Неопалимая. К.: Дух і літера, 2002. С. 119.

⁴⁶ Свт. Григорий Нисский. О жизни Моисея Законодателя / Пер. Андрея Десницкого. М.: Изд-во Храм святых бессребреников Космы и Дамиана на Маросейке, 2009. С. 35.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ

Путь к персональной Голгофе

Чем человек сильнее душой, чем больше он знает, какой бы жизненный путь он ни избрал, путь этот кажется ему все уже и уже, пока, в конце концов, он не перестает видеть его перед собой, а только делает то единственное, что должен делать...

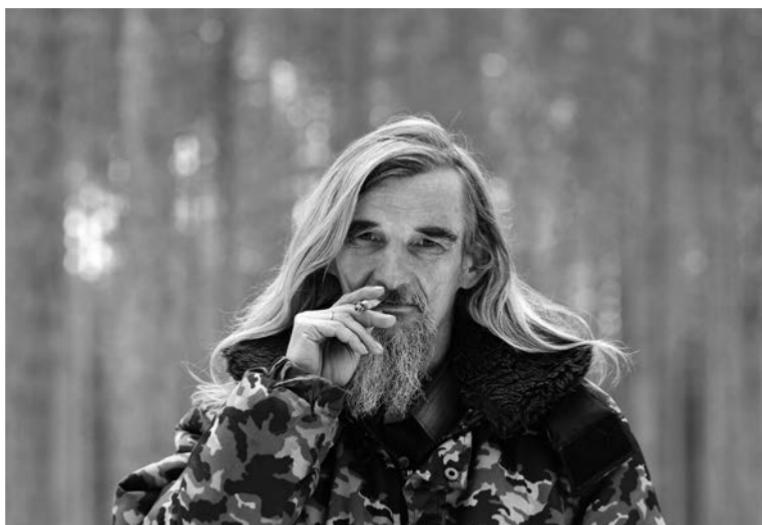
Урсула Ле Гuin.
«Волшебник Земноморья»

Полжизни Юрий Дмитриев посвятил поискам безымянных могил и превращению их в именные. Перезахоронению останков убитых, составлению списков, восстановлению судеб. Словом, возвращению памяти из беспамятства. Благодаря ему были найдены и исследованы расстрельные полигоны эпохи Большого террора, теперь мемориальные кладбища, среди которых – знаменитое урочище Сандафмох с семью тысячами жертв. Изданы Книги памяти – «Поминальные списки Карелии», «Место расстрела – Сандафмох», «Бор, красный от пролитой крови», готовились к изданию другие. Готовились, но не вышли.

Это интервью было записано в мае 2015-го. Полтора года спустя Юрий Дмитриев будет арестован по странному, абсурдному обвинению, больше похожему на расправу. Он всегда был неудобен: бескомпромиссен, порою резок, категоричен в оценках. В разговоре поражал своей простой и грубоватой прямотой, бескорыстной преданностью людям – мертвым и живым, нежеланием подстраиваться

ся под ситуацию. Сейчас его слова об обретении своего пути в жизни звучат особенно остро, ибо опасность такого маршрута два года назад была ему уже, кажется, вполне ясна.

Все началось в конце восьмидесятых. Раньше о том, что были репрессии, я слышал, но в нашей семье об этом как-то не говорили. Хотя впоследствии выяснилось, что мой дед по материнской линии был раскулачен и на Беломорканал попал. И со стороны папы дед тоже был арестован в тридцать восьмом году и умер в лагерях. Когда я стал более плотно заниматься репрессированными, то понял, что у крестьян самая опасная профессия была — счетовод. Как у нас планы верстались: в колхозе решат посадить три гектара, в районе пару гектаров добавят, в области скажут — чего так мало, давайте-ка гектаров десять! А ресурсов на все нет. И вот — в конце концов они даже и трех гектаров не посадят. А отчетность искажается. Припишут что или не припишут — в любом случае страдает счетовод. Дед по отцовской линии как раз был счетоводом в колхозе — ну и загремел. Об этом мне папа сказал в первый раз, когда мы уже в девяносто первом году возвращались с первых организованных мной похорон

Юрий Дмитриев. 2009 г. Фото Томаша Кизны

жертв расстрелов. Только тогда он мне признался. А раньше как было... ну, в семье говорили, что один дедушка помер в тридцать втором году, а второй в сорок третьем или сорок четвертом, война была, тяжело... все ж помирали. Ну а где помирали — как-то не афишировалось. А сам я впервые с этим столкнулся, когда здесь, в районе Бесовца, наткнулись во время земляных работ на человеческие останки и, честно говоря, не знали, что с ними делать.

«Давайте закопаем обратно...»

Я тогда был помощником народного депутата СССР Михаила Зенько. И как раз этот район территориально входил в зону нашей, скажем так, ответственности. Позвонил знакомый репортер газеты «Комсомолец», Саша Трубин, сказал, что нашли, похоже, место расстрела на территории воинской части. Надо как-то туда попасть. Ну, я быстренько шефу: «Надо. Едем». — «Надо так надо. Поехали». Поехали, взяли этого Сашу с собой. А там уже были ребята из прокуратуры, следователь, районные чиновники... В общем, там нас, наверное, человек пятнадцать собралось. «Ну, кости, ну и что. Где тут видно, что это расстрелянные». В общем, никто возиться с этим не хотел. А я маленько остеологию знаю, по положению костей определил, где должна быть голова. Пару минут по-

Секирная гора, Соловки. Воззвание креста. 2008 г.

тратил, достал череп, почистил, а там в затылочной части круглое отверстие... «Ну, и что будем делать?» Маленькое такое районное совещание... с приблудными специалистами. «А давайте закопаем обратно. Ну их!» Я говорю: «Ребята, ну, во-первых, как — закопаем? Надо похоронить их, это ж люди. Надо похоронить по-человечески, по-христиански». Я решил упирать на христианские ценности. «Да кто этим будет заниматься!» Ну и стоят, друг на друга смотрят... Вот нормальное состояние мужика — это ленивое. Никто на себя лишнюю работу брать не хочет. Я на них посмотрел и говорю: «Ну, если вам всем как-то равнобедренно, давайте я возьмусь. Буду эту работу контролировать и координировать. Миша, ты как?» Миша говорит: «Хорошо! Согласен!» Ну, раз народный депутат СССР сказал, что надо, — значит, будем делать! Это был 1988 год, летом. И вот, когда более-менее стало понятно, что надо делать, то есть прокуратура должна произвести какие-то следственные действия, изъять их оттуда, описать находки, сколько человек и все такое прочее, следователь говорит, что, пока мы тут над этими несчастными, которых немного, думаем, недалеко отсюда этих костей вообще невесть сколько. Лежат, валяются, никому дела нет. Где? Сказал. Ну, поехали, по дороге покажешь.

Вот мы следователя взяли с собой и поехали на карьер силикатного завода, в Суляжгору, это рядом с Петрозаводском, гораздо ближе, чем Бесовец. Там действительно тоже разрабатывали карьер, песок брали для силикатного кирпича, и внизу под обрывом — много-много человеческих костей. Целые, разрушенные, несколько черепов с дырками и так далее. Я говорю: «А в чем дело?» — «Да откуда-то они к нам сыплются. Хотели было подогнать технику, посмотреть откуда, раскопать, но оказалось — нельзя, в любой момент может произойти обрушение. Не знаем, что с ними делать». — «Ну, — говорю, — а похоронить?» — «А это не наша задача». И потом я несколько выходных посвятил тому, что просто ездил туда, собирая эти кости, складывая их в мешки и увозил в гаражи. Потом подружился с трактористом, который на карьере работал. Говорю: «Если что-то увидишь, звони в прокуратуру». А он: «Мне уже сказали в прокуратуру и в милицию не звонить, они ничего не могут сделать». — «Ну, звони мне». Дал ему свой телефон. Вот он звонит — посыпались

косточки опять... Я еду, собираю их. Какие-то вещи попадались еще, кружки, очки, белье и так далее. Вот я собирал, собирал, а потом ребята из местного «Мемориала» тоже стали подтягиваться. Не то чтобы мне было тяжело мотаться одному, собирать эти кости, но... в одиночку работать крайне неудобно. Меня там пару раз присыпало землей так, что насилиu выкапывался. А потом вот — подтянулись... И в какой-то раз у меня там было человек двадцать депутатов петрозаводского городского совета, народный депутат Российской Федерации, шесть или семь депутатов Верховного совета Карельской ССР, взвод солдат пограничной службы, ИЦ МВД в количестве человек восьми и отдел хранения архивных фондов ФСБ, только оно тогда ФСК называлось, тоже человек шесть или семь. И вот для всей этой оравы пришлось находить работу. Каждого к страховочной веревке привязал, чтобы, не дай Бог, кто-то там не упал. Ну, часть выкапывала в одном месте, часть в другом. В общем, работали.

Однажды посадили одного солдатика на обрыве. Ему кости подают, а он их щеткой чистит от песка там, от грязи. И вот он сидел-сидел, вдруг заорал: «Ай!» — и кувырк с обрыва. Завис на веревке. Ну, вытащили его, метра три он пролетел, сколько страховка позволяла. «Ты чего?!» — «Он, — говорит, — на меня поглядел!» — «Как он на тебя поглядел?!» Подхожу, беру череп, отчистил кисточкой, вижу — смотрит на меня. Протез, стеклянный глаз. Действительно — поглядел...

На этой территории было не одно захоронение, не два, а много. И все небольшие, по двадцать-тридцать человек. К сожалению, ни одной могилы целиком мы не смогли вырыть, потому что находили их только тогда, когда обрушивался склон. Часть останков при этом сползла куда-то, и всех достать оказалось невозможно. Я часто думаю, что нынешними бы мозгами да с нынешним опытом я, пожалуй, смог бы определить, кто там расстрелян. А вот тогда такого опыта не было. Да и задача была простой — собрать их и похоронить. Потом уже пришло желание узнать, что это были за люди, почему они были расстреляны. А пока была простая цель: собрать и похоронить по-человечески.

«Будешь сидеть в архиве и заполнять карточки»

А потом я был помощником Народного депутата РСФСР Ивана Чухина. Он здесь у нас подполковником милиции был, психологом. Тогда решили заниматься Книгой памяти. То есть не решили, а ей уже занимался «Мемориал», Пертти Мартелиус, но Иван хотел решение этой задачи поставить на какую-то более внятную основу. Он привез из Москвы отчет Наркома внутренних дел КАССР, где было сказано, сколько народу убито, с поименными списками. Кто, где, как. По этому отчету в Московском «Мемориале» ему сделали карточки с минимальными установочными данными, и Иван сказал: «Будешь сидеть в архиве и заполнять эти карточки по той форме справки, которую мы определим». Вот так я столкнулся с архивной работой. Сидел в ФСБ, заполнял эти все карточки, несколько тысяч штук, — дату ареста, ну, все по мелочи. Потом несколько месяцев провел в прокуратуре республики, вписывал реабилитацию. Тогда уже прокуратуре было поручено проводить реабилитацию, не дожидаясь ходатайства общественных организаций или родственников.

А потом, когда эти карточки у меня кончились, я понял, что у нас громадные дыры в списках. Нам пишут люди, спрашивают, а мы в своей картотеке их родственников не видим. И тогда я решил, что все это ложа, чем мы занимаемся. Что нужно делать иначе. Я снова пришел в ФСБ и говорю: «Мне дела не нужны. Дайте мне протоколы заседаний “троек” с актами». И вот тут все пошло и поехало. Оказывается, в том отчете наркома внутренних дел не указано несколько заседаний карельских троек. Он датирован февралем 1938 года, а до мая еще заседала карельская тройка. С августа заседала особая тройка НКВД Карелии. И плюс — нет материалов комиссий, которые отправляли в Москву на утверждение. С этими актами — это было что-то... Копировать мне не давали. Переписывать от руки — ну, что я там успею за восемь часов. Фотографировать тоже было нельзя. Я брал диктофон, наговаривал протоколы, наговаривал акты, которые к ним подшиты, целиком. Слово в слово, буква к букве, и так далее. Приходил домой, полночи расшифровывал, переписывал, соотносил расстрелы со списками репрессированных, снова уходил, записывал, и так далее. Вот тогда у нас образовалась

уже более-менее достоверная база. И то потом оказалось, что она не совсем полная, потому что всем, что двигалось вдоль железной дороги, занимался транспортный отдел НКВД, материалов у нас на хранении не было. Сколько они народу забрали — достоверно не известно. С каждой станции где-то по десять-пятнадцать человек. Станций — до Полярного круга — много. Значит, где-то около тысячи человек выпало из нашего зрения. Еще почему-то питерские товарищи очень любили приезжать в Олонецкий район Карельской АССР... Они арестовывали, забирали людей, увозили в Питер, там их осуждали, и все. Здесь материалов никаких не оседало. Хорошо — Толя Разумов помог, потому что он работал как раз с протоколами ленинградских «троек», и когда ему попадались наши товарищи, он их присыпал. У него проявлялись фамилии, можно было искать и находить дела, чтобы включать их в Книгу памяти. В девяносто седьмом году мы подготовили с Иваном книгу — «Поминальные списки Карелии», по 1937–1938 годам, Ваня туда написал замечательную вступительную часть, пояснительную. А я занимался списками.

Это было несколько лет архивной работы, но между делом я еще и выезжал на места. В актах — в некоторых, по крайней мере, — описана или указана та местность, где производились расстрелы. То есть можно было попытаться что-то поискать. Как это выглядит, как в земле все лежит, я уже знал.

«Не может быть, чтобы мы чего-то не нашли»

В 1997 году встретил я у нас в архиве ФСБ питерских мемориальщев, Веню Иофе и Ирину Флиге, и мы договорились, что будем искать место расстрелов под Медвежьегорском. Они искали следы Соловецкого этапа, на которые вышли по делу Матвеева*, а я по своим актам знал, что в районе Медгоры расстреляно огромное количество народу, несколько тысяч человек. Вот мы с ними договорились и, кажется, первого июля приехали, а второго или третьего июля уже нашли это место. Мало того, я надолго завис на этом захоронении,

* Михаил Матвеев — капитан госбезопасности, руководивший расстрелом соловецких заключенных осенью 1937 г.

потому что все два месяца там шли следственные действия. Пока то да се, притащил я из Петрозаводска Серегу Чугункова, тоже мемориальца, который живет в Прионежском районе. Он много лет искал место расстрелов в районе села Аверьяново. Приехал, посмотрел, как это выглядит, вот эти расстрельные ямы. И говорит: «Знаю одно место в нашем лесу, где такие ямки встречаются». И он поехал домой, а я там остался. Приезжаю, он говорит: «Слушай, нашли. Нашли место. Под Петрозаводском, в Красном Бору». Ну, приехали, посмотрели. Да, такие же ямки, один в один. Покопали – то же самое в ямках... Ну, быстренько прокуратуру оповестили, провели какие-то следственные действия и определили, что это место расстрелов. Какого времени – непонятно. Попытались вытащить одну яму целиком – не получилось, вода высокая. Решили отложить на следующий год, а пока ясно только, что это место смерти жертв репрессий. Ну а я чего-то вот... Зуд у меня, не могу я так! Не может такого быть, чтобы мы чего-то не нашли, не смогли определить. Поэтому я шестого ноября, как сейчас помню, того же 1997 года взял курсантов школы милиции, нашли там место повыше, на пригорке, и копнули одну ямку. Семнадцать человек, из них несколько женщин. Все померил, посчитал... Закопали обратно. Приехал домой. И я через три минуты буквально нашел расстрельный акт, в котором все указано. Сходилось общее количество людей и количество женщин среди них. Других таких актов нет по окрестностям Петрозаводска. Еще пара минут работы на компьютере – и я вывел все их фамилии. Кто, откуда... Это была первая именная могила, которая появилась в Красном Бору. На следующий год мы вскрыли еще несколько. Все ямы изумительно легко читаются, то есть акты соответствуют тому, что там есть. Определили периоды расстрелов и расстрельные бригады. И появился сводный список жертв... Когда я там просто ходил, то по геометрии этих ям прикинул, что здесь должно лежать примерно 1200 человек. А в итоге получилось 1193.

Чем хороша архивная работа? Есть акт о том, что вот тогда-то, тогда-то я, там Василий Петров и Иван Семенов, расстреляли 42 человека. Расстрелянные поименно указаны в акте. Подпись, число. В акте указаны фамилия, имя, отчество, год рождения. Я из него узнаю выборку по возрасту

и количество мужчин и женщин. Если я вскрываю яму, нахожу в ней останки 42 людей, среди них, скажем, семь женщин – замечательно. А вдруг у меня в моем реестре таких актов несколько? В одной местности, под Петрозаводском. Условно скажу – на самом деле такого совпадения не было ни разу. Тогда мне приходится смотреть еще возрастной состав. Сколько старииков, сколько помоложе... С этим материалом можно работать. Это данные, которые можно вытащить из могилы: пол и возраст расстрелянного. Все остальное – если повезет, найдешь какую-нибудь там... подписанную вещь. Сейчас у меня одно относительно именное захоронение – Красный Бор. Там я с большой долей вероятности, выше 90 процентов, определил имена расстрелянных. Тогда же я стал собирать акты, делать выборки из актов расстрелов в Сандармохе. Ну, где было указано: «станция Медгора Кировской железной дороги». Про остальных людей, казненных в окрестностях Петрозаводска, не могу сказать, где конкретно это было, в Сулажгоре или в Бесовце. Мозгов в свое время, честно говоря, не хватило.

«Пан профессор, как же так можно!»

Существовал приказ, в соответствии с которым о месте расстрела должны были знать только начальник расстрельной команды и оперсостав. И за соблюдение этой тайны товарищ начальник РО НКВД или там оперативный работник, который руководил расстрелом, отвечал лично, своей головой. В Петрозаводске было несколько расстрельных бригад. Начальник РОВД горотдела не знал, где они работают. Расстреляли и расстреляли. Всё. Где – это не его собачье дело. Поэтому маскировали их еще со страшной силой. Чтоб, не дай Бог, народ не наткнулся. В Бесовце поверх могилы была брошена туша коровы. В Сулажгоре, когда я там этих покойников выбирал, я один раз чуть с ума не сошел. Я знаю строение человека, знаю, какая косточка скелета куда вставляется. И тут я вижу, что идет что-то не совсем обычное. У меня кости человеческие перемешиваются с непонятно какими. Пошел на курсы судебной медицины, потом к биологам, потом в сельхоз, к ветеринарам... Свинья! Скотомогильник там был. А метрах в сорока дальше от края могил, ну, как я потом

по лесу понял, там был коровий скотомогильник. Для чего это было? Идет охотник с собаками. Собаки чуют, начинают рыть, вдруг он сам тоже копнет, наткнется на труп. Поэтому сверху обязательно какую-нибудь дохлую свинью бросят и обозначат, что здесь скотомогильник, сюда ходить не надо, потому что собаки могут заболеть, заразиться и так далее. И он уйдет, сам копать не будет.

После Сандромоха, после Красного Бора я еще потом ездил на Украину. Когда копали Быковню*. Там массовое захоронение, в советское время говорили, что это жертвы гитлеровской оккупации. И вот решили разобраться, что это на самом деле. Пригласили поляков, которые занимались этой работой уже много лет и имеют большой опыт. Ну а в качестве независимого эксперта от России и меня пригласили. Там антрополог был хороший, Анджей Флярковский. Вот это дядька, слушай. Уже немолодой, по нынешним временам, как я, лет 60, изумительный специалист. Ему ассистентка несет череп, на стол ставит перед ним, он не берет ни циркуля, ничего. И диктует ей на глаз измерения, результаты. Я говорю: «Пан профессор, как же так можно!» — «А ты мне что, не веришь, что ли?» — «Так ведь можно ошибиться!» — «Приверяй!» Я проверяю — до сотой доли миллиметра все сходится. Вот специалист был. Он меня тогда подучил некоторым таким... ну, не скажу, что это хитрости, некоторым необходимым приемам. Как можно определить пол, возраст. То есть я это умел делать, но, скажем так, по советской школе. У него немножко другой подход.

«Скорее всего, это именно мой путь»

— Вам не хотелось все это бросить?

— О-о-ой. Это вопрос, конечно... Иногда хотелось. Когда дома жрать нечего, а все время на это уходит... Я уже тогда перестал быть помощником народного депутата. Делал какие-то попытки устроиться редактором... «Да, такая книга нужна, конечно... Мы тут редколлегию сделали, ты редактор,

* Быковня — место расстрелов времен сталинских репрессий, в том числе польских офицеров из так называемого Катынского списка.

ты работай...» Я говорю: «Ребята, а вот... надо хоть зарплату какую-то маленькую... Потому что, там, за квартиру платить надо, за свет, есть что-то надо». — «Ну, ты потерпи месяц-другой, мы что-то придумаем и дадим. Введем тебя куда-нибудь в штат, и там...» Вот терпишь — месяц, два, три... Год, два, три... Это иногда бывает очень тяжело. Тогда да, большое желание было бросить. Дети как раз в школу ходили. Многое надо. Платье купить там, штаны купить. Тяжко было. Ну, думаешь, все, брошу. С вечера перепсихуешь, утром встанешь — ну, если я брошу, кто это сделает? Никто. И садишься снова. Ну, как-то вот потом потихоньку научился одновременно зарабатывать какие-то деньги и не бросать эту работу. Ну, сейчас вот... числюсь я редактором Книги памяти*. Издано постановление правительства и все такое прочее, меня регулярно вызывают отчитываться... Но денег не платят. Сижу и работаю сторожем. На работу девять лет уже потрачено, как ты ее бросишь. Да, в принципе, Бог с ними, с этими девятью годами. Ведь это знание, которое нужно людям, которые ждут, пытаются найти своих родственников. Я понимаю, что эту работу надо было делать гораздо раньше, но вот — не получалось. Сейчас один за другим уходят дети тех, кого сюда высыпали как спецпереселенцев, которые еще помнят своих родителей. Останутся внуки, а внуками вряд ли такая информация будет сильно востребована, так, может быть, для общего развития...

Когда я понял, что это мой крест? Вообще-то относительно недавно. Лет, наверное, двенадцать назад. Или тринадцать. Вообще, мне всегда казалось, что я закончу эту книгу и все, перейду на что-нибудь другое. Ну, я еще не самый хреновый инженер. И я всегда мог себе найти что-то такое, когда от восьми до пяти посидел на работе, вышел — и свободен, можешь съездить на рыбалку, на охоту, куда угодно. Вина попить, шашлыков поесть. А тут же — с утра до ночи. С утра запряжешься — и часикам к двум-трем кончишь. А потом я понял, что... Нет, наверное, я это уже и раньше понял. Потому что я уже в Книге памяти привожу слова Урсулы Ле Гuin о том, что чем больше человек узнает, тем уже у него становится выбор в его деятельности. И в конце концов он делает именно то, что должен делать. А лет, наверное, десять-

* Имеется в виду книга о спецпереселенцах в Карелии.

двенадцать назад я понял, что вся моя предыдущая жизнь меня подготавливала, и, скорее всего, это именно мой путь. Зачем мне понадобилось когда-то изучать медицину, остеологию в частности? Зачем надо было заниматься туризмом там, скалолазанием? Сейчас очень помогает, иногда приходится до чего-то добираться. Почему, в конце концов, я, сорванец, когда все бегали по зоопаркам, лазил по помойкам, по свалкам? Искал что-нибудь интересное. Почему у меня там еще какой-то опыт организовался? С тем, чтобы я лучше понимал жизнь вот этих зэков и то, что с ними сделалось. И вот я понял, что все, что у меня когда-то в жизни совершилось, оно было школой, подготовкой к тому, чтобы я занимался этим. И как только я это понял, мне стало намного легче. Я перестал метаться в разные стороны, мечтать о том, какой я инженер хороший, почему мне не стать директором какой-нибудь фирмы, и так далее. Почему я должен жить в нищете, когда я могу зарабатывать. Когда я понял, что это мой путь, меня это все оставило. На хлеб хватает? На свет хватает? Хватает. Ну, остальное как-нибудь... При этом каждый год удается выезжать в экспедиции, их же никто не финансирует, сам себя финансирую. А это затратное мероприятие. Но как-то случается, что находятся деньги, и ничего...

**«Вы один народ.
Только одни мертвые, другие живые»**

«Сандармох» — это... мягко выражаясь, это я придумал. Ну, не совсем придумал, а взял ближайший топоним. Потом уже, спустя некоторое время, было лингвистическое расследование — что же это такое. «Саттари» — это «Захар». Захарий, Саттари — ну, по-фински, по-саамски. А «мох» — значит «болото». «Захарово болото», если дословный перевод. Это уроцище, то есть участок местности, заметно отличающийся от окружающего леса. Там чуть ниже действительно болото. Вот — «Саттари мох». Ну вот, с тех пор как-то так и пошло...

Сандармох для меня особое место. Там я несколько другие свои задачи реализую. Мне хочется, чтобы люди, которые живут в республике, чувствовали себя частью народа. А не населения. Ну, разницу между народом и населением понимаешь, да? Народ — это тот, кто знает свою историю, язык,

культуру, традиции... А население – это всё, что шевелится. Так вот, народом управлять надо со знанием и соблюдением обычаев, традиций и нравов, а населением можно управлять как угодно. Народ не согнешь, он выстоит все. А население – легко и просто. Так вот, для того, чтобы выстоять, выжить в это непростое время, чтоб у нас власть была все-таки сменяемой, избираемой, как и любое прочее начальство, подотчетной, вот для этого надо воспитывать народ. И я использую тут Сандармох как такой полигон. Я беру какую-нибудь национальную диаспору, даю ей списки их товарищей – часть народа, да? Объясняю, что они – тот же народ. И если ребята ваши в такую беду попали, вот их убили, позаботиться о них, кроме вас, – некому. Почему вы? Ну, потому, что вы – часть народа. И они часть того же народа. Вы один народ. Только одни мертвые, другие живые. Ну, потихоньку-потихоньку... Ты знаешь, народ начинает задумываться, что он все-таки народ. А чем больше народов, тем мы несгибаемей!

Вот поляки под установку памятного знака полякам создали свое национальное общество, оно до сих пор трудится там, внедряет культуру, ну и слава Богу! То есть они поняли, что они, кроме того, что они живут здесь, граждане России, они еще часть народа, часть нации. Что у них – не то что там у Вани Петрова или еще у кого-нибудь, у них есть своя традиция, своя культура. А для того, чтобы ее любить, надо по крайней мере ее знать. Вот они начинают ее изучать. Прекрасно. Хорошо. Чудесно, когда где-то на концерте звучат немецкие песни, еврейские, финские, польские. Фольклор – это всегда замечательно. Песня – душа народа. Вот как-то так. А Сандармох – это, во-первых, очень удобно. Показать, привезти, сказать: «Ребята, вы чего? Хуже, что ли? Эти поставили, эти поставили, эти поставили. Вы самые нищие, что ли?» Потом – в одиночку это дело сдвинуть трудно. Вот они и собираются, сплачиваются. Их объединяет это дело. Что они будут дальше делать, разбегутся или нет – ну, вряд ли они разбегутся, потому что их объединило дело. Если бы их объединила пьянка какая-то, про это можно бы и забыть, когда голова перестанет болеть. А так их объединило дело. И знаешь, у нас всегда все было мирно. Никогда никто никому плохого слова не сказал. Постоят у одного памятника, почтят память, подойдут к другому, отдадут дань уважения. Ну, у нас общее

горе. Оно нас сюда привело. Общее. А все остальное – это уже так. Я ж тебе говорю, что... Бог един. Просто мы его называем по-разному. Потому что конфессии выдумали люди, чтобы развести денежные потоки. То же самое там.

Я сейчас готовлю диск – списки расстрелянных карелов. Я их собрал по всей стране, где только смог. Собрал, разнес по местам рождения, по местам проживания. Основная справка идет по месту рождения. Понимаешь, поскольку я собрался уехать отсюда, честно говоря, то... ну, это... мой подарок народу Карелии. За теплоту, за доброту, за то, что я жил на их земле. За то, что с ними общался, за то, что они меня учили уму-разуму. Это мой подарок карельскому народу, дань уважения. Я ее выражают так. Что я могу сделать для них хорошего, то я пытаюсь сделать. Карелов сейчас осталось не так много, они в загоне, потому что государство на сохранение национальных культур практически ничего не выделяет. Сейчас закрыли последний финноязычный журнал. Ну вот, как-то так. Будем считать меня националистом широкого профиля.

«Я могу работать швейцаром»

В какой-то момент Веня с Ирой сказали: будем проводить День памяти, всесоюзную Акцию памяти. Ну ладно. День памяти так День памяти. В связи с подготовкой этого Дня памяти заседало правительство несколько раз, и Веня туда входил. Мне-то там делать нечего. И решили, что да, будем проводить эту акцию. В первый раз мы ее проводили, по-моему, в дни расстрелов, в октябре. А потом 5 августа решили проводить, потому что это дата вступления в силу приказа 00447, об операции по репрессированию*. Ну, вот решили так. Что-то там сделали, что-то не сделали. Как всегда – денег нет, планов громадье, что-то надо делать, мы бедные, мы нищие. А у меня еще такое есть хорошее качество – я могу работать швейцаром. Умею открывать любые двери... Вот летом приезжает к нам Борис Николаевич Ельцин отдохнуть. Я изготавлив

* Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

несколько красивых приглашений на эту акцию, и одно из них попало к Борису Николаевичу. Не спрашивай у меня, какими путями, все равно не скажу. Он прочитал, сказал: «О, хорошо», и кому-то там отдал. Чего там — «о, хорошо» — черт его знает, «красиво написано» или «о, хорошо, приеду»... Но наши зашевелились. Я же тогда сказал на одном заседании, что вот, товарищи, приглашение на акцию получил Борис Николаевич Ельцин, сказал «хорошо». На меня уставились как на придурка: «Ты кто такой есть и кто такой Ельцин? Мы сами его не видим!» Тут встает некий товарищ фээсбэшник и кричит: «Ты, такой-сякой, я из-за тебя... Как эта бумага ему в руки попала?!» Вокруг сидят министры всякие, а он матом кроет. Тут они в затылке почесали: «Да! Значит, попала!» Нашли деньги, проложили асфальтовую дорогу, построили часовню, поставили столбиков там, денег на памятник выделили... Замечательно, хорошо! А потом я на всякий случай продублировал, Борис Немцов тогда вице-премьером был, он к нам приезжал, и была большая пресс-конференция во Дворце творчества. Ну, вот я встаю, представляюсь: «Юрий Дмитриев, Мемориал». — «Да, — говорит, — знаю, помню!» Я говорю: «Ну ладно. Хорошо, что Вы помните. Вот Вам приглашение, мы проводим вот такую акцию памяти». К нему охрана дернулась, но — передал. Ничего не сказал, на стол положил. Ну, скоро донесли, что не только президент, но и правительство наше о проведении такой акции проинформировано. И говорит, что вроде как даже будет. Ну, тут все, деваться некуда. И у нас все это дело закрутилось по полной программе. А так — ну чего смогла бы районная власть. То же самое, что в Красном Бору. Ну, каких-то столбиков напихала там, три доски прибила — забор, и все. Денег нет. Ну, что делать. Вот сейчас я карелов этих — делаю диск. Потому что это намного дешевле, чем книга, и это будет за карельские деньги, то есть не за деньги правительства, а за частные. Буду искаать. С кого тысячу, с кого пять. Богатые карелы тоже есть. Буду давить на то, что это — часть народа, часть твоей земли. Ну, тебе повезло, ты побогаче — помоги другим. Поделись... не деньгами, нет! Помоги им получить эти знания. Я думаю, что получится. Как-нибудь выщараю это. По моим понятиям, этот диск должен раздаваться бесплатно. Не могу я брать деньги за то, чтоб кто-то помнил своего папу.

«Успеть хоть что-нибудь главное»

С Киношколой в первый раз мы встретились, кажется, в Сан-дармохе... Как-то совпало, что они приехали на День памяти, а у меня образовался лишний автобус, я их посадил в него и свозил туда и обратно. Им все ужасно понравилось, и они начали меня потихоньку пытать по истории... А потом написали письмо: «Давайте мы Вам чем-нибудь поможем». Я взял и придумал — Петровский завод... А потом, на следующий год, они говорят: «А мы хотим снова помочь». И тогда были Барсучьи Горы. А потом они захотели снова помочь, и начались уже Соловки. В Барсучьих Горах мы занимались обустройством кладбища восьмого шлюза Беломорканала, заключенных Белбалтлага. А Петровский завод — это один из четырех пушечных заводов, которые были основаны в Карелии по приказу Петра. И там на его месте остались доменные печи, ну, в смысле, фрагменты доменных печей той поры. Вот они, настоящие, потрогать можно. Мы эту территорию слегка облагородили, поставили табличку, что на этом месте находился пушечный завод, который изготавливал ядра, та-келаж и шпаги для молодого российского флота, оружие делали здесь, а корабли строили на Двине. И — виват, Россия! — чего-то там такое. Была там такая околовоенная романтика историческая. Ну а потом пошли Соловки.

Я до этого помогал Соловецкому музею в каких-то архивных изысканиях. Потом Ольга Бочкирева сюда приезжала в командировку, заехала познакомиться, посмотрела, что у меня было... «У нас тоже расстрелянные где лежат — толком не знаем. Надо бы определить границы... Приезжай, пожалуйста, вот тебе договор...» Вот так в первый раз попал. Ну и — Соловки вещь такая... Осоловел.

Если я кого-то с собой беру, то, как любой начальник экспедиции, несу за него полную ответственность. Питание, здоровье, безопасность и так далее. Так и тут. Если я киношкольцев приглашаю или прошу посотрудничать, то кроме того, что за них, конечно, педагоги трясутся, я тоже несу ответственность, чтобы работа была им по силам и все такое прочее. Ну, вот как-то нам удается работать, чтобы ребятам не было ни трудно, ни страшно, ни обидно. Могилы они не копают. Помогают расчистить, обустроить... Потом

мы возвращаемся вечером, и я говорю: «Ребята, сегодня с вашей помощью мы обустроили еще одну могилу, в ней столько-то человек, из них столько-то мужчин, столько-то женщин, примерно такой их возраст». И ребята начинают понимать, что это не просто ковырянье в земле, они видят — тут что-то было. И это не просто дырка в земле, это могила, в которой расстрелянные. Вот так как-то.

— Вам не жалко будет это оставить — все, чем вы здесь занимаетесь?

— А я буду продолжать этим заниматься. Только у меня база будет в другом месте. Это если я здесь останусь, у меня пропадет все. И я пропаду, и все, что я сделал, — пропадет. А так, даже если меня не станет, все сохранится. Кому что надо будет — тот у меня все получит. Материалов столько, что только успевай поворачиваться. Успеть бы... Не все! Я уже понимаю, что все я не успею. Но успеть бы хоть что-нибудь главное. А что главное — тут начинаешь метаться. Что-то сейчас кажется не самым важным, но оно будет самым важным через пять лет, через десять лет. А вот смогу ли я за эти пять-десять лет что-то сделать... Может, и смогу. Не знаю. Все в руках Божьих. Самое трудное в жизни ведь не то, как мы копаем землю или забиваем гвозди. Или на кульмане линии проводим. Самое сложное в жизни — найти свою дорогу. Каждый из нас рождается не просто так. У каждого своя задача, своя цель. И к этой цели ведет именно та дорога, которая тебе предназначена. Когда мы собираемся родиться, мы все хорошо про себя знаем. И эту дорогу, и какие-то колдобины на этой дороге, повороты, ухабы... знаем места, как их обойти. Но как только мы родились — тут же забываем об этом. И потом долго и мучительно ищем наш путь. Куда же мы должны идти. Потому что это единственный путь, который ведет куда-то дальше, к развитию. Душу воспитывает или чему-то учит. У некоторых вся жизнь проходит в метаниях, в поисках. Они куда-то бегут, где-то топчутся, но по своей дороге не идут. Счастье — когда ты находишь свою дорогу при жизни. И хоть сколько-нибудь успеваешь по ней пройти.

— Вы счастливый человек?

— Ну, вообще... Да. Я понял, чем я должен заниматься. Это мой крест, мой путь, и я встал на него. Это путь к моей персональной Голгофе.

Послесловие

13 декабря 2016 года Юрий Дмитриев был арестован по анонимному заявлению о том, что он якобы изготавливает и хранит детскую порнографию. Под порнографией в деле фигурируют фотографии приемной дочери Дмитриева Наташи – дневник наблюдений за состоянием здоровья девочки, который он вел в течение нескольких лет. Наташа была взята им под опеку из детского дома в трехлетнем возрасте. В первые годы жизни в семье девочка была болезненной, отставала в физическом развитии от сверстников. Фотографии находились в домашнем компьютере, никому не показывались и нигде не публиковались. За несколько дней до ареста Дмитриев обнаружил следы чужого пребывания в квартире, хотя из вещей ничего не пропало. Компьютер вместе со всеми имеющимися в нем рабочими материалами был изъят следственными органами. В настоящее время Юрий Дмитриев находится в СИЗО г. Петрозаводска. По предъявленному обвинению ему грозит до 13 лет лишения свободы.

Совет по правам человека при Президенте России взял дело по обвинению Юрия Дмитриева под свой контроль. Ознакомившись с доступными подробностями дела в феврале 2017 года, члены СПЧ пришли к выводу, что оно носит надуманный характер. В Петрозаводске, Москве и Петербурге прошли публичные акции с требованием освободить Юрия Дмитриева.

В защиту Юрия Дмитриева выступили: Союз журналистов Карелии (101 подпись); Международное общество «Мемориал»; Московская международная киношкола; Санкт-Петербургский Пен-клуб (89 подписей); участники Дней Памяти в Сандармохе и на Соловках (122 подписи); «Дом встреч с историей» (культурно-просветительское учреждение, Варшава, Польша); университет г. Мачерата (Италия); настоятель храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове, член церковного совета при Патриархате Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской протоиерей Кирилл Каледа; настоятель Лодейнопольского храма св. ап. Петра и Павла протоиерей Михаил Николаев; журналист, телеведущий, писатель Александр Архангельский; руководитель

центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке, член Петербургской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий Анатолий Разумов; председатель правления фонда «Покаяние», кандидат исторических наук, заслуженный работник Республики Коми Михаил Рогачев; директор Общества реабилитированных Новгородской области Николай Ольшанский; профессор Российского государственного профессионально-педагогического университета, руководитель проекта «Возвращенные имена», доктор исторических наук Виктор Кириллов; поэт, филолог и переводчик Ольга Седакова; старший научный сотрудник отдела новейшей истории Церкви Православного Свято-Тихоновского университета Лидия Головкова; старший научный сотрудник отдела История Соловецкого Архипелага (Соловецкий музей-заповедник) Ольга Бочкирева; культуролог, историк культуры и литературовед Александр Эткинд; писатель, литературовед Евгений Водолазкин; научный сотрудник Университета Сорбонна (Париж) Люба Юргенсон; журналистка, художественный директор *Le Monde* Доминик Ройнетт; историк, научный руководитель кафедры в Национальном центре научных исследований (CNRS) (Париж) Николя Верт; фотограф и журналист, член Польского союза фотографов Томаш Кизны и другие.

Информация о Юрии Дмитрии, о его исследованиях и о подробностях дела, а также полный список высказавшихся в его поддержку вместе с текстами обращений доступны на специально созданном сайте: <http://dmitriev.tilda.ws/>.

Ирина Галкова

*К 100-летию Октябрьской революции
1917 года*

Ольга Седакова

Работа горя.
О живых и непогребенных^{*}

Я думаю, что настоящее осмысление того, что произошло в Советском Союзе, только начинается. Глубокий анализ другого тоталитаризма, германского (как, например, у Ханны Арендт), может нам помочь. Но все же здесь мы встречаемся с другим опытом зла, с другим проектом изменения человеческой природы. Может быть, этот опыт сложнее и непрозрачнее. Коммунистическая доктрина в ее школьном изложении — то, чем меньше всего стоило бы здесь заниматься. Практика власти и практическая жизнь человека имела с этой доктриной мало общего. Витторио Странда определил советскую систему как «политическую религию». Разобраться в «догматике» этой «религии» еще предстоит. Быть может, ее основной догмат состоял в том, что реальности нет — или не должно быть. Об этом писал историк русской мысли Адриано Делл'Аста в своей книге «Борьба за реальность».

Русские мыслители много думали и писали о «духах революции», о ее причинах, о ее природе, о том, что в русском обществе ее готовило. У них, выросших и повзрослевших в дореволюционной стране, была возможность видеть

* Текст открытой лекции, прочитанной 6 марта 2017 г. в Миланском культурном центре на вечере, посвященном 100-летию русской революции. Вторым выступающим был итальянский славист, профессор Адриано Делл'Аста, чье выступление было посвящено анализу духов революции у авторов «Вех».

произошедшее с другой стороны: со стороны «до» и «внешреволюционной». Мы, родившиеся и выросшие в «зрелом» Советском Союзе, такой возможностью, естественно, не обладали. Прошлое собственной страны мы знали только в идеологически препарированном виде. Представить себе, какой она была до того, как все это случилось (и, по мнению многих свидетелей, от старой России камня на камне не осталось), нам, я думаю, труднее, чем европейцам. Знаменитый «железный занавес» отгораживал нас не только от зарубежья, но от собственной истории. Когда этот занавес приподнялся и я впервые оказалась в Европе (а мне было почти 40 лет!), мое первое и сильнейшее впечатление от увиденного было такое: это «дореволюционный» мир. Для того, на чем такой мир стоит, в годы «перестройки» нашли неуклюжее выражение: «общечеловеческие ценности». Наша революция решила строить свой «новый мир» на другом основании. Я надеюсь, что из того, о чём я собираюсь сегодня говорить, это мое впечатление о «дореволюционной Европе» будет вам понятнее.

Итак, мы уже не могли встретить тех «духов революции», о которых писали авторы «Вех». Мы жили среди последствий того, что эти «духи» принесли. Последствий даже не самой революции (если считать революцией февраль 1917 года), а того, что власть в результате ее оказалась захвачена некоторой силой, поставившей в России жесточайший эксперимент: воспитание нового человека. Официально эта идеология называлась «марксистско-ленинским мировоззрением», но ее реальное содержание придется еще долго выяснить. Чего, собственно, требовала эта идеология от человека? От чего он должен был отказаться и что приобрести, чтобы стать тем «новым человеком», которого она собиралась создать (и во многом преуспела)? В чем заключалась лояльность или нелояльность каждого отдельного гражданина? Кого идеология объявляла своим врагом?

Не все, что эта доктрина имела в виду, объявлялось эксплицитно. Воинствующий атеизм, материализм, классовая борьба, «беззаветная преданность делу партии», пролетарский интернационализм — этому всему учили уже младших школьников. И продолжали учить вплоть до пенсии. В университете идеологическим предметам отводилась треть учебного времени. Но теперь, если кто-то перечитает все

эти убийственно скучные учебники (инструменты интеллектуальной пытки, которой подвергался каждый, родившийся на нашей бескрайней территории): историю КПСС, диамат, истмат, научный атеизм, марксистскую эстетику, научный коммунизм и т.д., – он вряд ли поймет, что же в *действительности* определяло практику повседневной жизни и «руководство» ей со стороны партии. Тем более что последующие годы показали: от всего, что составляло доктрину, это «самое передовое учение», власть отказалась глазом не моргнув. Вчерашние борцы с религиозным дурманом стали православными активистами. Видимо, дело давно было не в этой формальной писаной доктрине.

Какие-то важнейшие вещи оставались необъявленными. Их не так легко уловить и назвать. Адриано Делл'Аста проницательно описал это в своей книге «В борьбе за реальность»*.

Мою сегодняшнюю тему можно понимать как продолжение его идей: это попытка описать одну часть всеобщего «уничтожения реальности», задуманного и практикуемого властью. Эта выбранная мной часть, по-моему, особенно драматична и совсем еще мало обдумана. Я имею в виду уничтожение памяти умерших, лишение их погребения – и даже самого *факта смерти*. Масштабы и последствия этого фантастического предприятия трудно вообразить.

Политическая власть претендовала на власть над всем мирозданием, над жизнью и смертью. Ей мало было физически уничтожить неугодных, пресечь их существование. Она хотела сделать так, как будто этих убитых людей и вообще не было на свете. Она требовала их полной аннигиляции. Мы должны признать, что оставшиеся в живых подчинились этому приказу. Они – за редчайшими, редчайшими исключениями – как будто дали «подпись о неразглашении». То, что на языке императорского Рима называлось *damnatio memoriae*, на советском языке называлось требованием от каждого «подписки о неразглашении». Все население как будто дало это подпись – не разглашать известный им факт смерти миллионов, да и самый факт их жизни.

* Делл'Аста Адриано. В борьбе за реальность / Пер. с ит. Предисл. О. Седаковой «Тайна реальности, реальность тайны». Киев: Дух і літера, 2012.

Для русской культуры это «лишение умерших смерти» особенно поразительно. Отношения с умершими безусловно составляли центр традиционных народных верований; так это и сохранилось в крестьянской культуре до наших дней. Это традиции дохристианского происхождения. Но и в православии прощание с умершим, отпевание и панихида отмечены особой красотой и глубиной. И первым (народным почитанием умерших), и вторым (православным «богословием смерти») мне приходилось заниматься*.

Замалчивание смерти миллионов (в первую очередь – убитых в лагерях и тюрьмах «врагов народа»**), но не только: по другим причинам скрывалась и смерть солдат на войне, и число погибших в блокаду и от разнообразных катастроф***), *damnatio memoriae*, запрет на всякое упоминание об умерших, невозможность узнать дату их смерти, найти могилы, совершить обряд прощания... Принудительное молчание о «своих умерших», в котором люди жили десятилетиями, распространялось, кажется, и на само обсуждение этой истории.

Эта практика *damnatio memoriae* никуда не исчезла (при всех переменах «идеологических» координат). Приведу один пример. Это борьба с памятью о Борисе Немцове, убитом на мосту у стен Кремля. Уже два года продолжается «война с цветами»: каждую ночь спецотряды уничтожают стихийно возникший на мосте мемориал, и каждое утро люди приносят свежие цветы.

* Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004; Седакова О.А. Вечная память. Литургическое богословие смерти // Седакова О. Четыре тома. Т. 4. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 656–677.

** Официально было принято дезинформировать родственников, не сообщать им дату и причину смерти заключенных. Смертный приговор формулировался так: «Десять лет без права переписки», и эти слова родные осужденного воспринимали буквально. Я знаю семьи, где по десять лет об умерших молились как о живых. Задним числом во время хрущевской «реабилитации» им сообщали давнюю (а возможно, тоже ложную) дату смерти отца, мужа, сына...

*** Чтобы уменьшить число потерь, в войну 1941–1945 гг. предпочитали формулировку «пропал без вести». Тайно, без имен хоронили солдат, погибших в Афганистане. Так же тайно хоронят теперь погибших в Донецке.

Первым, и совсем недавно, эту важнейшую тему поднял Александр Эткинд в своей книге «Кривое горе. Память о непогребенных» (М.: НЛО, 2016). Оригинальное английское название книги точнее обозначает ее предмет: «Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unbured» – «Искалеченный траур. Истории неумерших в стране непогребенных». Речь идет о погребении и трауре, а не о горе как личном, душевном переживании. «Россия – страна, где миллионы остались непогребенными, и репрессированные возвращаются как зомби, не вполне ожившие мертвецы», – пишет А. Эткинд (С. 34). Как этнолог, не могу не поправить эту фразу: не «не вполне ожившие», а «не до конца умершие», не совершившие свой *rite du passage*, то есть не ушедшие из мира живых в «другой мир». Этот «другой мир» разные традиции представляют по-разному, но универсальным остается одно: радикальное разграничение мира живых и другого мира, того, который погребение и траур помогают умершему достичь. Речь в книге А. Эткинда идет о «работе горя», о той работе, которую человеческая культура предписывает обществу живых по отношению к умершим. Это универсалия человеческой цивилизации: первое, что мы знаем о человеческой культуре, о *homo sapiens*, – это разработанные ритуалы погребения, прощания с умершим, следами которого занимаются археологи. Общество, разорвавшее связь со своими умершими, не погребающее их, не совершающее по ним траур, не хранящее их память, – уже не человеческое общество. Умершие, которым не оказаны погребальные почести, как мы знаем из древнейших памятников, остаются «не до конца умершими», они не «ходят» из мира живых, превращаясь в жутких и мстительных призраков*. Я говорю это, не совсем пересказывая А. Эткинда (его исходная позиция – психологическая и уже затем – историко-культурная), а как этнолог, много лет занимавшийся традиционной культурой смерти и погребения**.

* Славянская традиция различения «своей» и «не-своей» смерти, отношение к «нечистым», «заложным», «ходячим» покойникам, лишенным обряда, жива в крестьянской традиции до настоящего времени. К этому «второму уничтожению» казненных можно добавить планомерное и демонстративное разрушение кладбищ, предпринятое с первых лет советской власти.

** См.: Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян.

Итак, всякая память об убитых была категорически запрещена. Их имена стирались в книгах, их лица вырезали на общих фотографиях, о них не рассказывали детям. Римская идея *damnatio memoriae* воплощалась в СССР с невероятным размахом. Уже упоминать их — значило примыкать к ним, сопротивляться власти. Чем это грозило, все понимали. Посвященные знали, что, произнося в ектении молитву «О плавающих, путешествующих...», имеют в виду погибших и заключенных. В диссидентских кругах это прошение стало застольным тостом. Мы всегда поднимали бокал «О плавающих, путешествующих». Но открыто служить о них заупокойную службу, панихиду — даже о тех, кто погиб за веру и теперь причислен к новым мученикам, — Церковь не могла.

Этот долг, эту службу памяти взяли на себя поэты. Стихи возмечтали отсутствие церковного отпевания — и гражданской панихиды. «Муза Плача», Анна Ахматова:

*Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья...*

Памяти М.А. Булгакова, 1940

*Непогребенных всех — я хоронила их,
Я всех оплакала, а кто меня оплачет?*

1958

Борис Пастернак:

*Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.*

*Тела их бальзамируя,
Им посвящая стих,
Рыдающему лирою
Оплакивая их,*

*Ты в наше время шкурное
За совесть и за страх
Стоишь могильной урною,
Покоящей их прах.*

*Их муки совокупные
Тебя склонили ниц.
Ты пахнешь пылью трупною
Мертвецких и гробниц.*

*Душа моя, скудельница,
Все, виденное здесь,
Перемолов, как мельница,
Ты превратила в смесь.*

*И дальше перемалывай
Все бывшее со мной,
Как сорок лет без малого,
В погостный перегной.*
«Душа»*

Стихи написаны в 1956 году; нетрудно вычислить, что «сорок лет без малого» начинаются в 1917 году. Да и весь роман «Доктор Живаго», в первой же фразе которого звучит «Вечная память» из православного отпевания («Шли и шли и пели Вечная память»), задуман как такая жертва памяти всем «замученным живьем» (кстати, погребение живыми — один из видов римской смертной казни; этой казни — среди других — подвергались христианские мученики).

Согласие на молчание и забвение убитых, вполне объяснимое смертельным страхом («*в наше время шкурное*»), не могло тем не менее не делать своей разрушительной работы и в отдельном человеке, и в обществе. А. Эткинд прослеживает работу «кривого горя» (то есть косвенной, полубессознательной или скрытной памяти об умерших и «стране смерти», ГУЛАГе) в самых неочевидных местах: в прочтениях классики

* Сравнивая эти стихи с их тютчевским прообразом:

*Душа моя — Элизум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных —*

мы особенно ясно увидим, какой вещественной, могильно-вещественной тяжестью полна образность этих стихов. Это не отрадное общение с ушедшими в иной мир, а земной, ставший механическим «труд горя», перемалывание смерти.

у советских режиссеров и кинорежиссеров, в гуманитарных теориях Д.С. Лихачева и М.М. Бахтина. Он описывает наполнение художественного мира чудовищным и жутким, опустошение действительности от всякого смысла, возникновение того рода искусства, который он назвал «фантастическим историзмом», где действуют разнообразные «нелюди», мелкие духи-бесенята (здесь пограничной фигурой стал А.Д. Синявский, но окончательно на сторону «нежити» встал уже Ю. Мамлеев с его «Шатунами», за которым следуют многие прозаики и поэты). В классической русской литературе предшественников такого мира мы можем встретить нечасто: в фантазиях Н. Гоголя и Ф. Сологуба. На психологическом языке в позднесоветском и постсоветском искусстве мы видим своего рода пир неизжитой, загнанной внутрь травмы. На другом языке — это действительное смешение мира живых (которые чувствуют себя скорее не живыми, а «полуживыми» или «еще не умершими») и «неотпетых», «ходячих» покойников. Реальность в этом искусстве превращается в отсек ада, из которого выхода не предвидится. «Духов русской революции» сменил этот новый дух: его не назовешь нигилизмом; это дух примирения с тлением, с аннигиляцией как с единственной и «нормальной» реальностью. С тлением, населенным мелкими и безобразными призраками. Дух тотального цинизма.

И это превращение художественного ландшафта А. Эткинд относит к «работе горя», а авторов таких сочинений называет «героями памяти». Здесь я с ним решительно не согласна. Если это «работа горя» — то только в таком смысле, в каком мы можем говорить о «работе разложения» в теле, которое покинула жизнь. «Работа горя» в другом и настоящем смысле, «дело Антигоны», происходит совершенно иначе. Она состоит в завершении обряда памяти, в назывании убитых по именам, в воздании им долга сочувствия и почтения. В ясном различии происходящего.

Такую «работу горя» проделали поэты, которых я вспомнила. Эта «работа горя» создала великие книги «Воспоминаний» Н.Я. Мандельштам, лучшее надгробье эпохи (недаром вызвавшее такое возмущение у других жителей этой эпохи, не проделавших своей «работы горя»).

В последние десятилетия эту работу взял на себя «Мемориал». Совсем недавняя инициатива «Последний адрес»

присоединилась к исполнению этого долга: позднего и необходиомого для нас и для них прощания-встречи с ни за что погубленными людьми.

Совсем неожиданную форму «работы горя» нашел молодой философ из Томска, Денис Карагодин. Он занялся архивными разысканиями обстоятельств убийства его прадеда, крестьянина, расстрелянного вместе с другими 63 крестьянами и затем «реабилитированного за отсутствием состава преступления», — с тем, чтобы подать в суд на всех участников этого убийства, по цепочке от палача-исполнителя до Сталина. Политическое убийство тем самым превращается в уголовное, и вся муть сомнительной «реабилитации» невинно убитых исчезает.

Задуманное «Мемориалом» ежегодное «Возвращение имен» у Соловецкого камня стало одной из вершин нашего календарного года. На Лубянской площади, когда люди один за другим выходят и читают те два-три имени невинно убитых (расстрелянных в Москве), которые им достались, происходит нечто подобное греческой трагедии: одновременно и глубочайшее горе, и самое глубокое очищение, катарсис. Читать имена приходят и те, для кого эти жертвы входят в личную, семейную память, и те, у кого таких «своих» погибших нет. Так что это нельзя трактовать как частное дело: дескать, потомки репрессированных, «обиженные» поминают здесь «своих». Это дело общеноциональное. Это горе — общее. Мне пришлось видеть — трижды — как человек, прочитав выпавшие ему имена, неожиданно (вероятно, и для себя) говорил, что он пришел «с другой стороны»: его предки были из тех, кто преследовал этих людей и казнил. И он (она) приносили за них прощение. Каждый раз это было покаяние такой искренности и силы, что потрясало всех.

Само по себе чтение списков имен хорошо знакомо церковным людям. Мы это делаем на каждой литургии — пишем и читаем записки о здравии и об упокоении. Но есть огромная разница: люди, которых мы поминаем на богослужении, — существуют в памяти. Их имена не нужно «возвращать».

А здесь, на площади, происходит именно это: возвращение их из ритуального забвения, преодоление второй смерти, своего рода историческое воскрешение. Ведь люди, которых мы поминаем на Лубянке, были убиты дважды (о чем,

собственно, и была моя речь). И поскольку почти все согласились предать убитых забвению, в этом участии в их поминовении есть акт покаяния. Зачитывая и слушая имена погибших, мы пытаемся искупить нашу общую вину. И мы видим, что это возможно, — и что это возможно вместе. С этим, вероятно, и связано чувство очищения, катарсиса, которое ни с чем не спутаешь.

Все не так перепутано и бессмысленно, как это представляют «посттравматические» сочинения в стихах и прозе и музыке и живописи... Вот он, выход в простоту различия добра и зла. Выход в понимание того, каким мучением и поруганием была жизнь, которую предложили нашим родителям, дедам и прадедам. Я вспоминаю слова дона Карло Ньюокки, итальянского святого XX века, свидетеля русской жизни в 40-е годы: «Этот народ еще совсем не понял своего глубокого, почти адского мучения. Для него оно пока расплывчато и противоречиво». Из списка расстрелянных, который открывает перед нами невероятный размах государственного террора: «водовоз 56 лет; профессор химии 40 лет; лаборант школы 20 лет; сапожник 50, студент 19...» — мы начинаем видеть глубину этого ада — и необходимость самого решительного разрыва с ним. Мороки и уродливые «сложности» того мира, который изображают знаменитые «Шатуны» Ю. Мамлеева или «Голубое сало» В. Сорокина, здесь оказываются очевидно неуместны. Этот стихийно сложившийся — нецерковный, неконфессиональный — обряд обладает силой экзорцизма. Он связывает участников в какое-то особое единство. Вовсе не то фальшивое «примирение», к которому призывает официоз. И не та адская разрозненность, о которой свидетельствует новейшее искусство. Это единство, в котором есть доверие друг к другу, уважение друг к другу, благодарность друг другу. Мы чувствуем, что делаем одно дело, и это дело — не только попытка вспомнить и вернуть в историю, в человеческий мир всех, кто убит и вычеркнут из общей памяти. Пришедших на «Чтение имен» связывает своего рода общая вера, общее представление о мире. И мы собираемся здесь, чтобы эту веру исповедовать.

Приблизительно эту «бедную веру» можно определить только негативно: организованное и ничем не ограниченное насилие над человеком недопустимо и ничем не может быть

оправдано; жестокость во имя чего бы то ни было нам ненавистна; жизнью человека никому не позволено пренебрегать. В этом мы сходимся. И это выход из «кривого горя» к горю чистому, очищающему душевную муть и растерянность, — и, значит, к будущему.

Протоиерей Владимир Зелинский

Идеократический посредник
и его двойник
(к столетию Октября)

«Но ведь вы же советский человек?» — такой вопрос из «Повести о настоящем человеке», уже реликтовой к тому времени, с явным наjимом любили повторять «органы», склоняя неохотных собеседников к сотрудничеству или давя на диссидентов в 70–80-е годы. Вопрос ставился как капкан, из которого, считалось, было невозможно выбраться; скажешь «нет», объявишь себя потенциальным, а то и явным врагом со всеми нависающими последствиями; скажешь «да», это будешь уже не ты, а дрожащая тварь. Диссиденты ерзали: какое это имеет отношение к делу? Правильный ответ, как подсказал Буковский, должен был быть краток и юридически безупречен: нет, я гражданин ССР.

Но не так-то просто было, даже в вялотекущие, почти терпимые 70-е годы, скрыться советскому человеку в нейтральном гражданстве, в этой тесной юридической нише, где было бы вас не достать. Понятно как бы чуть отстоящие друг от друга, два этих термина под одним прилагательным никак не могли быть разделены ни психологически, ни фактически. На любой работе, уж не говоря о школе, институте, армии, литературе, «советский человек» был всюду главным, своим, единственным возможным. Каждый младенец, явившийся на свет в стране ССР, зачислялся в граждане, но затем, вступая в страну, проходил через силуэт идей, принимал его очертания, брал его звание, выполнял его функцию, надевал — пусть для вида — говорящую его голову. Все советское общество было заключено в единый мировоззренческий конек, из которого рождалось всякое лицо или существо, приписанное к данной территории. Разве лишь в последние застойные годы режима можно было, рискуя лишь работой и социальным статусом, но уже не жизнью самой, как-то отделять подданство государству от подданства силуэту. Да и сама

такая негласная возможность, явочным порядком возникшая (отнюдь не всегда и не всюду), была уже признаком близящегося распада. Нельзя по-настоящему понять историю и суть новой власти, ворвавшейся в российский дом 25 октября 1917 года, если мы выкинем из нее идеологический механизм, заведенный приблизительно — о чем тогда никто еще не знал — на одну человеческую жизнь. И эта жизнь была дана как бы одному существу, вобравшему в себя всех вождей, какими бы крутыми, харизматическими или историческими они ни были. Нас все больше завораживает страшная или славная роль Сталина, сыгранная в драме нашей истории, но мы не задумываемся над тем, что и сам Stalin был «заказан» этой идеологической моделью для того, чтобы править от ее имени. Не лично Stalin отбрасывает тень, которая заслоняет собой страну, а сам он образовался от гигантской тени — советского человека, строителя нового мира. Да, это была конкретная персона, обладавшая стальной волей, самосознанием, речью, всепобеждающими идеями, хотя, наверное, и не воплощавшаяся целиком ни в одного индивида из плоти и крови. Она витала над безмерным пространством, сливаясь с ним, вбирала в себя все 300 миллионов населения, простираясь над всеми угодьями, всеми реками, городами, танками, самолетами, всеми продуктами, книгами и полезными ископаемыми. Слова песни — «человек проходит как хозяин по просторам родины своей» — вещали сущую правду. Он не только был хозяином, этот «человек». Он был и самой Родиной, ее небом и землей, ее воздухом.

При этом он, несмотря на свою якобы бесплотность, с самого начала облекся не только в душу, но и в плоть, почти в биологическом смысле. Человек-хозяин родился в кровавых потугах революции, провел бурную молодость, борясь с недругами, прошел через беспощадное возмужание, убивая и строя, очищая для себя место на земле, выдержал испытания на прочность во время тяжелейшей войны. Предполагалось, что теперь-то ему жить и жить, но его мускулистость и молодость вскоре стали убывать почти с физиологической неотвратимостью, он пытался оживить их, нагнетая былой энтузиазм (рывок в такое близкое послезавтра в 50–60-е годы), но затем, войдя в пожилой возраст, принял его как данное, начал стариться, полюбил покой, перестал поминать

об обещанном будущем, и особенно о кровавом прошлом, сосредотачиваясь больше на текущей «борьбе за мир», разрядке, стабильности, повышении благостояния советских людей. На практике все это означало лишь заботу о собственном выживании. При смене караула он в конце концов понял, что при таком сидячем, покойном образе жизни ему долго не протянуть, сделал попытку перестроиться и обновиться, сначала робкую, затем чересчур смелую, встал, разбежался и уже не смог остановиться. И вот здесь на бегу его настигла сердечная недостаточность, и последние шаги он уже ковылял с остановившимся сердцем, хотя официальная его кончина была констатирована только в декабре 1991 года. Но она наступила раньше, вместе с незаметным, а затем явным распадом единого мировоззренческого мифа, когда, обдуваемый ветрами, он стал рассыхаться, выветриваться, по частям рассыпаться. Советский Союз распался потому, что лишился режиссера, который ставил его спектакль, оттого, что расстался призрак, державший страну в «ежовых рукавицах». Не потому, что иголки притупились, а потому что кто-то словно бесшумно вышел из страны, и — *сё, оставляется дом ваш пуст*. Кто конкретно ускорил его гибель — тайные силы или явные заговоры, ЦРУ или КГБ, перестройка или опущенные из-за океана цены на нефть, или все они вместе, — в сущности, не имеет определяющего значения. Можно выбирать любой сценарий, но, когда игра сыграна, причины поражения всегда найдутся. Советский Союз погиб, потому в его сердце заглох мотор, заставлявший это сердце биться. Реалисты, историки, люди практического ума этого не примут всерьез, — но никакое государственное устройство, заключенное в мировоззрение, не может существовать без души. Хотите, назовите ее идеей.

Да, именно идеей, спрессованной из многих конструкций, планов, проектов, лозунгов и надежд, которые, как мы видели, могут жить своей жизнью. Мы могли бы в данном случае опереться и на Гегеля, утверждавшего, что Идея, или Абсолютный Дух, проходит путь своего развития в истории, опосредуя собой действительность, рождаясь из собственных недр. В такое предположение необременительно бывает поверить, когда названный Дух витает в лекциях по классической философии или почивает в непрочитанных книгах,

но гораздо труднее представить, что он может воплотиться в системе, в которой в последние годы ее так называемые идеи казались только облезлыми декорациями... Но здесь следует прежде всего отличать персональную идейность всякого искреннего или фальшивого ее носителя от главенствующей идеи как таковой. Коллективная вера или Персона, ее исповедующая, никогда не совпадает ни с одним преданным ей верующим. И в то же время отчасти зависит от него. Мировоззрение государства собирает воедино всех граждан страны в один плакат, и плакат оживает. Он разрастается, закрывает собой небосклон, сакрализуется, занимает командное положение. Настолько командное, что все действующие лица последующей истории становятся только его шахматными фигурами.

Поднимем глаза от земли, оторвем их от былых вождей, от их карикатур или парадных портретов; на протяжении 70 лет у власти стояла лишь одна коллективная, собирательная фигура, возникшая из уплотнения верований и доктрин, усвоенных или навязанных, неважно, но во всяком случае господствующих и всеобщих. Она и порождала больших и малых генеральных секретарей, правивших от ее имени. Бросим взгляд на любой из текстов того времени, тех самых, которых в здравом уме мы не принимали всерьез, и просто взглянем на этого, пусть фантомного, но главного актера исторической сцены. «В России был создан такой тип соединения государства и народа, в котором честный труженик обрел небывалую силу и достоинство», — пишет автор недавней (2008) и совсем даже неглупой книги о советской цивилизации С. Кара-Мурза. И если не путать «честного труженика» и его достоинство с простым обитателем деревенской избы или городской коммуналки — как не согласиться? Не в первый раз и явно не в последний, коллективный носитель имагинативной и в то же время реальнейшей личности под множеством гордых своих псевдонимов заменяет собой всякого носителя имени и фамилии, который в эту личность вписан, где бы он ни находился, начиная с вершины ледяной горы власти и кончая ее подножьем, массой, незнанным людом. И тем более прав Кара-Мурза, когда говорит: «Сталин был создан советским человеком. И обратно — он создал советского человека». Именно это общее произведение,

единство реального управляющего и реальнейшего символа, железной рукой пасло государство и руководило друг другом. Возносить имя одного Сталина, отвлекаясь от этого тандема, как это сегодня делается, значит признаваться не только в своей черствости к миллионам убитых, но и в безнадежной инфатильности. Разумеется, персонально Stalin мог в любом количестве резать и стричь любого из советских людей, но только не Советского Человека как такового, потому что сам Stalin был только его отражением или, как философы говорят, эманацией. Именно ему, высочайшему представителю народной власти, Народом были даны чрезвычайные полномочия по уничтожению населения, как и широкие гарантии личных прав и свобод, которые были записаны в сталинской Конституции 1936 года.

«Что такое советская власть?»* — спрашивает Ленин в своей знаменитой речи. Это по сути превращение готовой, на марксистской основе выработанной рациональной конструкции в планируемое государственное устройство. Это возвращение проектируемого, того, что научно написано, строго доказано, во что горячо уверовано, в гигантскую фабрику утопии, заменившую собой страну. Текст этой научной веры должен был охватить своими щупальцами все, что существует, проникнуть во все клеточки социальной и личной жизни. Ленин был отцом-основателем этой фабрики, работать на которой теперь должно было все, что было наделено разумом и мышцами на пространстве его проекта. Захватив господство над ним, он, автор Учения, скажем сущим *grano salis***, во-плотился в страну, в которой миф обернулся насилием, а насилие влилось в миф, так что разделить их стало невозмож-

* Привожу начало ленинского Текста: «Что такое Советская власть? В чем заключается сущность этой новой власти, которой не хотят или не могут понять еще в большинстве стран? Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что прежде государством управляли так или иначе богатые или капиталисты, а теперь в первый раз управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал» (ПСС. 5-е изд. Т. 38). Здесь уже есть все, что простоят до самого конца системы: доктрина, миф, пафос, вера и «вражеское окружение».

** Со щепоткой соли (*лат.*).

но, как душу и тело. И когда через десятки лет это единство треснуло, душа ее неожиданно легко отделилась от телесной оболочки, внешне в то время еще достаточно крепкой, и оба они прекратили существование. И прежде чем жаловаться на то, «какую страну развалили», следует вспомнить, что душой страны было учение, лишившись которого она уже не могла выжить. Дело было не только в «теории Маркса», ленинских формулах, учебниках, указах, приказах, призывах, директивах, речах, обещаниях, верованиях, но в унифицированной идеологической модели, которая выплываясь в этой идеологической печи. Наивно было бы предполагать, что Текст / Советская власть, овладев территорией, слившись с партией и ее руководящими органами, поместится лишь в тесном Министерстве пропаганды или удовлетворится тем небольшим сегментом жизни, который отводится культуре и языку. Нет, с самого начала все, что достается во владение Тексту, опрокидывается в необъятное его чрево, в нем переваривается, пропитывается его соками, наполняется его символами, его вестью, его страстью, его властью, начиная с «правительства рабочих и крестьян» с тотчас возникшим отростком в виде Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Отныне как сами «рабочие и крестьяне», так и саботаж, так и культура, так и частная жизнь определяются не по здравому контрреволюционному смыслу, не по буржуазному словарю Даля или Литtré, а исходя из содержания, которое в них вкладывается коллективным ленинским мозгом. Текстом станет раскулачивание и внедрение колхозов, выполнение пятилеток и «планов громадье», обещание, что «саду цвесь», но также и истребительно-трудовые учреждения для всех предполагаемых вредителей этого сада. Текстом станут приговоры и ордена, «честный труд», как и повсюду стерегущий заговор империализма против него, вербующий своих агентов. Не только доклады на пленумах с их отчетными цифрами, не только красный галстук на груди пионера, но и бутерброд, съедаемый им на школьной перемене, тоже станет сакральным Текстом, ибо всякий кусок хлеба, произведенный «честным трудом», заряжался грозной, звенящей идейностью. Всякий, кто оказывался врагом народа, автоматически становился вором всех съеденных им продуктов и изношенных им ботинок. Даже пайка, которой его потом будут

кормить в лагере, какой бы несъедобной она ни была, давалась не просто так, но служила прежде всего для поддержания рабочей силы, работавшей на строительство социализма. Поглощение пищи в идеологическом государстве не могло быть нейтральным, с самого начала оно было подключено к Миfu. Всякая производимая работа буквально искарила от идейного электричества, и потому понятно, что и стахановское движение, и социалистическое соревнование на всяком рабочем месте тоже работали строчками Текста, как и любое уклонение от работы, но в этом случае уже с убийственным знаком минус. Центральным, храмовым святынищем этой хартии, помимо руководящих лиц, висевших в клубах и кабинетах, было (и по сей день остается) тело автора его, покоящееся в Мавзолее. Те, кто сегодня так яростно противится выносу его тела оттуда, защищают прежде всего именно ту форму выражения Текста, зарывшуюся в сырой песок памяти и подсознания, откуда ее почти невозможно выкопать и вынести.

Миф стал главным действующим лицом истории, осаждаемый ушами и взглядом, вдыхаемый вместе с воздухом, грозный, невидимый, стерегущий, пронзающий страхом как ГУЛАГ, но и райский, окрашенный в светло-голубые тона, как занавесившее горизонт будущее. Он был тем декартовским *cogito*, который удостоверял аутентичность существования каждого гражданина; исповедую Текст, значит (пока) существую, имею допуск жить на нашей общей земле. Он был протагоровской мерой всех вещей, выправленной по «советскому человеку», как и образ вождя, ставший сегодня страшным или ностальгическим. Но тот образ был лишь ключевой, видимой частью всемогущего Текста. Овладевший массами, ставший материальной силой, он материализуется в фигуре Генерального Секретаря, действует его руками, но один не существует без другого. Текст и заданная им действительность, по крайней мере в зрелой своей фазе, суть одно. Говорим Текст, подразумеваем жизнь. И наоборот. Такой сплав называется идеократией, а идеи, огустевшие, отвердевшие в «советском человеке», назовем идеократическим посредником. Человек-Текст. Он-то и есть настоящий держатель советской власти.

Потому что тот Человек вовсе не был только мировоззрением, состоявшим из набора постулатов, не только рядом

приказов и поступков, из них вытекающих, но прежде всего собирательной фигурой, сбившей все население в идеологическое стадо и погнавшей его в заданном направлении. Суть идеократии в превращении: идеология, собирая общество воедино, становится самостоятельной величиной, неким одушевленным миражом с горячей кровью (и кровь его должна поддерживаться при высокой температуре), и этот идол живет своей жизнью, развивается, проходит положенный ему жизненный цикл. Сколько можно не видеть за деревьями леса? Сколько еще толочь воду в ступе злодеев /спасителей Ленина-Стилина? Не отдельные особи, но «Мировоззрение», обращенное в державу, верит, любит, греет, ненавидит, трудится, приказывает, подписывается на заем, собирается в колонны на демонстрациях, громит врагов, приговаривает к расстрелу, учреждает и утверждает себя повсюду в качестве единственной возможной научной, спасительной, отеческой государственности. Непонимание природы идеологической власти вытекает из застарелого нечувствия этой онтологии некой всеобщей, растворенной в государстве фигуры, всем правящей, но материально нигде не присутствующей. Такая идеология вовсе не складывается из суммы убеждений отдельных граждан страны и вместе с тем не совсем отделена от них, ибо паразитирует на их убеждениях и поступках, каждодневно кормится ими. «Советский человек» есть тот символ, который вместе с кухаркой, то есть совокупным Народом, управляет теперь государством.

Спросят: а где вы его видели, «советского человека»? Ясно же: речь не идет о любом гражданине, проживающем в границах СССР (или стран народной демократии), ни даже о механическом сложении всех граждан, внешне единых в своих идеологических установках, но о самостоятельном деятеле и мыслителе, который обитает во всех. Обитает очень по-разному: в качестве господина, отдающего приказы крепостному человеку, который вполне осознает свои холопьи кондиции, или в качестве его «я», которое владеет его сознанием, живет его чувствами, носит его достоинство. Он един со своим Народом, он — как все. Он и есть Народ. Он отражается в других и в них растворен. Его легко узнать в человеке, рядом с которым мы идем по улице или едем в метро, но прежде всего это способ социального бытия, в котором мы повседневно

существуем. И потому вполне оправданно подойти к такому олицетворенному способу-персонажу с очень далекого расстояния, со стороны «Бытия и Времени» Хайдеггера.

«Человек сам принадлежит другим и упрочивает их власть. «Другие», которых называют так, чтобы скрыть свою сущностную принадлежность к ним, суть те, кто в повседневном бытии с другими ближайше и чаще всего *присутствуют*. Их к т о не этот и не тот. Не сам человек и не сумма всех. «Кто» неизвестного рода, л ю д и»*.

Термином л ю д и покойный ныне В.В. Бибихин переводит непереводимое хайдеггеровское «das Man», существо как бы среднего рода. Это слово означает усредненность человеческого бытия-с-другими. «Это бытие с другими полностью растворяет свое присутствие всякий раз в способе бытия «других», а именно так, что другие в их различительности и выраженности еще больше исчезают. В этой незаметности и неустановимости люди развертывают свою собственную диктатуру. Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят; но мы отшатываемся от «толпы»; как люди отшатываются; мы находим «возмутительным», что люди находят возхмутительным. Л ю д и, которые не есть нечто определенное и которые суть все, хотя не как сумма, предписывают повседневности способ бытия»**.

Л ю д и верят в прогресс, убеждены, что живут в самом справедливом обществе, они нетерпимы и беспощадны к его недругам. Они суть коллективный Он. Тот, кто гордится своей страной, своим руководством, трудовыми и военными победами. Он слит с другими в сумме верований и предпочтений. Он обращен в сторону предсказанного будущего, грозен вместе с ленинской партией, когда она «непримиримо выступает против любых взглядов и действий, противоречащих коммунистической идеологии»***.

Хайдеггер говорит, что диктатура л ю д е й утверждает себя незаметно и неопределенno. Они всеобщи, они суть Некто или Никто. Но однажды этот Некто, растворенный в л ю д я х, может стать тем, кто собирает их в единый знак и

* Хайдеггер Мартин. Бытие и Время. М., 1997. С. 126.

** Там же. С. 126–127.

*** Словарь научного коммунизма. М., 1983.

кулак. Когда через несколько лет после публикации «Бытия и времени» диктатура людэй стала в Германии в высшей степени определенной и насильтственной, сам гениальный автор людэй безо всяких проницательных обличений принял эту метаморфозу, свободно избранную и поддержанную большинством. Разоблачение одного тоталитаризма, в данном случае лишь угадываемого и диффузного, отнюдь не уберегает от слепоты к другому, жестко агрессивному, ломающемуся в каждую душу и дверь. И более того, зачастую именно оно такой слепотой как раз заражает; слишком сильное отталкивание от одного типа «людей» бросает к «людям» другого, так, что, бывает, вы уже сливаитесь с ними, с их цветом и запахом, почти того не заметив. Навязший, но не устаревающий пример: скрупулезное и жесткое, предельно точное описание диктатуры капитала у Маркса и по сей день порождает Лениных, причем отнюдь не только в несчастной России. Чувствительный слух немецкого философа, уловившего пересуды людэй, поначалу никак не пострадал от слишком громких воплей о «национальном возрождении и единстве». Но едва вопль (миф, призыв, возрождение...), обещавший спасти миллионы немцев от обмана plutokратии, еврейского коммунизма и буржуазной безликости, становится способом правления, он не оставляет охваченным им гражданам никакого личного пространства для незаметности. Он сам выбирает твою роль, расписанную от рождения до крематория: кого любить, а кого убить, когда поднять руку, когда опустить, кого называть «товарищем» или арийцем, а кого «буржуем» или «жидом» с акцентом иронического презрения, что воспеть в стихах и как, если придется, философствовать.

А философствовать здесь приходится буквально на каждом шагу. «Только к середине двадцатого столетия, — пишет Чеслав Милош, — жителям многих стран Европы пришлось волей-неволей убедиться в том, что их судьба может непосредственно зависеть от философских книг, трактующих вопросы дальние и почти непостижимые. Их кусок хлеба, их повседневные заботы, их частная жизнь, оказывалась, как они могли заметить, в прямой связи с такими-то выводами, сделанными при обсуждении вопросов, которым они не уделяли никакого внимания^{*}. Отныне это и х вопросы. Они

* Milosz Czeslaw. La pensée captive. 1962. P. 21.

должны будут твердо знать, где правый уклон, где левый, чтобы не остаться и не провалиться в ледяной ад, тогда как эти уклоны не всегда легко отличить от генеральной линии ЦК, могущей измениться от утра к вечеру. Текст был прежде всего практической философией истории, текущей через людей.

Люди, впаянные в советский народ, служат отныне посредником между всяким индивидуальным и общественно-государственным существованием. Они суть хозяева жизни и смерти. Они неизменно и неизбежно струются в земного вождя, который служит их отражением, их могущественной тенью. В общество, схваченное партией Ленина, из индивидуального существования выходят в люди, вступают в набор определенных чувств, убеждений, фраз, верований, лозунгов, надежд, ненавистей, преданностей и прочих массовых чувств. Этот мир должен быть строго казенным и одновременно интимным, говорящим в постановлениях партийного собрания или заводского комитета, но и умеющим себя выразить в поэзии, в концерте, в пейзаже. Идеократический посредник — одновременно и das Man, люди, со своей речью, образом мыслей и действий, и способ бытия этих людей, в государстве, построенном на вере, ставшей наукой, и науке, сделавшейся верой, — это конкретная должность администратора всего, что находится на его территории, это Генеральный Секретарь людей.

При этом неважно, сколько было на самом деле этих людей и как их число соотносится с числом граждан, проживающих в стране. Люди не имеют числа, не пересчитываются на особи. Особи вообще могут не принадлежать к людям, не верить в их веру, не пытать их чувствами, а, затаившись, лишь терпеть и тянуть мировоззренческую лямку. «Механическими гражданами» назвал их когда-то Горький. Они «механически» остались жить там, где и жили, но, чтобы жить, нужно было не только трудиться на страну, но и голосовать с ней вместе, клясться в верности ее вождю, неистово обличать ее врагов, таясь в своей частной жизни. Они ни на что не могли повлиять. Зато люди могли повлиять на них, оставаясь постоянно нависшей угрозой. Вся история идеократии, с 1917 года начиная, это история борьбы и подавления граждан людьми, собирательным идеократическим по-

средником подвластного ему населения. Население состояло из скрытых белогвардейцев и им сочувствующих, из кулаков и подкулачья, из попов и механических граждан, из обывателей и саботажников, из шпионов и врагов народа, которых приходилось выискивать и разоблачать денно и нощно. Борьба велась как бы на два фронта – против империалистического окружения, которое было институализировано как постоянно действующая угроза, и внутри – против тайного его агента, который мог свить гнездо во всяком с виду лояльном гражданине. Оба эти фронта неизбежно должны были сомкнуться и слиться друг с другом. После первых же шагов «народной власти» началась беспощадная борьба с тем народом, который непрестанно порождал из себя явных или скрытых «гидр контрреволюции», и когда Сталин заступил на место Ленина, он исходил из той же логики, «гениально угаданной», как выразился Ленин в другом контексте, в идеократической системе. Ибо Текст, как овеществленный идол, чтобы отправлять свою власть, – а она не может не быть безграничной – должен питаться кровью и «добровольными признаниями» своих жертв, которые на каждом этапе этой власти получают новое имя и наделяются новыми отталкивающими свойствами.

Потому что никакой миф не состоит из одних только проектов и помыслов, миф – значит гнев, радость, страсть; Текст – это и разгоряченная Надежда, и пылающая Ненависть. Без слияния этих чувств, без «пассионарности», как говорит Лев Гумилев, Временное правительство могло бы еще заседать в Зимнем дворце, до тех пор, пока его бы не смела какая-нибудь «святая злоба» (Блок), слева или справа. Но и пассионарность не могла бы удержать надолго власть без словесно-идейного мифа, лишь голыми диктаторскими руками. Миф создает выставку прекрасных картин, проецированных на будущее, как и черную тучу ядовитых осадков, падающих на прошлое. Он ставит засаду на лазутчиков из этого прошлого, пробирающихся в сегодняшний день. Миф, как искра, передаваемая по цепочке от теории Маркса (которая в экономической своей части еще не была мифом), от русских революционных кружков, вспыхивает в очаге большевистской партии, а затем после видимой своей победы сосредотачивается в Сталине, который эту партию практи-

чески уничтожает. При этом ни в чем, кроме незначительных деталей, не меняет изначально ленинского, партийного, обязательного Текста, тем самым обессилив всякое сопротивление ему изнутри. Такова была внутренняя логика мифа, та, что выбрала для себя образ запредельного, грозного, но родного отца с его простой, неторопливой речью, с его знаменитой «железной логикой», с его вездесущей полицией, которая легко смела почти всех бравых полководцев гражданской войны. Сталин сделал марксизм патерналистским и в то же время убийственным, трансцендентным, как перуанское божество, и в то же время отечески понятным, близким, по-своему даже очеловеченным портретом с усами и легким грузинским акцентом. Но та же самая логика мифа, живущая в теле Текста, продиктует ему и время неминуемой кончины. Погаснет Страсть, доктрина станет мумией, и ей самой будет стыдно носить свое словесное тело. Учение перестанет производить наследников, оставшихся верными его заветам. И магия его начнет стремительно убывать. Сначала подспудно, потом на глазах у всех. Но пока они на подъеме – Страсть и Текст, Утопия и Ненависть; они ищут живую кровь, чтобы расти, двигаться, крепнуть, питаясь ею.

Выпитая кровь делает идеократию на время всесильной. Но лишь на время. Потому что чем больше крови впитано ее организмом, тем неизбежнее подкрадывается к нему и старение. Структура идеократии предопределена присущей ей внутренней динамикой; при видимой своей окаменелости, эта система подвижна. В ней существует постоянное напряжение между «мировоззренческим целым» и носящей его единицей, как существует несоответствие между людьми как личностями и идеологической энергией, которую они же и производят. Кровь служит горючим идеологии, террор поддерживает ту необходимую температуру ее тела, при которой она только и может полноценно существовать. Заурядной ортодоксальности, проявляемой на митингах и в газетах, более не хватает, и вот идеология выкачивает энтузиазм из ужаса и бросается в людоедство.

Да и как могла она без него обойтись? «Все было напряжено до крайности, и в этот период беспощадно надо было поступать. Я считаю, что это было оправданно», – говорит

(и постоянно повторяет) Молотов*. Идеология есть оправдание, говорит Адорно, в данном случае оправдание Текста и стоящего на нем государства. Легко ли вообразить «разумный» нацизм без одержимости антисемитизмом? Мыслимо ли представить себе Советский Союз 30-х годов остановившийся на нэпе, который, естественно, тоже должен был бы как-то развиваться, без коллективизации и ликвидации кулачества как класса, без массовых депортаций, политических процессов и арестов, без мобилизации всех сил, не считавшийся с миллионными жертвами, с правом выезда за границу «для лечения» или по научным командировкам, как в 20-е годы, с одним только бодрым сталинским «жить стало лучше, жить стало веселее»? Неизбежно началась бы коррозия мифа, потрескалась бы монолитная глыба учения Маркса и Ленина, отодвинут идол Революции, а за ним и проект строительства социализма в одной стране, распалось бы монолитное единство партии и народа, как и единство самой правящей партии, и так далее. Партия бы скоро разделилась на фракции, ведущие агитацию друг против друга, из фракций возникли бы партии, и что бы осталось? Идеократии всходят из зерна принудительного единства. Витторио Странда говорит, что «настоящий двадцатый век» начался не с Первой мировой войны, а с победы большевиков над меньшевиками на 2-м съезде РСДРП в Лондоне в 1903 году. Тогда мало кто обратил на это внимание за пределами кучки революционеров, «страшно далеких от народа». Но когда в 1917 году большевизм стал государством, учение – учреждением, а партия – народом, это, кровью и верой зацементированное единство с первых же дней было обречено беше-

* См.: Чуев Феликс. 140 бесед с Молотовым. М., 1991. Замечу попутно, что если и был когда-либо человек, максимально приближенный к модели «советского человека», то из исторических деятелей, пожалуй, именно Молотов подходит на эту роль больше всего. О репрессиях: «...если бы не мы их, то они бы нас». О процессах 30-х годов десятилетия спустя: «...так они же сами признались». Об общей линии партии: «...случались, конечно, ошибки, но все было правильно, иначе быть не могло». О борьбе за мир в последние годы: «...мира без войны не может быть». О женщине, чей приговор на десять лет молотовская рука лично заменила расстрелом, – кем была, чем провинилась? – «Не имеет значения».

но защищаться против полчищ врагов как внутренних, так и внешних, настоящих, но еще более воображаемых. Враг должен быть всегда рядом, на полях видимого и невидимого фронта, в полшаге, за квартирной стенкой, за соседним станком, в ближней хате, в партийном бюро, а не только где-то вдали, в безусловно «враждебном», но туманном «окружении». Недаром Сталин на закате дней, чувствуя, что режим сползает в ступор и неподвижность (а за ним неизбежно замаячит и какая-нибудь оттепель, а вслед и перестройка), готовился встряхнуть ее новым взрывом террора, запалив, как бикфордов шнур, прощальное «дело врачей». Системе, чтобы она жила, нужно было постоянно приносить свежие гекатомбы, дабы несокрушимо стояло кровью скрепленное братство мифа и ужаса. «Бывают ситуации, когда страх и надежда становятся едины» (Гете). Но как только от великой цели, вековой мечты, «достоинства советского человека» и т.п. отсечь страх, поместить его в отдельную клетку, и у самой мечты станут подкашиваться ноги. «Отнимите ложь, и насилие дряхлое падет», — скажет потом Солженицын.

Но та ложь вовсе не была так очевидна, как кажется. Лишь на закате дней истлели на ней последние одежды, обнажив постыдную ее наготу. Да и сам Солженицын отнюдь не обличает свою любившую революцию молодость, как и мы не клеймим свое детство, когда высокие колосья верований еще не выгорели в душе. Ложь тогда утверждалась как иная, более правдивая, правда, не такая, как в жизни, и таковой по видимости оставалась от Октября до самой кончины. Она просто заменяла собой реальность. Она пела гимн свободе на месте всеобщего подчинения и неволи. Она утверждала «веселье жизни» на фоне удушающего повседневного мрака. Но вскоре голос ее начал садиться, и правда мифа становилась неполной, ущербной правдой. Затем неправдой вовсе. Затем неизбежно вопиющей ложью, которую все труднее было терпеть. Стоит подкрутить фитиль внушенной надежды, и она станет притворством; убавить давление идейного пара, и слова, им нагретые, катастрофически упадут в цене. Стоит страху позволить осознать себя до конца, признаться в себе, что он, помимо всякой утопии, есть просто страх за себя, и он постыдно голым выберется из подсознания. Но страху никак нельзя было давать обнажаться, ибо, лишившись одежд

и согревающего пламени, миф на ветру тотчас начинает замерзать. На его месте остается только срам и страх, который обособливается от его носителя. И тогда за опавшим достоинством советского человека может пробиться совсем иное неприглашенное достоинство, которое однажды бросит вызов нерасторжимой когда-то своей половине, вечной боязни. Оно сразу же станет закваской для прозрения, осмысления, сопротивления, негодования, ядовитой шутки, уже не зажимающего рот смеха. Анекдоты, как злые осы, облепят кожу левиафана, прихлопнешь в сердцах одну, налетит туча других, зашевелится самиздат, разовьется целая подпольная литература, зашумят письма протesta, откуда-то выкопают призыв соблюдать советскую Конституцию, словно она когда-то частным лицам была дадена, а не Советскому Человеку или Народу, в нем собранному. Враг, пусть хоть в горсточке одиночек, выйдет на площадь, заговорит по чужому радио, теперь его уже не надо выискивать, он готов рисковать, идти в тюрьму, он уже не сдается, теперь за ним пусть смутное, но всеобщее ощущение, что «так жить нельзя». И вот эта разложившаяся утопия рано или поздно выбросит на берег реформатора, который, ничего не желая разрушить, но лишь исправить, обра- зуметь, очеловечить, под аплодисменты всего мира отменяет «образ врага», не отдавая себе отчет, что тем самым он приглашает возглавляемый им режим в палату для эвтаназии.

Впрочем, даже «сладкая смерть» не всегда протекает мирно. Была, скажем, «дружба народов», одна из главных торжественных строк всеобъемлющего Текста. Она ставила плечом к плечу «советского человека» одной нации с тем же человеком в другой. И была скреплена при этом бетоном партийной власти, то есть зависимостью местных царьков от московских партийных структур. Но как только зависимость эта слабеет, трескается словесный бетон, то уже не о дружбе заходит речь, но о межнациональных отношениях, и конфликты, прятавшиеся за спиной мифа, немедленно вспыхивают, потоки крови и ненависти разносят в щепы старые декорации. Им никак уже не удержаться при новом термине.

Если враг не сдается, его изобретают – перефразируем максиму Горького. Такое изобретение – необходимая, повседневная работа идеократии в период ее расцвета, по- добно накачиванию соблазна и посула светлого будущего.

Изобретают не только на судебных процессах, но и на процессах внутренних, скрытых от глаз. Ведь ясно же: прежде чем начать действовать и вредить, дьявол оппозиции вынашивает свой умысел где-то внутри. В апогее идеократии, на процессах 30-х годов, подсудимые признавались и на удивление искренне: да, объективно я действовал как скрытый враг советской власти; и недаром острые взгляды Фейхтвангеры не замечали здесь никакого притворства. Пытка в следственном кабинете становилась орудием самопознания и саморазоблачения. Страх, как в психоанализе, проливал свет на особую совесть, укрывшуюся в закоулках сознания, и совесть и заставляла каяться — далеко не только во время открытого процесса, но и наедине с собой; признаваться самому себе в некой колебавшейся идентичности, а затем и в «объективной» вражеской сущности. Идейная непримиримость шла войной на самого же нетвердого ее носителя. Не только животный страх, но и сложенная с ним глажущая совесть плодили добровольных помощников. Как можно отказаться от сотрудничества, если партия (душа твоя и надежда) в лице органов предлагает тебе почетную секретную обязанность? Донос может быть не только формой лояльности, но и способом борьбы с врагом в самом себе. Вспомним патетический вопрос Сергея Довлатова «Кто написал четыре миллиона доносов?». Тот, кто живет в подполье, под Сталиным, спрятанным внутри нас, под идеократическим посредником, тот его дрожащий, совестливый двойник, который хочет, но не может с этим посредником слиться.

Вся история советского режима — притча об отношениях хозяина и работника, господина и раба, идеократического посредника и его двойника, двурушника на языке 30-х годов. Двурушник был подпольщиком, то есть персоной, заведомо виновной и вытесняемой, он всегда карался по высшей мере, изобличался совестью, выводился на чистую воду. Порой — в период великих чисток 20–30-х годов — он даже калялся публично, разоблачая самого себя. На некоторых процессах даже требовал для себя беспощадного наказания, и разве пролетарский суд смел ему отказать? Потому что до всяких процессов он таился как тень, стараясь не производить шума, ища компромисса с неумолимым посредником. Он действовал как тайный лазутчик человеческой природы, неза-

конный посланник здравого смысла, свидетель чужого взломавшего цензуру достоинства, шпион, засланный из страны заграничных ценностей или самих заповедей, вложенных в нас Богом. Как только дискурс о других ценностях хватается за государственный руль, как случилось при горбачевских реформах, посреднику неизбежно приходит конец. Теперь уже не вечно дрожащий двойник, а сам он оказывается отражением, которому можно будет сказать: «Тень, знай свое место». Но по сути все это вызревает много раньше. Как только тень перестает питаться кровью живых, принесенных ей жертв, она начинает стареть и медленно-медленно сползать к обрыву. Перестройка мелькнула уже на похоронах Сталина. А в последние 20 лет режима идеократический посредник уже был скорее соправителем, если еще не со здравым смыслом, то с неким умеренным лицом, который хотел, чтобы его принимали за нормального, солидного, приличного господина.

«Для диалектической философии, — писал, а потом бесконечно цитировался в советских учебниках Энгельс, — нет ничего раз установленного, святого. На всем и во всем она видит печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу»*. Могли ли предположить отцы-основатели марксизма, что именно их, мнившая себя диалектической, философия, их скрупулезный анализ, их желчь, их гнев, их сверлящая мысль станут каменным изваянием и объектом культа в предреченнном ими обществе? В каком злом сне могло им присниться, что «простое отражение восходящего от низшего к высшему» будет предрешено заранее, а потом гвоздями прибито к мыслящему мозгу каждого гражданина, лишив его всякой возможности осознания того, что действительно происходит вокруг? Что малейшее пополнение отступить или освободиться от таковых гвоздей будет грозить пыткой и смертью? Что государство, вышедшее из горнила пролетарской революции, все 70 лет будет мыслить одной головой и говорить одними устами, и в его остывшей словесной тюрьме они распознают свой пафос и свой словарь,

* Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1965. С. 67.

свои чаяния и обличения, открытия и смелые замыслы? И каждый как-то еще мыслящий внутри себя тростник будет обречен на сложные взаимоотношения и коллизии именно с их рожденным в музыке разоблачений текстом, и от этих коллизий обзаведется двойным, тройным, а лучше по-гегелевски сказать, «несчастным сознанием»?

Вся история советской власти — скрытое пространство невидимого, развивающегося или угасающего конфликта между всеобщим сознанием и частным, между идеологическим манекеном и спрятанным за ним человеком. Конфликт изначально вписан в это притязание окаменевшего словесного вещества на абсолютное господство над человеческой личностью. И миф, из жил которого утекает пассионарность, в конце концов уступает миллионам внутренних противлений отдельных особей. Перестройка, прежде чем поставить на очередного Генерального Секретаря, тайком, потихоньку делается в головах. Государство как Текст разлагается в людях гораздо раньше, чем 6-я статья Конституции о руководящей силе партии изымается из системы. И не надо говорить, что страна развалилась оттого, что упали цены на нефть.

Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его (Пс 126, 1).

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ЭМИГРАЦИИ

Протопресвитер Борис Бобринский

Несколько слов об архимандрите Киприане (Керне)

Мне привелось познакомиться с отцом Киприаном в 1942 году, будучи еще школьником. В то время о. Киприан уже вот несколько лет как покинул улицу Лурмель в Париже, где он служил при «Православном деле», созданном матерью Марией (Скобцовой), и стал настоятелем домовой церкви семьи Трубецких имени святых Константина и Елены в Кламаре (в предместье Парижа). Помимо этого о. Киприан был приглашен в Свято-Сергиевский православный богословский институт читать курс литургики. Впоследствии, когда прот. Георгий Флоровский оказался в Греции на все времена войны, о. Киприан занял и кафедру патрологии, а затем и пастырского богословия.

О. Киприан стал моим духовным отцом и руководителем в трудные годы немецкой оккупации. Уже с юных лет я стремился к священству, и духовное водительство о. Киприана оказалось для меня неоценимой поддержкой и помощью.

О. Киприан занимал небольшую комнату с кухней (которую делил с А.В. Карташёвым и его супругой Павлой Полиевктовной) на втором этаже профессорского дома. Стены были уставлены полками с книгами. Многие книги были редкостью,

и о. Киприан ими дорожил, говорил, что книга одолженная — потерянная книга. В углу были иконы с аналоем. Перед ними мне приходилось стоять на исповеди. Обычно после разрешительной молитвы о. Киприан усаживал меня и угощал «греческим» кофе, в маленьких фарфоровых чашках. Он любил вспоминать о событиях и встречах прошлого, на Востоке, подробные записи о которых сохранял в дневнике. Вообще, от самого облика и обстановки о. Киприана веяло Востоком и внушалась нам любовь к восточному православию.

Последний год военного времени был особенно трудным. Часто и подолгу метро и автобусы не ходили, и о. Киприану приходилось отправляться пешком через весь Париж, ночевать на полути у гостеприимных друзей (довольно часто — в семье Бориса Константиновича Зайцева, с которым он был очень близок) и затем уже доходить до Кламара, где он неизменно и без пропусков совершал воскресные и праздничные богослужения. Обратный путь на Сергиевское подворье совершался таким же образом.

Я любил молиться в Кламарском деревянном храме. О. Киприан служил прекрасно, величаво. Его служение стало для меня идеалом и примером на всю жизнь.

Осенью 1944 года я поступил студентом в Богословский институт. Помню первоначальную беседу о. Киприана с нами, новоначальными студентами (среди которых был и Иван Мейендорф). Слова его потрясли нас. Они были приблизительно таковы: «Вы приближаетесь к Тайне, пред которой ангелы закрывают свои лица крыльями (и о. Киприан подымал эффектно рукава широкой греческой рясы, и мы исполнялись трепетом и удивлением). Подумайте хорошенъко, желаете ли вы идти по избранному вами пути. Еще не поздно одуматься». Он указывал на трудный подвиг богословования, напоминал, что богословская наука ревнича и не терпит двоедушия и легковесности.

Мне бы хотелось именно здесь привести несколько выдержек из писем о. Киприана о советах к духовной жизни: «По поводу Ваших слов о возрастах и сроках, когда принимать решения в жизни религиозной, думаю, что зажигать и ставить свечу надо, пока она еще целая, а не огарок, но сообразовываясь с личными особенностями, с окружающей средой, не под влиянием настроений и опасностей или разочарований,

а вполне спокойно, твердо, уверенно. А главное, надо иметь мудрых, трезвых и очень духовно уравновешенных руководителей» (письмо от 7 августа 1945 г.).

«Что мне ответить на Вашу исповедь? Вы ведь знаете, что лечить свою душу надо не от грехов как злых дел, конкретных дурных поступков, а от состояний нашей души, от устремленности ее на то или иное злое, греховное расположение. Поэтому, когда мы свою духовную жизнь рассматриваем не как состояние в ту или иную минуту наших злых дел, а как постоянную, непрекращающуюся борьбу мотивов, стремлений, страстей, то не отдельные поступки имеют первенствующее значение, а именно общее расположение нашей души. Бороться надо со страстями, это Вы знаете. Способов борьбы много, а все их надо свести во едино (*sic!*) — к подвигу, к узкому пути. Полезно препобеждать данную страсть противоположной добродетелью: чревоугодие — постом, скромность — милостынею, гнев — терпением, а гордость, мать всех пороков, — смирением. Но главное, помнить надо, что не один раз смириться, а постоянно упражняться в смиренении, смирять себя во всем: в мыслях, чувствах, в делах. А молитва, конечно, главное наше духовное богатство. Молитвенную стихию стяжать надо, и когда это главное оружие Вами приобретено, то им можно многое вымолить. Но опять-таки, постоянством в молитве. Не впадайте в разочарование от того, что не сразу Вы стали великим богомольцем, смиренным человеком и незлобивым, а с терпением и постоянством работайте над собою, не полагаясь на свои оценки и на свои собственные диагнозы. Это предоставьте знать другим, а главное Богу. Еще о молитве: не количество ее ценно, а качество. Пусть и кратко, но от сердца и от ума да исходит Ваше молитвенное вздохание» (письмо от 27 ноября 1945 г.).

И еще одно: «Пожалуйста, не нервничайте, отдохните, учитесь, читайте и только не думайте слишком много о том, что Ваше бодрое настроение помешает Вашему духовному бытию. Жизнь духовная, насколько я понимаю, не должна во все сопрягаться с печалью, мрачностью, унынием, минорностью и прочее. Не проще ли нам надо всем жить в отношении к Богу и религии? Не строим ли мы слишком всяких стилизаций под что-то и кого-то? Жизнь со всеми ее повседневными делами тоже должна войти в наш религиозный быт. Ведь

в монастырях все составляет совокупность духовного устройства: и кухня, и послушание в лесу или мастерской, и заботы по принятию гостей, а не только одно стояние в храме, духовное чтение и созерцание. Все — и тело, и труд, и отдых, как и молитва, нужны Богу, ибо это все составляет всецелого человека. И почему это все должны убегать в монастыри? Не думаете ли Вы, что то духовное и психологическое монофизитство, которого мы в теории боимся, на самом деле следует за нами по пятам? Нелюбимый мною Достоевский где-то говорит: “какой же ты безбожник, ты ведь веселый” (или что-то в этом роде). Не в грусти и не в посуплении брой вей состоит угодное Богу житие. “Правда и мир о Душе Святе”. Храни Вас Бог в этом» (письмо от 15 июля 1946 г.).

В годы моего студенчества на Подворье о. Киприан защитил докторскую диссертацию об антропологии св. Григория Паламы. Это было для нас неоценимым откровением целой области поздневизантийского богословия, тогда еще мало известного даже в православных кругах. Было лишь издано очень ценное исследование афонского инока Василия Кривошенина (будущего архиепископа) в Пражской серии *Seminarium Kondakovianum* об «аскетическом учении св. Григория Паламы».

По поводу этой своей диссертации, изданной в 1951 году, о. Киприан мне писал: «М.б., эта книга доставит Вам удовольствие, а м.б., Вы в ней почерпнете кое-что для Ваших полемических и паламических устремлений. Будьте снисходительны к ее дефектам. Многие, вероятно, мне поставят в упрек, что я мало обращался к разным западным монографиям о святых отцах. Это меня меньше всего интересовало. Я гл[авным] обр[азом] устремлялся к святым отцам, старался их разгадать и восстановить их метод мышления. Святоотеческой антропологией вообще слишком мало занимались, а если и пытались это делать, то совершили это по традиционным западным рамкам и категориям. Я же в своей книге старался стать на точку зрения отеческую, а именно: христоцентрический взгляд на человека, символический реализм в учении о мире (и о человеке), мистическое восприятие образа и подобия Божия. Да и паламитскую антропологию рассматриваю я паламически: изучаю человека в паламических категориях сущности, энергии и ипостаси. Простите за саморекламу. Очень

и очень, поверьте мне, сознаю немощи и недостатки моего труда. Будьте снисходительны» (письмо от 13 марта 1951 г.).

Курс Патрологии о. Киприана был примером педагогического таланта и умения ввести нас в духовный мир отцов Церкви и полюбить их. Тогда же вышла его книга об Евхаристии с очень для нас ценным анализом и критическим разбором западного и восточного учения о «пресуществлении» святых даров и об эпиклезе. Надо указать, что в 50-е годы еще очень было заострено различие между римо-католическим учением о пресуществлении установительными словами Спасителя и православным учением об освящающем и совершающем действии Святого Духа.

Помню также его лекции по пастырскому богословию, легшие в основание его книги «Православное пастырское служение». Отмечу, в частности, его бережное и внимательное отношение к т.наз. «das матушка Problem», то есть к вопросу о брачной жизни православного пастыря.

Годы обучения и жизни в Сергиевском подворье, с его отмеренными уставными ежедневными богослужениями, особенной красотой великопостных и пасхальных служб, с живым общением с профессорами и студентами, были для нас, и для меня в частности, определяющими в моем духовном и богословском становлении. Во всем этом о. Киприан сыграл немаловажную роль.

С 1949 по 1951 год я был в научной командировке в Афинском университете, и здесь завязалась переписка с моим «Аввой», которая укрепила меня в эти годы отдаленности от «Отчего Дома». Вот краткая выдержка из письма, в котором о. Киприан вспоминает былья годы своей молодости на Востоке, более всего в Иерусалиме, начальником Русской духовной миссии: «Ваши оба письма меня взволновали, всколыхнули, напомнили массу таких впечатлений, которыми всегда услуждаюсь в минуты тяжелых раздумий... От Ваших слов веет на меня давно забытыми реальными фактами и впечатлениями из своей собственной жизни, а также и теми же видениями, которые я так жадно поглощал когда-то в писаниях, письмах, дневниках моих любимых героев, о. Антонина и еп. Порфирия. Да, да... снежевые выюги в горах, монастыри XIV века, старые монахи, гостеприимство жителей, божественное греческое пение, их сельские священники, и являющиеся в сущности настоящими

носителями Православия и церковности... Где все это в моей жизни?.. А когда-то и я дышал этим воздухом, оживлялся у этих огней, любовался строгим лицом греческого благочестия. Вы пишете “безвкусность”. Не говорите так! Это чисто внешнее. То, что они довольствуются бумажными пестрыми иконками за неимением иных, то, что их попы в Афинах ходят в штатском, это все несерьезно. Под всем этим, как под легким слоем пепла, лежит и теплится огонь подлинного Православия. Не забудьте того, что лет 80 назад тому и мы еще не ведали наших древних икон и у нас с благословения Синода Фирма Фесенко в Одессе распространяла и наводняла и Россию, и весь Восток такими жуткими иконками, что греческие теперешние — ничто по сравнению с ними. Живите, наслаждайтесь, уливайтесь Грецией. Она и только она наша мать. Изучите хорошенко новый язык, конечно, сильно вульгаризированный, но корнями уходящий в божественную речь Гомера, Платона и Фотия. Это Вам не какие-то славянские душевности, божественная древность Эллады. Прошу молитв. Почаще вспоминайте меня и у языческих святынь, которые и в своей языческой красоте навеяны дыханием Духа Параклита» (письмо от 13 февраля 1950 г.).

Последние годы, помимо преподавания богословия, о. Киприан увлекся составлением обширной картотеки духовных деятелей Русской Церкви от конца XVIII века и до 1917 года, но работу затрудняла недоступность некоторых необходимых ему епархиальных ведомостей, издававшихся большинством епархий Православной Церкви в Российской империи.

В последний, 1959 год жизни о. Киприана (*sic!*) я был рукоположен во диакона на Вознесение. Мне посчастливилось служить диаконом при о. Киприане в его Кламарском храме. Это была лучшая школа служения, которую можно было пожелать. На следующий день после иерейской хиротонии (которая состоялась 5/18 октября, в день памяти святителей Московских) я служил свою первую литургию в храме Сергиевского подворья, и о. Киприан был около меня всю службу, направляя меня и наставляя до самых мелочей. Это была духовная зарядка на всю последующую жизнь.

Закончу эти страницы воспоминанием о кончине моего Аввы. Он безвременно устал жить и видел во сне близких ему

ушедших, которые его звали. Он предчувствовал свою кончину и мне о ней поведал. Заболев воспалением легких, несмотря на высокий жар, он все же захотел ехать служить в Кламар. Мне лишь удалось уговорить его дать мне послужить литургию. Мы вместе отправились ранним утром в морозную погоду на метро и автобусе. Храм тогда слабо отапливался, и мы зажгли всевозможные огарки, чтобы хотя бы малость нагреть храм. О. Киприан причастился Святых Таин и потребил Святые Дары, пока верующие подходили ко кресту. Вернувшись домой на Сергиевское подворье, о. Киприан окончательно слег. Он скончался под утро 11 февраля, в день памяти священномученика Игнатия Богоносца, в 60-летнем возрасте в своей комнате на Сергиевском подворье (теперь в ней кабинет декана института), оставив богатое богословское наследие и благодарную о себе молитвенную память у множества своих духовных детей.

10 ноября 2016, Бюсси-ан-От

Дни и труды Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже в письмах Константина Петровича Струве (1925–1928 гг.)

В первом выпуске окончивших в 1928 году трехгодичный курс Богословского института, начавшего свою работу осенью 1925 года на Сергиевском подворье в Париже, было 19 студентов¹. Шестеро подавших кандидатское сочинение окончили Институт с дипломами первой или второй степени, остальные тринадцать окончили Институт без подачи сочинения и без диплома, что никак не отражалось на получаемых ими правах...

Этот выпуск был самым многочисленным и ярким в дооценной истории Института – Павел Евдокимов, Евграф Ковалевский, Борис Сове, Феодосий Спасский, Алексей Грeve, Иван Виноградов, Димитрий Клепинин, Борис Молчанов, Леонид Хроль, Георгий Шумкин, Павел Щуров и Михаил Яшвиль оставили ярчайший след в истории Русской Церкви за рубежом. Владимир Евдокимов, Всеволод Палашковский, Георгий Бобровский, Николай Игнатьев, Сергей Отман де Вилье, Владимир Ревенко и Михаил Соколов снискали меньшую известность, но также значительную часть жизни посвятили церковному служению и церковно-общественной работе.

Часть соучеников Константина Струве – автора публикуемых сегодня писем – оказались в составе второго выпуска, 1929 года (трехгодичный курс), давшего 11 окончивших – 6 с дипломом и 5 без диплома (не подали кандидатского сочинения), в числе последних был и автор писем. Из них наиболее заметно протекало церковное служение самого Константина Струве и отмеченного им Дмитрия Текучева, ставшего епископом МП в Аргентине, а бывший валаамский послушник Анатолий Нечаев известен теперь своими воспоминаниями о жизни Валаамского монастыря в Финляндии. Наконец, еще один – Николай Агищев – завершил обучение в 1930 году с дипломом².

Так получилось, что внушительная коллективная монография «Православный Русский Богословский Институт (Свято-Сергиевская Духовная Академия) за 25 лет (1925–1950). Историческая записка», составленная сотрудниками Института по случаю исполнявшегося четвертьвекового его юбилея, осталась неизданной. Опубликованы были лишь не значительные ее фрагменты.

Достаточно хаотичная попытка собрать сведения по истории института была предпринята в 1999 году в Петербурге³. Лишь в 2004 году декану Института протопресвитеру Борису Бобринскому удалось издать солидный сборник⁴ от части написанных по этому случаю, отчасти перепечатанных из изданий прежних лет биографических очерков преподавателей Института. На сегодняшний день это, пожалуй, лучшее, что было написано о высшем православном богословском

Константин Петрович Струве (слева) с братом Аркадием Петровичем.
21 апреля 1928 г.

учебном заведении, являющимся сегодня старейшим и самым уважаемым в православном мире.

О первых двух годах существования Института известно очень мало. Некоторые из студентов этих лет впоследствии записали свои воспоминания, но современных событиям описаний повседневного существования «святого косогора», как именовал Подворье большой его почитатель – Борис Константинович Зайцев, почти не сохранилось. По содержательности описания повседневности Сергиева подворья письма Константина Петровича Струве – будущего архимандрита Саввы, сотрудника знаменитого на весь мир Иноческого Типографского братства прп. Иова Почаевского в Ладомировой в Словакии – ни с чем не сравнимы⁵. В них не только описание ежедневных учебных занятий, быта студентов и, отчасти, преподавателей, но и наглядная история самого процесса становления всего комплекса Подворья – от возведения жилых помещений до созидания академического храма, ставшего чуть ли не главной архитектурно-художественной достопримечательностью русского православия в рассеянии.

Стоит отметить, что перед нами письма человека, который существенно отличался от большинства студентов Подворья уже тем, что принадлежал к семье одного из наиболее влиятельных русских политиков XX столетия, сумевшего и в эмиграции удержать за собою эту роль на длительное время, причем сын деятельно соучаствовал в церковно-политической работе своего отца. К 25 годам средний сын академика Петра Бернгардовича Струве Константин успел поучаствовать в Гражданской войне, оказаться в руках большевиков в качестве сына министра иностранных дел русского правительства П.Н. Врангеля и... остаться живым. Счастливо избежав опасности, выбрался за границу, учился в Праге и в Германии, имел определенный опыт работы журналиста и со многими из преподавателей, в том числе и с о. Сергием Булгаковым, состоял в давней и весьма тесной деловой и просто дружеской связи, что делает его свидетельства о жизни Подворья первых лет источником особенно интересным и надежным.

Все его отзывы решительно доброжелательны, а оценки осторожны и ответственны. При чтении возникает впечат-

ление, что даже в письмах к самым близким людям он старается не бросить по неосторожности ни малейшей тени на учреждение, пребывание в котором дает ему столько радости и открывает пути для воплощения самых дорогих надежд.

Отметим также, что активной церковной работе прилежал и младший сын П.Б. Струве – часто упоминаемый в письмах Аркадий, долгие годы исполнявший обязанности личного секретаря Пражского епископа Сергия (Королева). Один внук П.Б. Струве – Петр (старший сын Алексея Петровича Струве) – станет известным в Париже священником и активным сотрудником РСХД. Другой – Никита Алексеевич – примет редакторство угасавшего, казалось, «Вестника РСХД» и на десятилетия сделает его заметным явлением русской культурной жизни, объединившим христианскую русскую эмиграцию и христианскую Россию так же, как это прежде удалось его дяде – соредактору и ныне издающейся (теперь уже в США) газеты «Православная Русь» – игумену Савве, письма которого все же дождались напечатания.

Свидетельства К.П. Струве обширны и касаются множества бытовых вопросов жизни его большой семьи, окружавших ее известных общественных и культурных работников эмиграции. Адресованы они отцу, академику Петру Бернгардовичу Струве, матери Антонине Александровне Струве (урожденной Герд) и братьям Льву Петровичу и Аркадию Петровичу Струве. Для настоящей публикации мы выбрали из писем только то, что относилось к описанию событий церковной жизни русской эмиграции этого времени и повседневного существования Сергиевского подворья и Богословского института в Париже за годы пребывания в нем самого Константина Струве (1925–1928), снабдив тексты минимальными примечаниями, поскольку судьбы почти всех упоминаемых автором лиц ныне достаточно прослеживаются благодаря замечательному биографическому справочнику, составленному А. Нивьером, а судьба самого К.П. Струве также описана более-менее подробно⁶.

АЛЕКСАНДР КЛЕМЕНТЬЕВ

Сергиевское подворье.

*Введение во храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии
21 ноября 1925.*

Родненькая моя мамочка и дорогой Лева!

Сподобился приобщиться св. Христовых Таин вместе с Леней⁷, Мишой (кн. Яшвиль)⁸ и еще двумя сотоварищами и с Сергеем Сергеевичем⁹.

Не помню писал ли Вам о знамении, бывшем у нас прошлое воскресение — как в тот день, в канун памяти преп. Никона, ученика преп. Сергия, богомольцы Оболенские (никому не знакомые) принесли крестик, заключающий в себе частицы мощей препп. Никона, Варлаама, Вениамина и Мартиниана. К[а]к мы после вечерни пели преподобным «Ублажаем вас преподобн[ые] Никоне, Варлааме, Вениамине и Мартиниане, наставники монахов и собеседники ангелов», по очереди прикладывались к мощам преподобных.

А сегодня новое знамение: во время обедни приносят о. архимандриту в алтарь письмо из франц[узского] минист[ерства] — известие, что мин[истр] финансов слагает с Подворья все пошлины, которые были наложены на ящики с церк[овной] утварью, облачениями, иконами и богослуж[ебными] книгами, уже около 2х месяцев лежащие на границе. Вещи эти митр[ополит] Евлогий вывез с собою из Киссингена для Сергиевского подворья. Во всех этих вещах, особенно в богослуж[ебных] книгах Сергиевское подворье испытывает большую нужду — и вот милостью Богоматери — такое известие к[а]к раз в праздник Введения и в момент служения.

Живем под Богом и странно становится за себя, за всех нас, что так скверно ходим пред Богом.

Сегодня увижу папочку, потом пойду на собрание Фотиевского братства — в память дня интронизации Свят. Патриарха Тихона, хочу увлечь с собою и папу. Там будут говорить Антон Владимирович¹⁰, Петя Ковалев[ский]¹¹ и наш студент начальник Фотиева братства А.В. Ставровский¹². <...>

В прошлое воскресенье служил о. Сергий¹³ молебен на-путственный о Вас дорогие ко Владычице и святителю Льву,

папе Римскому, небесному покровителю Левы; ты Лева теперь недалеко от земли, где покоятся мощи св. Льва.

Еще раз крепко целую, всегда молюсь о Вас дорогие, прошу и Вас молиться о мне ко Господу, да поможет он мне вразумляться и служить св. Церкви и многострадальной нашей России.

Ваш Котя

2

Сергиевское Подворье.

Св. Бесплотных Сил и св. Архангела Михаила [21 ноября] 1925.

Дорогая мамочка!

Все больше убеждаюсь в том, что моя главная работа заключается в напряженном внимании на лекциях. Ибо время помимо лекций отнимают занятия греч[еским] яз[ыком] и всякие привходящие неожиданные дела, да обслуживание библиотеки. Утром лекции идут до обеда — обед же поздний. После обеда до вечерни промежуток времени совсем небольшой, какие-нибудь 3 часа с небольшим — у меня они почти целиком уходят на занятия по греч[ескому] яз[ыку]. Конечно и это мне в пользу. Но я смотрю на знание древних языков как служебное, не имею к ним склонности, в совершенстве их знать все равно не буду. Убеждаюсь, какой я плохой преподаватель, какой я раздражительный и так плохо разъясняю, а главное так не уверен в себе, так сомневаюсь в себе. Часто бывает, что и знаю, а думаю, что ошибаюсь и спешно смотрю в грамматику.

Вчера видел папочку — он был здесь на собрании братства, сидел с 5 до 8½ вечера. Я его проводил до трамвая — это уже второй раз, что вижу его в подворье, а на дому не застаю.
<...>

О. диакон (Георгий Шумкин. — А.К.)¹⁴ служит очень хорошо, сразу же научился кадить, красиво произносить эктении (*sic*) так молитвенно, редко ошибается — одним словом служение его протекает хорошо. Только дважды вместо преосв[ященного] Вениамина¹⁵, помянул преосв[ященного] Сергия¹⁶. Подrizник ему очень идет. В прошлое воскресение, утром за литургией рукоположили Георгия Николаевича¹⁷

(Шумкина – A.K.), а вечером постригли в монахи А[ндрея] Як[овлевича] Елпидинского¹⁸, члена Свято-Троицкого Братства. Чин пострижения произвел на меня большое впечатление. Сам по себе чин очень умилителен. Во время пострижения, которое началось на утрени после Великого Славословия, все стояли с зажженными свечами. Постригаемого волокли в одной рубахе по полу из притвора через всю церковь двое монахов: о. архимандрит и иеросхимонах Марк. На амвоне стоял Владыка Евлогий и спрашивал постригаемого, лежавшего перед ним. Тот отвечал глухо Ей Богу содействующему, Владыко святый. Обеты всё такие серьезные и указывают на полное отречение от себя и целостное служение Христу, потом само пострижение, потом облачение во всё монашеское всеоружие. Владыка совершил чин спокойно и благоговейно. Незаметно он перешел с раба Божия Андрея на монаха Андронника (*sic*). Новоначального поручили попечению старца о. Марка, который был так растроган, что плакал. Владыка Евлогий сказал очень хорошее слово новопостриженному, объяснил, почему он дает ему имя Андронника, имя любимого ученика преп[одобного] Сергия и благословил его образом Нерукотворенным Спаса подобно тому, к[а]к митр[ополит] Алексий благословил таким же образом преп[одобного] Андронника, устроившего в Москве Спасо-Андронников монастырь. По окончании утрени все бывшие в церкви (а публики собралось много) начиная с преосв[ященного] Вениамина подходили к нему, целовали деревянный крест, который он получил к[а]к новопострижен[ный] и спрашивали «Что ти имя брате». Он отвечает «Имя мне Андронник». Ему отвечают «Спасайся в ангельском чину», целуют друг друга в плечи... Завтра брата Андронника рукополагают в диаконы, а затем скоро и в иеромонахи, и уедет он в Бразилию¹⁹, где имеется небольшая группа духовенства, подчиненная митр. Евлогию. Эту неделю мы без литургии, вечерню и утреню служим в трапезной. Дело в том, что в церкви устанавливали новый иконостас, который уже росписывает (*sic*) Стelleцкий²⁰. Он живет во второй аудитории – странный он человек – день и ночь – двери настежь и окна настежь и т. обр. он спит. Маленький, юркенький, целый день возится и малюет. Иконостас высокий трехэтажный мне не по душе – я как-то отвык от таких иконостасов – когда низкий иконостас, как-

то теплее на душе, ближе то священнодействие алтаря. Покамест это голая белая стена, зубчатая: только контуры образов Спасителя и Богоматери. Стены красятся в темноголубой (*sic*) цвет. На этот иконостас и вообще на оборудование церкви пожертвовала 80 тысяч frs великая княгиня Мария Павловна, которая была в Подворье в четверг и сидела у нас на лекции по литургики (*sic*).

Завтра, собственно церковно уже сегодня праздник Михаила Архангела — день Ангела моего друга Миши Яшвиля. Он эти дни болел, я немного о нем позаботился, и мы подружились и перешли на ты. Я вообще горд и жестокосерд и до интимности никого не допускаю, оттого верно и друзей у меня нет; но блаженному и добрейшему князю Яшвилю не мог отказать и даже охотно перешел с ним на ты. Как-то теплее стало на душе. Он очень хороший человек с острой памятью, <...> очень восприимчивый, сильно чувствует покров Владычицы Бого诞и и предан ей.

Приехал Леня, совсем без всего. Да, ты права, мамочка, с ним будет мне трудно. Я как-то все стесняюсь руководить людьми, и его надо держать в ежовых рукавицах, и тем более это трудно, что здесь общая атмосфера довольно вялая; нет должного напряжения. Приехал он, нисколько не изменившись внутренне, с теми же наклонностями и странностями, с тою же не изжитой страстью, а главное такой же легкомысленный, самохвальный и самонадеянный. Я чувствую, что несу за него ответственность и постараюсь быть построже, но для этого мне надо быть верным себе, быть строгим самому с собой. А я этого не достигаю, чувствую, что как-то сдаюсь.

3

*Сергиевское подворье.
15/28 ноября 1925 г.*

Дорогая моя мамочка!

<...> Я рассчитывал на прошлой неделе выкроить время для письма. Но курс истории церкви оказался столь обширным, заниматься же пришлось по немецкому и французскому учебникам. Рад был убедиться в том, что франц[узский] яз[ык] вспоминается лучше, чем я думал, да и немец[кий]

не так уж мною забыт. Сюда приехал В.В. Зеньковский²¹. Читает курс лекций по введению в философ[ию] — читает он интересно, содержательно и очень ясно. <...> Ваш Котя.

4

Сергиевское подворье.

День св. апостола и евангелиста Матфея. 16/29 ноября 1925 г.

Дорогие мои мамочка и Лева!

Приветствую Вас в путь отправляющихся! <...>

Наступил уже Рождественский пост — наступает скоро и экзаменацная пора, а у меня и так дела хоть отбавляй. Сегодня суббота и каждый из нас несет свое послушание. У меня послушание не тяжелое, но хлопотливое и требующее заботы и времени — вот и сегодня разбирал и переписывал книги. <...>

Ваш Котя <...>

5

Сергиевское подворье.

Препн. Патапия и Кирилла Челмского. 8/21 декабря 1925 г.

Дорогие мои мамочка и Лева!

Только что ответил на второй репетиции. В четверг была 1-ая репетиция по догматическому богословию и нравственному богословию. Времени было достаточно чтобы устроить пройденный курс, но не у меня. Я на эти дни поселился у Ляли²², чтобы более сосредоточенно заниматься, но человек предполагает, а Бог располагает. В пятницу еще на позапрошлой недели (*sic*) уехал папа — и Вы вероятно уже знаете, к[а]к неудачно мы его отправляли. Мне было очень совестно за свою неловкость, оплошность, вернее за то, что, не зная франц[узского] яз[ыка], я допустил так же издевательство над собою, и за Лялю, который поступил с папой нечутко. <...> Но несмотря на эти беды мне удалось кое-что прочесть по предмету догматического богословия — читал с удовлетворением, ибо это один из основных и вдохновенных отделов по богословию — об Искуплении и о Бого воплощении. Но по

нравственному богословию совсем не успел подготовиться и отвечал плохо, почти ничего не мог сказать сам. Я смотрю на эти репетиции не с точки зрения хороших ответов, а к[а]к на возможность хоть отчасти усвоить пройденный курс, ибо в нашем положении мы даже не успеваем прочитывать те книги Священного Писания, которые толкуют на своих лекциях о. Сергий и владыка Вениамин.

До среды я ночевал у Ляли, в среду приехал сюда, а на другой день после экзамена снова поехал к Ляле <...> я стоял Петюню²³ и читал книгу Бухарева о пророке Исаии²⁴. В пятницу же вернулся к себе, с радостью. Ибо здесь мне как-то лучше и заниматься, и здесь я чувствую себя в своем кругу и главное у дела. Но эти дни у нас праздники — церковные службы — след[овательно], времени на занятия немногого. Я старался не потерять ни одного часа, но материал богатый; до вечера воскресения читал книгу пророка Исаии. Поразительно, как это я до сих пор ее целиком не читал. <...> В воскресенье же вечером сидел до поздней ночи и читал Песнь Песней — какая это замечательная книга — ведь в ней эти вдохновенные слова: Любовь — сильна как смерть. <...>

Жаль только, что не успел прочесть других книг Премудрости Соломона, Иисуса сына Сирахова.

Отвечать мне выпало как раз по книге пр. Исаии <...> А по историческим книгам В[етхого] З[авета] перед владыкой Вениамином ответил кое-как, ибо плохо был подготовлен, читал их раньше, а заново прочесть не успел.

Т[аким] обр[азом] Вы видите, что дни эти провожу в занятиях. Это продолжится ещё две недели, в субботу днем история церкви, а через неделю во вторник — Священное Писание Нового Завета — а потом пойдут экзамены по языкам. Перед самым Рождеством 22 — репетиция по литургике и канонике. На Рождество же мне предстоит писать сочинение по канонике, которое я не успел написать до 1го декабря. Вообще просвета в смысле свободного времени, чтобы что-нибудь почтать по душе, сходить в Лувр, написать письма — не вижу.

Писал эти строки, пока длился экзамен, он уже кончается надо идти в столовую приготовить ужин — заменяю сегодня одного милого юношу <...>

Ваш Котя.

85, Rue de la Convention.

1 января 1926 г. / 19 декабря 1925 г.

Дорогой папа!

<...> я не умею сосредоточить внимания на распятом Христе, ни даже на распятой родине; отсюда острая потребность в духовном руководителе. Меня потому так и тянуло в монастырь, что я всегда смотрел на него к[а]к на возможность стать твердым, сосредоточиться. В этом отношении меня и огорчает Подворье, что там ни в какой мере нет того, чего я искал.

1 января 1926 г.

Дорогие мои! <...>

Я пытался эти дни приняться за письмо, но безуспешно, сначала всегда кажется, что много будет времени свободного, а оно очень быстро уходит прямо так и бежит, а у нас еще такая неподходящая для занятий обстановка, что в усвоении курса успеваешь вдвое меньше того, что прошел бы в иных условиях, вернее в иной среде. Ибо условия совсем не плохие есть теплое помещение и освещение, но коллеги мои совсем не умеют напряженно работать, вот так учиться, к[а]к учится Лева²⁵.

Сегодня был у нас экзамен по греч[ескому] языку, для большинства наименее трудный, для меня же самый легкий. Это кажется первый, по которому я получил высшую отметку. В субботу репетиция по латыни, тоже сравн[ительно] простая, хотя я до сих пор и не занимался латынью. В понедельник два владычных предмета: каноника и литургика — тоже не очень сложные науки. И на этом кончатся наши испытания. А в четверг даже уже в среду начнем славить Христа Родшагося (*sic*). <...>

С Леней конечно совсем не легко и забота о нем отнимает у меня много времени, ибо за ним надо следить, и внимания. Вообще мне приходится не мало (*sic*) сосредоточивать

внимание на внутренней жизни Подворья. К сожалению, не так она налажена, не так строга какой бы д[олжна] быть. <...>
Ваш Котя

8

*Сергиевское подворье.
Сочельник Рождества Христова, 1925.*

Дорогие мои папа и Аденька²⁶.

Поздравляю Вас с великим праздником Рождества Христова! Мое поздравление запоздало, не сумел я раньше взяться за перо. Только что пришел из храма — там с утра служили утреню, потом царские часы, изобразительные; перед вечерней совершили чин присоединения к православию. Присоединилась протестантская девушка — англичанка; восприемниками ее были С.С. Безобразов и Е.Н. Осоргина²⁷. Часть молитв о. Сергий читал на английском яз[ыке]. Чин был совершён очень хорошо, без запинок. Англичанка держала себя благоговейно, сама читала на английском все молитвы... Получила она имя Святой дня — преподобномуучицы Евгении.

Затем Божественная Литургия, за которой и я сподобился приобщаться Св. Христовых Таин. А потом славили Рождество Христово.

В этом году Праздник приобрел для меня особенное значение — я его осознал в той его полноте, мимо которой ранее проходил. Рождество Христово к[а]к момент Боговоплощения, вочеловечения Слова Божия — к[а]к восстановление того, что утрачено было человеком в Адаме, к[а]к и в тропаре поется: Христос рождается преждепадший возставити образ.

Этот момент Боговоплощения, с одной стороны, к[а]к восстановление преждепадшего образа, а с другой, к[а]к начало истощания Бога-Слова — сильно и ярко выражен во всех предпразднественных песнопениях.

Раньше как-то не внимал песнопениям и чтениям и не вдумывался.

А теперь, когда живешь и дышишь тем, что есть самого ценного в христианской вере — исповеданием Бога воплотившегося нас ради и нашего ради спасения — невольно сосредотачиваешь внимание на том, что служит к раскрытию

тайны Богооплощения. Вы, наверное, завтра в сам праздник будете у Владыки, я его все эти дни вспоминаю, приходят на память прошлогодние дни предпразднства и особенно сочельник – так хорошо служил Владыка.

А наш Владыка, преосвященный Вениамин захворал, у него открылся процесс туберкулеза – лечится он у Манухина, но пока чувствует себя плохо, лежит в постели <...>

Котя

9

26 декабря / 8 января 1926.

Сергиево подворье.

Собор Пресвятой Богородицы.

С чего начать повесть? О многом хочу написать Вам, Владыко святый²⁸. <...>

Тянет же меня всё сильнее и сильнее и туда подальше на святую Гору. Летом еще приходили на ум лукавые помыслы: а может, лучше ожениться, в мечтаниях уже и невесту себе подобрал. Но это было искушение, а теперь у меня на душе спокойнее: часы и сроки я не определяю. Господь укажет. А пока и условия создались благоприятные – живу я в Никоновском домике (мы отселились через улицу в отдельный домик, т.к. там на горе слишком мало места). Внизу живут 3 монаха: иеромонах Георгий²⁹ из Сербии, иеродиакон Афанасий³⁰ (с Валаама) и Иоанн смиренный (б. кн. Шаховской)³¹. А на верху (*sic*) в проходной комнате 5 студентов, а в задней нас трое немощных: Н.Ив. Григорьев³², А.Н. Терешкович³³ и аз окаянный. Александр Николаевич готовится к постригу. Владыка Митрополит уже утвердил его прошение. У него (Ал[ександра] Ник[олаевича]) совсем детская душа: здоровье его сейчас объективно хорошо, процесс затих, а субъективно он очень слаб. Трудно будет ему нести свой крест. Н[иколаю] Ивановичу здесь не по себе. Смущают его, д[олжно] б[ыть], мои грешные поклончики, он чувствует себя здесь как в клети. А от тяжелого душевного состояния ухудшается у него и физическое состояние. И мечтает он только о том, как бы подальше отсюда, тяготят его лекции, принудительное хожденье в храм Божий, благочестие наше тяготит его, хочется

ему труда. Я всё уговариваю его потерпеть, но понимаю его. Смущает его гл[авным] обр[азом] то, что будто он поступил нечестно, приехав сюда; в священники, говорит не пойду, монахом не стану, зачем буду проедать чужой хлеб. Рассуждение на мой взгляд неверное; нельзя так далеко заглядывать, т[ак] к[ак] Господь и священства сподобит. А главное, кто знает, б[ыть] м[ожет], многие из нас станут просто учителями. Он верно Вам напишет. Вы его, Владыко святый, оステпените. Настроение его я понимаю, но нельзя же так зависеть от настроения. Здесь нас собралось всякого рода людей самых разнообразных и все так или иначе уживаются.

У меня, благодарение Господу Богу, в этом году со всеми добрые отношения.

Не хочу утаивать от Вас и некоей радости: обрел я здесь друга, привязался к нему, и он ко мне очень ласков. Теперь я здесь и духовно не одинок. Очень он хороший человек с мудрым сердцем и сильным церковным чутьем. Много здесь хороших людей и со всеми мне хорошо, но с Димой Клепининым³⁴ мы особенно подружились.

И курс принес нам различных людей. Есть очень ценные, к[ак] о. Серг[ий] говорит, большого духовного калибра. Таков, напр[имер], Вами рекомендованный Владимир Павлович Андреев³⁵, Алекс.Н. Терешкевич, Петр Евгеньевич Рункевич³⁶ (большой постник, в среду и пяток ничего не вкушает, и очень смирен и кроткий), Димир[ий] Васильевич Текучев³⁷ (самый молодой 18-летний, очень кроткий и цельный мальчик, мы с ним подружились тоже).

Есть и бывшие семинаристы, те менее симпатичны. И стар, и млад. Напрасно Владимир Николаевич не приехал, здесь и ему сверстники найдутся.

Вы спрашиваете, Владыко святый, об Иванникове³⁸. Не берусь судить, слишком мало я его знаю. Не нравится мне только в нем то, что он поговоривает и мечтает о монашестве, а по образу жития своего не похож на готовящегося к монашеству. Да я понимаю, что всякий может желать монашества, но зачем вслух об этом говорить, да еще сроки назначать. Не вижу я в нем сосредоточенности на духовном и на занятиях. Читает он больше мирскую литературу. Времени нам здесь дано немного, и его надо беречь. А вот в нем, к[ак] и в большинстве студентов, я не вижу напряжения старания. Вот

перечисленные мною выше, особенно В.П. Андреев (и исключая Терешкевича), да ещё С.Ф. Ладинский³⁹ из Пскова и Л.А. Гринченко⁴⁰ из Белграда, занимаются усердно, не покладая рук.

На кого сердце радуется, так это на отца Георгия [Шумкина]. Посвящения да пострижения большей частью скоропелые у нас. А вот о. Георгий более года вынашивал свое священство и заслужил его. В воскресенье его рукоположили во иерея. Господь сподобил меня в этот день прислуживать в алтаре с кадилом. Рукополагал сам митрополит. О. Георгий служил очень благовейно и хорошо. Молодец он, таких редко встретишь. Всегда он ходит в рясе, отпустил львиную гриву, большую бороду, совсем не подстригается. В метро терпит поношения от французов. Встает ежедневно в 6 ч. утра, а то и раньше, чтобы к 7 быть на утрени. Живут они с Анной Феодоровной дружно, скромно, очень тесно, но уютно, в уголку образа, на полочке лампадка теплится. На стене висят портреты Патриарха Тихона, Вашего Преосвященства и отца Сергея.

В прошлом году студенты к нему относились недоверчиво или даже неприязненно. Но за год он сумел завоевать себе и доверие, и уважение – так что ко дню посвящения студенты на свои скучные средства приготовили о. Георгию два белых подrizника; кроме того, преподнесли ему адрес. Как-никак это первый священник из коренных студентов. Очень хорошо умеет о. Георгий обращаться с детьми, т[ак] что его полюбили в обоих воскресных школах на Rue Daru и на 10 Bl. Montparnasse⁴¹. Хорошие у него отношения и со всем нашим духовенством, особенно с архим. Иоанном⁴², что вообще очень труднодается.

Вы спрашиваете меня, Ваше Преосвященство, как смотрю я на наши церковные события. В небольшой заметке «“Новая эпоха” или церковная беда»⁴³ я попытался выразить свое ощущение и очень был рад потом услышать, что это мое ощущение близко многим из церковной молодежи. Когда я писал эту заметку – я ее не закончил, меня очень торопили, прямо из-под пера вырвали – думал о Вас, и казалось мне, что мои мысли не будут Вам чуждыми.

У нас ползут черные слухи о том, что после собрания Синода на Крещение произойдет полный разрыв. Наши

архипастыри мрачно смотрят на события ближайших дней. Я тоже ожидаю самого плохого, но в глубине души теплится надежда: Господь озарит и умудрит карловицких архиереев.

И здесь в Париже совершаются ошибки: не могу спокойно взирать на то, что Владыка митрополит так поблажает таким малоцерковным – на мой взгляд так или иначе вредным людям – к[а]к Бердяев, Вышеславцев, Карсавин⁴⁴. Не мое дело судить об этом, но я только вижу, как такой уклон Владыки Митрополита к религиозным свободомыслящим восстанавливает многих против него, особенно из молодежи.

Константин Струве.

10

Сергиевское подворье.

Богоявление Господне, [19 января] 1926.

Дорогая Мамочка и дорогой Лева!

Сегодня почти целый день в церкви с 8–9 утреня, с 10 ч. служили царские часы, около 12 начали литургию, закончившуюся водоосвящением и молебном о здоровии владыки Вениамина и отца Сергия.

Владыка болен уже несколько недель, у него процесс в правом лёгком, повышается t° , т[ак] что он уже не выходит из своей кельи, в церкви появляется очень редко. А о. Сергий заболел на днях, сначала думали, что инфлюэнза, но t° очень высокая до 38–39, и самочувствие его скверно.

Замечательное сегодня служение – я все тебя вспоминал и старался молиться о Вас, мои дорогие, и папочке, и всех братиках. Сейчас занимаюсь греческим яз[ыком], и мои друзья не расходятся, еще разговаривают о всех наших бедах. Но теперь разошлись, и подле меня сидит только Леня и читает Шекспира. Он теперь увлекся музыкой, благо, у нас появилось пианино. Трудно с ним. Дружеских отношений у меня с ним нет, между нами мало общего. А так его трудно, он горд: в то же время страшно легкомыслен, ветреный и неусидчивый. На некоторых репетициях он плохо отвечал, после этого чуть ли не в истерику приходил, так он болезненно самолюбив, но проку мало, ибо на другой день забывает. А на мои указания обижается. Он очень способный и мог бы

многое сделать, но не умеет сосредотачиваться. Но если бы была иная атмосфера, она бы на него оказывала влияние. А ведь у нас общая обстановка очень несерьезная, не располагающая к строгой напряженной жизни. Меня огорчает то, что начальство наше все попускает, студенты распускаются.

По отдельности студенты работают, есть очень даже симпатичные. Но в отношении общего, в отношении других они тоже попускают, в то время как нужно противостоять этой распущенности. Но как противостоять, когда само начальство почти никаких мер не предпринимает. А кроме того противостояние со стороны студентов вызывает недоброжелательное друг ко другу отношение.

Сначала я все эти беды близко к сердцу принимал, слишком ими озабочивался. Чувств[овал], что как-то мельчаю в этих заботах о других и не сосредотачиваюсь на главном, на учении, ради которого живу здесь.

Из сотоварищей более всего схожусь с о. Георгием, с моими учениками по греческому языку Димой Клепининым и Г.А. Бобровским⁴⁵, с кн. Яшвилем и еще двумя наиболее серьезными из нашей братии полковником Ал.Ив. Грeve⁴⁶ и Ив.Ив. Егоровым⁴⁷. Они и самые старшие: одному 30, другому 33. Первый наш старшина по учебной части, он много читает, вообще человек развитой; каждый день берет у меня газету («Возрождение». — А.К.). Егоров — старшина церковный, очень любит книги, скопил здесь немалую библиотечку. Он человек ровный, смиренный, спокойный, очень аккуратный, корректный. За неделю до Рождества приехал сюда из Сербии Спасский⁴⁸ — очень милый офицер, человек знающий, хороший филолог, учившийся в Нежине в историко-филологическом Институте. Он женат, и у него прелестный 1½ мальчик. Поселился он было в Подворье, но после Рождества решил жить вместе с семьей. О. Георгий тоже будет жить с Анной Феодоровной, хотя там у них страшно тесно; а здесь будет ночевать с субботы на воскресенье и в夜里 на праздни[ки]. Он, бедн[ый], сильно утомляется от церковн[ых] служб, а теперь ему предстоит каждое утро ездить в подземном метро — туда и обратно 1½ часа. Сюда, б[ыть] м[ожет], приедет Нюнич. Был здесь В[асилий] В[асильевич] (Зеньковский. — А.К.) и, надо отдать ему справедливость, прочел ряд очень поучительных интересных

и отчетливых лекций по введению в философию. Хорошо тоже преподает логику Л[ев] Ал[ександрович] Зандер⁴⁹. Если ты хочешь написать о. Льву⁵⁰ — пиши на Подворье — он живет здесь и по праздникам служит. <...>

Час уже поздний, глаза у меня слипаются. Крепко целую Вас, дорогие мои. <...>

Ваш Котя.

11

Сергиевское подворье.

22/4 января февраля 1926. День св. ап. Тимофея.

Дорогая моя мамочка! <...>

Завтра приезжает Нюнич и сначала остановится у сестры; а в пятницу я поеду за ним — он будет жить в Подворье и читать лекции по гносеологии — 6 часов в неделю.

Занятия у нас разнообразятся. Уже заканчивает Зандер курс формальной логики. Антон Влад[имирович] начал очень интересн[ые] (читает он вдохновенно и импрессионистически), серьезн[ые], уже вполне академические курсы лекций по истории русской церкви; одновременно продолжается и история церкви вообще. Н.К. Кульман⁵¹ увлекательно и содержательно, живо прочел свою первую лекцию по истории русско[го] и церков[но]славянско[го] яз[ыка]. А еп. Вениамин начал преподавать церков[но]-славянский яз[ык] практически. Состояние его здоровья улучшилось, он читает лекции, служит в церкви, но утомляется и пока еще на положении больного. У о. Сергея наступило было облегчение — гриппозное воспаление легких кончилось, t° уже 2–3 дня стояла нормальная, как в воскресенье докторша нашла у него [нрзб. 1 сл.] плеврит, t° опять начала повышаться, появились боли в боку. Сегодня, впрочем, t° уже нормальная и чувствует себя о. Сергей значитель[но] лучше. Но, конечно, он страшно ослабел. Сочинение свое под названием «Основные черты канонического строя Правосл[авной] церкви» я подал во вторник и теперь блаженствуя — могу заниматься тем, чем действительно нужно. Писание сочинения оторвало меня от необходимой будничной работы. Теперь же возобновляю свои занятия греч[еским] языком с Клепининым и Бобровским.

С завтрашнего дня мы маленько[ой] группой начнем разбирать Тертулия[на] по латыни; подчтываю по учебнику то, что осталось неясным от лекций Зандера по логике. Должен отдать ему справедливость, читает он ясно, несложно. Предвкушаю содержательные лекции Нюнич, который тоже умеет ясно излагать свои мысли. В этом отношении нам везет на философов: все хорошие лекторы – Зеньковс[кий], Нюнич, Зандер. Зандер запутывает простые, нефилософские проблемы, но очень ясно излагает то, что знает.

Беда только в том, что снова нас обязывают сочинением, и мне предстоит писать либо по Ветхому Завету – «Ветхозаветное ученье о государстве (власти) по законополож[ительным] и историч[еским] книгам», либо по Новому Завету «Учение ап. Павла и грехе по посл[анию] к Римлянам». Вторая тема мне больше говорит, и я бы хотел писать на нее; но скорее остановлюсь на первой, ибо мне предстоит сдать старую репетицию по законополож[ительным] книгам В[асилию] З[еньковскому]. А тема эта очень обширная; она мне еще тем интересна и подходяща, что при писании сочинения я смогу пользоваться папиными указаниями и советами. Много у меня работы с библиотек[ой]. Прибываю все новые и новые книги, и я никак не успеваю закончить составление карточного каталога. Теперь буду 1½ – 2 часа ежеднев[но] после обеда рыться в библиотеке, иначе концы с концами не связать.

У нас теперь изменилось расписание дня: встаем, как обычно, в 6 ½ по звонку, я норовлю вскочить до звонка, ибо не умею быстро одеваться, а кроме того не оставляю[ю] добрые привычки и обливаю себя водой. А уже без четверти семь второй звонок на утреннюю молитву. В 7 благовест к утруни. Лекции наши обычно с 8½ – 1½. На первой лекции – когда это греч[еский]яз[ык] – я не присутствую и нередко в такие дни читаю часы на литургии. А вечерня вместо 5½ бывает в 4 ч[аса] дня. В смысле распределения времени это, пожалуй, и неплохо, но нет того молитвенного настроения, которое создается сумерками и вообще сознанием близкой кончины дня. Ужин перенесут (?) на 7½, т[ак] что здесь около 3 часов свободного времени для занятий. После ужина обычно ложусь на 30–45 м[инут] поспать, иначе очень рано мозги перестают работать. А так имеется возможность еще 1½ –

2 ч[аса], а то и бол[ее] позаняться (*sic*) с восстановленн[ыми] мозгами, да и ложиться спать в сознании, а не бухасться (*sic*) на кровать от тягостного утомления. Конечно, здесь недостает, но зато отыгрывается на хорошем столе и спокойной жизни. Однако, довольно о себе. <...> Прилагаю открытку бабушке Юли. Я избегаю писать на открытках, это богомерзкое наименование⁵², м[ожет] б[ыть], у Вас можно написать по-немецки Petersburg. <...> Ваш Котя

12

Сергиево подворье.

8/III – 21/II 1926.

Преподобных Чудотворцев Муромских Февронии и Петра.

Дорогая родненькая мамочка!

Вернулись Владыка и о. Сергий, очень довольные своей поездкой по Англии, С[ергей] С[ергеевич] приехал раньше и через день уехал к родным в Белград. Все они поражены теплым, прямо любовным отношением англичан к православн[ой] Церкви. Встречали их очень торжественно, по всем правилам церковного ритуала, пред Владыкой становились на колени, даже священники. Я, б[ыть] м[ожет], напишу в Возрождении впечатления от бесед с о. Сергием и Сергеем Сергеевичем. Здесь всё по-прежнему. Знаешь ли ты, что приехали сюда Флоровские Антон Вас[ильевич]⁵³ и Валент[ина] Аф[анасьевна]⁵⁴. Адя у них часто бывает, а я видел только в церкви. <...>

Твой Котя.

13

Сергиевское подворье.

Пяток 3 седмицы Вел[икого] поста. 20/III – 2/IV 1926.

Дорогая мамочка!

<...> повторно очень прошу тебя, если есть еще возможность, достать входные билеты на Зарубежный Съезд⁵⁵ (хотя бы по 1 в день) следующим лицам, особенно первым двум

- 1) Греке Алексей Иванович
- 2) Бобровский Георгий Анатольевич
- 3) Щуров Павел Александрович⁵⁶
- 4) Спасский Феодосий Георгиевич
- 5) Сове Борис Иванович⁵⁷
- 6) Грассицкие Конст[антин] Петрович и Наталья Иванов[на]
- 7) Шумкины о. Георгий и Анна Феодоровна

Если тебе удастся достать хоть кому-нибудь из моих друзей, пошли билеты с Адой, которого я надеюсь увидеть в субботу на всенощной. Но, если Юля⁵⁸ едет в субботу, захвати билеты на вокзал — я обязательно приеду проводить.

Приехал о. Сергий, загорев и поздоровевши, хотя он и был болен последние дни перед отъездом.

Приготовляется у нас помещение митроп[олиту] Антонию⁵⁹, д[олжно] б[ыть], завтра он появится у нас. <...>

Очень хорош был № Возрождения против католиков.
<...>

Твой Котя.

14

Сергиево подворье.

День св. апостолов Петра и Павла. [29 июня / 12 июля 1926].

Дорогая мамочка, <...>

Очень тревожные вести из Сербии — на Соборе, по-видимому, произошел раскол, митр. Евлогий с еп. Тихоном⁶⁰ и митр. Платон⁶¹ уехали с Собора. Вынесено вздорное постановление об YMCA, Движении и Академии в том смысле, что деньги от еретиков можно брать, а общение иметь с ними нельзя. Всё это еще недостаточно ясно. Митр. Евлогий скоро вернется. Пока все эти сведения храните в тайне. Я все надежды возлагаю на мудрого заместителя Патриарха Местоблюстителя митр. Сергия, который с Божией помощью разрешит этот конфликт. Сегодня о. Сергий в проповеди уже намекал на эту новую церковную беду⁶².

8, rue Boucicaut

Преп. Трофима и Феофила. 1926. 23/VII – 5/VIII 1926 г.

Дорогой папа!

Церковный раскол назревает. Тебе во всяком случае следует написать порезче и поощительнее. Нечего жалеть тупых архиерейских голов.

Прекрасную статью написал кн. Гр[игорий] Ник[олаевич]⁶³. Ее мы тебе посылаем. Я собирался писать о положении церкви зарубежной нечто вроде ответа на статью Тальберга⁶⁴ в *Отечестве*. Но статья Гр[игория] Ник[олаевича] освобождает меня от этой всегда для меня трудной работы.

Владыка Митрополит тебе напишет. Пока он просит переслать тебе прилагаемую копию его письма митр. Антонию по поводу посягательства собора на Берлинский викариат.

С точкой зрения, высказанной кн. Гр[игорием] Ник[олаевичем], я вполне согласен и в настоящее время считаю ее единственно правильной. Год тому назад твоя передовая о договорном начале в деле устроения зарубежной церкви отвечала положению, поскольку митр. Антоний и его единомышленники не нарушили компромисса.

Нарушение ими договора дает возможность и прямо обязывает, к[а]к самого митр. Евлогия, так и нас, мирян, встать на чисто-каноническую точку зрения. Митр. Евлогию следует прямо покаяться в своей ошибке – в ослушании воли патр[иарха] Тихона, в уклонении от прямого исполнения возложенного на него поручения. Ответственность за зарубежную Церковь лежит на нем, и слагать ее с себя, перелагать на другого он не имел права.

В статье, которую я задумал и начал было писать, я выставил три основных исходных положения, которые и постаюсь высказать тебе.

1. Церковное управление в России не дезорганизовано, не уничтожено. В России сохранилось, сохраняется и теперь преемство верховной церковной власти. Церковь в России говорит сама за себя. Поэтому необоснованно и вредно стремление некоторых иерархов (гл[авным] обр[азом] Дальневосточных) и мирян (крайне-правых) к тому, чтобы высшая церковная власть заграницей под руководством митр. Антония восприняла

функции Всеросс[ийской] Церковной власти временно до восстановления в России власти законного Патриарха. Эти стремления (в виде ходатайства на Архиер[ейский] собор) проявились еще в 1923 г. А теперь выявились в циркулярном письме Скаржинского⁶⁵, помещенном в Посл[едних] Нов[остях] № от 27/VII с.г., которые ты, верно, читаешь. В противовес этой точки зрения я и писал свою статью о положении Церкви в России.

2. В своем управлении зарубежная часть Русской православной Церкви должна руководиться предписаниями каноническими, а не политическими из России, как теми, которые исходили от патр. Тихона, так и теми, которых можно ждать от его местоблюстителя митр[ополита] Петра и заместителя последнего митр[ополита] Сергея.

3. Единственное актуальное предписание — указ патр[иарха] Тихона от 22/IV – 5/V 1922 г. — подлинен и не только подлинен, но полон смысла. (Это не раз отрицает Тальберг... Он выводит патриарха Тихона каким-то жуликом, который будто бы нарочно дал такой несообразный указ, которому нельзя подчиняться).

Входить в рассмотрение этого указа в передовой или в Дневнике политика⁶⁶ мне кажется излишне. Указ этот разбирает хорошо кн. Гр[игорий] Ник[олаевич]. Вообще статья кн. Гр[игория] Н[иколаевича] очень много выражает.

Мы с Адей, обдумывая и обсуждая события, пришли к тем же заключениям, что и кн. Гр[игорий] Ник[олаевич] в своей статье и также оценивали положение. Беда в том, что митр. Евлогий страшно много уступал и шел на компромиссы, не обуславливая обстоятельно своих прав. Во всяком случае, по указам это не видно.

Завтра Митрополит идет к В[еликому] Князю⁶⁷. Оказывается, кн. Гр[игорий] Н[иколаевич] писал ему одновременно с тобою. Митрополит больших надежд на эту поездку не возлагает.

Сюда ждут Владыку Сергея: Убеждают его не бояться оставить Прагу и ехать в Париж. Митрополиту нужны поддержка и советы.

Не знаю, ответил ли тебе Ант[он] Влад[имирович]. Но он стоит на такой резкой и вместе с тем не живой и практической, такой углубленной в мистику и историософию точке зрения, что ему, мне кажется, просто не следует высказываться в печати.

Согласно твоему желанию, я в понедельник не работаю на вокзале. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зачисление на первый курс 1925–1926 гг. обучения продолжалось с 30 апр. 1925 г. по 13 янв. 1926 г. Принято было 37 студентов (двоих из них вскоре отказались от поступления, а еще шестеро выбыли в течение 1925 г. по различным причинам). 19 получали полную или частичную стипендию от Института. 27 проживали на Подворье, остальные были приходящими. (Список слушателей. Архив прот. И. Верника).

² Некоторые соученики Константина Струве, поступившие в Институт в год его открытия, участники описываемых событий, не упоминаются в публикуемых письмах. Это: Борис Васильевич Бобковский (род. 1907 г. Оставлен на второй год 26 июня 1926 г. Уволен из Института 22 июня 1927 г., вероятно, за невзнос платы за обучение); Владимир Николаевич Евдокимов (род. 1896 г. В 1928 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени); Павел Николаевич Евдокимов (род. 1900 г. В 1928 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени); граф Николай Игнатьев (род. 1902 г. В 1928 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени); Анатолий Николаевич Камчаткин (род. 1894 г. Окончил два курса Петроградской духовной академии. После поступления в Институт заболел и оставил занятия. Умер в 1929 г.); Евграф Евграфович Ковалевский (род. 1905 г. В 1928 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени); виконт Сергей Альбертович д'Отман де Вилье (в 1928 г. окончил III курс Института, не держал окончательных экзаменов (Постановление Правления от 30 июня и 25 декабря 1928 г.)); Владимир Васильевич Ревенко (род. 1903 г. В 1928 г. окончил полный курс Института с правом на диплом второй степени); Виктор Иванович Ржецкий (род. 1902 г. В 1929 г. окончил полный курс Института с правом на диплом второй степени); Михаил Алексеевич Соколов (род. 1901 г. В 1928 г. окончил полный курс Института с правом на диплом второй степени).

³ Свято-Сергиевское подворье в Париже: к 75-летию со дня основания. СПб., 1999. – 256 с. Книга представляет собою сборник ранее изданных документов и воспоминаний.

⁴ Преподобный Сергий в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института / Редактор-составитель протопресвитер Борис Бобринской. СПб., 2010. – 742 с.

⁵ Ежемесячный «Церковный вестник Западно-Европейской епархии» начал выходить лишь с 20 июня / 3 июля 1927 г., а до его

появления некоторые сведения о жизни епархии митрополита Евлогия (Георгиевского) встречаются в основном лишь на страницах малоизвестного поначалу «Вестника РСХД», вышедшего в свет с 1925 г.

⁶ Клементьев А.К. Материалы к жизнеописанию Константина Петровича Струве (1900–1949), в монашестве архимандрита Саввы, благочинного Типографского иноческого братства прп. Иова Почаевского в Ладомировой в Словакии (по письмам родным и друзьям) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1 (13), 2016. С. 45–120.

⁷ Леонид Трофимович Хроль (1902–1982) – окончил три курса Института, постановлением от 25 декабря 1928 г. «В виду не сдачи осенью экзаменов утерял право на диплом». К июню 1932 г. сдал экстерном все экзамены за курс обучения в Институте. С 1934 г. священник, в 1936–1982 гг. настоятель Скорбященского храма в г. Монтобан.

⁸ Князь Михаил Львович Яшвиль (1902–1950) – в 1928 г. окончил полный курс Института с правом на диплом I степени, с 1929 г. священник, служил в Германии и Франции.

⁹ Сергей Сергеевич Безобразов (1892–1965) – доцент Института по кафедре Священного Писания Нового Завета (1925–1939), с 1947 г. епископ Катанский, ректор Института (1947–1965).

¹⁰ Антон Владимирович Карташёв (1875–1960) – профессор Института по кафедре Священного Писания Ветхого Завета (1925–1947) и по кафедрам всеобщей истории Церкви и истории Русской Церкви (1925–1960).

¹¹ Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978) – профессор русского языка и литературы, председатель Братства св. Александра Невского.

¹² Алексей Владимирович Ставровский (1905–1972) – учился в Институте в 1925–1926 гг., переведен на II курс, уволен по прошению 29 сентября 1927 г. Инициатор травли прот. С.Н. Булгакова и организатор составления доноса на него в Московскую Патриархию. После войны жил в Аргентине, где приложил много усилий для борьбы с Зарубежной Русской Церковью.

¹³ Прот. Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) – профессор по кафедре догматического богословия (1925–1944), первый декан Богословского института (9 октября 1925 – 13 июля 1944).

¹⁴ Георгий Николаевич Шумкин (1894–1965) – в 1928 г. окончил полный курс Института с правом на диплом II степени. Священник с 1927 г., активный сотрудник РСХД, в 1932–1940 гг. духовный руководитель летних лагерей РСХД для девочек.

¹⁵ Епископ Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков; 1880–1961), с 1919 г. епископ Симферопольский. Инспектор и доцент Института по кафедре литургики и церковного устава (1925–1927, 1929–1931).

¹⁶ Епископ Пражский Сергий (Аркадий Дмитриевич Королев; 1881–1952) – близкий знакомый и постоянный корреспондент всей семьи Струве.

¹⁷ Георгия Шумкина рукоположили в сан диакона 15 ноября 1925 г.

¹⁸ Андрей Яковлевич Елпидинский (1894–1959) – пострижен в монашество с именем Андроник 15 ноября 1925 г., иеродиакон с 22 ноября 1925 г., иеромонах с 29 декабря 1925 г.

¹⁹ В Бразилию о. Андроник не поехал, в 1931–1949 гг. возглавлял православную миссию в Индии. См.: *Андроник (Елпидинский)*. Восемнадцать лет в Индии. Буэнос-Айрес, 1959.

²⁰ Дмитрий Семенович Стеллецкий (1875–1946) – художник группы «Мир Искусства». О его работе по росписи храма Сергиева Покровья см.: *Осогрин М.М. Памяти Д.С. Стеллецкого* // Церковный Вестник Западно-Европейской епархии. № 6, апрель 1947. С. 9–12.

²¹ Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962) – профессор Института по кафедрам психологии, апологетики, философии, истории русской философии (1926–1962). С 1942 г. священник.

²² Алексей Петрович Струве, брат автора писем, второй сын П.Б. Струве.

²³ Петр Алексеевич Струве (1925–1968) – старший сын Алексея Петровича Струве, активный деятель РСХД и Синдесмоса, священник с 1964 г.

²⁴ *Бухарев А.М., прпом. Св. пророк Исаия. М., 1864.*

²⁵ Лев Петрович Струве – брат автора писем, четвертый сын П.Б. Струве. Тяжко болел туберкулезом, вынужден был заниматься самообразованием, почти все время находясь в санаториях.

²⁶ Аркадий Петрович Струве – брат автора писем, младший, пятый сын П.Б. Струве.

²⁷ Елена Николаевна Осогрина (1893–1968) – супруга Михаила Михайловича Осогрина, главного инициатора приобретения усадьбы Сергиева подворья на Крымской улице, № 93.

²⁸ Это письмо адресовано архиепископу Пражскому Сергию (Королеву).

²⁹ Иеромонах Георгий Менерт-Скрандис (род. 1897 в Санкт-Петербурге), к моменту поступления в Институт был приходским священником в г. Злот Тимочской епархии в Сербии. Принят в число студентов 18 октября 1926 г. Выбыл из Института 18 октября 1927 г., «т.к. он оказался совершенно неприспособленным к изучению высших богословских наук».

³⁰ Афанасий (Анатолий Иванович Нечаев; 1886–1943) – окончил курс 5 классов Пензенской духовной семинарии, 25 мая 1926 г. допущен к приему в Институт, в 1929 г. окончил полный курс Института с правом на диплом первой степени, пострижен в монашество 4 декабря 1926 г., иеромонах с 1927 г., служил в храмах Франции.

Афанасий (Нечаев), архимандрит. Старый Валаам // Русский паломник. 1990. № 1. С. 42–57; 1990. № 2. С. 105–113; 1990. № 3. С. 49–51.

³¹ Иоанн (князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) – 23 августа старого стиля 1926 г. пострижен в монашество на Афоне, «принят в число студентов 18 окт[ября] 1926», с марта 1927 г. иеромонах. «Выбыл с I курса Института». Служил в Сербии, Франции и Германии. С 1950 г. епископ Сан-Францисский, с 1961 г. архиепископ, радиопроповедник «Голоса Америки». Автор многочисленных религиозных брошюр и стихотворений.

³² Николай Иванович Григорьев (род. 1899). Окончил ту же Русскую гимназию в Моравской Тшебове, что и Константин Струве. Окончил 6 семестров философского факультета Карлова университета в Праге. Принят в Институт 18 октября 1926 г. Выбыл из Института 30 мая 1928 г., окончив II курс.

³³ Аврамий (или Авраамий, Александр Николаевич Терешкевич; 1900–1974) – в 1925–1927 гг. обучался в Институте, окончил два курса. Пострижен в монашество 5 марта 1927 г., иеромонах с 3 июля 1927 г. Служил в храмах Франции.

³⁴ Дмитрий Андреевич Клепинин (1904–1944) – окончил Институт в 1929 г., священник с 1937 г., служил в храмах Франции. Священник общества «Православное дело». Причислен к лику святых Синодом Константинопольского Патриархата в 2004 г.

³⁵ Владимир Павлович Андреев (род. 1903). Принят в Институт 18 октября 1926 г. В 1929 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени. Свящ. В.П. Андреев в составленном в 1950 г. неизданном юбилейном списке окончивших Богословский институт назван окончившим в 1929 г. с дипломом (не указано, какой степени) и уточнением: «священник. Был в Польше».

³⁶ Петр Евгеньевич Рункевич (род. 1903); в июне 1926 г. окончил Крымский кадетский корпус в Белой Церкви. Допущен к приему в Институт 17 августа 1926 г. Выбыл из Института 30 июня 1928 г., окончив два курса.

³⁷ Дмитрий Васильевич Текучев (1908–1985) – в 1930 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени, пострижен в монашество 28 марта 1930 г., иеромонах с 25 мая 1930 г. С 1943 г. епископ Аргентинский в юрисдикции МП.

³⁸ Михаил Дмитриевич Иванников (род. 1904). Окончил ту же Русскую гимназию в Моравской Тшебове, что и Константин Струве. Около года учился в высшей Земледельческой школе в г. Брно, затем провел 6 месяцев в Русской Православной миссии в с. Ладомирово в Словакии у архим. Виталия (Максименко). Принят в Институт 17 августа 1926 г. «По прохождении I курса... был переведен на II курс с зачислением на сокращенный, двухгодичный курс Института».

³⁹ Симеон Федорович Ладинский (1897–1985) – выпускник Псковской духовной семинарии, в 1929 г. окончил полный курс Института с правом на диплом первой степени. Священник с 1949 г., служил во Франции.

⁴⁰ Леонид Алексеевич Гринченко (род. 1898). Обучался в Белградском университете, участник белградского Кружка прп. Серафима Саровского. Принят в Институт в 1926 г. В 1929 г. окончил полный курс Института с дипломом второй степени.

⁴¹ Т.е. в воскресных школах при соборе св. Александра Невского (12, rue Daru) и при содружестве YMCA.

⁴² Архимандрит Иоанн (Гавриил Яковлевич Леончуков; 1866–1947) – член Комитета по сооружению Сергиевского подворья (1924–1925), с 1935 г. епископ Херсонесский.

⁴³ Струве. К. «“Новая эпоха” или церковная беда» // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1927. № 1. С. 20–21.

⁴⁴ Н.А. Бердяев читал в Институте эпизодические курсы. Б.П. Вышеславцев состоял профессором по кафедре нравственного богословия в 1927–1943 гг. Л.П. Карсавин же, к моменту начала работы Института успевший написать первый, специально для курса Института предназначенный, большой учебник (*Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви. Раскрытие православия в их творениях. Париж, 1926*), отказался от чтения лекций по кафедре патристики, едва к ним приступив. См.: Клементьев А.К. Педагогическая и общественно-церковная деятельность Л.П. Карсавина в годы жизни в Германии и Франции (1922–1926) // Исторические записки. № 11 (129). М., 2008. С. 399–415. К.П. Струве, хорошо знавший Карсавина, был убежденным противником приема его в число преподавателей Института.

⁴⁵ Георгий Анатольевич Бобровский (1902–1952) окончил ту же гимназию в Моравской Тршебове, что и автор писем. Окончил полный курс Института с правом на диплом первой степени в 1928 г., диакон с 1930 г.

⁴⁶ Алексей Иванович Грэве (1895–1983) – в 1928 г. окончил полный курс Института с правом на диплом первой степени, пострижен в монашество 29 ноября 1927 г., иеромонах с 20 апреля 1928 г., соредактор журнала «Сергиевские листки» совместно с К. Струве. Епископ Сергиевский с 24 февраля 1945 г. Епископ Филадельфийский и ректор Свято-Тихоновской духовной семинарии (1947–1957).

⁴⁷ Иван Иванович Егоров (род. 1892), с 1913 г. обучался в Николаевской Инженерной академии в Петербурге, в Добровольческой армии окончил Автомобильную и Танковую школы. Работал шофером в Константинополе и Париже. Принят в Институт 25 мая 1925 г., переведен на II курс 26 июня 1926 г.. Выбыл из Института.

⁴⁸ Феодосий Георгиевич Спасский (1897–1979) – в 1928 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени, библиотекарь Института в 1929–1943 гг., преподавал сектоведение, латинский язык, Священное Писание Нового Завета и греческий язык, секретарь института (1944–1969), доцент по кафедре литургики (1948–1969).

⁴⁹ Лев Александрович Зандер (1893–1965) – доцент Института по кафедрам логики, философии и истории западного христианства (1925–1965), библиотекарь Института (1925–1928).

⁵⁰ Лев Николаевич Липеровский (1887–1963) – генеральный секретарь РСХД (1923–1931), с февраля 1925 г. диакон храма Сергиева Подворья (1925–1933), с апреля 1934 г. священник.

⁵¹ Николай Карлович Кульман (1871–1940) – филолог и литературовед. В Институте служил лишь короткое время, преподавал русскую словесность.

⁵² Т.е. Ленинград.

⁵³ Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) – историк, брат Г.В. Флоровского, близкий знакомый семьи П.Б. Струве.

⁵⁴ Валентина Афанасьевна Флоровская (урожд. Белоусова) – супруга Антония Васильевича Флоровского.

⁵⁵ Российский зарубежный съезд представителей русской эмиграции из 26 стран проходил в Париже в отеле «Мажестик» с 4 апреля по 11 апреля 1926 г. и собрал около 400 делегатов. См.: Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: документы и материалы. М.: Русский путь, 2006.

⁵⁶ Павел Алексеевич Щуров (1903–1933) – в 1928 г. окончил полный курс Института с правом на диплом II степени, пострижен в монашество с именем Иов, член Типографского братства прп. Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах, где долгие годы подвизался и автор публикуемых писем.

⁵⁷ Борис Иванович Сове (1899–1962) – в 1928 г. окончил полный курс Института с дипломом первой степени, доцент Института по кафедре Священной истории Ветхого Завета и древнееврейского языка (1931–1939), в 1941–1962 гг. работал в Славянском отделе университетской библиотеки в Хельсинки. Через него поддерживались тесные связи института со Спасо-Преображенским монастырем на о. Валаам в Финляндии; в частности, при содействии Б.И. Сове библиотека Института пополнилась многими весьма редкими изданиями, которые валаамский игумен Харитон Дунаев либо передавал в дар, либо предоставлял во временное пользование студентам.

⁵⁸ Не ясно, о ком идет речь, – о Ю.Н. Рейтлингер или о супруге старшего брата автора писем – Глеба Петровича Струве.

⁵⁹ Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936), возглавивший Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви.

⁶⁰ О епископе Тихоне (1875–1945) см.: Богданова Т.А., Клементьев А.К. Жизнь и труды протоиерея Тимофея Ивановича Лященко, в монашестве Тихона, архиепископа Берлинского // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник. Джорданвиль, 2006. С. 101–198. Константин Струве посвятил событиям вокруг назначения еп. Тихона правящим архиереем Германской епархии статью: К.С. Церковная смута в Берлине. Беседа с проф. С.Л. Франком // Возрождение. 1926. 27 окт. № 512. С. 2.

⁶¹ Митрополит Платон (Порфирий Федорович Рождественский, 1866–1934) – с 1918 г. митрополит Херсонский и Одесский. В 1926 г. управлял Северо-Американской епархией.

⁶² Разбору церковной ситуации, сложившейся к этому моменту в советской России, К.П. Струве посвятил большую статью: Струве Константин. На страже канонической правды. Положение Русской Церкви за последнее полугодие // Возрождение. № 410. 17 июля 1926, суббота. С. 2–3.

⁶³ Князь Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1929) – член Комитета по сооружению Сергиевского подворья (1924–1925), помощник П.Б. Струве, заведовавшего иностранными делами в Крымском правительстве П.Н. Врангеля. Статья, о которой идет речь, появилась в газете три дня спустя: Трубецкой Григорий, кн. Разногласия между иерархами // Возрождение. 1926. 8 авг. № 432. С. 2–3.

⁶⁴ Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1967) – член Высшего монархического совета, сотрудник журнала «Двуглавый орел» и газеты «Отечество». Противник митр. Евлогия. Автор брошюры «Церковный раскол» (Париж, 1927) и «К 40-летию пагубного евлогианского раскола» (Джорданвиль, 1966). В газете русского зарубежного патриотического объединения «Отечество» регулярно помещал статьи по поводу современных церковных событий, некоторые из них (с № 17, 29 августа 1926. С. 3) в рубрике «Церковные дела». Сложно сказать, ответом на какую из них К. Струве счел вышеупомянутую статью кн. Трубецкого в «Возрождении».

⁶⁵ Петр Васильевич Скаржинский (1881–1956) – последний волынский губернатор. В 1926 г. был делегатом Российского зарубежного съезда в Париже.

⁶⁶ Статьи П.Б. Струве, выходившие в разделе «Дневник политика» газеты «Возрождение», собраны Н.А. Струве в книге: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М., 2004.

⁶⁷ То есть к великому князю Николаю Николаевичу, с которым П.Б. Струве эпизодически обменивался письмами.

ЛИТЕРАТУРА

БОРИС ХЕРСОНСКИЙ

Левиафан

* * *

страна есть земля территория странная помесь
terra incognita с terra promissionis
нам обещано то что покуда неведомо нам
путешествовать то же что оглядываться по сторонам

а надо бы нам вперед напрямик без оглядки
туда где земля образует горные складки
провалы пропасти жерла где блеск озер
где Бог являет Себя как мальчик как фантазер

* * *

оторванный листик календаря
прочитанный с двух сторон
говорит что день был прожит не зря
хотя безвозвратен он

хотя в окне городской пейзаж
такой же как был вчера
из обрывков прожитой жизни коллаж
не поймешь ни черта

и все окно заполняет туман
сквозь него расплылся фонарь
страна выполняет какой-то план
есть генплан есть генсекретарь

есть пьяный сосед мозги набекрень
есть военный медаль на груди
был восьмичасовый рабочий день
такой же день впереди

* * *

я воробей которого провели на мякине
бумажный кораблик которого маяки не
направили в порт на краю замерзающей лужи
я оптимист который верит что будет хуже

я водосток по которому льется с крыши
я самолетик который верит что будет выше
я заводная игрушка и где ты моя пружинка
я несчастный паяц и где ты моя ужимка

без костюма и маски на чудовищном маскараде
без мундира и каски на военном параде
на исходе жизни впадающей во времена террора
мне жалко вора когда его преследует свора

мне жаль блудницу она возлюбила много
я знаю что даже страшный суд не осудит строго
я помню маму которая тащит меня за руку
спасибо Богу за ласку спасибо всем за науку

* * *

пропавшее время катится катится под уклон
к истории древнего мира к подножию римских колонн
к священным рощам к разрушенным алтарям
к коровам тучным и тощим к запертym райским дверям
к древу познанья с плодами зла и добра
к стройным нимфам ни джинсов ни топа ни тем более бра

пропащее время катится по брускатке гремит
проклятие содомиту шлет старый антисемит
шлет валентинку тиран престарелой своей стране
пружинка-росток раскручивается в погребенном зерне
дедушка с пестиком говорит золотые слова
девушке с персиком девушка скучает персик сперва
а потом ответит взаимностью потом родится сынок
пропащее время катится прохожих сбивая с ног

* * *

на руинах римского форума пастухи выпасали коз
меж плотных зарослей колонны лежали вповалку
сплошь белые козы какой-то стадный лейкоз
текло молоко на поверженную весталку

прогневали люди богов разорили гнезда богов
поставили новых святых на фундаментах веры где вы
взявшись в долг драгоценности храмов вы не вернули долгов
взяли мрамор фасадов для фонтанов и статуй Девы

потом раскопали площадку до мелких древних монет
козы пошли в расход молоко засохло на камне
от муравьев туристов руинам покоя нет
путь к выходу из музея указует Божья рука мне

мне голос речет беги и я бегу со всех ног
падаю обессилен и прикрывая веки
вижу как древних богов привечает Предвечный Бог
чтоб наконец-то с кем-то посудачить о человеке

* * *

ни кола ни двора все берем на ура
обжигаясь о нас вьется жизнЬ-мошара
эти углые крыльышки эта пыльца
эти сильные мышцы бойца

эта тощая хвоя с ее желтизной
никогда не поймет что случится весной
как полезут ростки из порожней земли
на которой лишь беды росли

комитет бедноты безлошадной чумной
краснозвездный висит дирижабль надо мной
древний трактор по полю ползет тарахтит
тракториста от пьянки мутит

в дни военные трактор оденут в броню
урожай был хорош но пропал на корню
из парижского гетто бетон и стекло
возвращается барин в село

едет барин на бричке помято лицо
и доедет ли то до москвы колесо
а до тулы доедет вот истинный крест
до глухих заболоченных мест

да и мы плохо слышим оглохли вполне
что нам музыка та на короткой волне
что нам друг или враг на короткой ноге
что победа на курской дуге

хорошо гастроном открывается в два
на дощатом заборе плохие слова
тяжело на душе не подымет атлет
проживем еще несколько лет

едет барин на бричке пейзаж незнаком
взгляд скользит не задерживаясь ни на ком
кучер хлещет коня конь плется едва
на заборе плохие слова

все же лучше чем мысли у нас в голове
впрочем мыслей немного одна или две
чуть колышутся как деревца на ветру
шевелят мозговую кору

* * *

горячая пуля в какой-то военной песне
аврора на привязи баррикады на красной пресне
буденный в седле шахтер в глубине земной
все хотели в нас видеть героев и мы тянули
детские ручки к медалям отцов и посвист разбойной пули
был слаше посвиста ласточки за стеной

как нам хотелось в детстве чтобы мы обагрили
кровью хоть что-нибудь в космос слетали или
в атомном огурце плыли там на немыслимой глубине
среди кашалотов и гигантских кальмаров
бредовых страхов дневных иочных кошмаров
чтобы навеки проснуться в солнечной мирной стране

а то что страна была пасмурной и предвоенной
мы не замечали мы были подросшей сменой
хрен знает чему но где-то на передовой
трубила труба пищала флейта и верховые
пришпоривали коней и как будто впервые
встречали смерть как наследие как удел родовой

Сюита

мертвые души означают живые тела
январские холода означают крупицу тепла
тревожная тишина означает пугающий звук
бессмысленная вражда означает сплетение рук
веселые маски на лицах означают что плохи дела
урна с прахом она та же пепельница значит что-то сгорело дотла
что-то сгорело дотла все то что умеет гореть
шестая часть суши сократилась примерно на треть
вот что значат январские холода и бессмысленная вражда
гоголь и шнитке почтенные господа к нашим услугам всегда
дирижерская палочка означает оркестр на сцене и зал
полон по самое горлышко и начат притворный бал
бал означает сюиту из десяти частей
барин в гробу на столе означает что ждут гостей

* * *

Нам страшные сказки рассказывал ветер в печной трубе,
стонал, подывал, как будто бы не в себе.
В кадке стоял огромный фикус в углу.
Из печи выгребали остывающую золу.

Начало пятидесятых в шахтерском поселке. Зима
идет-бредет по дорожке, куда – не знает сама.
На портретах товарищи сталин, молотов и маленков
кто-то кого-то съест, потому что обычай таков

Больница где-то за домом скрывается в глубине,
катит «скорая помощь», мама склонилась ко мне,
поправляет шарфик, крест-накрест завязанный на спине,
сажает в санки и быстро тащит меня
навстречу коротким радостям детского зимнего дня

* * *

Мы говорим «ничто не забыто», хоть все из памяти смыло.
Мы говорим «никто не забыт», но при встрече в аду – не узнаем.
Да направится молитва моя пред Тобою, яко кадило.
Да обернется кара незаслуженным раем.

Да явится на поверхности вод Твое отраженье,
как было в дни до начала, до первого Слова.
Потому что Вселенная ущербна со дня рожденья,
потому что Творенье прекрасно, но прогнила его основа.

Пусть будут жертвой Тебе воздетые к небу руки,
Пусть руки Твои, простертые на Кресте будут ответом.
Пусть наши напрасные муки зачтутся, как крестные муки,
Пусть тьму наших мыслей Ты рассеешь предвечным светом.

Ибо свет – Твой единый ответ, а иначе ты не умеешь,
потому что таков порядок в Царстве Небесном,
есть только свет и тепло – Ты сияешь и Ты – согреешь,
светлым теплым Словом в мире темном и бессловесном.

* * *

А не страшно ли нам под Иродом, не под Богом?
А не страшно, что на ограде проволока под током?
А не страшно на нарах лежать на боку, и война под боком?

Нет, не страшно ничуть, нам что Бог, что царь Ирод.
Нет, не страшно, ведь ров глубокий вокруг ограды вырыт.
Нет, не страшно ничуть на нарах, вор у вора не стырит.

А не страшно ли нам одним на свете остаться?
А не страшно, что список друзей вспоминаешь, как святыи?
А не страшно, что наши враги нас целуют со словом «братьи!»?

Нет, не страшно ничуть оставаться одним и во тьме и на свете.
Нет, не страшно умерших вспомнить – ведь мы не дети.
Нет, не страшно с врагами брататься, если пуля есть в пистолете.

А не страшно ли нам за столом, накрытым зеленою клеенкой?
А не страшно ли нам в окопе рядом со свежей воронкой?
А не страшно, что наша жизнь повисла на нитке тонкой?

Нет не страшно сидеть за столом, если водка на дне бутылки.
Нет не страшно в окопе, если выбриты лбы затылки.
Нет, не страшно, покуда звенят грехи, как монетки на дне
копилки.

* * *

Мало любви бытие на жизнь оставило нам,
чтобы отдать ее народам и племенам,
территориям и властям, армиям и иным
созлазнам мира – страстям, что исчезнут как дым.

Хватило б на одного друга и на одну,
на Бога и веру в Него, на рыбку прилипшую к дну
аквариума, реки, есть еще и коты
на расстоянье руки, чтоб мог их погладить ты.

Есть ребенок, покуда мал, есть привычный любимый грех.
А тех, кого ты сжимал в объятиях – помнишь всех?

Взглянешь косо — любви конец. Скажешь слово — и дружба
врозвь.
Был жилец, а стал — не жилец. И глядишь и проходишь —
сквозь.

Левиафан

Главный герой кинофильма — это скелет кита.
Водка плохо, но все же лучше, чем наркота.
Люди в принципе несущественны, особенно где холода.
Особенно, где к обрыву тяжело подступает вода.

Природа — задник спектакля, северный тусклый пейзаж,
он не знает ни похоти, ни государственных краж,
ему даже храм не нужен, здесь и сегодня, как встарь,
небо — предвечный купол, любая скала — алтарь.

И что там страсти людские, которым копейка цена,
и что там продажные твари, если вся земля спасена,
если кит, истлевший возле прибрежных скал,
легкой смерти искал и — нашел, что искал.

Поднять скелет — не по силам, понять — не по уму,
неведомо братским могилам, каково истлевать одному,
под ударами волн холодных, под крики голодных птиц,
под пенье солдат безродных, стоящих на страже границ.

Люди здесь неуместны и, чувствуя это, идут
пряником к погибели, жизнь невозможна тут,
разве что жизнь чудовища, всплывающего со дна,
черным бугром возвышается над волнами его спина,

но и эта жизнь завершится, и через несколько лет
рядом с первым скелетом ляжет второй скелет.

Шаббат шалом!

Царица Суббота идет по местечку, легка походка,
незримы следы.

Старенький Мойша идет перед ней, в ставни стучит,
и местечко внимает его словам:
он кричит – Суббота идет, евреи, бросайте труды,
вас давно уже нет на свете, пора успокоиться вам,

довольно истлевшую обувь латать, доить зарезанных коз,
подметать разрушенные дома, наводить в пустоте чистоту,
пора усмирить этот гвалт, этот еврейский колхоз,
не кричите от боли, ваш крик слыхать за версту!

Успокойся, Мойша, никто не слышит наш крик,
успокойся, Мойша, никто не слышит твой стук,
уж если кто суетлив – это ты, несносный старик,
стучишь в пустоту, мертвый старик, не покладая рук,

Чего тебе надо, въедливый книгочей?
Две халы на белой скатерти, в бокалы налито вино,
женщины что-то шепчут, зажигая огни субботних свечей,
но шепот тоже не слышен и свечи сгорели давно,

Но Суббота царствует, предваряя вечный покой,
для Единого вечность короче субботнего дня,
Старенький Мойша стучит в ставни слабой рукой,
он мертв, он горд, он думает: вечность идет позади меня.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

Покаянные псалмы

Псалтири для средневековых европейцев была одной из важнейших книг Ветхого Завета; в католической традиции псалмы являлись и являются важнейшей частью ежедневного богослужения. В отдельную группу выделяются семь псалмов, называемых покаянными, которые обязательно читаются в Великий пост (6, 31, 37, 50, 101, 129, 142). В Средние века многие авторы комментировали покаянные псалмы. Известен, например, комментарий Алкуина, написанный в IX веке, комментарий VI века, приписываемый папе Григорию Великому, и комментарий XI века, приписываемый папе Григорию VII. Но покаянные псалмы привлекали внимание не только богословов, но и писателей и поэтов, которые переводили их (существует их итальянский перевод, приписываемый Данте) или использовали их как образец для подражания. Свои «Покаянные псалмы» на латинском языке написал другой великий итальянский поэт — Франческо Петрарка. «Покаянные псалмы» Петрарки написаны в 1340-х годах. Последние исследования относят начало работы поэта над этим произведением к 1342–1343 годам, а окончательную редакцию — к 1347–1348 годам. Хотя есть свидетельство самого Петрарки, что он написал эти псалмы за один день (об этом он сообщал в письме одному своему знакомому в 1360-х годах). Предлагаю вашему вниманию мой перевод этих псалмов.

ПАВЕЛ АЛЕШИН

I

Горе мне! Я навлек на себя гнев моего Спасителя, ибо из упрямства души своей отвергал Его закон.
И по собственной воле сошел я с праведного пути, где с обеих сторон меня окружали дикие заросли.
Хотя шел дождь, сильный и долгий, я не вернулся на праведный путь; и тревоги стали сопровождать меня повсюду.

И стал я подобен неразумному животному, и воздвигнул свою обитель среди пристанищ хищных зверей.

И полюбил я свои заботы, как будто бы они приносили мне радость, и свое ложе засыпал я шипами.

И уснул я в смерти, и надеялся на покой среди мучений.

Что делать мне? В окружении стольких опасностей, когда я смогу повернуть назад? Золотые сны моей юности все рассеялись.

И вот я стал подобен потерпевшему кораблекрушение, сбросившему с себя всё и плывущему во власти морских ветров.

И, не зная, где гавань, я потерял путь к спасению, и волны понесли меня в противоположном направлении.

Но луч надежды засиял мне; и оттого началась во мне свирепая борьба, ибо я мучился своей слабостью и стал врагом благу души моей.

И страдаю я из-за грехов моих; и стенаю под страшной тяжестью моих несчастий, лишающих меня дыхания.

Вновь и вновь я пробовал бежать от них; и твердо решил я сбросить с себя старое ярмо, но оно вонзилось в меня до самых костей.

Если бы оно упало с моей шеи однажды! И, когда оно спадет с меня, Господи, верни меня под сень своей благодати.

Я так возненавидел свои прегрешения, что сумею, пусть и поздно, полюбить Тебя, как должно.

Но боюсь; ибо свобода моя колеблется в руках моих.

Признаюсь: истинно, что живу я в страданиях и что заслужил я мучения, терзающие меня.

Безумцем я был, самому себе приносящим зло! Своими руками себе приготовил я цепи и с открытыми глазами бросился в козни смерти.

Враг расставил сети, и не осталось места, где не было бы его западни.

И я, не думая об этом, двинулся с поднятой головой по скользким дорогам и заглотил сладостную приманку своих грехов.

И, с юношеской дерзостью считая, что не могу идти неверным путем, я вмиг был подхвачен порывом, унесшим меня.

И голос внутри меня сказал: «Отчего вместо того, чтобы думать о жизни, ты думаешь о смерти? Всему свое время.

Бог видит твои заблуждения, но улыбается им; Он простит тебе всё, когда ты сам сможешь вернуться к благодати, дарованной тебе».

И тогда худшая из привычек вновь поработила меня; и вновь подчинился я ей вместо того, чтобы воспротивиться ей.

И ныне нет места, где мог бы я укрыться; я живу, зажатый оковами, и убежище мое далеко.

Если не пошлешь мне свыше помочь, я погибну во грехе.

Помилуй меня, Господи, хоть и не заслужил я Твоей милости, и протяни свою руку, дабы спасти того, кто близок к погибели.

И, помня о Своих обещаниях, вырви меня из пасти ада.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

II

Я призову без страха обиженных мною и без стыда обращусь к ранее пренебрегаемым мною.

И укреплю разбитые надежды и из мрака, в котором я нахожусь, глаза мои обращу к небу.

Ибо там пребывает мой Спаситель, Которой может вырвать меня из рук ада.

Я уже мертв, но в Нем моя жизнь и мое спасение пребывают вечно.

Не повелевает ли Он смертью? Не наполняет ли и не обновляет ли жизнь? Ничто не препятствует мне надеяться на мое благо.

Да оставят меня пугающие меня; страшен мой грех, но милосердие Господа не знает границ.

Горе мне! Ибо, греша, я добавлял к одному греху другие и был себе самым ужасным врагом.

Но истинно: лишь маленькой капли Твоей святой крови достаточно, чтобы очистить меня от моих грехов.

Разбей же, Господи, мое каменное сердце, причину стольких стенаний; и алмаз, сколь ни был бы тверд, смягченный, растворяется, как замерзший источник.

И ясные воды, что потекут из него, наполнят высохший водоем, в котором плещется дикий кабан.

И смоют былье бесчестья, чтобы жилище мое, прежде бывшее Тебе неугодным, вновь стало угодным Тебе.

Мысль о моих несчастьях возвращается ночью тревожить меня, но днем мне вновь сияет надежда на спасенье.

Ибо, даже если Ты пошлешь мне вместе с радостями печали, я никогда не забуду Твое милосердие.

От скольких зол я буду спасен Тобой, если только Ты не оставишь мою душу одну среди стольких опасностей!

Слезами, каясь, я омою грехи свои, в ожидании иных счастливых дней; да не случится того, чего боюсь всем сердцем, да не потеряю я надежду на Тебя.

Чистилище мне станет ложем, и изголовье его оросится моими слезами.

И перед смертью буду истязать я свое тело.

Помилуй меня, помилуй меня, Господи! Не оставляй покинутым творение свое, о, мой избавитель и моя последняя надежда!

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

III

Смилийся, Господи, над моими страданиями. Увы! Слишком часто я укрывался и загнивал в грязи моих бесчисленных грехов.

Горе мне! И что еще ждет меня теперь впереди? Бессмысленно мое проходит время, и жизнь свою я растратил лишь на пустые размышления.

Пред глазами моими смерть и могила, мое последнее пристанище; я слышу скрежет и стенания ада.

И когда же я перестану ждать завтрашнего дня? И когда Ты позволишь вернуться к Тебе?

Усмири же волнения и бури души моей; озари Своим светом сердце мое и положи конец мучениям моим.

Ты, давший мне разум, чтобы постигать добро, также оживи мою волю, которая желает трудиться, чтобы не был я пристыжен упреками за то, что плохо воспользовался Твоим благодеянием.

Спаси меня из неволи врага Твоего и запрети ему оскорблять творение рук Твоих; ибо не от кого мне больше ждать помощи.

Освободи меня от вечных мук, и пусть страдания, что ежедневно терзают меня, станут искуплением за грехи мои.

Сколько бы ни осталось мне жить, столько испытывай мое тело непреклонностью Своей справедливости, пока не наступит время скорби.

Верни меня на пути Твои, пока солнце еще не зашло; ибо уже падают тени, а ночь — пособница разбойников.

Если, глухой к Твоим призывам, я не отвечаю, призови меня громче; сделай со мной, что угодно Тебе, лишь бы не погибнуть мне.

Обрати на меня Свой взгляд, Господи, смилийся надо мною, помоги мне в моём борении; ибо все мои несчастья одному Тебе лишь известны.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

IV

Мне радостно, Господи, вспоминать о Твоих благодеяниях; хотя тогда я вижу самого себя и чувствую, как стыд проступает на щеках моих.

Ибо Ты проявлял ко мне столько сострадания, что не дано мне забыть о дарах, которыми Ты, столь щедрый, обогатил меня.

Ты, не нуждающийся ни в чем, создал для меня и небо, и звезды, и времена года.

Ты приказал светить солнцу и луне, распределил дни и ночи, разделив свет от тьмы.

Ты окружил водами землю; источники и моря, равнины и долины, горы, озера и реки — творения рук Твоих.

И, бросив в недра земли различные семена, Ты украсил ее всю разнообразной красотой.

Ты одел поля зелеными травами, украсил холмы цветами, а леса густолиственными ветвями.

Чтобы человек мог успокоить пыл усталого тела, Ты подарил ему тень деревьев, сделав ее столь приятной для его отдыха.

И, чтобы утолить его жажду, забили чистейшие источники, и, чтобы утолить его голод, созрели плоды всякого рода, дабы была обильной его пища.

Кто сможет перечислить всех животных, которыми Ты населил земли, заполнил моря и воздушные пространства?

И столь Ты полюбил человека, что не только подчинил ему все вещи, но и позаботился о разнообразии его радостей.

И я получил от Тебя не менее других; и более того, Ты облагодетельствовал меня особыми дарами.

И создал Ты прекрасным тело человека, прекраснее, чем у любого другого Твоего творения, и с удивительным умением распределил его члены.

Ты придал его лицу величественную безмятежность и вложил в него душу, способную подняться к Тебе и созерцать небесные сущности.

И от Тебя он получил дар изобретать разные искусства, чтобы сделать жизнь свою счастливой; от одного Тебя он имеет надежду на жизнь вечную.

И Ты явил ему, какими ему следует идти путями, и вот он пред вратами Твоих храмов; и, звуча в его сердце, слово Твое помогает ему оградить себя от опасностей и держаться в стороне от зла.

И мне Ты назначил наставника и спутника, который никогда не отдаляется от меня, а сам Ты с высоты небес созерцаешь все мои шаги и видишь все мои ошибки.

Если падаю, десница Твоя спешит поддержать меня; если колеблюсь, укрепляешь меня; заблудившегося, Ты возвращаешь меня на верный путь; сраженного, оживляешь меня; в мертвого, вдыхаешь в меня жизнь.

Сколько раз сострадал Ты моим несчастьям! Хотя не милосердия, но отвращения они достойны.

И, несмотря на мои проступки, Ты все же хочешь, по милости Своей, одарить недостойного такими высокими и единственными дарами.

И как часто я платил Тебе за них неблагодарностью! Но не поэтому Ты захотел однажды лишить меня Своей милости. Горе мне! Поддержи меня, ибо без Тебя иссякает моя жизнь. И не вспоминай более о моей неблагодарности, но спаси мою душу, которая лишь на Тебя уповаёт.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

V

В мучениях провожу я ночи, в бесконечном ужасе, не дающем мне покоя; душа, томящаяся угрызениями совести, гонит сон от очей; о, до какого страшнейшего предела я дошел!

И пока я сплю, множество видений волнуют меня и вместо покоя приносят мне лишь страдания.

Рассей, Господи, зловещие предзнаменования и помоги мне, ибо вижу я в них знак того, что смерть недалека.

Дни мои проходили в горечи, бессмертные заботы истощали мою душу и борющийся дух не ведал никогда покоя.

Обессилен тот, кто идет, согбенный под тяжестью, и против воли своей смотрит в землю.

Мир не могу я найти внутри, а не снаружи, ибо, куда не повернусь, везде встречаю я внутренних врагов, не прекращающих истязать меня.

И потому открыт был путь иным противникам, и потому пали защитники стены.

И сонный, и неблагоразумный, я оказался среди ночного мрака.

Меня оставила всякая надежда, и ниоткуда больше не жду я помощи, кроме как от Твоего милосердия, в которое верю.

Поспеши мне на помощь, помоги мне, о милосердный Господь.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

VI

Враги мои осадили меня кругом и разным оружием со всех сторон теснят меня.

И из-за этого я сделался глупым и содрогнулся, когда ужас смерти навис над моей головой.

Но я не посмотрел на восток, не стал ждать помощи оттуда, откуда она должна была прийти, я не надеялся так, как должно.

Поэтому опора, которая поддерживала меня, вдруг исчезла и упала, разбившись, на землю.

И понял я, какой слабой руке я доверился; и разбойники сбежались, чтобы издеваться над падшим.

И они лишили меня всех довольств, которых я добивался, и побили меня так, что я вижу кровь и гной открытых ран.

И такой жалкий, полуживой и голый, я был оставлен в пустыне.

Они пронзили мне руки и грудь, но больше всего они зверствовали над моим сердцем.

И это была та самая рана, что гнила больше любой другой, та, что сулила мне смерть; и я не надеялся излечиться, ибо рука Твоя не спешила оказать мне помощь.

И ты, Спаситель мой, вечный во вселенной, Ты, видя с вышины столь страшное мое мучение, молчал, не прекращая его, ибо я заслуживал этого.

Возможно, Ты сжалившись надо мной и не допустишь, чтобы я дошел до крайних пределов страдания; ибо лишь Ты один можешь приказывать смерти.

Тогда прогони от меня тех, что собрались погубить меня!

И Ты, в ком вся моя надежда, спасешь меня от рук нечестивых.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

VII

И когда я упал, сам я все еще верил, что стою на ногах: о, горе мне! Каким жестоким было мое падение!

Теперь, когда я думаю вновь о том, до чего я дошел тогда, я ужасаюсь и весь содрогаюсь.

Я верил в свои силы и обещал себе великие свершения.

И я радовался своим счастливым снам, — а теперь я пробуждаюсь от них, рыдая.

Я жил беззаботно среди опасностей, среди несчастий я оставался радостным, я гордился, что нашел путь среди бурь.

И пока глаза мои вглядывались в туман, я следовал ошибочными, неверными путями, что

соблазняли меня своей ложной красотой.

Но я не забывал о Тебе, Господи, ибо Ты всегда был моей последней целью; но, надеясь прийти к Тебе, сопровождаемый своими обманчивыми чувствами, я затерялся среди тропинок, ведущих в никуда, и я возвратился назад!

Повсюду таятся опасности, и я сожалею о своем долгом заблуждении, о том, что так долго оставался в месте своего отдохновения.

Я возненавидел самого себя, все, что делал я, приводило меня в уныние; но, совершив усилие, я нашел способ освободиться.

Старая привычка подрезает крылья новым намерениям; когда лучшее манит меня, я возвращаюсь к самому худшему в себе. Но истинно, что не без печали я возвращался к своим мерзостям и часто к ним возвращался; когда, разгневанный на самого себя, я говорил: когда же я положу конец своему безумству?

Я хорошо знаю, что дерзость души моей была причиной моего падения; и заслуженное наказание настигло меня, ибо, будучи ничем, я высокомерно поднимал голову.

Если бы я знал, что не должен человек полагаться ни на что, кроме Бога. Если лишь малое я вижу, освети мне большее.

Усмири во мне, Господи, дух высокомерия и даруй мне смиление, что столь угодно Тебе.

Потому что, когда я врал самому себе, я не мог не возгордиться в своем безрассудстве; но будь терпелив в Своей святой любви. Я — грязь, и малая тень, и дым во власти ветров; и таким я исповедуюсь Тебе.

Пусть всегда Ты видишь во мне эти чувства, и, упорствуя в них, я найду защиту под крыльями Твоего прощения!

Я продолжил бы свое падение, если бы не Ты, и продолжал бы давать врагам моим повод для издевательств.

Зная о своей былой слабости, я живу в постоянном страхе, ибо однажды я уже был раздавлен столькими бедами.

И тогда я не знал еще, как подняться; такой страшной была тяжесть моих невыразимых несчастий.

Как долго я был погружен в свои мерзости и пригвожден к грязи своих желаний.

Господи Иисусе, избави меня от стольких зол и милосердно помоги мне, да не погибну я в вечности.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, как было в начале, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Перевод Павла Алешина

ЕКАТЕРИНА БЕЛАВИНА

Марселина, Татьяна, Марина: культурный миф Деборд-Вальмор в России

«Откройте Марселину Деборд-Вальмор, и вся литература, как зонтик, вывернется наизнанку; закройте Марселину — и все вернется на свои места», — хочется воскликнуть мне, перефразируя слова Понжа о Лотреамоне.

Казалось бы, чей голос мог быть скромнее и тише?

«*Notre Dame des pleurs*», как называли ее современники, Марселина Деборд-Вальмор безропотно переносила невзгоды, выпавшие на ее долю. Только боль и горечь сами обращались в музыку стиха. Марселина никогда не училась стихосложению, не намеревалась примерять на себя звание поэта: «Когда мне было двадцать лет, глубокие страдания заставили меня бросить пение, потому что мой голос вызывал у меня только слезы, но музыка звучала в моей большой голове, и размежеванный ритм, помимо моего сознания, давал строй моим мыслям. Я была вынуждена их записывать, чтобы отделяться от нервного биения, и мне сказали, что это была элегия»¹.

Деборд-Вальмор внесла в литературный мир свежую струю, бесхитростную простоту песни, которую оценили по достоинству великие писатели-современники и поэты, особенно чуткие к звучанию искренности, — в последующие эпохи. Французский литературовед Марк Бертран называет ее творчество «оттепелью французской просодии»². (Она вновь ввела характерные для песенной традиции непарносложники в лирическую поэзию, отдававшую предпочтение на тот момент александрийскому стиху.) «Несчастливая личная жизнь во многом определила направление ее таланта»,³ — сдержанно, почти сурово писал о ней Самарий Великовский, называя ее «ранней ласточкой романтизма», из тех, что сами весны не делают, однако приход ее возвещают.

Но именно Марселину Деборд-Вальмор Поль Верлен назовет гениальной женщиной всех веков: «*La seule femme de*

génie et de talent de ce siècle et de tous les siècles, en compagnie de Sappho peut-être, et de Sainte-Thérèse»⁴.

Именно ее назовет одним из величайших поэтов всех времен Луи Арагон: «L'un des plus grands poètes, je ne dirais pas du XIX siècle français, mais de tous les temps»⁵.

Действительно, что было в этой женщине, которую литературный мир и мир театральный признавали своей? Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859) состояла в переписке с самыми известными современниками, поэтами, писателями, критиками, музыкантами и актерами, она была неотъемлемой частью своей эпохи. Такие разные – Шарль Бодлер и Виктор Гюго, Сент-Бев и Поль Верлен и позднее – Франсис Жамм и Луи Арагон – восхищались ею.

Гюго в своем письме к Марселине не боится громких слов: «Существует мир мыслей и мир чувств. Не знаю, обладает ли кто-то мыслью, есть ли она у кого-либо в нашем веке, но у Вас точно есть чувство. В этом Вы королева»⁶.

Историк литературы Марк Берtrand, всю жизнь посвятивший исследованиям творчества Деборд-Вальмор, называет Марселину «une femme à l'écoute de son temps»⁷. В этом есть и активная воля, и скромная тайна: слушать свое время, как слушают новости или прислушиваются к шепоту, можно перевести это выражение как «женщина с чутким слухом эпохи».

«Младшая сестра Бальзака»⁸ оставила предельно откровенное свидетельство своей жизни: восемь книг лирических стихотворений, четыре романа (в том числе «Мастерская художника»), а также сказки, новеллы и рисунки.

В России творчество Деборд-Вальмор стало известно еще в 30-е годы XIX века. Перевода не требовалось, ее читали по-французски, причем среди ее читателей – и Пушкин, и Лермонтов.

Юный влюбленный Лермонтов подарил Екатерине Сушковой (вдохновительнице «Сушковского цикла») французское издание романа «Мастерская художника» («L'atelier d'un peintre», 1833) со своими пометками и записями на полях. В частности, было подчеркнуто выражение «Глаза полные звезд» («Les yeux remplis d'étoiles») и сделана приписка: «Как ваши, – я воспользуюсь сравнением»⁹.

Одни из самых известных строк из стихотворения «Lettre» Деборд-Вальмор:

Les femmes, je le sais, doivent pas écrire ;
J'écris pourtant... —

«Я знаю, женщинам не следует писать. И все же я пишу», — звучат как порицание себя одновременно и за излишнюю пылкость, за признание в любви, и за сочинение стихов.

Не та же ли искренность порыва и самоосуждение звучит и в первых строках письма Татьяны к Онегину?

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь я знаю, в Вашей воле
Меня презреньем наказать.

Письмо Татьяны к Онегину — поступок, немыслимый для деревенской девочки в тогдашней России. А Марселина в жизни, самой своей жизнью постоянно нарушает границы общепринятого, приличного, но не по своей воле: с детства ее к этому вынуждала судьба.

Ее мать Катрин Деборд отдает одиннадцатилетнюю дочь на театральные подмостки, чтобы добраться до Гваделупы, где она надеется получить поддержку богатого родственника-плантатора. Семья Деборд после революции была разорена, но поступок этот — отчаянный, если вспомнить, что в те времена актеров не хоронят на кладбище, только за оградой.

Конечно, сходство приведенных выше строк бросается в глаза лишь вне контекста и вне хронологии. Стихотворение «*Lettre*» увидело свет лишь в после смерти Пушкина и Деборд-Вальмор.

Но все же Пушкин читал Марселину. В его библиотеке было две книги ее стихотворений. Рассмотрим в соположении два объяснения в любви, и первым то, которое помним наизусть:

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;

Я знаю, ты мне послан Богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе *твоей* голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: *вот он!*
(Курсив мой. – Е.Б.)

Заглянем в «Elégie» Марселины Деборд-Вальмор:

*Savais-tu ce prodige ? Eh bien, sans te connaître,
J'ai deviné par lui mon amant et mon maître,
Et je le reconnus dans tes premiers accents,
Quand tu vins éclairer mes beaux jours languissants.
Ta voix me fit pâlir, et mes yeux se baissèrent;
Dans un regard muet nos âmes s'embrassèrent;
Au fond de ce regard ton nom se révéla,
Et sans le demander j'avais dit: «Le voilà!»*

Элегия входит в сборник «Poésies», вышедший в 1830, но впервые оно было опубликовано в 1822-м. (Пушкин работает над своим романом в стихах восемь лет: с 1823 по 1831 г.) Уже неоднократно указывалось, в том числе В. Набоковым, а позднее Л. Сержаном и Ю. Лотманом, что одна из элегий Деборд-Вальмор, возможно, стала «источником» вдохновения письма Татьяны к Онегину¹⁰.

Разжигая любопытство, автор романа в стихах говорит о французском оригинале любовного послания:

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть¹¹.

По свидетельству Вяземского, Пушкин долго сомневался и искал форму письма Татьяны, чтобы выделить его внутри

романа: «Автор [Пушкин] сказывал, что он долго не мог решиться заставить писать Татьяну без нарушения женской личности и правдоподобия в слоге: от страха сбиться на академическую оду думал он написать письмо прозой, думал даже написать его по-французски; но, наконец, счастливое вдохновение пришло, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком»¹².

Однако мы видим, что мелодика Деборд-Вальмор не перенесена в письмо (у нее классический александрийский стих, с цезурой после 6-го слога, рифмы перекрестные сменяются смежными – вопреки правилу альтернансы). В 1974 году Л. Сержан проводит текстологическое сопоставление «Элегии» Деборд-Вальмор с письмом Татьяны¹³. Реакция на это исследование, при всей его скрупулезности, несколько зауживающее «back-ground» текста, была недоброжелательной: Ю. Лотман сразу применяет к Деборд-Вальмор эпитет «второстепенная». В некоторой степени он прав, но интересно совсем другое.

Чтение – это всегда приключение текста в том, кто читает. Что за этим последует: изменится ли взгляд читателя на мир, его поступки или родится произведение искусства – сокровенная тайна, ведомая лишь тексту и его читателю.

Удивительно, что Пушкин был настолько в курсе всего, что происходило во французском литературном мире. Первая скромненькая книжечка Деборд-Вальмор выходит 1819 году, в том же году, что и «Méditations» А. Ламартина, которые мгновенно принесут ему славу. В том же году опубликован посмертный том сочинений А. Шенье. Но если Шенье и Ламартин были знамениты, то сказать этого о Марселине мы никак не можем. Ее читали в основном ее друзья, но друзья эти были поэтами и литераторами, журналистами, певцами, актерами, то есть творческой элитой Парижа и позднее Лиона.

Примечательно, что Пушкин, много читавший французских современников, выделяет Деборд-Вальмор на фоне остальных французских авторов: «Известно, как высоко ценил он искренность в поэзии: именно она была для него основным критерием, на основании которого он отвергал современную ему французскую романтическую поэзию»¹⁴. Приведем как пример этого решительно критического отно-

шения фразу из наброска письма к П.А. Вяземскому от 5 июля 1824 года: «Все сборники новых, так называемых романтических стихов – позор французской литературы»¹⁵.

Пушкину была интересна именно Марселина, с ее искренним голосом и неподдельным чувством. Л. Сержан пишет, что Пушкина вдохновили «не только стихи, не просто стихи»¹⁶, он обращает внимание на «глубоко личную, предельно естественную интонацию, непосредственную, насколько это возможно было во французском стихосложении тех лет, едва высвободившемся из-под ига классицизма и еще несколько скованного новыми, романтическими канонами»¹⁷.

Спустя годы после написания «Евгения Онегина», в 1836 году, получив книгу Сент-Бева «Критические статьи и литературные портреты», Пушкин разрежет ее на страницах со статьей о Деборд-Вальмор¹⁸. Чем объяснить этот стойкий интерес? Возможно, это связано и с тем, что ее называли Андре Шенье в женском облике. Пушкин был большим поклонником Андре Шенье и охотно переводил его.

В 1830 году Евдокия Растворчина пишет подражание Деборд-Вальмор – стихотворение «Когда б он знал» с подзаголовком «Подражание г-же Деборд-Вальмор».

Когда б он знал, что пламенной душою
С его душой сливаюсь тайно я!
Когда б он знал, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда б он знал, как страстно и как нежно
Он, мой кумир, рабой своей любим...
Когда б он знал, что в грусти безнадежной
Увяну я, непонятая им!..
Когда б он знал!..

В этом стихотворении, посвященном Е. Пашковой, Растворчиной удается уловить не только смысловую составляющую – излияния тайной несчастной любви, – характерную для творчества Марселины, но и форму: короткий рефрен, повторяющийся после каждой строфы, это песенное наследие, прочно вошедшие в ритмику французской поэтессы:

S'il avait su quelle âme il a blessée,
 Larmes du coeur, s'il avait pu vous voir,
 Ah! si ce coeur, trop plein de sa pensée,
 De l'exprimer eût gardé le pouvoir,
 Changer ainsi n'eût pas été possible;
 Fier de nourrir l'espoir qu'il a déçu:
 A tant d'amour il eût été sensible,
 S'il avait su.

В XX веке были периоды, когда имя Деборд-Вальмор казалось почти позабытым. Однако среди поэтов оно было признанной точкой отсчета. Б. Пастернак в своем письме к Рильке использует его в сравнении, чтобы дать представление о творчестве Мариной Цветаевой: «Марина Цветаева, прирожденный поэт большого таланта, родственного по своему складу Деборд-Вальмор»¹⁹.

Это сходство и созвучие ощущала сама М. Цветаева, написавшая стихотворение-признание «В зеркале книги М. Д.-В.», вошедшее во вторую книгу ее стихов «Волшебный фонарь»:

Это сердце – моё! Эти строки – мои!
 Ты живёшь, ты во мне, Марселина!
 Уж испуганный стих не молчит в забытьи,
 И слезами растаяла льдина.

Мы вдвоём отдались, мы страдали вдвоём,
 Мы, любя, полюбили на муку!
 Та же скорбь нас пронзила и тем же копьём,
 И на лбу утомлённо-горячем своём
 Я прохладную чувствую руку.

Я, лобзанья прося, получила копьё!
 Я, как ты, не нашла властелина!..
 Эти строки – мои! Это сердце – моё!
 Кто же, ты или я – Марселина?²⁰

Перекличку звучаний их поэтик отметили и критики. Так, например, в 1922 году Бобров пишет: «Если не ошибаемся, главными ее учительями [Цветаевой] были прекрасная, хоть и мало у нас известная, французская поэтесса Марселина Деборд-Вальмор...»²¹

Из всего обширного наследия Деборд-Вальмор на русский язык переведена одна новелла²² и небольшое количество стихов, разбросанных в основном по антологиям и периодике. Не было ни одного отдельного издания или монографии, полностью посвященной ее творчеству.

Не ставя перед собой высокой философской или политической задачи, Деборд-Вальмор отразила и в стихах, и в прозе атмосферу своего времени, надежды, страхи и потери, — искренне и субъективно и оттого — безошибочно, без фальши и позы, неподдельно.

Все, кто обращался к творчеству Марселины Деборд-Вальмор, говорят о ее уникальном голосе и искренности, что проявляется в свойственной только ей неподражаемой «intonации».

Самое известное стихотворение Деборд-Вальмор — это, конечно, «Розы Саади» (*«Les Roses de Saadi»*, сб. *«Poésies inédites»*, 1860); оно необычно и названием, и формой, и содержанием:

J'ai voulu ce matin te rapporter des roses; Mais j'en avais tant pris dans mes ceintures closes Que les noeuds trop serrés n'ont pu les contenir. Les noeuds ont éclaté. Les roses envolées Dans le vent, à la mer s'en sont toutes allées. Elles ont suivi l'eau pour ne plus revenir;	Ворох роз для тебя принести к изголовью Я хотела с утра; собирала с любовью, Пояском эти розы пришлось мне стянуть. Но под тяжестью роз лопнул пояс, а ветер Розы к морю унес — все, что были в букете, — И погнал по воде. Этих роз не вернуть.
La vague en a paru rouge et comme enflammée. Ce soir, ma robe encore en est tout embaumée... Respires-en sur moi l'odorant souvenir.	Алым пламенем волны, казалось, объяты... До заката на платье — следы аромата, Так прильни же ко мне эту свежесть вдохнуть!

(Перевод мой. – Е.Б.)

В сборнике притч-рассказов «Гулистан» персидского поэты XIII века Саади речь идет о прекрасном саде, в который попал мудрец во время медитации. Когда он очнулся, его спросили, что он видел и что принес из того сада. Философ ответил, что набрал там множество роз в полу своего платья, но их запах так опьянил его, что он выпустил полу из рук. Мудрец хотел принести то, что нельзя передать, нечто невыразимое из сада Мудрости

У Марселины все перенесено в мир чувств. Стихотворение Деборд-Вальмор – это песнь о земной любви. Слово «robe» по-французски не оставляет сомнений, это женское платье: стихотворение написано от лица женщины. И этот жест – подарить мужчине цветы, принести их утром, жест нежности, – это порыв и протест чувства против общепринятых неписанных правил. Не в нем ли вся Деборд-Вальмор, в порыве дарить, как дарила себя письмом Татьяна Онегину?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цвейг С. Марселина Деборд-Вальмор. Судьба поэтессы. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М., 1996. С. 15.

² Bertrand M. Marceline Desbordes-Valmore // Une ville, un destin. Colloque à Nantes. 2008. Аудиоматериалы. (BNF)

³ Великовский С.И. Краткая литературная энциклопедия. [Электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke2/ke2-5481.htm>. Дата обращения 21.07.2014.

⁴ Verlaine P. Œuvres en prose complètes, Gallimard, collection «La Pléiade». 1972. P. 678.

⁵ Aragon L. La lumière de Stendhal. P.: Denoël, 1954. P. 222.

⁶ Hugo V. Lettre à Marceline Desbordes-Valmore, 2 aout 1833, reprise dans les Œuvres complètes de Victor Hugo, édition Jean Massin, Club Français du Livre. T. IV. 1967. P. 1107.

⁷ Bertrand M. Une femme à l'écoute de son temps. Marceline Desbordes-Valmore. Jacques Andre Editeur. 2009.

⁸ Planté Ch. La petite sœur de Balzac. Essai sur la femme auteur. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2015.

⁹ Сушкива Е. Записки. М.: Захаров, 2004. С. 209–210.

¹⁰ Сержан Л. «Элегия» М. Деборд-Вальмор – один из источников письма Татьяны к Онегину // Изв. АН СССР. Серия «лит. и яз.». 1974. Т. 33. № 6; Лотман Ю. Комментарий к «Евгению Онегину» Пушкина. Тарту, 1975; Набоков Владимир. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: «Искусство» – Набоковский фонд, 1999.

¹¹ Пушкин А.С. [Электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v05/d05-005.htm>. Дата обращения 19.09.2015.

¹² Вяземский П. Сочинения. Т. II. С. 23 (Цит. по: Сержан Л. Ук. соч. С. 537).

¹³ Сержан Л. «Элегия» М. Деборд-Вальмор – один из источников письма Татьяны к Онегину.

¹⁴ Сержан Л. Ук. соч. С. 547.

¹⁵ Пушкин А.С. Полное соб. соч. Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. С. 102.

¹⁶ Сержан Л. Ук. соч. С. 545.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сержан Л. Ук. соч. С. 545.

¹⁹ Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. М.: Книга, 1990. С. 64.

²⁰ Цветаева М. Книги стихов. Эллипс Лак, 2000. С. 150.

²¹ Бобров С. Марина Цветаева «Царь-Девица»: Поэма-сказка. (Рец.). М.: Госиздат, 1922; Ремесло: Книга стихов. М.; Берлин: Геликон, 1923. [Электронный ресурс] // URL: http://www.e-reading-by/chapter.php/96272/77/Cvetaeva_-_Recenziya_na_proizvedeniya_Mariny_Cvetaevoi.html. Дата обращения 22.05.2015.

²² Деборд-Вальмор М. Гостиная леди Бетти: Англ. нравы / Соч. г-жи Деборд-Вальмор. Пер. Н.Д. Ч. 1–3. Санкт-Петербург: Тип. Смирдина, И. Глазунова и К, 1836.

Анна Ахматова и европейская поэзия

ЖАН-ИВ МАСОН*

Разговор в Воронеже

JEAN-YVES MASSON

CONVERSATION À VORONÈJE

Ils parlèrent, parlèrent, parlèrent. Ils se turent aussi beaucoup.
Dante était avec eux. Verlaine était avec eux.
Pouchkine était avec eux, et Villon, et Baudelaire.
Sophocle aussi, Virgile, et le triste Ovide exilé. Un poète n'a
pas le droit de ne pas écrire, Anna Andréevna. Sans la beauté le
monde meurt.

Sans les poètes une langue n'est rien: un vain bruit de paroles
mortes. Les choses du temps de notre jeunesse
n'ont jamais été aussi belles que lorsque par nous elles étaient
nommées, appelées, et ainsi devenues fécondes. Rien n'est plus
fort

que l'esprit. Rien ne saurait le vaincre. Le poème
est la flamme allumée devant l'icône, la bougie
sur le chandelier à sept branches. Non:
le poème est l'icône, il est le chandelier, il vibre
de sa propre lumière, il brille dans la nuit.

* Современный французский поэт и писатель, переводчик Р.М. Рильке, У.Б. Йейтса, Г. Гофмансталя, М. Луци; один из ведущих во Франции специалистов в области теории перевода. Исследователь и друг Ива Бонфуа, Филиппа Жакоте, Мишель Финк. Профессор по компартистики в Сорbonne (Paris IV), председатель парижского Дома писателей с 2009 по 2011 год. Лауреат премий братьев Гонкуров, Р.М. Рильке, Макса Жакоба. — Примеч. ред.

Il est notre vrai corps, il est la loi. Pour que ne meure pas
la terre, pour que ne meure pas
ce que nous sommes, pour que l'homme ne meure pas,
il veille, et même brisé, enterré,
chacun de ses fragments porte une offrande à l'invisible.

Они говорили, говорили, говорили. И много молчали.
С ними был Данте. С ними был Верлен.
С ними был Пушкин, Вийон, Бодлер...
Софокл, Виргилий, тоскующий в ссылке Овидий. Поэт
Не имеет права замолчать, Анна Андреевна. Без красоты мир
умирает.
Без поэта язык ничего не значит: лишь шелест мертвых слов.
Пережитое в юности никогда не было столь прекрасным, как
в тот миг, когда
было названо, призвано к бытию, и тем самым принесло пло-
ды.
Нет ничего сильнее духа. Ничто не сможет сломить его.
Поэма –
Лампада, зажженная перед иконой, свеча
На семисвечнике. Нет,
Поэма – сама икона, семисвечник, она колышема
собственным светом, что светит во тьме.
Она – наше подлинное тело, наше основание.

Чтоб продолжалась жизнь, чтоб не утратить сущность,
чтобы не умер человек,
Она горит. И каждый ее звук, пусть сломленный, иль
захороненный
Несет Невидимому дар.

Перевод с французского Татьяны Викторовой

Несколько слов по поводу «Разговора в Воронеже»

Это стихотворение навеяно чтением книги Татьяны Викторовой «Анна Ахматова, Реквием по Европе», появившейся осенью 2010 года в швейцарском издательстве *Infolio*.

Я и до этого знал, что Ахматова посетила Мандельштама в Воронеже в 1936 году, но я не осознавал, что этому предшествовал долгий период молчания и что после этой встречи она вновь начала писать стихи. Я редко пишу стихи о поэзии или же об эмоциональных потрясениях, пережитых в связи с культурными событиями, не слишком доверяя им. Но в данном случае я надеюсь точно передать мой опыт.

В этом стихотворении сплелось то, что я знаю об Ахматовой и Мандельштаме из чтения их стихов (увы, в переводах – но не только французских) и воспоминаний о них. Я помню, в частности, эпизод, переданный Лидией Чуковской в ее известных «Записках об Анне Ахматовой», где она рассказывает, что всякий, входящий в комнату Мандельштама, оказывался не только в его обществе, но и ощущал присутствие всех дорогих ему поэтов прошлого, которых тот считал своими современниками и с которыми вел непрекращающийся разговор. Упоминание Данте, конечно, связано с чтением «Разговора о Данте» Мандельштама, переведенного Жаном-Клодом Шнейдером*. О привязанности к Вийону я узнал из книги Анны Февр о Мандельштаме**.

К этому стихотворению примешиваются и некоторые личные воспоминания. Однажды в Лондоне я услышал от Кетлин Рен***: «поэт не имеет права замолчать». Она передала слова супруги Йейтса, великого ирландского поэта, сказанные ей в молодости, когда Кетлин призналась, что она в отча-

* Jean-Claude Schneider – французский поэт, один из первых переводчиков Мандельштама во Франции, пробудивший интерес к русскому поэту, в частности, у Филиппа Жакоте, который впоследствии выучил русский язык, чтобы читать Мандельштама на языке оригинала. – Примеч. ред.

** *Faire-Dufraig Anne. Genèse d'un poète*. Presses de Valenciennes, 1995.

*** Kathleen Raine (1908–2003) – английская поэтесса, автор эссе о У. Блейке и У.Б. Йейтсе.

янии. Эти слова, говорила она, словно ударили ее электрическим током. Такое же воздействие они произвели и на меня. Мне представилось, что Мандельштам сказал Ахматовой что-то близкое этому.

Я упомянул икону рядом с семисвечником, помня о том, что Мандельштам был евреем, и вместе с тем — глубоко русским. В конце стихотворения — явные аллюзии на новеллу Цвейга «Погребенный светильник», которую я не устаю рекомендовать для чтения.

Быть может, сказанного слишком много для нескольких строк стихотворения. Но момент его написания соответствует очень напряженному состоянию духа, в котором смешался рой воспоминаний, не поддающихся ни анализу, ни тем более счету. К тому же они вовсе не нужны для понимания стихотворения. Однако есть определенный замысел в том, что стихотворение содержит 19 строк: это нечетное число — и простое число, — оно содержит все единство, его не может нарушить никакое разделение. С удивлением и радостью я узнал от Ива Бонфуа, что по этой же причине это число часто встречается и у него, в том числе в количестве точек в многочотиях, разделяющих части книги «В обольщении порога»*.

Но все эти объяснения, повторю, излишни: важно лишь эмоциональное потрясение, пережитое или нет при чтении. Ибо я из тех, для кого поэзия, лишенная эмоции, представляется лишней и интереса.

Жан-Ив Масон,
январь 2014 г.

* «Dans le leurre du seuil» («В обманчивости порога» (1975)) — четвертый поэтический сборник Ива Бонфуа. См. русский перевод Марка Гринберга в: *Бонфуа Ив. Стихи*. Москва: Carte Blanche, 1995. О поэзии Ива Бонфуа см. статью Мишель Финк «Ив Бонфуа или Вера в силу поэзии» в: *Вестник РХД*. 2016. № 206. С. 234–238. — Примеч. ред.

МАРКО САББАТИНИ

Анна Ахматова и Либеро Биджаретти. Из истории итальянских встреч

Итальянские мотивы в творчестве Ахматовой — это собрание мифических образов, палитра литературных интересов, итальянские классики — от Данте Алигьери до Джакомо Леопарди, а также непосредственный жизненный опыт поэтессы: два путешествия по Италии — в юности и в преклонном возрасте — и многочисленные встречи с итальянскими писателями, критиками, переводчиками и художниками¹.

Прежде чем углубиться в подробности встречи Ахматовой с итальянским писателем Либеро Биджаретти, стоит напомнить о том, что в ее произведениях, записках и воспоминаниях весьма заметна тесная связь с итальянской культурой. С самого начала творческой жизни поэтессы писала под влиянием итальянских впечатлений. В 1912-м, год спустя после встречи с Амедео Модильяни в Париже, она совершила свое первое путешествие по Италии. Со своим мужем Николаем Гумилевым она посетила северные города страны: Венецию, Падую, Геную, Флоренцию, Болонью, Пизу². По ее словам, «впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь на всю жизнь»³. Как известно, пристальное литературное внимание Ахматовой всегда было обращено к творчеству Данте, особенно к «образному строю „Божественной комедии“»⁴. Таким образом, итальянские мотивы сыграли непосредственную роль в развитии некоторых ее поэтических представлений: они насыщали ее творчество своеобразной метафоричностью и оказали влияние на создание культурного мировоззрения поэтессы⁵.

Обратную перспективу итальянских встреч поэтессы можно наблюдать в писательском творчестве и в воспоминаниях различных итальянских литераторов второй половины XX века, читавших Ахматову или имевших возможность лично познакомиться с ней во время ее пребывания в Италии в декабре 1964 года. Обширных исследований сравнительного

характера, где выделяется взаимодействие творчества Ахматовой и современной итальянской литературы, пока не опубликовано.

Итак, начиная с конца 1950-х до середины 1960-х годов знаменитые итальянские писатели приблизились к творчеству и личности Ахматовой. Хотя итальянская русистика уже обращала свое внимание на Ахматову, благодаря работе Томмазо Ландолфи, переводам Ренато Поджоли, Анджело Мария Рипеллино и др., особую роль в восприятии и широкой известности поэтессы в Италии сыграло «Европейское Сообщество Писателей» (КОМЕС). Это сообщество было создано в конце 1958 года по инициативе журналиста, литературного критика и писателя Джанкарло Вигорелли (генеральный секретарь) в сотрудничестве с писателем Джованни Баттиста Анджолетти. Известный поэт Джузеппе Унгаретти стал почетным президентом КОМЕСа. В 1960 году, в рамках Сообщества, Джанкарло Вигорелли стал выпускать «L'Europa letteraria» («Литературная Европа»), журнал литературной критики и художественных переводов, который во многом способствовал распространению творчества Ахматовой и других русских писателей⁶. В журнале активно сотрудничал также Либеро Биджаретти. Подъем интереса к поэзии Ахматовой был вызван и публикацией двух новых сборников стихотворений, которые вышли в Милане (изд. Nuova Accademia) в 1962 году в переводе Раисы Нальди с предисловием Этторе Ло Гатто и в Парме в 1963 году (изд. Гуанда) в переводе Бруно Карневали⁷. В течение всего 1964 года, в том числе до прибытия поэтессы в Италию, количество итальянских публикаций об Ахматовой значительно возросло: уже в марте 1964 года в № 27 журнала «L'Europa Letteraria» впервые были опубликованы отрывки из прозы Ахматовой «Мои встречи с Модильяни» в переводе Анджело Мария Рипеллино. В январе того же года в первом номере журнала «Tempo presente» («Настоящее время», 1964, № 1) был напечатан «Реквием» в переводе Карло Риччо с предисловием польского писателя эмигранта Густава Герлинга. Это был первый полный перевод «Реквиема» на иностранный язык⁸. Перевод Риччо и предисловие Герлинга были вновь опубликованы в декабре 1964 года в газете «La Fiera letteraria» («Литературная ярмарка») по случаю присуждения Анне Ахматовой

и Марио Луци литературной премии «Этна-Таормина» 12 декабря 1964 года в городе Катания.

Как известно, это последнее путешествие состоялось в декабре 1964 года по приглашению Джанкарло Вигорелли и имело особое символическое значение для Ахматовой – как в общем контексте связей с европейской культурой, так и с точки зрения взаимоотношений с итальянским литературным миром. С другой стороны, неповторимым событием стало прибытие Ахматовой в Рим и на Сицилию: благодаря этому визиту состоялась встреча поэтессы с такими поэтами, как Сальваторе Квазимodo (1901–1968), Джузеппе Унгаретти (1888–1970), Джанкарло Вигорелли (1913–2005), Пьер Паоло Пазолини (1922–1975), Марио Луци (1914–2005), Мария Луиза Спациани (1924–2014), Либеро Биджаретти (1905–1993) и др.⁹

О вручении премии «Этна-Таормина» и о пребывании Ахматовой в Италии было много написано. Итальянские журналисты и писатели зафиксировали это событие на страницах журналов, газет и мемуаров. В конце 1980-х годов были также опубликованы воспоминания поэта Марио Луци, до этого неизвестные и неизданные.

«Когда я узнал от Джакомо Дебенедетти, что он хочет выдвинуть мою книгу на премию “Этна-Таормина”, я обращался этому больше обыкновенного. Среди литературных премий, которых уже тогда было немало... премия Таормины выделялась своей международной репутацией и престижем. Итальянское и иностранное жюри работали вместе, и скандального неравенства в уровне кандидатов, какой бы национальности они ни были, не допускалось.

Моя радость тем более умножилась, когда я узнал, что одновременно со мной международную премию вручат Анне Ахматовой. Я читал не так уж много ее стихов, но то, что смог прочесть в итальянских и французских антологиях русской поэзии, вызвало во мне ощущение редкого и драгоценного единства индивидуальной и общечеловеческой правды, исповедальности и лирического вымысла, жизни и крика, единства, которое сделало ее в моих глазах поэтессой судьбы.

<...> Обликом напоминавшая римскую матрону, одетая в черное, она была погружена в себя, неподвижна, но не произ-

водила впечатления отсутствующей. Немота ее была надличностной, была окаменелым криком трагической истории — ее собственной, ее народа и всего человечества, измученного произволом и насилием роковой эпохи. В конце я подошел к ней, чтобы выразить свое восхищение ее поэзией, которое я испытывал с юных лет, и чувства, вызванные нашей встречей. Брейтбурд сделал свое дело. В ее глазах появился свет улыбки — из дальней дали... После этого она ушла к себе...» (*Марио Луци. 1989*)¹⁰.

Менее известные, но чрезвычайно интересные впечатления сохранились в мемуарах поэта и писателя Либеро Биджаретти¹¹. Автор рассказа «Черные слезы по Анне Ахматовой» начал свою литературную деятельность в 1930-е годы. В начале творческого пути писал стихи и рассказы. В 1948 году вместе с Корrado Альваро и Франческо Йовине Либеро Биджаретти основал Профсоюз писателей. Временно работал журналистом. Путешествовал по Советскому Союзу, где написал для итальянской газеты «L'Unità» ряд статей о социальном и культурном аспектах советской действительности. Биджаретти был ангажированным писателем. Его главные романы и рассказы 1950-х и 1960-х годов были переведены на русский язык, наиболее известными из них являются «Анонимная синьора» («Signora anonima», 1952) и «Конгресс» («Il Congresso», 1963). В книгу воспоминаний «Комнаты» («Le stanze»), изданную в Милане в 1976 году на итальянском языке, был включен рассказ «Черные слезы» («Lacrime nere»), где писатель более подробно повествует об Анной Ахматовой¹².

О первых встречах Либеро Биджаретти с русской поэтессой мы узнаем из письма от 18 декабря 1964 года, которое Биджаретти направил издателю и личному другу Валентино Бомпьяни. Это письмо, видимо, было написано сразу после очередной римской встречи с Анной Андреевной. Нужно заметить, что Либеро Биджаретти, вместе с женой Матильдой Креспи, встречался с Ахматовой также на Сицилии, в Таормине и Катании.

«Дорогой Валентино.

Мы с Матильдой отываем чудесный отпуск на Сицилии.
<...> Даже конгресс Европейского союза писателей оказался

интересным! И даже Премия Таормины, чьими лауреатами стали Луци и Ахматова. Это замечательная женщина. Тогда нам с Матильдой удалось похитить ее у толпы на несколько часов. В эти дни, когда поэтесса радостно тратит в Риме свой заслуженный миллион, Матильда стала ее любимой советницей в области покупок и моды. Несмотря на 76-летний возраст и тонну веса, практически не позволяющую ей двигаться, поэтесса была обаятельной кокеткой.

Я рассказываю тебе об этом потому, что для меня эта встреча стала незабываемой: надеюсь, мне удастся достойно описать образ поэтессы»¹³.

О римской встрече 18 декабря также обнаруживается свидетельство в дарственной надписи на книге «Нелюбовь», которую подарил Ахматовой Либеро Биджаретти (*Bigiaretti L. Disamore. Milano, 1964*): «A Anna Achmatova per ricordare l'incontro con il suo ammiratore Libero Bigiaretti» («Анне Ахматовой на память о встрече с ее поклонником Либеро Биджаретти» (*ut.*))¹⁴. Свои впечатления об общении с Анной Ахматовой автор подробно описывает сразу же после отъезда поэтессы. Его рассказ был впервые напечатан в журнале «Il successo» («Успех») в феврале 1965 года под любопытным названием «Черные слезы по Анне Ахматовой». В рассказе итальянского писателя обращает на себя особое внимание прогулка по Риму 18 декабря 1964 года с посещением Колизея и исторического центра вечного города: «Казалось, что и там Анна Ахматова уже побывала: ее замечания будто касались чего-то привычного и знакомого», хотя во время предыдущего визита в Италию в 1912 году побывать в Риме поэтесса не успела». После тщательного описания долгих разговоров с Анной Андреевной, где она вспоминает о себе в юности, рассказывает об отношениях с советской властью, Либеро Биджаретти рисует ее точный психологический портрет. Автор предстает внимательным наблюдателем, замечающим все тонкости и противоречия загадочной личности поэтессы. Вместо заключения Л. Биджаретти переходит к выводам, рассказывая подробности трогательного римского случая, раскрывающего загадку «черных слез по Ахматовой».

На русском языке текст публикуется впервые¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как известно, Ахматова встречалась в Париже с Амадео Модильяни в 1910–1911 гг. В 1964 г. в итальянском журнале «Tempo presente» впервые было опубликовано автобиографическое воспоминание поэтессы «Амедео Модильяни» (Болшево, 1958 – Москва, 1964). См.: Харджиев Николай. О рисунке А. Модильяни // День поэзии. Л.: Советский писатель, 1967. С. 252–253. См. также: Ахматова А. Четки. Anno Domini. Поэма без героя. М.: Олма-пресс, 2005. С. 441.

² Йованна Спендель де Варда. Тайны ремесла // Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 69–74. «Поездку Ахматовой с Гумилевым можно проследить и по стихам Николая Степановича, опубликованным в книге “Колчан”... <...> в Рим Анна Андреевна не поехала, чувствуя себя уставшей, и ждала мужа во Флоренции».

³ Ахматова Анна. Автобиографическая проза: Очерки, заметки, дневниковые записи / Коротко о себе. 1965 г. // Ахматова А. Четки. Anno Domini. Поэма без героя. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 445–446. Из итальянских городов Флоренция всегда была для нее местом особым, поэтическим и связанным прежде всего с творчеством Данте Алигиери. С другой стороны, первое путешествие по Италии в 1912 г. запечатлено в поэзии Ахматовой ярким стихотворением под заглавием «Венеция» (Стихотворение было написано в Слепневе в августе 1912 г. и впервые напечатано в 1914 г. во втором сборнике стихов «Четки»). Напомним, что 1912 г. был действительно переломным в жизни Анны Андреевны: в марте в Петербурге вышел первый сборник ее стихов под названием «Вечер», а 1 октября того же года родился ее единственный сын – Лев Гумилев.

⁴ Джованна Спендель де Варда. Образ Италии и ее культуры в стихах Анны Ахматовой. 1992. С. 69–74.

⁵ Существует ряд работ на эту тему; отметим некоторые из них: Джованнны Спендель де Варда («Образ Италии и ее культуры в стихах Анны Ахматовой», 1992); Татьяны Владимировны Цивьян («Странствие Ахматовой в ее Италии», 1996 и «“Золотая голубятня у воды...”: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций», 2001); а также статьи: Евдокии Ольшанской «Анна Ахматова и Италия» (Ренессанс. 2001, июнь. № 2. С. 77–84), Полины Поберезкиной «Римские мотивы в “Прологе” Анны Ахматовой» (TSQ. 2007. № 21), Романа Тименчика «Рим Анны Ахматовой: Ногтог. Mortis» (1964) (TSQ. 2007. № 21), См. также монографию Р. Тименчика «Ахматова в 60-е годы».

⁶ Уже во 2-м номере журнала «L’Europa letteraria» в 1960 г. появились стихи Ахматовой в переводе замечательного слависта и поэта Анджело Мария Рипеллино (1923–1978). В 12-м номере журнала, в переводе молодого поэта и слависта Карло Риччо (ученика

Унгаретти), появилась статья Алексея Суркова, являющаяся послесловием к сборнику стихотворений поэтессы, который был опубликован в 1961 г. (*Ахматова А. Стихотворения (1909–1960) / Послесл. А. Суркова и автобиогр. М.: ГИХЛ, 1961. – 319 с.*). Наконец, в разных номерах (1960, 1963, 1965 гг.) были напечатаны переводы отдельных стихов. См.: *Sabbatini M. Anna Akhmatova et la Communauté européenne des écrivains dans les années 1960 // Anna Akhmatova et la poésie européenne / Tatiana Victoroff (Dir.). Bruxelles: Peter Lang, 2016. P. 243–264.*

⁷ *Anna Achmatova / a cura di Raissa Naldi / prefazione di Ettore Lo Gatto. Milano, 1962. Anna Achmatova. Poesie / a cura di Bruno Carnevali. Milano: Guanda. 1963.*

⁸ Вместе с переводом «Реквиема» Карло Риччо в газете «La Fiera letteraria» вышло интервью, которое Анна Ахматова дала итальянской писательнице Джанне Мандзини. Ср.: *Ricchò K. O портрете Ахматовой работы Савелия Сорина // Нева. 2001. № 5.*

⁹ *Тименчик Роман. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто: Водолей // Toronto Slavic Library. 2005. С. 231.* По словам Романа Тименчика, «итальянская поездка, когда ее впервые увидело столько пишущих иностранцев, отразилась в ворохе печатных прижизненных воспоминаний – некоторые из них А.А. читала в своей последней больнице. Некоторые увидели свет много лет спустя...»

¹⁰ *Луци Мафю. Воспоминание об Анне Ахматовой / сост. О. Обуховой // Laurea Lorae. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. редакторы С. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 420–421. Ср.: Luzi M. Ricordo di Anna Achmatova // Prose / a cura di S. Verdino. Torino: Nino Aragno editore. P. 227–228.* См. также французский перевод: *Luzi M. Souvenir d'Anna Akhmatova / trad. Jean-Yves Masson // Anna Akhmatova et la poésie européenne / Tatiana Victoroff (Dir.). Bruxelles: Peter Lang, 2016. P. 303–304.*

¹¹ Либеро Биджаретти родился 16 мая 1905 г. в маленьком городе Мателика (провинция Мачерата) в области Марке и умер в Риме 3 мая 1993 г. Он долгое время жил в вечном городе, потом в Пьемонте, и снова в области Лацио, в Валлероне, – маленьком городке, где он провел последние десятилетия жизни. В раннем творчестве выделяются его стихи, особенно сборник «Дорогие тени» («Care ombre», 1940). Затем он публиковал рассказы и повести: «Эстерина» («Esterina», 1942), «Римская деревня» («Paese di Roma», 1943) и «Пожар в Палло» («Incendio a Pallo», 1945). Написал несколько реалистических романов: о жизни в большом городе «Трудная дружба» («Un'amicizia difficile», 1945), о неудачной любви «Любовные речи» («Un discorso d'amore», 1948), романы о борьбе с фашизмом: «Карлоне, жизнь одного итальянца» («Carlone. Vita di un italiano», 1950),

о партизанах «Леонтина» («Leontina»). В 1948 г., вместе с другом-писателем Коррадо Альваро и Франческо Йовине, Либеро Биджаретти основал Профсоюз писателей. Работая корреспондентом для газеты «L'Unità», в конце 1940-х гг. путешествовал по Советскому Союзу. В 1952 г. вышли три повести под общим заглавием «Школа воров» («La scuola dei ladri»). За произведение «Сыновья» («I figli») – посвящено семейным взаимоотношениям между отцом и сыновьями – Биджаретти была присуждена премия Марзотто. В романах и в разных прозаических произведениях, таких как «Нелюбовь» («Disamore», 1956), «Убей или умри» («Uccidi o muori», 1958), «Конгресс» («Il Congresso», 1963), «Анонимная синьора», «Индульгенции» («Le indulgenze» 1966), «Дублерша», («La controfigura», 1968 – Премия Виареджо), «Жить в другом месте» («Abitare altrove», 1989), а также в сборнике рассказов «Человек, съевший льва» («L'uomo che mangia il leone», 1974), автор критикует индивидуализм и ставит вопрос о сложных взаимоотношениях современного человека в буржуазном и индустриальном обществе. Отражение этих мотивов можно найти также в театральных произведениях писателя. Либеро Биджаретти выпустил также книгу воспоминаний («Комната» («Le stanze»), 1976). Ср.: Богемский Г.Д. Биджаретти // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 1: Аарне – Гаврилов, 1962. Стб. 613.

¹² Bigiaretti Libero. Le stanze. Milano: Bompiani, 1976. Рассказ под названием «Черные слезы» был переиздан в начале 2000-х гг. и является первой главой сборника мемуарных портретов Биджаретти. Ср.: Bigiaretti L. Profili al tratto. Roma: Aracne, 2006 [«Профиль росчерком»].

¹³ Libero Bigiaretti a Valentino Bompiani. Roma. 18/12/1964 // Cristina Tagliaferri. L'editore e l'autore: Valentino Bompiani e Libero Bigiaretti: con carteggio inedito (1958–1990). Metauro, 2010. Р. 406. См. с. 233.

¹⁴ Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой (1889–1966) / сост. В.А. Черных. Изд. 3-е. М.: Азбуковник, 2016. С. 807. Декабря 18. Рим. Автограф стих. «Заключение цикла “Сожженная тетрадь”» («И это станет для людей Как времена Веспасиана...»). – ЗК. С. 606; Дарственная надпись на фотографии 1914 г.: «A Carlo Riccio от Анны Ахматовой в Риме». Собр. К. Риччо (Рим); Дарственная надпись на кн.: Bigiaretti L. Disamore. Milano, 1964: «A Anna Achmatova per ricordare l'incontro con il suo ammiratore Libero Bigiaretti» (Анне Ахматовой на память о встрече с ее поклонником Либеро Биджаретти (ум.)). Музей А.А. Изв. № А-3821.

¹⁵ Автор статьи выражает свою благодарность Дине Владимирской и Татьяне Викторовой за оказанную помощь в редактировании текста перевода.

ЛИБЕРО БИДЖАРЕТТИ

Профиль росчерком: чёрные слезы по Анне Ахматовой

При чтении газет на следующий день после вручения международной премии «Этна-Таормина» более всего возмутил и развеселил Анну Андреевну Горенко, известную во всем мире поэтессу Анну Ахматову, рассказ о ее личной и интимной жизни. В схожих выражениях, взятых из непонятно каких биографических источников, газеты писали о ее «экстравагантной» жизни, о ее «бурных» романах в годы, проведенные в Царском Селе.

Анна Андреевна показывала мне эти журналы с чувством легкого негодования и даже возмущения. Голосом, который, казалось, поднимается из непонятной глубины, она повторяла:

— Бурные романы!!! Представьте себе! Мне было всего пятнадцать лет, когда я уехала из Царского Села. В то время (до революции 1905 года) Царское Село было летней резиденцией императорской семьи — городком, ведущим спокойную и консервативную жизнь, где толпились полковники и великие князья. Девушки моего возраста должны былиходить, не поднимая глаз, не отрывая взгляда от носков собственных туфелек.

Бурные романы! Представьте себе!

Анна Андреевна смеется, смотрит на меня серьезно, но лукаво. И — снова жест отрицания. Сперва я хотел ответить — да, тогда — никаких романов. Но потом: а как же эпоха первого увлечения литературой и общения с группой поэтов, называвших себя «акмеистами», во время знакомства с их главой Николаем Гумилевым, ее первым мужем? И далее — эпоха революционного Ленинграда, конструктивистской Москвы, парижского Монмартра? Конечно, я не рискнул. Я не решился сказать и о том, что вчера в Катании, в зале Замка Урсино, где проходило вручение премии, я уловил несколько фраз молодого жителя Катании, который говорил об Ахматовой одному из своих друзей:

— Это великая поэтесса, честное слово. И потом, имей в виду! Она была великой чаровницей.

— Ты серьезно? Так это она?

— О, с ума сойти. Она очаровывала мужчин...

Обиделась бы Анна Ахматова если бы я рассказал ей об этом диалоге сицилийцев? Во всяком случае, она сделала бы вид и, наверное, с легким возмущением сказала бы тоном, вызывающим соучастие: «В то время я весила 48 килограммов». Это было ее обычным кокетством, скорее меланхолическим, чем лукавым, сравнивать ее «тогдашний» вес с ныне удвоенным. Еще одной ее кокетливой чертой — или хитринкой — было представлять себя в профиль к смотрящему. Раньше она была очень худенькая, стройная и легкая, как танцовщица. Сейчас она стала полной, большой и тяжелой. Раньше она была деятельной и живой; сейчас же, в семьдесят пять лет, стала медлительной в движениях и в жестах, по причине тучности и астмы. Но ее необыкновенный профиль по-прежнему походил на орлиный нос.

В образе пожилой и полной женщины Анна Ахматова по-прежнему оставалась обаятельной. В ее взгляде — молодой блеск (у меня хорошее зрение, хвалится она: «Вижу все»). В ее капризном настроении, из-за которого приходится

Анна Ахматова и Либеро Биджаретти. Рим, декабрь 1964

менять программы и намерения каждую минуту, оживает уже исчезающий драгоценный тип женщины: вечная женственность, славянское беспокойство, бунтарство и фатализм.

Анна Ахматова смело, с гордостью, которая всегда была ее опорой, прошла сквозь огонь страстей и ошибок, сквозь пламя революций, войн и репрессий. Я несколько раз встречался с поэтессой в период с 12 декабря до рождественских праздников. Встречи были иногда долгими, иногда — мимолетными, но я ни разу не позволил себе задать ей какой-либо прямой вопрос — ведь она ненавидит допросы журналистов и жестокость фотографов. Я все ждал, когда разговор сам неизбежно коснется наиболее важных моментов ее жизни.

Мы говорили о Модильяни:

— Очень бедный и обаятельный молодой человек, какими могут быть только итальянцы.

Я ей говорю:

— Маяковский тоже был обаятельным. Особенно красив, судя по портретам. — Поэтесса протестует, возмущенно и весело:

— Неет! Маяковский красив? Неет! Для меня он был некрасив, даже немного груб.

Анна Ахматова в Колизее. Рим, декабрь 1964

Я спрашиваю, были ли они друзьями.

— Естественно, мы были знакомы, до того, как он стал знаменитым и жестоким, в итоге, самим собой.

Я чувствовал в ответах Анны Ахматовой о Маяковском что-то похожее на разочарование, с оттенком пренебрежения, прикрывающим иногда даже слова восхищения. Потом я вспомнил, что Маяковский стал, до Жданова и до Сталина, в каком-то смысле обвинителем Анны Ахматовой или, скорее, ее «декадентской» поэзии.

— Посмотрите стихотворение Маяковского «Версаль». Оно написано в 1925 году. Поэт иронически описывает свое посещение Версаля, перечисляет придворные фривольности, запахи, балы, реверансы, будуар Мадам Помпадур. У него возникает чувство пресыщения: «Как будто влип в акварель Бенуа / к каким-то стишкам Ахматовой».

— Конечно, — согласился я, — рука у Жданова была потяжелее, чем у Маяковского.

— Нет, — возразила Ахматова, — Жданов сам по себе не имел особого веса. Основной персоной был Сталин, он лично меня недолюбливал.

Я ответил, что Сталин, видимо, кроме всего прочего, не особо разбирался в поэзии. Не понимал ее. На что Анна Андреевна резко ответила:

— *Il ne comprenait rien du tout**.

До появления знаменитого постановления 1946 года, которое на четыре года закрыло перед поэтессой все двери, она из «подозрительных» перешла в ранг «запрещенных». Во время войны Анна Андреевна была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Ташкент, где тяжело заболела. Новость о ее болезни дошла до Сталина. Он не послал ей телеграмму с пожеланиями скорейшего выздоровления. Но он направил суральное предупреждение врачам азиатского города: «Вам не сдобривать, если Ахматова умрет!»

— По-своему, — говорю я, — в то время Сталин был особо внимательным.

— Нет, просто он боялся, что я могу умереть, ответила она мне с гордостью.

На чудесном восточном берегу Сицилии солнце было ярким, как в конце весны, но Анна Андреевна редко оставляла

* Он вообще ничего не понимал (*фр.*).

свой гостиничный номер. Хотя было достаточно постучать в ее дверь, чтобы получить разрешение войти к ней, распространялись слухи о ее затворничестве и о том, что она в некотором роде под арестом. В действительности настоящей пленницей Анны Ахматовой, как и потом в Риме, была ее секретарь, помощница, ученица, а также падчерица — дочь третьего мужа поэтессы — застенчивая, сдержанная Ирина, изучавшая археологию. Внешне Ирина напоминала студентку-трудягу: тонкая, бледная, со светлыми волосами, которые были безжалостно затянуты на маленькой головке. Однако Ирина была уже матерью двадцативосьмилетней девушки — любимой племянницы Анны Ахматовой. Ирина оберегала мачеху, помогала и была очень предана ей, пытаясь противостоять ее капризам («*Elle est très sévère*»*, — шутливо говорила Анна Андреевна). Ирина ее прикрывала, как бы держала под контролем. Находясь в Катании, Анна Андреевна не хотела выходить из гостиницы, плохо себя чувствовала, и бедная Ирина, чтобы не оставлять ее одну, чуть не отказалась от своей поездки в Сиракузу, которую очень хотела посмотреть. Мы с женой все же уговорили ее поехать, предложив остаться с Анной Андреевной. Мы зашли к Ахматовой и пригласили ее на автомобильную прогулку. Она сразу же согласилась, оделась, обернула вокруг шеи один из своих прекрасных шарфов. Из окна машины Ахматова увидела все, что за несколько часов можно было увидеть в Катании. Она могла все усвоить с первого взгляда. Ее наблюдения и замечания о церквях в стиле барокко, о своеобразных балконах Катании всегда были уместными и яркими. Впечатление было такое, что она уже знакома с городом. Она все сразу понимала: интенсивное движение и пробки, люди («на улице видно мало женщин»), она даже чувствовала диалект. Потом она попросила доехать до моря. Мы увидели маленький пляж, к которому можно было спуститься на машине. Наконец Анна Андреевна решилась выйти. Она долго стояла, опираясь на палку, — большая, с поднятой головой, почти повернутой назад. Она дышала с большим облегчением. Мы оставили Анну Андреевну одну, чтобы она могла насладиться солнцем и южным морем. Когда я вернулся к ней, Анна Андреевна оперлась на мою руку и, словно желая отблагодарить меня, сделать мне подарок, сказала:

* Она очень строгая (*фр.*).

— Я кое о чем вспомнила, хочу с Вами поделиться. Обычно мне не нравится рассказывать об этом, но Вы лучше поймете, что мне пришлось пережить.

Постараюсь слово в слово пересказать ее рассказ.

— По вине Сталина я оказалась в опале, как поэт и как человек. У меня осталось лишь несколько друзей. Я не писала, да никто и не опубликовал бы тогда мои стихи. Жила в жалкой надежде получить хоть какой-нибудь перевод. Но в течение долгого времени, почти каждый день, мне звонили — то из Ленинграда, то из Москвы, то из других городов. Это были разные голоса, незнакомые мне люди, но все они говорили об одном и том же: «Анна Андреевна, зачем Вам жить? Ни Вам, ни всем нам не на что больше надеяться. Поэзия мертва. Поэты умерли. Есенин покончил жизнь самоубийством, Маяковский — тоже. Революцию уничтожили. Чего же Вы ждете? Ваша смерть стала бы знаменательным актом протеста, о котором узнал бы весь мир...» Так говорили незнакомые голоса из телефонной трубки, настойчиво и жестоко. Но я упрямо отвечала: «Никогда. Никогда я не откажусь от жизни. Я уверена, что этот кошмар закончится, как миновали ужасы войны, и я буду жить». Разве я не была права?

Я ответил ей, что она была права, как и несколько лет тому назад, в своем ответе тем, кто приглашал ее уехать за границу, оставить Россию, «край глухой и грешный». Она пишет об этом в одном из своих стихотворений:

Мне голос был. Он звал утешно.
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный.
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Анна Ахматова давно работает над трагедией «Пролог, или Сон во сне», которая, как и недавно опубликованная «Поэма без героя», состояла из чередования прозы и стихов.

— Когда Вы говорите о трагедии, Вы имеете в виду театральное произведение? — Она мне ответила, что не имеет ни малейшего представления об этом.

По словам Ахматовой, она стала переводить Леопарди, в поэзию которого была влюблена. Она приехала в Италию и по этой причине в том числе, для того, чтобы услышать настоящий итальянский язык, который знала, но на котором не говорила. Когда Анна Андреевна сказала мне это, она смотрела на меня вызывающе. Она считала, что я недоверчиво отношусь к ее возможностям перевода «Песен» Леопарди.

— Теперь скажите, умею ли я читать по-итальянски?

Она взяла газету и певучим и теплым голосом, низкого тембра, не делая ошибок и в произношении, стала вслух читать отрывок из какой-то статьи. Я слышал, как она таким же безупречным, литургическим тоном читала наизусть трехстишия Данте.

В Катании издатель Канези подарил ей крупноформатное издание «Божественной Комедии» с иллюстрациями Боттичелли. В Риме поэт Либеро де Либеро, которого я представил Анне Андреевне, подарил ей карманное издание «Божественной комедии», напечатанное на тончайшей бумаге. Теперь Анна Ахматова всегда носит его в своей сумке, рядом с фотографиями, изображающими ее в двадцатилетнем, тридцатилетнем, сорокалетнем возрасте: меланхоличный и завораживающий взгляд, непокорно ниспадающая на лоб челка. Номер римской гостиницы сразу принял вид номеров гостиниц в Таормине и Катании: те же самые праздничные апельсины на столе, те же ее книги в итальянском переводе, ее Данте, ее Леопарди, газеты, где говорилось о ней. В одном из углов находилась большая «кукла», в сверкающих серебряных доспехах; такую же «куклу» привез во Флоренцию Марио Луци, хмурый, немногословный и добрый, получивший вместе с Ахматовой премию «Этна-Таормина». Повсюду в номере лежат пакеты и пакетики, свертки, коробки. В Риме Анна Андреевна была охвачена лихорадкой покупок:

— Хочу истратить весь этот миллион на подарки, — говорит она.

— Хочу сделать подарки моим друзьям, поэтам Петербурга. Точнее, Saint Petersbourg. — Иногда Анна Андреевна забывала о том, что уже много лет город называется Ленинград.

— Кстати, о поэтах. — Я пытаюсь вызвать ее на разговор о молодых, о новых поэтах. Говорю о Евтушенко.

— Он шансонье, но не поэт. — Сразу добавляет: — Но шансонье восхитительный («admirable»).

— А Белла Ахмадулина?

Загадочная улыбка:

— È bella, — говорит она по-итальянски, чтобы подчеркнуть прилагательное «красивая», которое совпадает с именем.

Анна Андреевна хочет купить подарки и для себя: одежду, сумочки, обувь; хочет также купить себе элегантный наряд для поездки в июле в Оксфорд, где она должна будет получить почетную степень *honoris causa*. Не выходя из номера из-за проливного дождя, она хотела проконсультироваться с известной портнихой. Была организована настоящая демонстрация моделей одежды, дефиле, в номере гостиницы, находящейся в районе Порта Пинчiana. Манекенщица показывала модели, которые потом должны были быть выполнены по фигуре Ахматовой. Дом модели сестер Фонтана предложил Ахматовой по очень низким ценам два наряда, которые должны быть готовы через три дня. На следующий день Ирина позвонила моей жене:

— Мадам больше не хочет нарядов. Поговорим об этом в мае, когда она, возможно, приедет в Рим.

Так обычно вела себя Анна Андреевна: сначала хочет, а потом больше не хочет. Но никто не обвиняет ее за это. Можно ли упрекать поэта за непоследовательность?

Тем более никто не смеет упрекать ее за прекрасно используемый горестный взгляд, порой умоляющий, но который может смениться лукавым блеском. Об этом хорошо знает Ирина: она не могла посетить Сикстинскую капеллу, так как Мадам не хотела выйти из гостиницы. Ирина могла пойти сама? Конечно, могла. Анна Андреевна говорила ей: иди, дорогая, гуляй сколько хочешь! Ты можешь оставить меня, можешь даже не возвращаться, если ты считаешь нужным. В итоге Ирина отказалась и больше сама не выходила.

Наконец дождь прекратился, и Анна Андреевна решила выйти из дома. Я свозил ее к Пинчо, провез по Пьяцца

дель Пополо, показал ей Колизей. Колизей она пожелала осмотреть как снаружи, так и внутри, но не выходя из машины. Нарушая правила, я заехал под одну из арок, но машина, наткнувшись на ступеньку, дернулась и заглохла. Тогда Анна Ахматова открыла дверь, без посторонней помощи вышла и уверенным шагом отошла от машины.

Мы прошлись по галереям и подземельям Колизея. Казалось, что и там Анна Ахматова уже побывала: ее замечания будто касались чего-то привычного и знакомого. Хотя во время ее предыдущего путешествия в Италию в 1912 году (по ее словам, «похожего на сновидение, которое помнишь всю жизнь») поэтесса Рим не посещала.

В Рождественский день, с верной Ириной и со своими многочисленными пакетами, Анна Ахматова села в поезд, идущий в Москву. В Москве у нее есть квартира, где она работает, а в Ленинграде — другая, где она также работает. В Москве она переводит, а в Ленинграде она сочиняет стихи. В Риме она тоже писала стихи. Когда моя жена сопровождала ее к портнихе, она заметила, как Анна Андреевна сочиняет, и боялась побеспокоить ее.

— Да, это так, моя дорогая, — говорит Ахматова. — Я и сейчас пишу стихи, но прежде всего я — женщина, а не поэтесса. Пусть войдет портниха.

Что за женщина была Анна Андреевна? Я много говорил с ней, мы вместе завтракали, я часто сопровождал ее, но даже моя писательская интуиция не позволяет мне ответить на этот вопрос. Эта женщина много любила и очень страдала. Этого достаточно? Нет, недостаточно. Эта женщина полна противоречий: она мила и неприступна, наполнена европейской культурой, но напоминает, что она и восточная женщина.

— Я выбрала для себя псевдоним Анна Ахматова, в память о моей бабушке по материнской линии. Одна из Ахматовых — татарская княжна.

Она повторяет: татарская княжна, — расширяя все звуки *a*.

Она была репрессирована Сталиным, но люди всего мира выражали свою любовь к ней.

Вот еще один ее рассказ:

— В Москве водитель такси узнал меня. Это было много лет тому назад: «Это — Вы, — сказал он, — поэтесса, имени ко-

торой Сталин не хотел даже слышать. Русский народ никогда не забудет тех, кто несправедливо пострадал».

Однажды, когда она плохо себя чувствовала, Советское посольство направило к ней врача.

— Это был темнокожий врач, — рассказывала мне впоследствии Анна Андреевна. — Он был взволнован оттого, что именно я была его пациенткой. Я заметила, как его глаза вдруг наполнились слезами. Это были черные слезы. Как черные жемчужины.

Несомненно, каким бы огромным ни было значение творчества Анны Ахматовой, поэзия всегда была частью ее самой. Она сопровождает ее повсюду, как неразлучная тень. Через поэзию Ахматова скрывает травмы преследуемой, но и привычки избалованной женщины. Когда она уезжала из Рима, я почувствовал смешанное чувство облегчения, продиктованное моим эгоизмом и необходимостью защитить свое время, — но и боль, оставшуюся в душе.

1965

Перевод с итальянского и публикация Марко Саббатини

В МИРЕ КНИГ

«Но душа моя отмечает очевидность...»

Элен Берр. Дневник. 1942–1944 / пер. с французского
Н. Мавлевич. М.: Albus Corvus, 2017. – 224 с. 3000 экз.

Французскую студентку, талантливую скрипачку, независимую, немного кокетливую, вдумчивую Элен Берр, чей дневник, переведенный на тридцать языков, в конце 2016 года вышел по-русски, часто сравнивают с Анной Франк. В их судьбах, действительно, много общего: обе (Элен немного старше) получили хорошее воспитание, невероятно любили жизнь, обе были депортированы в рамках «окончательного решения еврейского вопроса» и погибли в нацистских лагерях. Обе оставили по себе поразительной силы свидетельство о «несвидетельствуемом» (Дж. Агамбен) – о немыслимом для всей прежней европейской культуры расчеловечивании, которое совершают не демонические злодеи, а самые обычные люди, и о том единственном ответе на «банальное зло», какое может дать живая человеческая душа. Есть и другие сходства – в чем-то Элен Берр похожа на свою старшую современницу Симону Вейль, в чем-то – на почти ровесницу Этти Хиллесум, которая тоже зачитывалась Достоевским и Толстым, находила утешение в беседах, музыке, цветах, и работала добровольцем в пересыльном лагере Вестерборк, чтобы хоть чем-то облегчить участь своих соплеменников. И все же «Дневник» Элен Берр – особенный не только потому, что «живущий несравним». Книга, повествующая об одном из самых жутких и постыдных событий в европейской истории, – вся о жизни и любви. Именно они выступают главными обвинителями смерти.

«1942 год. По Парижу идет молодая девушка. Смутная тревога и дурные предчувствия томят ее той весной, и потому в апреле она начинает писать дневник. С тех пор прошло более полувека, но сегодня, читая эти страницы, мы становимся ее современниками. Проживаем день за днем вместе с ней, страдавшей от одиночества в оккупированном Париже. И слышим совсем близко ее голос в онемевшем городе...» — так начинается предисловие Патрика Модиано к первой публикации дневника (оно полностью воспроизведено в русском издании). Поначалу голос такой счастливо-изумленный, такой ясный, что, кажется, войны никакой нет, и только дата первой записи напоминает, что дело происходит 7 апреля 1942 года. Уже погиб в Освенциме Илья Фондаминский, арестована еще одна старшая современница Элен — Ирен Немировски, с которой они, не зная друг друга, возможно, не раз пересекались на улицах; на улице Лурмель действует Комитет помощи узникам Компьеня, и о. Дмитрий Клепинин готовит спасительные свидетельства о крещении... А день 7 апреля был солнечный, «ни намека на дождь», записывает Элен. Такая же солнечная — ни намека на беду — и первая запись. Элен послала Валери сборник его стихов с просьбой подписать и со свойственной книжной барышне обстоятельностью рассказывает, как поначалу боялась идти к поэту, но «строго сказала себе: “Надо отвечать за свои поступки. *There's no one to blame but you*”» (С. 15), шла, и «как всегда витала в облаках», светски (можно лишь догадываться, чего стоила ей эта непринужденность) побеседовала с консьержкой, забрала подписаный ее именем сверток, едва выйдя на улицу, развернула белую бумагу... Каждый жест, каждая подробность фотографически зrima, весома. «На форзаце тем же разборчивым почерком было написано: “Для мадемузель Элен Берр”. И ниже: “Ясным утром свет так ласков и дышит жизнью синева. Поль Валери”.

Радость захлестнула меня — радость,озвучная тому, как виделся мне мир, поюща в унисон с веселым солнцем и чисто умытым, украшенным пенистыми облаками синим небом. До дома я дошла пешком, довольная своей маленькой победой — что-то скажут родители! — и тем, что самое невероятное сбывается» (С. 15).

Эта радость — сквозной мотив первой, относительно мирной части дневников. Благополучнейшая ассимилированная

еврейская семья, состоявшая в дальнем родстве с Прустом, большая, уютная квартира в центре Парижа, отец, Реймон Берр, — вице-президент компании «Кюльман», один из восьми французских евреев, на которых по закону от 3 октября 1940 года «за особые заслуги перед французским государством» не распространяются антиеврейские предписания, талантливая сестра Дениза, подруги и приятели, визиты, поездки в загородный дом семьи Берр в Обержанвиле, цветение и много света. Элен помолвлена, ее жених Жерар Лион-Кан на фронте, но в один из дней она встречает похожего на «славянского князя» Жана Моравецки, они вместе слушают пластинки, ходят на концерты — и непонятно, как быть с обязательствами перед Жераром, что делать с новой безоглядной любовью. «Если я останусь с Жераром, то упущу все то прекрасное, что ждет впереди: постепенное пробуждение, цветущую весну, медленное созревание глубокого чувства! С Жераром все слишком нормально, или это просто мои капризы? Неужели в один прекрасный день я разорву эти страницы, потому что выберу Жерара? Что же со мною станет? Сама не знаю, куда иду и что будет завтра» (С. 32). Словом, обычный дневник умной, тонкой, артистичной и очень совестливой девушки.

Второй сквозной мотив дневниковых записей — музыка. Та, которую они слушают с Жаном, какую исполняет сама Элен, — *Четырнадцатый квартет* Бетховена, *Концерт для кларнета с оркестром* Моцарта и самые ее любимые — *Первый скрипичный* Макса Бруха и *Скрипичный концерт ре мажор* Бетховена. Музыка не только создает фон, но определяет структуру «Дневника»; по словам переводчика Натальи Мавлевич, «он и сам похож на полифонический концерт», в котором перекликаются две темы — несказанной радости и невыразимой скорби.

Постепенно в беспечальную мелодию первой части все отчетливей, crescendo прорываются тревожные ноты. Друзья собираются музенировать, но все разговоры «только о политике». Арестовали знакомого, погиб в концлагере отец подруги. А потом наступает 29 мая, когда всех французских евреев обязывают носить «желтые звезды». Знак, напоминавший о щите Давида, циничным умом превращенный в клеймо изгойства, становится испытанием не только для тех, кого он «метил», но и для окружающих:

«Щебечут птицы, утро, как у Поля Валери. Сегодня я на-дену желтую звезду. Две стороны нынешней жизни: светлое утро – воплощение свежести, молодости, красоты и желтая звезда – порождение варварства и зла...

Господи, я не думала, что это будет так тяжело.

Весь день я крепилась изо всех сил. Шла, высоко подняв голову, и смотрела встречным прямо в лицо, так что они отворачивались...

Впрочем, большинство людей вообще не смотрят на тебя. А хуже всего встречать других таких же, со звездой. Утром я вышла из дома с мамой. На улице две девчонки показывали на нас пальцем: “Видала? А? Евреи”. А в остальном все прошло нормально...

На остановке стояли девушка с парнем. Девушка показала ему на меня. Они что-то говорили.

Я инстинктивно повернула голову – солнце светило в глаза – и услышала: “Какая мерзость!” Одна женщина, по виду maid, улыбнулась мне еще на остановке, а потом несколько раз оборачивалась и улыбалась в автобусе; а какой-то шикарно одетый господин не сводил с меня глаз, я не могла понять смысл этого взгляда, но гордо смотрела в ответ. Опять села в метро – до Сорbonны, еще одна простая женщина мне улыбнулась. А у меня почему-то слезы на глаза навернулись...» (С. 41–42).

«Шла обратно по проспекту La Бурдоннэ и думала, насколько я помню, о своих туфлях. Вдруг меня вывел из раздумья какой-то человек – подошел, протянул мне руку и громко сказал: “Французский католик жмет вашу руку... они за все заплатят!” Я сказала “спасибо”, пошла дальше и не сразу сообразила, что произошло... А ведь это был благородный поступок. Прохожий, видно, эльзасец, у него три ленточки в петлице» (С. 64).

При чтении записей дневника не оставляет ощущение, будто музыка сопровождает кинематографический ряд, – так плотно они пронизаны явными и невидимыми присутствиями. Нетрудно представить, как по тем же улицам, возможно, ей навстречу, проходили Николай Бердяев, Константин Мочульский, Борис Вильде, казачий офицер – одна из многих жертв трагического заблуждения, – просивший германское правительство позаботиться о судьбе казачьего музея,

и православная монахиня в круглых очках и перелатанной рясе. Домысливать историю глупо, но, когда читаешь «Дневник», кажется, познакомься Элен с матерью Марией, они бы непременно подружились: очень похожей была их безоглядная любовь к жизни и «расточающая себя» отзывчивость на беду и боль. Судя по записям, Элен была далека от жизни «русского Парижа», но однажды они с матерью Марией все же пересеклись. В тот день, когда вышел «декрет о звезде», мать Мария пишет стихотворение «Два треугольника, звезда...»:

И пусть же ты, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научишься душою вольной
На знак неволи отвечать.

Элен не могла знать это стихотворение, но, словно откликаясь на него, 4 июня она записывает: «...мне кажется, не надевать звезду — предательство по отношению к тем, кто наденет. Но уж если я ее надену, то должна всегда сохранять достоинство, быть элегантной — пусть все видят. На это нужно много мужества» (С. 40).

Далее начинается сопротивление жизнью. За «неправильно» нашитую звезду арестовывают, несмотря на обещанную неприкосновенность, отца Элен, антиеврейские законы не позволяют ей получить следующую университетскую степень. В ответ Элен прикальвает к звезде французский триколор: на знак неволи можно ответить только знаком свободы. Сопротивляться запрету на жизнь можно только жизнью: «После ужина мама ушла. Дениза в папином кабинете занималась немецким. Я читала биографию Достоевского. Мама вернулась около десяти. Мы еще посидели. Речь опять зашла о концлагерях. И, как всегда в таких случаях, сбивались с серьезного на смешное, шутили, так что в конце концов возобладали шутки, перебивающие трагизм ситуации. Под конец перебрались на кухню, наелись там холодного зеленого горошка — я его обожаю, потом — в ванную комнату Денизы, обсуждали сравнительные достоинства Ж.М. (Жана Моравецкого. — С.П.), Денизе он не нравится, и Жана Пино.

Я потому описывают эти мелочи, что жизнь наша скажась, сами мы стали ближе друг другу, и каждая мелочь приобрета-

ет огромное значение. Живем уже не с недели на неделю, а с часу на час» (С. 68). Добровольно, совсем как в мирные дни, заниматься в оккупированном городе немецким – значит отвоевывать язык у насилия.

Если бы события дневника происходили в другое время, его можно было бы назвать «книгой взросления», но применительно к опыту Катастрофы любое красивое определение будет сомнительным. От них предостерегает сама книга; чем сильнее сгущаются тучи, тем суще, лапидарней становится повествование, тем четче слово и тем отчетливей осознание невозможности объяснить, что сделал с человеком человек: «...мы живем изгоями среди людей, само наше обособленное страдание возводит стену между ними и нами, поэтому передать им наш страшный опыт невозможно, он остается никак и ничем не связанным с опытом остального мира. В будущем, когда все всё узнают, такого уже не будет. Но нельзя забывать, что, пока все это происходило, люди, терпевшие страшные муки, были полностью отделены от остальных, не желавших их знать, и что был попран великий завет Христа, согласно которому все люди братья и все должны разделять и облегчать страдания себе подобных...» (С. 189).

28 ноября 1942 года дневник обрывается. Следующая запись датирована 25 августа 1943 года. Если первая часть – это по преимуществу «фуга о любви», то во второй развертывается история каждого дня, тихого противостояния горстки обреченных людей и одержимой людоедским замыслом системы. Элен не героична – для нее «пытка» чувствовать на себе пристальные, пусть даже сочувствующие взгляды подруг, она не скрывает страх за отца, собственный страх, ее пугают бытовые унижения. «Кто опорожняет туалетные ведра в вагонах? (для меня это большой вопрос)», – записывает она незадолго до депортации (С. 187), но едва ли не сильнее страха – огромное недоумение о человеке: «Страшно подумать: чуть ли не половина человечества творит зло и всего лишь горстка людей пытается его исправить!» (С. 180). Ирен Немировски во «Французской сюите» видит Париж с безжалостной проницательностью обреченного; Элен Берр смотрит вокруг со скорбным изумлением человека, зачарованного жизнью, бликами света на воде, цветущими деревьями в Обержанвиле. Она работает в UGIF (Union générale des Israélites

Français) – разрешенной нацистами еврейской организации, которая помогала осиротевшим детям, связана с подпольной «Временной взаимопомощью» (ее стараниями многих из них удалось тайно переправить в «свободную зону» или спрятать в Париже и окрестностях), пытается музенировать, спасается чтением и ведет свою «хронику текущих событий». Меняется не только тональность повествования, но и его адресат. В первой части она писала, чтобы «высказать себя», теперь пишет для Жана, который воюет в «Свободной Франции», но постепенно, как и Этти Хиллесум, осознает, что ей надо стать голосом бессловесных. Наделенная абсолютным нравственным слухом, она чувствует и другое – случившееся с европейской культурой, с еврейским народом и с каждым человеком настолько беспрецедентно, что слова, которыми мировая литература столетиями описывала трагедии и войны, теперь бессильны: «Описывать все, что творится вокруг, все трагические события, которые мы переживаем, передавая их суть во всей полноте и не искажая ее словами, – очень и очень сложная задача» (С. 117). Но все же она твердит себе: «Я должна описать» – и документально фиксирует, кого привели, кого удалось спрятать, кого забрали. Чем гуще беда, тем напряженней она пытается понять, что случилось с родной для нее европейской культурой, как можно было пробудить в человеке самые низкие свойства: «Но почему... встречные немецкие солдаты не бьют меня по лицу... они лишь исполняют то, что им прикажут. И в упор не видят непостижимой нелепости того, что сегодня они мне придержали дверь в метро, а завтра, может быть, отправят в депортацию, меж тем как я есть я, одно и то же лицо... Первый шаг к нацизму – это уничтожить самостоятельное мышление, голос совести отдельного человека» (С. 188).

Честно поставленный вопрос о человеке неизбежно приводит к вопросу о Боге. Семья, в которой выросла Элен, была нерелигиозной; возможно, о вере она говорила с Жаном Моравецки, воспитанным в католической традиции, но ее главными «наставниками» стали европейская культурная традиция и опыт общего страдания, обнаруживающий бесмысленность всех разделений: «Вот они говорят: различа между вами и нами в том, что мы верим, что Мессия уже явился, а вы его все еще ждете. Но что они сами сделали с

Мессией? Они не стали лучше, чем были до его прихода. Они распинают Христа каждый день. Явись он снова сегодня, разве он не сказал бы им то же, что и прежде? И быть может, его постигла бы та же участь, как знать?..

Меня поразило в Евангелии слово “обратиться”... “Злой обратился”, — сказано в Евангелии, то есть он изменился, стал добрым, послушав Христа. Для нас же сегодня “обратиться” — значит перейти в другую религию, в другую церковь. Но разве во времена Христа были разные религии? Что еще было, кроме почитания Господа?... (С. 120–121). Здесь снова слышны переклички — и с матерью Марией, писавшей о том, что на пути страдания Церковь «встретится со своей сестрой Синагогой», и со всей последующей традицией «богословия после Шоа», у истоков которого, вместе с немецкими богословами, стоял спасенный семьей французских католиков Арон Люстигер — кардинал Парижский Жан-Мари Люстиже.

Осени 1943 года Элен все чаще пишет о смерти. Ушла бабушка, каждый день кого-то убивают, депортируют, и иллюзий о «переселении» почти ни у кого нет. «Память о бабушке светлая... потому что она просто умерла, когда кончилась ее жизнь, а в неизбежности есть своя красота.... А вот с чем смириться нельзя, так это с преступным безумием тех, кто сеет смерть по собственному произволу, кто убивает друг друга, тогда как только Бог распоряжается смертью» (С. 164).

К декабрю 1943 года в Париже почти не остается евреев. Элен делится дурными предчувствиями, плачет от бессилия — и наряжает елки для детей из приюта UGIF, переправляет, кого может, в приют в Нейи, ходит вольнослушателем в Сорbonну, продолжает писать о Китсе — и спрашивает себя, имеет ли сейчас право на жизнь ее «тогдашнее я... такое же живое и настоящее». Но стихает музыка, заниматься ею уже нет сил, потому что «становится все страшнее», к тому же пианиста, «который должен был с нами играть, арестовали». А потом отступают обессилевшие слова — и остается лишь шекспировское «Ноггог, ноггог, ноггог...» Здесь, на записи, сделанной утром 16 февраля 1944 года, дневник обрывается.

Некоторое время семья Берров пряталась у знакомых, но 7 марта решила переночевать дома. Утром следующего дня их арестовали и отправили в Дранси. 27 марта 1944 года, в день, когда Элен исполнилось 23 года, ее депортировали вместе

с родителями. Сначала она попала в Освенцим, оттуда — в Берген-Бельзен. Рассказывали, будто в лагере Элен, чтобы утешить соузниц, пела им *Брандербургские концерты* Баха и *Сонату для скрипки и фортепиано* Сезара Франка. За пять дней до освобождения лагеря ее, больную тифом, насмерть забила охранница. Дневник сохранила Андре Бардьё, кухарка семьи Берров (ей Элен передавала времяя от времени листочки в клетку, на каких вела записи), после войны передала Жаку Берру, брату Элен, а он — Жану Моравецки.

И все же почему Элен, зная, что ей грозит неминуемая депортация, не уехала, как ни уговаривали друзья? «Не потому, что хочу показать свою смелость или выполнить долг, — в такой позиции слишком много гордыни, да я и не считаю это своим долгом... И все-таки, если бы я оставила свою “официальную” жизнь, мне бы казалось, что я совершаю предательство. Не других предаю, а себя...» (С. 168). Здесь ее голос вплетается в более общую интенцию времени: в те же годы Этти Хиллесум размышляет о том, что сейчас важнее всего спасти Бога в себе, — а чуть раньше, в «Римских дневниках», о том же скажет Вяч. Иванов: «От зверя кто спасет? Младенец. Лишь ты его в себе спаси...» Элен остается, чтобы «спасти Младенца», достоинство богоподобия, в котором отказали ее народу — и отказала себе часть европейской культуры, согласившись участвовать в зле — или безразлично наблюдать, как оно совершается.

Патрик Модиано в предисловии к дневнику просил «прислушаться к голосу Элен». Ее голос, замечательно переданный в переводе, — ликийющий, дрожащий, сухой, тревожный и снова оживающий надеждой — не оставляет возможности «спокойного чтения». Он теребит, окликает, сталкивает с, казалось бы, давно разрешенными вопросами — и вместе с тем утешает выплавленной из страдания вестью о том, что последнее слово остается за жизнью: «И все равно я верю в победу добра над злом. Пусть сегодня все опровергает эту веру. Все стремится внушить мне, что настоящую, ощутимую, реальную победу одерживает сила. Но душа моя отмечает очевидность» (С. 185).

Светлана Панич

«Облик жизни надо изменять,
делать его чище, благороднее,
духовнее, лучше...»

**Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века:
Письма М.В. Шика (свящ. Михаила) и Н.Д. Шаховской
(Шаховской-Шик):** В 2 т. М.: Культурно-просветительский
фонд «Преображение», 2015–2016. Т. 1: 1911–1926. – 384 с.;
Т. 2: 1926–1942. – 672 с.

В издательстве Культурно-просветительского фонда «Преображеніе» вышел в свет двухтомник «Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века: письма М.В. Шика (свящ. Михаила) и Н.Д. Шаховской (Шаховской-Шик). Эта переписка за период с 1911 по 1942 год более полувека хранилась в архиве семьи Шиков-Шаховских и публикуется впервые.

В наше время мало людей пишут бумажные письма и мало кто такие публикации читает. Действительно, такое чтение требует усилия – войти в личные отношения двух незнакомых людей, стать свидетелями их общения. Но если все-таки преодолеваешь первое напряжение и вчитываешься в книгу «Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века», то это усилие вознаграждается с лихвой: переписка Михаила Владимира Шика и Наталии Дмитриевны Шаховской-Шик оказывается не бытовыми семейными письмами между мужем и женой, которые, конечно, пишут друг другу о болезнях детей, о тяжелых условиях своей жизни и прочей «суете, переложенной на бумагу» (так самокритично характеризовала Наталия Дмитриевна свои письма). Это искреннее, вдумчивое свидетельство двух талантливых, незаурядных людей о смене эпох в России. Переписка охватывает события Первой мировой войны, революций 1917 года, репрессий советского периода, Великой Отечественной войны. На фоне этих событий, потрясших весь мир, происходит духовное становление авторов переписки. Молодые, прекрасно образованные, имеющие высококультурный круг общения (среди их близких друзей – художник Владимир Фаворский, историк Георгий Вернадский, историк Церкви священник Сергий

Мансуров, историк Михаил Карпович и др.), Михаил и Наталия размышляют о том, как они могут послужить миру, сделать его лучше. Ответ на свой экзистенциальный поиск они находят в христианстве, причем в то время, когда христиане, как и в первые века существования Церкви, претерпевают жестокие гонения от государства, когда появляются новые мученики и исповедники веры. В 1918 году Михаил принимает крещение и женится на Наталии. Их семейная жизнь и служение Церкви начинаются в Сергиевом Посаде, где Михаил Владимирович участвует в работе Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, вместе с о. Павлом Флоренским, графом Ю.А. Олсуфьевым спасая русскую святыню от разграбления безбожниками.

Михаил и Наталия писали друг другу, когда находились в разлуке. Первый том охватывает переписку с 1911 по 1926 год. В основном сохранились письма М.В. Шика этого периода: после окончания отделений философии и всеобщей истории Московского университета Михаил служит в армии вольноопределяющимся, а затем, с началом Первой мировой войны, отправляется на фронт. Он пишет: «Я знаю с самою большою несомненностью, что мое место там, где люди мучаются и гибнут... и что я уж слишком промедлил быть там». В 1917 году Михаил Владимирович с горечью описывает разложение русской армии, зараженной «социал-демократической язвой», проявившейся в «лодырничестве, уклонении от занятий». Вести об октябрьском перевороте заставляют его, по его же собственному признанию, переосмыслить евангельское непротивление злу злом: «Не противиться злу злом значит: не противопоставляй злу голое сопротивление, а дело добра. В переводе на язык текущей жизни это будет значить: против большевика бери не ружье, а школьную книжку». Заканчивается переписка этого периода, когда в 1926 году Михаила Владимира, к тому времени уже рукоположенного митрополитом Петром (Полянским) в сан дьякона, арестовывают по «делу митрополита Петра» и отправляют по этапу в Среднюю Азию. Находясь в тюрьме, дьякон Михаил пишет о том, что он лишен свободы «не за правду, а за грехи... личные и общечерковные».

Во второй том издания вошла переписка периода 1926–1942 годов. Большую его часть составляют письма, напи-

санные о. Михаилом из ссылки в среднеазиатском Турккуле (1926–1927 гг.), где он принял священнический сан. После возвращения о. Михаила из ссылки супруги живут вместе, поэтому переписка прерывается. Отец Михаил несет священническое служение – сначала в различных храмах Москвы и Подмосковья, затем потаенно, после ухода за штат из-за несогласия с церковной политикой митрополита Сергия (Страгородского). Продолжение переписки приходится на 1934 год, когда у Наталии Дмитриевны обостряется туберкулезный процесс и она находится на лечении в Москве, а о. Михаил с детьми остается в Малоярославце, в доме, купленном в 1931 году, где он тайно совершает богослужения вплоть до ареста в феврале 1937 года, за которым последовал расстрел...

Удивительно, что, находясь в разлуке по нескольку лет, супругам удавалось сохранять общую жизнь во Христе, которая способствовала, как они сами об этом свидетельствовали, и сохранению брака по плоти. «Как найти ту меру, чтобы письма были вполне открытыми и правдивыми, – писал о. Михаил, – удовлетворяли потребности существенного общения и вместе с тем не вываливали другому все твое душевное сырье?» Ответ они находили в том, что договаривались об общем чтении Евангелия на каждый день, исповедовались друг другу, открыто и с полным доверием писали о том, какие видели друг в друге страды, просили прощения накануне причастия, поддерживали друг друга, во всем и всегда полагаясь на волю Божью. Супруги видели предназначение христианского брака в том, чтобы в общем духе «рождать нового в себе человека».

Завершает переписку письмо Наталии Дмитриевны к мужу в 1942 году. Она писала ему незадолго до своей смерти, не зная, что тот расстрелян на Бутовском полигоне 27 сентября 1937 года... Предчувствуя свою скорую кончину, Наталия Дмитриевна просит у о. Михаила прощения за все «взаимные огорчения... от непонимания и нетерпения» и сообщает мужу о самом главном – о том, что «благодать в твоем уголке не прекращалась», то есть что в их доме в Малоярославце после ареста о. Михаила не прекращалась церковная жизнь, продолжалось евхаристическое служение.

Так, казалось бы, частная переписка двух людей оказывается очень многогранной. Она знакомит читателя с

историческим контекстом времени, раскрывает подвижническую жизнь самих авторов и их окружения, рассказывает о воспитании детей – действительно христианском. Кроме того, она отражает литературный талант обоих корреспондентов. А главное – является собой свидетельство жизни по вере, свидетельство следования за Христом.

В одном из стихотворений цикла «Страстная седмица», написанных о. Михаилом в начале 1920-х годов и опубликованном в разделе «Приложения», есть такие строки:

Девятый час искупленья,
Последний вздох на кресте –
Да будет вам весть Воскресенья,
Вкушившие смерть во Христе!

Ольга Борисова,
Татьяна Васильева

«Среди ада кромешного
я чувствовала безграничное
сострадание ко всем...»

А.А. Ершова. В тюрьме в 1920 году: Воспоминания. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение»; СФИ, 2017. – 136 с.

К столетию Октябрьской революции издательство Свято-Филаретовского института совместно с Культурно-просветительским фондом «Преображение» опубликовало книгу «В тюрьме в 1920 году». Это воспоминания писателя, педагога и просветителя Александры Алексеевны Ершовой (урожд. Штевен; 1865–1933) о ее заключении в советской тюрьме во время Гражданской войны.

В конце XIX века просветительская деятельность А.А. Ершовой была хорошо известна в России. В 1880-е годы она открывала школы грамоты для деревенских детей по всей Нижегородской губернии и готовила для них учителей, в 1890-е годы принимала активное участие в земских съездах по народному образованию.

В июне 1920 года, пережив смерть мужа и младшего сына, Александра Алексеевна отправилась из Полтавы, где в это время проживала семья, для розыска двух старших сыновей, 17 и 19 лет, вступивших добровольцами в Деникинскую армию. В прифронтовой полосе (фронт в это время проходил недалеко от Полтавы) А.А. Ершова была арестована советской властью по обвинению в шпионаже и заключена в концлагерь в Харькове, где восемь месяцев пробыла под угрозой расстрела. Во время заключения Александра Алексеевна вела дневник, в котором записывала свои наблюдения и переживания. События, пережитые Александрой Алексеевной, вновь заставляют задуматься о том, почему стало возможным такое нравственное падение людей. «Отец Иоанн Кронштадтский много говорит о грешниках, которые не каются. А я все вижу людей, которые даже и не грешники, а скорее первобытные невменяемые существа. И ведь в них есть искры добра и искры сознания. Но искры эти почти всегда засыпаны мертвой золой», – писала она.

Воспоминания А.А. Ершовой наполнены размышлениями об истории России, ее прошлом и будущем. Это взгляд из советской страны, обращенный к России, которая потеряна, разрушена и забыта. Взгляд на советскую действительность, которую Александра Алексеевна не может принять, побуждает ее задаваться вопросами о возможных путях возрождения народа, страны. Этот путь лежит через покаяние: «Знаю, Господи, почему Ты повелел мне испытать все это. Среди ада кромешного этой минувшей ночи я чувствовала безграничное сострадание ко всем: к беспомощным жертвам и жестоким палачам, к немногим драгоценным хорошим людям, ко всем этим жалким, развращенным, бездушным существам в образе человеческом. Я чувствовала еще, что все виноваты во зле, заполняющем мир, и я тоже виновата, как и все, и должна безгранично каяться в своей греховности, в суетности, в слабости, эгоизме, гордости».

Ее христианская вера проявляется в отношении к людям и ко всему происходящему и дает надежду на будущее: «Но то, что в нас, жалких и грешных, есть все же душа живая, бессмертная... и есть Промысл Божий над нами и страданиями нашими, и есть близкий нам Единый Безгрешный, Единый Спасающий – Христос-Избавитель; это, кажется, никогда не чувствовалось мне так сильно, так явно...»

Книга содержит Приложение, включающее избранные письма к А.А. Ершовой в тюрьму от ее старшей дочери Марии. Эти письма также публикуются впервые и являются еще одним свидетельством об образе жизни и круге общения семьи Ершовых в те трудные времена.

В книгу включены фотографии из семейного архива, в оформлении использованы обложки и страницы оригиналов тетрадей, в которых А.А. Ершова вела записи.

Публикация мемуарного наследия А.А. Ершовой стала возможной благодаря тому, что ее архив удивительным образом уцелел в советское время. Многие годы он пролежал незаслуженно забытым, но именно это, возможно, и спасло его от уничтожения. Дневниковые записи А.А. Ершовой являются уникальным свидетельством о трагических событиях того времени и представляют несомненный интерес для всех, кому небезразлична недавняя история нашей страны.

Ольга Синицына

IN MEMORIAM

Архиепископ Иоанн (Реннето),
экзарх русских православных приходов
в Западной Европе

Слово о Н.А. Струве

Сегодня, вместе с многими людьми по всему миру, особенно в России, мы молитвенно отмечаем первую годовщину кончины раба Божия Никиты Алексеевича Струве, верного прихожанина нашего собора. Никита Алексеевич всегда близко воспринимал испытания, выпавшие на долю России в советский период. Он также живо откликнулся на возрождение России.

Он был посредником, знакомившим россиян с культурой русской эмиграции, и это наследие многих вдохновило к творчеству в условиях обскурантизма и подавления мысли. Это одновременно и светская, и духовная литература, которая побуждает к глубинным размышлениям о смысле мира и о назначении человека. Эти темы Н.А. Струве развивал и сам в своих книгах и статьях, на французском и русском языках, в параллельно издаваемых им журналах *Вестник РХД* и *Messager Orthodoxe*.

Никита Алексеевич также дал живой импульс для размышлений о жизни нашей Архиепископии на Западе, и мы благодарны ему за это. Мы много говорили с ним о нашем церковном положении, и его мысли были для меня важным ориентиром. Он обладал даром быть на «ты» с Историей –

той, что разворачивается на наших глазах, но подвластна не всем.

Мы, как, думаю, и многие в России, глубоко признательны ему за все содеянное, за его всегдашнюю живую вовлеченность в культурную и церковную жизнь, за его неиссякаемую энергию.

Он обладал глубокой верой и неугасимой надеждой. Он также верил в то, что человек может измениться; что человечество, пережившее чудовищные кризисы прошлого столетия, уже не будет прежним. В этом он разделял мнение великого русского писателя Александра Солженицына, которого он открыл и для западного читателя.

До конца жизни он сохранял эту веру в человека и в присутствие Бога в истории.

Сохраним в наших сердцах память о нем как о живом свидетеље миссии православия на Западе, да поможет нам Господь следовать его примеру и да благословит всех вас!

Перевод с французского Татьяны Викторовой

Смерть поэта Евтушенко

Евгений Евтушенко, скончавшийся 1 апреля в США, был талантливым поэтом, одним из тех, что совместно с Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной и грузинским бардом Булатом Окуджавой воскрешали жизнь и культуру в советские 60-е годы.

Нужно было видеть Евтушенко рядом с Вознесенским в 1959 году на огромной лондонской сцене Victoria and Albert Hall, декламирующих свои стихи перед тысячами лондонцев, чтобы оценить ту неслыханную славу, что превратила этих молодых людей из обитателей студенческих московских подмостков в кумиров почти мировой эстрады.

Как объяснить это чудо? После сталинизма советский мир казался навсегда оледенелым. Революция была сведена к ритуалу, все более и более принудительному, а затем и во все — похоронному. И вдруг двое талантливых молодых людей вырываются из клетки и, читая и жестикулируя, бросают миру свои свежие, простые стихи. Конечно, у них была поддержка Никиты Хрущева, главы страны. Их вывозили, как забавных животных, но эти новые «големы» вырвались из объятий своего властелина. Того, что чуть позже, в марте 1963-го, дал им на одном из известных кремлевских заседаний унизительное нравоучение. Но было слишком поздно. В 1961 году Евтушенко отправился с другом-поэтом в Киев, чтобы посмотреть, что осталось от оврага Бабий Яр, где эсэсовцы и их украинские наёмники истребили тысячи евреев. Остолбенев, он обнаружил, что на этом месте нет не только памятника, но оно превращено в свалку, вокруг которой кружили грузовики, сбрасывая все новые груды мусора. Он тотчас написал «Бабий Яр», прочитал стихотворение друзьям, после чего предложил его в «Литературную газету». Несколько часов он ожидал решения главного редактора. Вопреки всем ожиданиям, оно было положительным, и поздно ночью молодой поэт держал в руках свежий номер, который в течение часа разлетелся из всех киосков и вызвал слезы тысяч читателей. Советский антисемитизм был разоблачен. Главный редактор был уволен, но пути назад не было. Это стихотворение и последующее, «Наследники Сталина»

(опубликованное в «Правде» в 1962 году с разрешения Хрущева), сыграли решающую роль в разоблачении преступлений сталинского режима. Хрущев решил, поэт – осуществил.

Будучи эстрадным поэтом, Евтушенко читал наизусть километры своих и чужих стихов. Затаив дыхание, его слушали целые стадионы. Он был новым Маяковским – или таким представлял себя – в традициях русских поэтов, рано умерших на дуэлях или покончивших с собой. Но его ожидала другая судьба. Он дожил до 84 лет, превратил свою дачу в писательском поселке Переделкино в музей, куда после его смерти стекутся его почитатели. Он был бардом помолодевшего коммунизма, влюбленным в Фиделя Кастро, которого часто прославлял в своих стихах, воспевая достижения индустриализации и нашептывая стихи об интимной близости, на которых в СССР лежало табу («В СССР секса нет»).

Став символом открытых границ, он воспевал великий русский Север и улочки Барселоны. Этому вечному Дон Жуану, вечному паяцу прощали все. В своей драме Ван Гог (1957) он восклицает:

Мы с вами из ребра Гомерова,
мы из Рембрандтова ребра.
Не надо нам
ни света чопорного,
ни Магомета,
ни Христа,
а надо только хлеба черного,
бумаги,
глины
и холста!

Наверное, он использовал бумаги больше, чем следовало бы. Старый юноша может вернуться в свой музей...

Жорж Нива

Перевод с французского Татьяны Викторовой

Жорж Нива

Луи Мартинез, изгнаник
из «исчезнувшего» города Оран,
недруг русской утопии
и лучший переводчик Пушкина

20 июля 1956 года двое французских студентов-стажеров в Москве приехали на электричке в Переделкино на встречу с поэтом Борисом Пастернаком. Они провели там четыре долгих часа, слушая монолог автора сборника «Сестра моя — жизнь», которого Бухарин назвал в 1931 году величайшим поэтом современности. Он рассказал им о телефонном звонке Сталина в 1934 году, о разрухе, увиденной при посещении Урала во время его «писательской миссии». Об уже завершенном романе «Доктор Живаго» он не упомянул. Но, вернувшись в Париж, Луи Мартинез и Мишель Окутурье вскоре включились в секретную работу над переводом романа, поделив между собой стихотворения последней части. Прозаические главы были распределены между ними и двумя молодыми русистками. Появление в 1957 году «Доктора Живаго» стало событием мирового значения и вызвало истерическую реакцию во всех коммунистических журналах планеты. Четверо переводчиков остались анонимными. Почти детективной истории появления этой книги ныне посвящены подробнейшие диссертации.

Так Луи Мартинез вошел в русский мир.

Это было неожиданностью! Русский язык он, можно сказать, подхватил на лету, читая *Ассимиль*¹ на задних площадках парижских автобусов, следующих по маршруту от улицы Lafayette (где он жил в отеле, который содержали его родители, приехавшие из Алжира в 1950 году) до лицея Людовика Великого, где он готовился к конкурсу в высшую школу «Нормаль Сюп». Он не чувствовал близости со своими случайными сотоварищами. Он был — и останется до конца жизни — изгнаником из «исчезнувшего» города, арабско-франко-испанского Орана², который он страстно любил, где знал каждый

уголок, местный диалект, море, порт... Он выучил там современный греческий с кочующими матросами, выигрывал кубки в местных регатах. Ему было «тесно» в послевоенном нищем Париже, охваченном забастовками и удивлявшем его социальной нетерпимостью. Его обучение на классическом отделении филфака, планы выдержать конкурс Agrégation по испанскому (язык его отца, прекрасно говорившего и по-арабски) разлетелись вдребезги после того, как, поступив в Высшую нормальную школу в Париже, он узнал о возможности получить стипендию для обучения в Москве. У Луи были друзья — коммунисты, он поддался порыву и отправился в путь.

Конечно, в Париже у него были приятели из Орана (в частности, Андре Бенишу³) и, главное, Луи общался с известным французом алжирского происхождения Альбером Камю, с которым его познакомила Франсина⁴. Уже в детском возрасте он встречался с писателем в доме тети. «Конечно, и речи не было ни о какой близости и тем более дружбе, но было какое-то неожиданное неявное товарищество, невзирая на разницу возраста и положения». У Камю он встретил искалеченных большевистской революцией Николая Лазаревича и Бриса Парена, философа, «изрекавшего мало кому

Луи Мартинез

понятные пророчества», друга и сотрудника Гастона Галимара. Автомобильная катастрофа 4 января 1960 года, унесшая Альбера Камю, оставила у Луи неизгладимый след и впоследствии отразилась в одном из его романов. В рабочем кабинете писателя на улице Madame Луи заметил портрет Толстого и был удивлен, что это не почитаемый им Достоевский, «Бесов» которого Камю поставил на французской сцене. «Потому что Толстой умер не в постели», — ответил Камю, как будто предчувствуя собственный конец.

Луи отправился на военную службу. Пройдя офицерскую школу в Шершелье, он стал младшим лейтенантом и был назначен в главный штаб в Париже в качестве переводчика с русского языка. Но война, которую вела Франция, разворачивалась на его родине, в Алжире. Луи попросил послать его туда. Позднее он скажет о своем народе, как Лафонтен о Нарциссе: «Мы — тот народ, что без соперников, на диво / считал красавцем сам себя». «Мы» — это *pieds noirs*, «черногонгие»⁵, французские (и испанские) колонисты в Алжире с 1830 по 1962 год, после массовой эмиграции 1962 года ставшие изгоями в метрополии, непонятые и сегодня. Луи боролся бок о бок со своими соотечественниками и воспринял Эвианские соглашения⁶ как измену чести. После его смерти вдова Жаклина Мартинез опубликовала последний текст Луи, ответ алжирскому журналисту, расспрашивавшему его о главе партизан лейтенанте Белькасеме. Он был там, в Джебель-Бешар, когда 29 французов-однополчан погибли из-за внезапной атаки Белькасема, которого затем Луи, без колебаний и ненависти, разыскал и схватил.

Он прослужил в армии три года, с продолжением срока; после демобилизации попросил о назначении в лицей Орана. Однако после Оранской резни в июле 1962 года пришлось бежать, устроиться во Франции, мириться с «упадническим» настроением, вынести позор «спущенных флагов» — страдание на всю жизнь. Луи был пылок и добросердечен. Эта рана, я думаю, осталась навсегда.

Луи Мартинез был одним из блестящих французских русистов. Однако он не стремился к классической профессорской карьере, отказавшись написать диссертацию, несмотря на настояния горячо любившего его Пьера Паскаля. Его владение русским языком было удивительным; русские друзья

сопровождали его в течение всей жизни (как, например, сумбурный композитор Андрей Волконский). Но на знание этой культуры почти тотчас наслалась нетерпимость к «неупорядочному русскому гению» и, еще большая, — к ее французским хвалителям, создателям «мифа о России», соединившего «веру в деспотизм с надеждой на “благородного дикаря”».

Мартинез неустанно опровергал этот миф. В этом он не был одинок: историк-славист Ален Безансон в Париже прилагал усилия со своей стороны. Тем не менее Луи страстно любил русский язык, и прежде всего Пушкина (подобно Мериме), за его ясность и благодатность, страдал от тех унижений, которые пришлось перенести русскому гению, когда Николай Первый сделал из него своего «камергера». Ведомый этой таинственной симпатией, он переводил Пушкина с недостижимой до него и после него точностью в передаче интонации и музыкальности его стиха.

Когда он перестал работать в системе образования, Брис Парен предложил ему многочисленные переводы. (Именно Парен создал упоминаемый выше коллектив переводчиков «Доктора Живаго».) Из средства пропитания переводы стали для него поиском средств выражения! Он выполнил для Плеяд⁷ объемнейший перевод Салтыкова-Щедрина, величайшего русского сатирика, неутомимого обличителя низменнейших пороков — с искоркой великого писателя, по выражению Мартинеза. Он перевел «Степь» Чехова, небольшой неоформленный шедевр, сделав это с легкостью, поскольку любил маленького Егорушку, мир для которого открывается на уровне колен взрослых. Среди его переводов — «Чевенгур», беспримерный шедевр Андрея Платонова, ставший до этого жертвой отвратительного перевода — и спасенный Мартинезом. «У него говорят и думают словно наощупь», — объясняет переводчик, предупреждая читателя, что здесь свободно переданы «лирические изумления» платоновских босяков, «что бы об этом ни думали приверженцы буквально-го перевода». К нему же обратился и Клод Дюран, кормчий издательства «Fayard»⁸, для того, чтобы спасти загубленный плохим переводом роман «В круге первом» Солженицына. Снова — большая удача. Мартинез был хорошо знаком с Андреем Синявским. Когда тот после ГУЛАГа оказался в Париже и мы делили с Мишелем Окутурье и Луи для перевода

три привезенные им рукописи (написанные в виде писем к жене из лагеря), — Луи выбрал «Прогулки с Пушкиным», самый дерзкий из этих текстов. Четыре года спустя то же повторится с полуиронической, полуисповедальной повестью «Спокойной ночи». Он любил переводить и комментировать самые острые, памфлетные произведения, в частности, небольшую книгу Владимира Буковского «СССР: от утопии к катастрофе». Чувствуется мстительная радость переводчика, передающего хладнокровные выражения Буковского о «призраке Маркса, давно превратившегося в вампира». Наконец, несомненный шедевр поэтического перевода Луи — перевод прозы Мандельштама «Разговор о Данте», в которой русский поэт пытается воссоздать «орудийную» фонетику и «порывообразование» Данте. Мартинез, следуя за Данте Мандельштама, в свою очередь оркеструет «красочные припадки и футуристический рев» «Божественной комедии».

Произошла великая ломка социалистической системы. К власти приходит скромный электрик из семьи плотников из Гданьска, Лех Валенса. Мартинез воспламеняется, но не просто как мечтатель: он организует сбор средств и продовольственные обозы из Экса и Марселя в Польшу, оказывая гуманистическую помощь стране повстанцев. Я полагаю, это было одним из самых счастливых моментов Луи в его вовлеченности в свой век. Его супруга Жаклина, также покинувшая Алжир (они встретились в Париже), помогала ему в этом деле освобождения Польши. Луи Мартинез часто заступался за жертв жестокой истории, отсюда его любовь к грекам⁹ и полякам.

В 1998-м, выйдя после университетской работы в отставку, Луи приступает к рассказу о судьбе родной земли и своего «черноногого» народа в романе-трилогии, опубликованной в издательстве Fayard, но вызвавшей немного откликов. «Он почти проповедовал в пустыне», вспоминает Жаклина, непосредственная свидетельница работы над трилогией и найденного в ней высшего утешения, к которому примешиваются горькие интонации, смягченные мудростью. «В истории нет невинных», — пишет он в своем тексте о Белькасеме. Трилогия: *Denise ou le corps étranger* («Дениза, или Чужеродное тело»), *Le Temps du silure* («Время сома»), *La dernière marche* («Последний марш»). К ним примыкает рассказ *L'intempérie* («Непогода»), опубликованный в 2006 году.

Эти романы — частички его самого, его семьи, его детства, Камю, Джебеля, где притаился противник, и в особенности — Орана. Его города, его вселенной, где родители содержали отель напротив лицея Lamoricière, где учился он сам, а служащие были «испанцами, французами, арабофонами или кабильцами», как он пишет в своем небольшом автобиографическом повествовании. Та же мозаика — в его романах. Она напоминает мне «Александрийский квартет» Лоренса Даррелля и «Волнения моря» Владимира Волкова, еще одного ветерана алжирской войны, которому не давало покоя унижение. Техника соединения разных временных пластов — дарреллевская. Например, воздушный змей, запущенный отцом по обычаю на Пасху 1943 года, возвращается двадцать лет спустя, при дружеской встрече героя и его двоюродного брата во время их «увольнений», в то время как погром в Оране уже произошел. «1942-й содержал 1962-й, как капсула — яд». Капсула Луи Мартинеза содержит тысячу тягостных запахов, тысячу диких красок, вселенную воспоминаний и космографических созерцаний. Она содержит точный и ироничный поиск потерянного времени, сезанновскую подлинность ушедших пейзажей, сожаление о несостоявшихся совместных жизнях. Она, по сути, — обширный плач, открывающий и закрывающий створки времени. «Непогода» отсылает к Боссюэ и Мольеру: Луи дает здесь добро на публикацию романа о собственной потерянной и заново отыгранной жизни и выходит на свою «финишную прямую». С одной стороны, она убегает в прошлое, в Эг-Мор¹⁰ (одновременно Оран и Экс-ан-Прованс), с другой, — ведет к «чистой свободе,бросуя всего того, чем была жизнь».

Рана изгнания, в некотором смысле, оказалась преодолена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Методика быстрого освоения языка на элементарном уровне.

² Оráн (араб. وهران — *Wahrān*) — город-порт на средиземноморском побережье Алжира, существующий со времен Римской империи. В 1509 г. захвачен Испанией; в 1790 г. — Османской империей, в 1790 г. — разрушен землетрясением. С 1831 г., в эпоху французского колониализма, город перешел к Франции и стал центром борьбы за независимость Алжира.

³ André Bénichou, известный всему Орану профессор философии.

⁴ Francine Faure (1914, Оран – 1979, Париж) – вторая жена Альбера Камю, математик и пианистка, известная специалистка по творчеству Баха.

⁵ Потомки европейцев, устроившихся в Алжире и бежавших по окончании алжирской войны во Францию. По одной из версий, выражение «черногорие» связано с тем, что европейцы носили темные ботинки, что резко отличало их от арабов.

⁶ Декларация марта 1962 г., ознаменовавшая независимость Алжира, в результате которой новые власти Алжира гарантировали безопасность европейского населения.

⁷ Bibliothèque de la Pléiade – коллекция издательства Галлимар, публикующая классиков мировой литературы.

⁸ Claude Durand (1938–2015) – французский издатель Солженицына. См. некролог Н.А. Струве в 204-м номере *Вестника РХД*.

⁹ Освободившихся в 1974 г. от фашистского «режима полковников».

¹⁰ Aigues-Mortes – французский город на Средиземном побережье.

*Перевод с французского и примечания
Татьяны Викторовой*

Памяти Сергея Георгиевича Бочарова

10.05.1929–06.03.2017

Для Сергея Георгиевича Бочарова литература не была ни книжным шкафом, ни нормой высказывания, ни даже пестрым миром речевых жанров. Один из первооткрывателей М.М. Бахтина, интерпретатор Пушкина и Толстого, он всегда предостерегал от того, чтобы видеть вещи в ловушках слов. Наоборот, литература для него «кровеносная система», в которой тела памяти несут кислород смысла к авторам и читателям. Смысл для С.Г. Бочарова – никогда не данность, не шаблон, наоборот, это тот подарок, который ждут, как ждут подарков на день рождения. Подарок – это дар, который требует шествия: идут ли афиняне к Деметре, идут ли волхвы на фреске Гоццоли, идут ли на день рождения к другу компании друзей – это шествие всегда счастливое, это воспоминание все новых друзей и знакомых. Такова филология С.Г. Бочарова: никаких поспешных ассоциаций, никаких вроде бы

Сергей Георгиевич Бочаров. Санкт-Петербург, 2007.
Фото Анны Бочаровой

очевидных, но на самом деле бьющих мимо цели параллелей, никаких готовых систематизаций, но только то, что уместно в разговоре друзей, что, будучи сказанным, поддержит дружбу. Легко провести параллели между разными лирическими произведениями, но труднее понять, что лирическое высказывание не как блеск фразы, но как обращение к Богу и к себе не всякий раз уместно толковать, но только когда без него не обойтись в этом шествии по литературе. Маршруты С.Г. Бочарова, от Толстого к Платонову и дальше, от Пушкина к Чехову, от Гоголя к Прусту, — это такие шествия, в которых лирический восторг, эпический конфликт, драматическая развязка оказываются уместными, а не тем, что постигнуто и забыто.

С.Г. Бочаров остро как никто видел не только достижения филологии, но и ее риски. Таких рисков много: можно отождествить высказывание филолога со стилем, с мнимой ясностью, с продуманной стратегией или риторическим блеском, и тогда уже аргументация окажется не так важна, как поспешное обоснование готовых вещей. Можно, наоборот, не забывать о неготовности смыслов, об их трепетном рождении и мучительном росте, но слишком быстро принять на себя роль врача и воспитателя, который знает, как надо действовать. Можно увлечься темами литературных произведений, которые как будто сами картографируют себя, и филолог только следует по садам словесности, а можно, наоборот, искать улики и оговорки, думая, что один раз сработавшая машина высказывания даст нам новое, как с конвейера, понимание. Соблазнительно назвать эти риски «искушениями», но это вовсе не часть аскезы филолога: не нужно оттачивать свое мастерство на том, что следует оставить в стороне.

Можно назвать метод С.Г. Бочарова «алгеброй филологии», не в смысле сложности, а в смысле умения работать с реальностью человеческой жизни и судьбы, с «веществом существования» и с реальностью художественного мира, художественных условностей в рамках одних алгоритмов. Как алгебра работает с отрицательными числами не хуже, чем с положительными, и видит смысл не в умении что-то посчитать, но в умении приникнуть к вещественности того, что, казалось бы, не соответствует никакой вещи, но что и есть форма, в которой сбываются вещи. Для математиков такая форма — алгоритм, для такого

литературоведа, как С.Г. Бочаров, — художественность. В этом преимущество подхода С.Г. Бочарова перед структурализмом: алгоритмы структуралистов требовали и арифметики, и алгебры, и тригонометрии, в зависимости от уровня анализа, иначе «механизмы культуры» не заработали бы. С.Г. Бочаров всегда поверял алгебру гармонией: если сами аргументы, в точности извлеченные из художественного произведения, помогают понимать это произведение, то мы уже не будем путаться в условном и безусловном. С.Г. Бочаров никогда бы не назвал условностью «художественный прием», а безусловностью «идею»: наоборот, часто идеи бывают условны, бывают лишь поводом для того, чтобы задуматься о важных вещах, иначе направить взгляд, а фигуры мысли и фигуры понимания и позволяют впервые ощутить себя в эпицентре живой жизни. В своих рассуждениях С.Г. Бочаров поразительно близок В.В. Розанову и В.В. Бибихину: не отвергать ни схему, ни идею, ни сколь угодно плоский аргумент, а сказать, что это только повод оглянуться на себя, споткнуться о то, что не все наши построения расписаны даже схемами, и потому тем более заставшая нас живая жизнь застает нас нежданно, врасплох.

Однажды я показывал С.Г. Бочарову свои греческие переводы и комментарии, и он заметил, как похожи простодушные дневники освобождавшего Грецию в 1821 году генерала Янниса на басни Григория Сковороды, как похожа византийская гимническая поэзия на меланхолические размышления любого одинокого мечтателя. Казалось бы, произведения создавались и в разных жанрах, стилях, с разными задачами: любитель вести учет семантике и pragmatike не увидит между ними ничего общего. Но общее есть: сам порыв человеческой души связать впечатления, сама охота мысли нагнать истину, сами свойства голоса, который пробует на ощупь собственную акустику и собственную музыку. Рассуждения С.Г. Бочарова часто оказываются для филологов той школой рефлексии, которой не может для них быть философия, иногда слишком торжественно переведенная, — кто предпочитает слышать тихий голос собеседника, тому собеседование с Бочаровым — лучшее введение в собеседования с Гуссерлем, Хайдеггером или Витгенштейном.

Таков был великий литературовед: щедро чтивший своих современников-исследователей, ценивший в старых «класси-

ках» не только подлинность вдохновения, но и подлинность неподдельного жеста, видевший в писателях и мыслителях наших дней «людей эпохи». Как ни амбициозно звучит последнее выражение, но как иначе можно увидеть эпоху, как не признав людьми эпохи не ее представителей, а, словами С.С. Аверинцева, «совсем других ее собеседников». Друг собеседников, единомышленник спутников, слава товарищей по филологическому ремеслу — вечная Вам память.

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

Памяти Лилии Николаевны РАТНЕР

12.05.1929–05.12. 2016

5 декабря 2016 года в Москве на 88-м году жизни умерла Лилия Николаевна Ратнер, художник и искусствовед. Она принадлежала к тому поколению людей, на долю которого выпали репрессии и война, послевоенные годы и оттепель, перестройка и постсоветское время. Но она прошла все эти перипетии нашей истории с большим достоинством, ярко, талантливо, честно. Как художник, как христианин и как человек.

Лилия Николаевна Ратнер родилась в 1929 году в Москве. Окончила Московский Полиграфический институт. Занималась иллюстрированием книг для детей и взрослых. С 1961 года член Союза художников, участвовала во многих выставках, в том числе и международных: в Монреале (Канада), Осаке (Япония), Нью-Дели (Индия), на биеннале графики в Брно (Чехословакия) и др. В 1989 году состоялась ее персональная выставка в Вашингтоне (США). В 2000 году графический цикл «Пророки» был представлен во Франции на выставке «Единство в сердце». Ее иллюстрации к повести Ф.М. Достоевского «Неточка Невзорова» получили международный диплом на конкурсе в Лейпциге, ныне эти работы хранятся в музее Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

Начало ее творческой жизни было ознаменовано участием в знаменитых выставках «Авангардисты на Коммунистической» (1961) и в Манеже (1962), разгромленной Н.С. Хрущёвым.

Еще учась в Полиграфическом институте, где преподавали многие вхутемасовцы, жившие идеалами искусства 1910–1920-х годов, Лилия Николаевна сумела воспринять от своих учителей то, что в Советском Союзе клеймили как формализм. На самом деле это была подлинная любовь к искусству, которое ставилось выше идеологии. После окончания института она поступила в студию «Новая реальность», которой руководил Элий Билютин. Это было время оттепели, и многие художники, в том числе и Билютин, стали искать искусство, альтернативное соцреализму, экспериментировать. Билютинскую группу допустили к участию в выставке в Манеже,

которая была приурочена 30-летию московского Союза художников. 1 декабря 1962 года выставку посетили члены Политбюро во главе с Хрущёвым. Генсек был в ярости от искусства молодых художников, дерзнувших на художественный эксперимент, и разразился скандал. Правда, времена были, слава Богу, вегетарианские, и Лилию Ратнер в числе других участников выставки всего лишь исключили из Союза художников. А еще лет десять до этого за такое искусство людей сажали.

Опальные художники через несколько лет были восстановлены в правах, а многие из них даже стали знаменитыми. Сегодня их знает весь мир, это Эрнст Неизвестный, Владимир Янкилевский, Борис Жутовский, Леонид Рабичев и другие. Их работы стали покупать коллекционеры и музеи, выставлять на мировых аукционах.

А Лилия Ратнер вскоре пришла в Церковь, и, как это порой бывает, творчество отошло на второй план. Перед той реальностью, которая ей открылась, всякое искусство померкло. Конечно, она продолжала иллюстрировать книги, заниматься дизайном, но главным в ее жизни стала вера. А как соединить творчество и веру, этот вопрос ее долго мучил. Ответ подсказала сама жизнь. Когда настало время церковной свободы, на рубеже 80–90-х годов, Лилия Ратнер со свойственной ей энергией включилась в издание детского христианского журнала «С нами Бог», стала иллюстрировать детские православные книги. И вскоре у нее родилась идея создать серию графических листов на темы Ветхого Завета. Так появилась ныне ставшая знаменитой серия «Библейские пророки», над которой она работала вплоть до последнего времени.

Потом родилась серия графических листов, посвященная новомуученикам и жертвам ГУЛАГа, а потом – и Холокоста. Листы этих серий потрясают остротой подачи темы и глубиной интерпретации, яркими, запоминающимися образами.

Помимо того, Лилия Ратнер с начала 90-х стала вести катехизацию в московском храме свв. бесср. Космы и Дамиана, и сотни людей благодарны ей за то, что она привела их в Церковь, помогла обрести веру и смысл жизни. С середины 90-х она стала читать лекции по христианскому искусству в университете, основанном прот. Александром Менем, Миссионерской школе, Библейском колледже «Наследие»,

а в последние два года — на психологическом факультете Российского православного университета св. Иоанна Богослова. И эти лекции, и ее экскурсии по музеям всегда вызывали огромный интерес людей, которые тянулись к ней, она умела помочь человеку влюбиться в искусство, не только понять его, но через искусство познать Христа. Вести людей через красоту ко Христу — так она понимала свое служение. Она говорила, что искусство — это язык Бога, а история искусства — это история Духа. Она не раз ссылалась на Оливье Клемана, писавшего, что в XXI веке именно через искусство будет совершаться самая действенная христианская проповедь.

В 2008 году вышла книга Л.Н. Ратнер «В поисках смысла красоты», в которой были собраны ее лекции по искусству. И она намеревалась издать еще одну книгу, в которую вошли бы, помимо лекций об искусстве, ее воспоминания и интервью.

При этом Лилия Ратнер прожила жизнь непростую, в ее жизни было немало потерь: ее муж умер молодым, и она стала вдовой в сорок с небольшим; их сыну, Дмитрию, тогда было всего 9 лет. Дмитрий тоже прожил немного, он умер в 39 лет, внезапно, от сердечного приступа. Лилия Николаевна остается одна. Правда, оставались внучка и внук (последний живет в Австралии, и они почти не виделись). Но Лилия Николаевна никогда не унывала, не жаловалась, была открыта людям. Она находила в себе силы творить, читать лекции, писать статьи, вести катехизацию, путешествовать и познавать мир.

В последний год она занималась Рембрандтом, поскольку полагала, что он был не только гениальный художник, но и прежде всего истинный христианин. Никто так последовательно не изображал библейские сюжеты и библейских героев, как Рембрандт, и никто так глубоко не проживал их жизнь — в этом она была горячо убеждена.

Буквально за три дня до смерти Лилия Николаевна читала лекцию о Рембрандте в ББИ святого апостола Андрея. И это символично, что «последней любовью» ее был именно этот художник. Она не только очень высоко ценила творчество Рембрандта, но и находила в его судьбе множество пересечений со своей, он тоже потерял всех близких: жену, любимого сына, затем вторую жену, он познал успех и богатство,

нищету и забвение. Но продолжал творить, и его образы становились все глубже и одухотвореннее.

Прощание с Лилией Николаевной Ратнер было удивительно светлым. Хоронили ее 8 декабря, когда отмечался Всемирный день художника. Отпевание совершалось в сослужении шести священников.

Вечная ей память и благодарность Богу за те дары, которыми Он одарил Лилию Николаевну и которыми она так щедро делилась со всеми.

Ирина Языкова

Памяти Ольги Морель

(13 мая 1941 – 26 июня 2017)

Внезапный уход Ольги Всееволодовны Морель – дипломата, знатока и посредника русской культуры во Франции, супруги известного французского посла Пьера Мореля – больно ранил наши сердца. С ней словно ушел луч света, вдохновлявший и согревавший нас в разные – и часто решающие – моменты имковской истории: большой друг YMCA-Press и Никиты Алексеевича Струве (которого она называла «друг наш мудрый и всезнающий»); всегда готовая прийти на помощь Виктору Александровичу Москвину, с которым она разделила радость открытия в 1995 году, в присутствии А.И. Солженицына, Дома русского зарубежья в Москве. Верный читатель и автор «Вестника РХД», Ольга энергично поддержала идею создания Центра им. Солженицына в историческом по-

Жан-Морис Рипер, Посол Французской Республики в Российской Федерации; Ольга Всееволодовна Морель; В.А. Москвин, директор Дома русского зарубежья (Москва); Татьяна Викторова. Москва, Дом русского зарубежья. Октябрь 2015 г., открытие выставки «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией»

мещении парижского издательства YMCA-Press, видя в этом лучшее продолжение дела Н.А. Струве и мыслителей русской эмиграции и линию сохранения русской культуры на Западе, которую она горячо восприняла. Урожденная Базанова, из семьи русских эмигрантов из Томска, в детские годы она жила в районе бульвара Malesherbes, что, по словам Пьера Мореля, почти «очертило» ее судьбу: близость Александро-Невского кафедрального собора отвешала духовным запросам и приблизила Россию; необычный дом в виде китайской пагоды с собранием древностей из Бирмы, Тибета и Таиланда, расположенный неподалеку на rue de Courcelles, пробудил интерес к изучению китайского языка и культуры. В конце 60-х годов он обернется посольской миссией в Пекине. Заинтересованность государственными вопросами побуждает ее закончить Парижский институт политических наук и отделение русского языка в Национальной школе восточных языков и далее приводит в Гарвардский университет в США, где Ольга работала над диссертацией по истории Китая. С 1967 года она в вихре дипломатической работы: секретарь посольства в Будапеште в начале 1970-х, советник посольства в Москве с серединой 1970-х, первый советник и заместитель постоянного представителя Франции при штаб-квартире ООН в Женеве в начале 1990-х... В этой обширной географии особое место принадлежит России: восемь лет проведены в Москве, в частности с 1992 по 1996 год, во время посольской миссии ее супруга Пьера Мореля. Это время вовлеченности в самое русло политической и культурной жизни «в стране перемен» (чего стоит только прием во французском посольстве Александра Солженицына, Филиппа Жакоте, Эммануэля Каррера!). Оно связано и с удивительной творческой активностью, посвященной, в частности, изучению литературы русской диаспоры и истории старинной московской архитектуры, которая очень ее интересовала. В.А. Москвин вспоминает ее рассказы о прогулках по чудесным переулкам старой Москвы — так, благодаря ей, был издан замечательный альбом, посвященный дому Игумновых, памятнику неомосковского стиля, в котором разместилось французское посольство в Москве.

Вернувшись во Францию, Ольга устраивает чтения и встречи друзей русской культуры, участвует в салонах рус-

ской книги на книжных ярмарках, наконец, неизменно присутствует на наших франко-русских вечерах в YMCA-Press.

Один из них благодаря ей стал настоящим событием. Мы пригласили в Имку Мишеля Винавера, известного французского драматурга русского происхождения, внука известного политического деятеля Максима Моисеевича Винавера, описанного А.И. Солженицыным в «Красном колесе». Ольга позвала на эту встречу свою давнюю приятельницу Присиллу Демустье, которая хорошо знала отца Мишеля, Льва Адольфовича Гринберга, утонченного коллекционера, передавшего из Франции в дар Эрмитажу и Русскому музею редчайшие иконы и антикварные книги по искусству, вывезенные эмигрантами на Запад. Эта встреча, ставшая полной неожиданностью для Мишеля (который узнал новые факты семейной истории, ставшей частью франко-русских культурных связей), очень порадовала его. Сначала настороженно и недоверчиво — однако со все более возрастающим интересом и убежденностью, — он сам заговорил о до сих пор неуловимой для него русской составляющей его творчества, быть может, наиболее явно выраженной в его диалоге с Чеховым и адаптациях пьес Горького, Эрдмана, Тургенева.

Эта тема — русское «присутствие» в творчестве французских драматургов русского происхождения — была продолжена на конференции в Доме русского зарубежья в Москве в ноябре 2012 года по предложению В.А. Москвина и Светланы Дубровиной. Ольга Морель выступила с прекрасным вступительным словом, очертив «многоплановый пейзаж», с несколькими «холмами разной величины» (графиня де Сегюр, Эммануэль Кэррер) и «аллеями» («les passeurs» — Henry Troyat, «les aventuriers» — Joseph Kessel, Romain Gary, «политики» — Elsa Triolet, Dominique Desanti)¹. «Аллеи», с ее легкого поэтического слова, послужили направлениями для многих исследователей — и новых конференций цикла, одна из которых была посвящена одному из самых «высоких холмов» первого пейзажного наброска — Мишелю Винаверу. Участники конференции, благодаря заботам Ольги, были приняты во французском посольстве, «нашем общем доме», как приветствовал ее Жан-Морис Рипер, посол Французской Республики в России, подчеркнув, что на этот вечер приглашаются все желающие без ограничений.

«Вы вернули Мишелью Винаверу его Россию, страну его детства, которая позволила ему иначе открыть себя», — повторяла Ольга после этих встреч, в то время как это она сама явила неведомый лик прославленного драматурга читателям, в частности, в своей статье, написанной по мотивам московского доклада, посвященного «Рассказам о Розочке». Следуя по лабиринтам памяти и творческого воображения, Мишель Винавер воссоздает в них облик дореволюционной России; имя Розочки напоминает имя его бабушки Розы Григорьевны Винавер, супруги прославленного Максима Максимовича, дом которых знала вся просвещенная Москва и Петербург. Эта Россия — уже неведомая читателю — появляется в образном строе сказок, рассказанных автором своим внукам. Ольга же позволяет погрузиться в них на том изумительном, также ускользающем русском языке, который единственно соответствовал бы переводу этих «сказок» на русский, которым она владела в совершенстве и за который стойко держалась перед всеведающим редактором, стремящимся то и дело «осовременить» и «подправить» ее текст под современные «принятые» формы².

Наши встречи не были частыми, но каждая из них была событием. Несколько точных слов после спектакля «Соседи» Мишеля Винавера (который нам посчастливилось увидеть вместе с ее супругом Пьером в обществе самого драматурга) вдохновили меня на перевод этой пьесы, которая, как представляется, о многом скажет русскому зрителю. Встреча в их квартире на rue de Bac стала началом новых встреч, в частности, с Филиппом Жакоте, их соседом в местечке Гриньон на юге Франции. Эта поездка позволила мне и открыть, ее взглядом, чарующую красоту этих мест, которую Ольга умела выразить в нескольких скучных и точных словах.

В этом был, быть может, ее главный дар: устраивать встречи и побуждать к творчеству. Она была в полном смысле слова *passeur*, согласно емкому французскому слову, позволяя окружающим *переходить* — границы между культурами, — но и собственную малость, открывая для себя новые неведомые миры и уверяясь в собственных силах.

Таким жестом стало и ее деятельное участие в подготовке открытия центра им. А.И. Солженицына, в котором она видела возможность полноты реализации наших культурных

начинаний в доме YMCA-Press, называя его «культовым для русской памяти в Париже местом»³. Ее неизменным словом была благодарность – в том числе за те вечера, на которых она не могла присутствовать – «pour m'avoir tant apporté et donné tant d'occasions de belles découvertes»⁴.

На открытии культурного центра им. Солженицына 19 мая она смогла быть – несмотря на слабость из-за недавно перенесенной тяжелой операции колена. Само ее присутствие – равно как конкретные советы и светлые слова памяти о Никите Алексеевиче – придали сил нашему скромному имковскому коллективу. Ольга сокрушилась лишь о слишком крутой лестнице, по которой ей трудно было подняться на второй этаж, чтоб познакомиться с только что открытой выставкой, посвященной изданию *Архипелага* в YMCA-Press.

Но и это препятствие было преодолено 12 июня, когда Ольга и Пьер Морели пришли на вечер, посвященный поэзии Владимира Соловьева. Удивительное чувство полноты и силы жизни, как представляется, на всем ее протяжении позволяли Ольге делать почти невозможное. «Это был неожиданный, прекрасный вечер», – пишет она на следующий день. «Вы тонко сравнили поэзию Соловьева и “Крохотки” Солженицына; выступающий из Иваново⁵ меня также очаровал: создать в своем скромном российском уголке солидный академический журнал о Соловьеве достойно всяческого удивления... С большим удовольствием я прослушала романсы на его стихи, узнав еще неведомого Соловьева... Мои силы возвращаются. Каждый день приносит мне улучшение, новую надежду».

Эту надежду различала она и со стороны России, несмотря на все более сгущающиеся краски и пессимизм многих относительно деградирующей в российских умах «европейской идеи». Она пишет, после дискуссии в Имке в связи с выступлением Жоржа Нива «Россия и разделенная Европа» в декабре прошлого года: «Ничто не заставит меня верить в худшее. Доброй вестью мне кажется то, что судебные власти вновь разрешили преподавание в Европейском университете Санкт-Петербурга. Я не была в России в этом году, но я хочу верить в то, что там есть свет, хотя бы на московских улицах или в русском языке!»

Стоит ли удивляться, что ее любимым персонажем русской литературы был князь Мышкин, сущность которого она видела в его последнем жесте — гладящим и «унимающим» дрожащей рукой убийцу Рогожина, — а ее последним чтением были сцены с Алешей в «Братьях Карамазовых»? «L'effacement soit ma façon de resplendir», — напомнил в этой связи Пьер Морель строки Филиппа Жакоте⁶ во время отпевания в кафедральном Александро-Невском соборе 28 июня.

Хотелось бы обрести дар Ахматовой, чтобы сплести Ольге Морель поэтический «венок», или же создать, подобно Рильке и Жакоте, «малый реквием ушедшему другу». Она воспротивилась бы. Но ее скромность, щедрость, «tempête de l'amour»⁷ — о которой с такой же любовью говорили дети и которую каждый из нас ощущил на себе — дает то прочное основание жизни и тот источник света, которого, с ее уходом, парадоксально стало больше и который, будучи невидим, воспламеняет тем сильней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. текст выступления Ольги Морель, опубликованный в № 201 «Вестника РХД» (2015. С. 244–251). Сборник материалов «Русское присутствие в творчестве французских писателей русского происхождения: Россия видимая и невидимая» вышел в издательстве «Русский путь» в 2014 г.

² Франко-русский сборник «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией» выйдет на двух языках в издательстве «Русский путь» осенью этого года.

³ См., например, ее «отчет» — а точнее, яркое поэтическое описание вечера, посвященного Пьеру Паскалю, в связи с выходом книги Софи Кёре «Пьер Паскаль: Россия между христианством и коммунизмом» — в 203-м номере «Вестника РХД» (2015. С. 275–284).

⁴ «...Спасибо, что вы мне столько принесли и подарили столько возможностей для прекрасных открытий» (письмо в Имку от 12 января 2016 г., по случаю вечера, посвященного выходу двухтомника Марины Цветаевой в переводах В.К. Лосской). См.: Вестник РХД. 2016. № 206. С. 314–316.

⁵ Михаил Максимов, профессор кафедры истории и философии Ивановского госуниверситета, главный редактор журнала «Соловьевские исследования». Заметка о вечере будет опубликована в 208-м номере «Вестника РХД».

⁶ «Да будет в самоумалении мое сияние». Стихотворение «Que la fin nous illumine», см.: Poésie 1946–1967. Paris: Poésie/Gallimard, 1998. P. 76.

⁷ Ураган любви.

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

29 июня 2017

ХРОНИКА

«Лаборатория» будущей России: вечер памяти Н.А. Струве и презентация «Вестника» № 205 в Москве

В Москве вспоминали Никиту Струве и говорили о перспективах журнала «Вестник Русского христианского движения»

22 декабря 2016 года в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына прошел вечер «“Вестник РХД” и его редактор: светлой памяти Никиты Струве». На встрече был представлен 205-й номер старейшего православного журнала русского зарубежья – последний, созданный с участием Никиты Алексеевича Струве, который был его главным редактором с 1955 года до своей кончины 7 мая 2016 года. Говорили о прошлом, настоящем и будущем журнала.

Он был движенцем

«Вестник Русского христианского движения» впервые вышел в 1925 году как информационный бюллетень Русского христианского студенческого движения (РСХД), объединявшего с 1920-х годов русскоязычную христианскую молодежь в Европе.

Как писал Никита Алексеевич в 1973 году в одной из передовиц, «“Вестник” перерос уже рамки внутриорганизационного бюллетеня, но именно движеческие установки обусловили его движение и рост. Когда приоткрылась дверь

в Россию, движеческие принципы оказались наиболее нужными, наиболее своевременными... Прежде всего это вера в абсолютную истинность Христова откровения, явленного в Церкви... В Церкви Движение видит не только сокровищницу, не только святыню, но творческую силу, призванную преобразовать мир».

Именно этой верой обусловлено традиционное сосуществование на страницах «Вестника» литературного, богословского и политico-общественного отделов. «Движению чужд христианский спиритуализм, отделяющий... правду Церкви от правды истории и жизни», — говорил Никита Алексеевич.

В редакторских колонках Струве можно обнаружить нечто вроде редакционной программы «Вестника», что и сделала Наталья Ликвинцева, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья и новый секретарь редакции журнала. Она зачитала передовицы разных лет, в которых верность Никиты Алексеевича Церкви и Христову откровению трогательно соединяется с любовью к России, с «признанием ее нетленного лика, мысли Бога о ней, пребывающих вопреки падениям».

В 1969 году Никита Алексеевич писал: «Задача “Вестника” — являть правду России. Это задача не политическая, а духовная и нравственная. Истина и правда неотделимы. Продолжая традицию православного богословствования, выявлять богатство русской культуры, изучать пристально религиозные и умственные движения на Западе, следить со вниманием за духовным возрождением России и по возможности ей способствовать — таковы при самом беглом обзоре исполнительские задачи, стоящие перед “Вестником”».

«Самая живая, лучшая часть эмиграции чувствовала себя свидетелями России перед Западом, затем чувствовала себя, как говорила мать Мария (Скобцова), «лабораторией» будущей России, потому что действовать можно было только в очень ограниченном пространстве и почти без всяких средств», — заметил Никита Струве в одном интервью. И в лице своего главного редактора, наследника этой «лучшей части эмиграции», подобной лабораторией был и «Вестник РХД».

Татьяна Викторова, семнадцать лет проработавшая бок о бок с Никитой Алексеевичем как секретарь редакции, а теперь ставшая его преемницей в должности главного редактора, рассказала, что все принципы «Вестника» он по-

следовательно воплощал в жизнь: «Он был движением. Для него связи с Русским студенческим христианским движением были продолжением той самой пятидесятницы русской эмиграции, о которой шла речь на первом съезде РСХД и о которой так замечательно и вдохновенно говорил отец Сергий Булгаков... Общение с ним для меня было воплощением церковной свободы. Я видела и чувствовала, насколько можно жить этой свободой и передавать ее другим. Уже позднее, живя в Париже, я поняла, насколько трудновоплотимой может быть эта свобода, даже в, казалось бы, более свободных парижских условиях».

Эльфийское христианство

Воспоминаниями о Никите Струве делились профессор Свято-Филаретовского института Александр Копировский, литературовед и специалист по истории русской эмиграции Лев Мнухин, журналист Сергей Чапнин, искусствовед Ирина Языкова, поэт Дмитрий Строцев и другие гости вечера. Публицист и обозреватель журнала «Наука и религия» Валентин Никитин прислал свое стихотворение, написанное в сороковой день после кончины Никиты Алексеевича. Приветствия участникам вечера направили ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков и поэт Ольга Седакова.

«Этот журнал – великолепное явление духа веры в нашей Церкви, в нашем народе... свидетельство высшего качества христианской мысли и культуры, – сказал в своем обращении отец Георгий. – «Вестник» навсегда связывается для нас с именем Никиты Алексеевича Струве, который до сих пор является его ангелом-хранителем. Не случайно Никита Алексеевич посвятил всю свою жизнь служению Русской Церкви и русской культуре, желая вывести их в мировое пространство, сделать достоянием всех. Никита Алексеевич сделал все, чтобы сохранить белые ризы Российской Церкви и чтобы не потерять ничего из великих достижений русской культуры в XX веке. Это был великий подвиг, который не должен быть никогда забыт ни потомками русской эмиграции, ни в нашей стране».

Ольга Седакова отметила несравненный уровень культуры и публикаций «Вестника», свободу и ответственность

высказываний авторов и издателей: «По многим обстоятельствам только в “Вестнике” теперь могут обсуждаться многие темы. Я имею в виду не актуально-политические, а скорее наоборот — самые общие, самые глубокие темы православия и христианства. Богословские темы фактически исчезли в отечественных изданиях. Темы отношений светской культуры и Церкви обсуждаются непозволительно примитивно. Связь с современной христианской мыслью Европы — и католической, и протестантской — просто не устанавливается. И об этом, и о многом другом можно писать в “Вестнике” исходя из той позиции — свободной, открытой и добросовестной, — которую с самого начала избрал для себя журнал».

«Конечно, встреча с таким уникальным человеком, как Никита Алексеевич, — это подарок Божий, и хочется напитаться от общения с ним, — сказал Александр Копировский. — И тем не менее он всем своим видом и каждым действием — быстрым, веселым, огненным, с юмором, свободным — разрушал представление о себе как о некоем уникуме. Он не подчеркивал дистанцию между собой и собеседником, а давал каждому вдохновение подняться над собой».

Александр Копировский

«Никита Алексеевич был счастливым человеком: русская культура XX века, культура русского зарубежья – это круг его друзей, – сказал Сергей Чапнин. – Ему как редактору было невероятно легко. Сейчас всем редакторам тяжело. Сегодня мы очень болезненно переживаем исчерпанность того языка, которым мы говорили о Церкви последние двадцать пять лет. И в некотором смысле надежда связана с языком русской эмиграции. Потому что язык митрополита Антония, отца Александра Шмемана – не исчерпан».

Поэт и издатель наследия митрополита Сурожского Антония Дмитрий Строцев назвал людей, которые открывались для русского читателя на страницах «Вестника», носителями «эльфийского начала» в христианстве: «Есть какое-то “гномское” начало, тяжелое, подземное, – и вдруг такие легкие, зовущие куда-то, за которыми действительно хочется идти: митрополит Сурожский Антоний, мать Мария (Скобцова), – и все они удивительно похожи друг на друга! Булгаков, Бердяев – яркие, сильнейшие люди, которые оказались в невероятно стесненных обстоятельствах, были вырваны из своей среды... и стали думать о молодежи, формировать новое христианство исходя из трагического катастрофического опыта. И первое, о чем они размышляют, – это свобода». Вспоминая, как в начале 1990-х Никита Струве привез в Россию машину книг, Дмитрий Строцев поставил вопрос: «Почему не был привезен опыт Движения? Возможно, сегодня мы должны подумать о том, как этот опыт – удивительный, эльфийский – может быть представлен не только журналом?»

Мыслями он был в России

«Никита Алексеевич был уже в больнице, и было ясно, что требуется операция на сердце, которую он вряд ли вынесет, – рассказала, вспоминая о своей последней встрече с Никитой Струве, Татьяна Викторова. – Но когда я пришла к нему с распечаткой 205-го номера, он был в необычайном вдохновении. Планировались 206-й, 207-й номер, речь шла о новых поездках в Россию, о новых издательских проектах, связанных с “Русским путем”. Мыслями он был по-прежнему совершенно в России».

Передовица 205-го номера, над которой Струве работал до последних своих дней, посвящена теме взаимоотношений между современными государственными структурами и Православной Церковью. «Никита Алексеевич делает особенный акцент на том, насколько не воспринято в современной России наследие эмиграции. В частности, он выражает полнейшее недоумение по поводу возвращающегося и все возрастающего почитания Сталина», — сказала Татьяна Викторова, представляя 205-й номер.

Сквозная тема следующего, 206-го номера «Вестника» — творчество Мандельштама, юбилей которого совпал с юбилеем Никиты Алексеевича Струве. А в 207-м номере будет затронута тема Поместного Собора Российской церкви 1917–1918 годов. В частности, Татьяна Викторова анонсировала статью историка Виктора Александрова, специалиста по наследию протопресвитера Николая Афанасьева, посвященную его критике Собора.

Напомним, что большинство старых номеров журнала опубликованы на сайте издательства «Русский путь».

Софья Андросенко

* * *

...Ушли и не оставили по себе ни тяжелокаменных «шатров», ни мощных дорог с грохочущими «уставными» колесницами. Только отзвуки пения на далеких холмах, только тающий воздух цветущего сада — среди стылой осенней тоски...

По моему ощущению, лейтмотивом вечера была интуиция о том, что в связи с кончиной главного редактора «Вестник» не должен утратить духа Движения, из которого он происходит. Никита Алексеевич сам был движением, и ему не нужно было специально печься о сохранении этого духа. Он его нес непосредственно.

Новые редакторы не выросли в Движении, а были приглашены в журнал как сотрудники. И им, чтобы не утратить духа, придется осознать и назвать движеческие начала издания, свойственные ему с основания. Но чем так важен этот дух?

Опыт Движения в Русской Церкви, который она узнала в XX веке в изгнании, может быть, менее всего угоден сегодня возрождающейся, ищущей симфонии с государством Церкви.

ви на постсоветском пространстве. Но именно в Русском студенческом христианском движении выросли-состоялись и преподобная мать Мария (Скобцова), и протопресвитер Александр Шмеман, и митрополит Антоний Сурожский, и десятки других.

Каковы же эти трудные, неудобные начала РСХД? На первых съездах Движения, беря на себя ответственность за судьбы растерянной эмигрантской молодежи, отцы-основатели вынуждены были принимать мгновенные, хирургически точные решения.

О. Сергий Булгаков говорил: «Мы здесь в изгнании, но мы здесь. <...> Условия совсем новые, условия свободы. Никаких связей с государством мы теперь иметь не будем. Нам будет трудно, мы будем бедны, мы уже бедны. Но именно в этом Божья воля...»

Философ Николай Бердяев – на требование формального подчинения Движения иерархии и придания ему церковно-официальной формы – отвечал, что это «от привычки работать в области церковной исключительно по определенным, одобренным властью шаблонам, от боязни новых, творческих форм работы. Движение – новое творческое явление, не имеющее precedентов».

Русское студенческое христианское движение – в открытости, в блаженной уязвимости, понятой как провиденциальный дар, – оказалось универсальным институтом, собиравшим вокруг Христа самых ярких представителей российской эмиграции и многих ищущих европейцев.

Никита Алексеевич, рассказывая о своем «оцерковлении», говорил, что неизвестно, как долго бы еще стоял «около церковных стен», если бы его в юности не познакомил с РСХД старший брат Петр, студент-медик, сам находившийся в то время под большим влиянием другого горячего движения – Андрея Блума, будущего митрополита Антония Сурожского.

...А так хочется научиться этой подвижности – поймать дыхание, подхватить шаг, приобщиться к походной легкости, к этому «эльфийскому» христианству...

Дмитрий Строцев
Фото Евгения Гурко

Лев Мнухин

*Наталья Лихвинцева, секретарь «Вестника РХД»,
Татьяна Викторова, главный редактор «Вестника РХД»*

«Наше наследие. Дни русского зарубежья в Воронеже»: хроника событий

Представители РСХД и воронежские малые православные братства во имя свт. Тихона Задонского и прип. Силуана Афонского организовали с 21 по 24 апреля 2017 года встречу в рамках совместного проекта «Наше наследие. Дни русского зарубежья в Воронеже».

Мистическими инициаторами событий можно было бы назвать мать Марию (Скобцову) и Никиту Алексеевича Струве: первое межбратское знакомство состоялось в июне прошлого года в Санкт-Петербурге, где прошли открытие выставки, посвященной матери Марии, и вечер памяти недавно ушедшего Никиты Алексеевича.

Главной темой стало столетие русской революции 1917 года и, как следствие, русской катастрофы XX столетия, опыт поиска ее духовного и культурного преодоления.

Словосочетание «Наше наследие» возникло не случайно: в то время как культурное наследие русского зарубежья в России постепенно осваивается, богатейшее церковное предание на родине изучено крайне мало. А ведь вопреки вынужденному изгнанию большевистским режимом, этот опыт явился духовным посланием не только всему миру и молодому поколению русской diáspory, но и в первую очередь далекой России. Воспринимают ли современники духовные труды выдающихся представителей русской эмиграции как свое наследие? Берут ли ответственность за преемственность традиции? Как обе стороны могут совершать этот путь вместе?

Ответом на эти вопросы стала решимость представителей Русского студенческого христианского движения преодолеть расстояние в пол-Европы для знакомства и общения. Итак, в Воронеж приехали Кирилл Соллогуб, председатель РСХД, правнук русского писателя Бориса Зайцева, доктор физических наук, доцент Парижского университета; Григорий Лопухин, внук Н.А. Струве, актер и режиссер театра «Compagnie Frontale», и Татьяна Викторова, главный редак-

тор журнала «Вестник РХД», доктор филологических наук, профессор Страсбургского университета им. Марка Блока.

21 апреля

Первой совместной встречей православных движений и воронежцев стал вечер памяти Н.А. Струве. Его название «Мы не в изгнании, мы в послании» напомнило выражение, родившееся в кругах людей, насиливо отторгнутых от родины русской катастрофой 1917 года.

Вечер проходил по благословению митрополита Воронежского и Лискинского Сергия, приветствие которого передал председатель комиссии по канонизации святых Воронежской епархии протоиерей Андрей Изакар. Он отметил глубоко символический характер этой встречи в год столетия величайших гонений на Церковь и творческую интелигенцию в России, позволившую вспомнить о людях, которые представляют цвет русской нации. Их судьбы нашли отражение в книгах, опубликованных издательством YMCA-Press, долгие годы возглавляемым Н.А. Струве.

«Никита Алексеевич всегда был служителем Слова, служителем Света. Возможно, этот мир существует до сих пор только благодаря таким людям, как он, которые содействовали тому, чтобы тотальное зло было остановлено и слово правды зазвучало», — поделился своими размышлениями в приветственном слове Алексей Евстигнеев, председатель малого православного братства во имя свт. Тихона Задонского.

Председатель РСХД Кирилл Соллогуб рассказал о том, как произошла первая встреча Никиты Алексеевича с Движением. «Всю свою жизнь Никита Алексеевич проповедовал открытое и просвещенное христианство», — заметил Кирилл Соллогуб.

Татьяна Викторова, ставшая преемницей Н.А. Струве на посту главного редактора «Вестника РСХД», размышляла о ключевых направлениях его служения, о его роли посредника, в высшем смысле это слова, между Францией и Россией, Церковью и культурой. Татьяна рассказала об уникальной издательской деятельности Никиты Алексеевича, о его удивительной встрече с Александром Солженицыным, благодаря которой впервые был издан «Архипелаг ГУЛАГ». Не менее значимой стала встреча Струве и с Анной Ахматовой.

Поэтесса приехала в Париж в 1966 году для встречи с эмигрантскими друзьями. Никита Струве пришел к ней с магнитофоном, чтобы записать ее чтение стихов и беседу. «До сих пор это – редчайшее свидетельство о поэтессе», – заметила Татьяна Викторова.

Внук Никиты Алексеевича – молодой французский режиссер Григорий Лопухин – поделился некоторыми излюбленными выражениями деда. «Он говорил: “Мы не французы и не русские, мы странные русские”». Григорий прочитал стихотворение Осипа Мандельштама «Ленинград» во французском переводе Н.А. Струве. Точно найденный ритм позволил слушателям заново войти в смысл известного произведения и вновь пережить трагическую атмосферу времени тоталитарных репрессий.

Все участники вечера отмечали, что Н.А. Струве обладал прекрасным чувством юмора и даром скромности. Всю жизнь с Марией Александровной они прожили очень скромно и просто, «почти как хиппи», – заметил внук Никиты Алексеевича.

Имя Никиты Струве собрало широкий круг людей, знавших и любивших его. В частности, в Воронеж приехали представители Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына – Наталья Ликвинцева, ведущий научный сотрудник отдела культуры Российского зарубежья научного центра ДРЗ и Светлана Дубровина, заведующая отделом по развитию связей с общественностью.

Никита Струве был одним из учредителей Дома русского зарубежья. Деятельность этой организации началась с поездок Струве по России с его изданиями – более чем по 60 городам России. Воронеж стал одним из первых городов, куда были доставлены книги издательства YMCA-Press в 1992 году. Об этом подробно рассказала Светлана Дубровина, подготовившая выставку «Памяти Н.А. Струве», экспонированную в холле кинотеатра «Спартак», где проходил вечер памяти.

«Никита Алексеевич создавал впечатление ворвавшейся к тебе мировой культуры, – отметила Наталья Ликвинцева, – он был щедр в своих воспоминаниях, будучи человеком, которому посчастливилось встречаться с лучшими представителями церковной и светской культуры с самого детства».

Наталья, секретарь редакции «Вестника РХД», представила два последних номера журнала: 205-й — последний, вышедший под редакцией Струве, и 206-й — почти целиком посвященный его памяти.

С воронежской стороны на вечере выступили Владимир Бойков, организатор приезда Н.А. Струве в Воронеж ровно двадцать пять лет назад, историк, изучающий архивы И.А. Бунина, и журналист Александр Саубанов, редактор интернет-издания «Время Воронежа», автор последнего интервью с Никитой Алексеевичем в больнице в начале мая 2017 года. Владимир Бойков отметил, что Никита Алексеевич воспринимал поездку в Воронеж как паломничество по следам Осипа Мандельштама и настаивал на создании в Воронеже музея Мандельштама.

Историческое, уникальное значение личности и служения Никиты Струве для возрождения Русской Православной Церкви и культуры подчеркнули в своем видеоинтервью отец Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института (СФИ), и председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак. Никита Алексеевич входил в попечительский совет института, участвовал во многих конференциях СФИ и Преображенского братства, поддерживал братство, как верный друг, в тяжелый период клеветы и гонений. Отец Георгий подчеркнул историческое значение деятельности Никиты Алексеевича. «Он был одним из последних носителей духа и смысла русской эмиграции первой волны. Он старался исполнить то завещание, которое оставили русские люди, вынужденные покинуть Россию после катастрофы 1917 года. «Вестник» войдет в историю как великое дело, которое способствовало передаче того богатства, наследия русской эмиграции, которым обладал Никита Алексеевич... Это дело будет жить перед лицом возрождающейся России».

На вечере были показаны эпизоды из фильма «Никита Струве. Под одним небом», фрагменты видеоинтервью, прозвучали и непосредственные свидетельства, воссоздавая портрет нашего современника, человека евангельского духа и высокой культуры.

Никита Алексеевич всегда сохранял веру в Россию, говоря, что она должна быть «зрячей, покаянной и ответственной». И этот вечер памяти прошел в рамках Акции

национального покаяния «Имеющие надежду». С инициативой этой акции выступает Преображенское братство, которое уже в течение многих лет занимается восстановлением исторической памяти в русском народе.

22 апреля

Во второй день участники проекта посетили места, связанные с именами Осипа Мандельштама и Анны Ахматовой, драматичными страницами истории Воронежа, города ссыльных.

Днем состоялась открытая лекция Татьяны Викторовой в Воронежском университете «Ахматова и европейские поэты». Прослеживая взаимосвязь поэтики Бодлера, Рильке и Ахматовой, исследователь показала то общее, что их объединяет, — интонации, темы, образы, послужившие источником вдохновения, и их принципиальное различие. В самых трагических и скорбных произведениях Ахматовой подспудно или открыто присутствует внутренний свет вечности, преодолевающий безнадежность и действие вторгающегося в судьбу человека, в историю этого мира зла.

Во второй половине дня прошла премьера спектакля замечательного современного французского драматурга, потомка русских эмигрантов Мишеля Винавера «11 сентября 2001» в постановке Григория Лопухина*. Пьеса оказалась более чемозвучной современности. «Как реагировать на такие катастрофы? Какая реакция на внешнюю историческую катастрофу будет правильной? В эмиграции этот вопрос очень серьезно обсуждался», — напомнил в этой связи Кирилл Соллогуб, нынешний председатель РСХД. «Наши отцы-основатели очень верно отметили, что ответ может быть только духовным. Ибо, как писал Николай Александрович Бердяев, отвечать насилием на насилие невозможно, иначе это будет «кошмар злого добра».

В завершение дня состоялась встреча РСХД и воронежской части Преображенского братства. По словам Кирилла Соллогуба, для РСХД вопрос возрождения религиозной жизни в России был всегда очень важен, поэтому изначально, во многом благодаря усилиям Никиты Алексеевича Струве, сложилось личное общение с отцом Георгием Кочетковым,

* См. беседу актеров со зрителями в нижепубликуемом материале.

с Преображенским братством. Для членов воронежских малых братств эта встреча с РСХД стала первым близким знакомством. Разговор коснулся вопросов о направлениях и приоритетах церковного служения движений, актуальных вызовов времени, которые во Франции и в России имеют свою специфику, а также об общем церковном наследии. Татьяна Викторова отметила, что у каждого братства свой исторический путь, но опыт двух движений пересекается, и есть общее духовное пространство для совместной деятельности. Время, проведенное вместе, стало опытом реального сотрудничества, того живого общения, во время которого происходит обновление соборности Церкви.

23 апреля

Воскресный день начался с литургии в храме Всех святых, а его центральным событием стала конференция «“Из бывшей России в будущую”: опыт ответственности за страну в русской эмиграции и современной России». Она прошла в Воронежской областной библиотеке им. И.А. Никитина, сотрудники которой подготовили выставку «Донести свечу до родины», составленную из книг издательства «YMCA-Press» и других эмигрантских изданий из фондов библиотеки.

Ведущая первой секции конференции Юлия Балакшина, доктор филологических наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена, ученый секретарь СФИ, рассказала о нескольких принципах, которые были заложены при подготовке конференции. «В год 100-летия русской революции мы лицом к лицу встречаем потомков тех людей, которые были выдворены из страны и которые перестали быть нашими соотечественниками. Нам нужно входить в то наследие, которое сохранили представители нашей культуры, оказавшись в изгнании. Очень хотелось бы перенять опыт ответственности за свою страну и свою землю».

«Радостно и отрадно осознавать, что мы, собравшись на этой конференции, уже берем, в свою меру, эту ответственность за страну. Сегодняшний наш разговор позволит на примере конкретных людей и движений увидеть, как можно духовно и творчески влиять на ситуацию», — сказал Максим Пудовиков, председатель малого православного братства во имя преподобного Силуана Афонского.

Часть докладов представили исторический опыт русской эмиграции: «Рыцарство и реализм: осмысление революции в России в опыте русской эмиграции» – доклад Юлии Балакшиной; «РСХД как опыт церковного ответа на русскую катастрофу» Кирилла Соллогуба; «Издательство YMCA-Press перед лицом русских катастроф» Татьяны Викторовой; «От отца к сыну: трагедия России в опыте семьи и детско-юношеских встречах будущего митрополита Антония Сурожского» Натальи Ликвинцевой.

Вторая тематическая линия выступлений докладчиков – примеры сохранения культурного наследия в Воронеже: «Александр и Евгения Ольденбургские. Высокопросвещенные труды на благо отечества» научного сотрудника историко-культурного центра «Дворцовый комплекс Ольденбургских» Людмилы Царевой; «Воронеж 1917–2017» члена общественных движений «АрхДозор» и «ВООПиК», сотрудника Воронежского областного краеведческого музея Дарьи Зеленевой; «Музей Бунина в Воронеже. Проблема концепции музея» Владимира Бойкова.

Конференция, собравшая, несмотря на воскресный день, более восьмидесяти человек, завершилась чтением покаянной молитвы о России, написанной членами Свято-Петровского православного братства г. Санкт-Петербурга.

24 апреля

В последний день проекта в музее истории Воронежского государственного университета состоялось открытие выставки «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией», которую подготовили и представили Татьяна Викторова, Григорий Лопухин и Светлана Дубровина. Кульминационным моментом стало живое слово самого драматурга, обращенное к воронежцам. Оно прозвучало благодаря аудиоинтервью, взятому у драматурга Татьяной Викторовой.

В завершение дня состоялось еще одно паломничество к Мандельштаму нашей сестры Юлии Штонды с Татьяной Викторовой, которой в субботу из-за лекции не удалось попасть в памятные места. Вот несколько слов из впечатлений Юли: «Когда мы стояли во дворе дома, где Мандельштам жил в 1935 году (ул. Швейников, 4б), и читали его стихи, то каза-

лось, что Осип Эмильевич сейчас выйдет к нам и что-нибудь прочитает сам. Удивительное ощущение присутствия. И по-особенному воспринимается пространство, и время движется вспять — будто и не было страданий, пересыпичного лагеря, разлуки и смерти... А только старенький домик в “яме”, земля, вся “переуважена, перечернена”, и “небо, небо — твой Буонаротти”... Все это было — и пересыпичный лагерь, и разлука, и смерть. “И все, что будет, — только обещанье” — надежда на встречу, которая больше не прервется смертью».

Мы расстались с нашими гостями с благодарностью Богу за прожитые вместе дни и с надеждой на новую встречу, на продолжение серьезного разговора об усвоении традиции новомучеников и исповедников Церкви Русской, традиции деятелей русского зарубежья, о нашей возможной соборной ответственности за будущее Церкви и подлинной культуры.

Нелля Бедеркина,
Нина-Инна Ткаченко

Пьеса «11 сентября» Мишеля Винавера в Воронеже

*Беседа с актерами театра «Неформат»
и режиссером Г. Лопухиным*

В рамках встреч «Наше наследие: Дни русского зарубежья в Воронеже» в государственном университете г. Воронежа открылась выставка «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией», представившая основные творческие этапы известного французского драматурга русского происхождения. Главные акценты были сделаны на «русской составляющей» его родословной, в частности, на дружбе его деда М.М. Винавера, члена Первой государственной думы, с Марком Шагалом; его отца Л.А. Гринберга, известного коллекционера и мецената, с Мстиславом Ростроповичем; самого драматурга – с Борисом Шлецером, выдающимся переводчиком русской литературы и известным во французской среде музыкальным и литературным критиком.

Выставка сопровождалась показом пьесы Мишеля Винавера «11 сентября 2001» в переводе Светланы Дубровиной, поставленной актерами воронежского театрального центра «Неформат».

Мы предлагаем фрагменты из состоявшейся после премьеры беседы зрителей с режиссером **Григорием Лопухиным** (Compagnie Frontale, Париж), художественным руководителем «Неформата», актером **Антоном Тимофеевым** и актерами труппы: **Анастасией Блиновой** (актрисой Театра юного зрителя), **Алевтиной Чернявской** (актрисой Театра драмы имени Алексея Кольцова) и **Егором Козаченко** (актером Театра драмы имени Алексея Кольцова).

Вопрос. Почему 11 сентября 2001?

Антон Тимофеев. Потому что проблема не уходит. И я боюсь, что, каждый раз с ней сталкиваясь, мы снова и снова пребываем в шоке. Теракт стал взрывом для всего мира. Несмотря на то что, казалось бы, «ударили по Америке», но

каждый из нас помнит, что резонанс был огромный. Это требует совместного осмысления.

Реплика. «На братских могилах не ставят крестов, но разве от этого легче...». Последние новости: теракт в Париже. Выстрелы, жертвы, есть погибшие. В Петербурге...

Вопрос. Как вы думаете, это начало новой эпохи?

Антон Тимофеев. Вы хотите сказать – это наша новая форма войны?

Реплика. Взаимоотношений...

Антон Тимофеев. Возможно, в некоторой степени. Это, конечно, жутковато и страшно, но тенденция, на мой взгляд, возрастаёт, и жальче всего в этот момент как раз вот таких Жан-Полей де Видо, которые, собственно говоря, в этот момент не понимают, что им делать, как им жить среди людей, которые смотрят на это со стороны. Ваша мысль очень страшная, но, боюсь, я с ней скорее соглашусь. Мне кажется, мы в театре должны об этом говорить, у нас другого оружия нет, кроме как выйти на сцену и заявить, как это жутко.

Вопрос. Вам кажется, к этому можно быть готовым?

Антон Тимофеев. Мне кажется – никогда. То есть можно сколько угодно стелить себе матрасы и упасть совершенно в другом месте. Быть может, эта пьеса помогла в данной ситуации, в нашем прочтении, для тех зрителей, которые пришли сегодня. Но, возможно, в тот момент, когда она была написана – сразу после события, – она помогла тем людям, которые были там, или тем людям, у кого были погибшие. Возможно, она дала им какой-то ответ души. Это очень сложный вопрос.

Реплика. Выхлоп.

Антон Тимофеев. Да, выхлоп.

Светлана Бурова (из зала). Я из Петербурга, и третьего апреля, не очень давно, на моей станции метро случилось то, что случилось... Неделями люди хотели и могли читать только это, только о том, что произошло. Приносили цветы, клали их на место, куда пришел разорванный поезд. Стояли свечи, стояли люди.

Антон Тимофеев. Мы здесь узнали об этом моментально, и я целый день находился рядом с людьми, которые брали трубки и звонили туда. У каждого там кто-то есть. И я понимаю, что вся страна в этот момент делала то же самое.

Инна Ткаченко (из зала). Я хотела бы выразить свое глубокое восхищение и благодарность Григорию и артистам. Мы знаем, за какой короткий срок была сделана эта работа, как много было вложено в нее сердца и сил. Я впервые посмотрела этот спектакль в записи постановки в Доме русского зарубежья, и меня поразила показанная связь с восприятием мировой трагичности судьбы человека, которую я по масштабу сравнила бы с древнегреческой трагедией. Мы видим, с одной стороны, — много агрессии, насилие, широчайшую сферу политических и экономических интересов. И одновременно — одинокое сердце и душа человека, очень трепетное и трепещущее. В отрывках фраз — как бы лики людей, живые глаза. Мы еще не запомнили имена актеров, но эти взгляды, голос, словно из глубины... останутся в вечности навсегда. Это не традиционная полифония, а какая-то новая. Здесь многие времена и сознания словно сходятся в одной точке. И во всем трепещет ранимость человеческой души, живая жизнь. Впечатление — как если бы одновременно звучало несколько оркестров. Драматургу удалось уловить эти сложные сочетания, переживания и смыслы. Создаваемые в пьесе хор, трагичность — это и то, что объемлет весь мир, и то, что касается одного человека, — конкретно, в такой крошечной пьесе и в таких обрывистых пунктирных голосах. Драматургический пунтилизм, где в смысловых точках ухватывается самое главное: любовь, нежность человека, его какая-то безграничность, сострадание друг другу. Все прочитывается на этом минимуме.

Мой вопрос: что в этой совместной работе открылось каждому из вас? Что-то новое в театре или в жизни — через эту пьесу, сотворчество, встречу с Григорием и друг с другом?

Егор Козаченко. Самое серьезное открытие, наверно, связано с тем, что театр — чаще всего выдуманная история. Драматурги лукавят, говоря, что у них все основано на реальных событиях. В этой же пьесе все создано из трагедии. Это и страшно, и удивительно. Одно дело, когда мы играем *персонажей*, пытаемся что-то через себя пропустить. И совсем другое — когда говорим словами людей, которые там были. От этого — аж мурашки по коже... Поэтому, наверное, это самое большое потрясение — за что спасибо Грише — что мы не ушли в переживания (как мы говорили, «привет дяде Косте

Станиславскому»). Мне это кажется правильным, потому что если бы постановка велась через русский классический театр, то было бы очень тяжело и зрителям, и актерам на сцене. И был бы не такой резонанс, поскольку люди, реальные люди, которые это говорили, — они же не играли, они не были на сцене. И это отстранение, наверное, еще сильнее для зрителей, чем для нас, актеров, поскольку все равно тянет принять это всё, но это — наша актерская сущность.

(Аплодисменты.)

Анастасия Блинова. Гриша нам все время говорил: «Не надо погрустнеть!» Это действительно интересный способ существования, когда хочется кусочек себя туда вложить, а Гриша призывал к тому, что это должны быть документальные истории, и чем проще это будет сказано, тем сильнее отзовется, потому что каждый для себя сыграет эту историю и почувствует так, как он это чувствует. А еще он говорил про греческую трагедию и про ритм. В первый раз он сказал так: «Если вы хотите, вы можете делать позы, а если не хотите — можете не делать позы». Мы с Алей немножко напряглись, потом оказалось, что он имел в виду паузы. И когда мы начинали работать, он призывал нас делать эти самые «позы» в самых неожиданных местах, чтобы мы почувствовали этот ритм... Если вы посмотрите в текст, то там написано, как стихи, то есть строфы, строчки прерываются, и эти паузы — в самых неожиданных местах. Это прибавляет документальности восприятия зрителем. Вот это было очень интересно, потому как у нас — классическая школа, «дядя Костя» приходил, пытался сидеть, но мы его быстро попросили... Да, попросили «сделать позу».

(Аплодисменты.)

Алевтина Чернявская. Если говорить о человеческих ощущениях, а не о профессиональных, для меня это — соболезнование. У меня нет другого способа к этому соболезнованию, кроме как здесь, но потребность была, есть, и она требовала своего проявления. Что касается второй части вопроса, если говорить о каких-то актерских ощущениях, я вам зачитаю первую авторскую ремарку: «Жанр пьесы близок к форме кантат и ораторий. Она состоит из арий на один, на два, на три голоса, хоровых партий, которые во французской версии звучат на языке оригинала, и из речитативов». Для меня

это — любопытнейший опыт, я очень благодарна Грише за то, как шла работа. Это было постоянное удовольствие и бесконечное открытие, поскольку, хотя наши школы оказались в конечном итоге достаточно близкими, сам подход был необычайным. Гриша научил какому-то новому, свежему ощущению партнерства, подхвату, хорошему поршню, я это так для себя назвала. И это вырывается из того, к чему мы привыкли. Возможно, я бы работала иначе, со слезами на глазах, но тот «поршень», по-настоящему правильный и нужный здесь «поршень», не пускает, не разрешает. И я знаю точно, что то, что предложил Гриша, — это сильнее. Поэтому это не забудется.

(Аплодисменты.)

Антон Тимофеев. Несколько слов о ритме. Мне было очень интересно, когда сам ритм дает более верную эмоцию, чем смысл слова (Гриша в этих местах очень точно говорил: «Нет, здесь говорите так»). И ты сначала качаешь головой, потому что не понимаешь, почему так, нелогично говорить так. Но потом понимаешь, что это как раз тот ритм, который что-то зажигает у нас в подсознании, на уровне рефлекса. Мне это было интересно и как режиссеру, и как актеру. Я очень боялся, что мы не поймем друг друга, — не в смысле языка общения, а в смысле театрального языка, потому что мы не так часто бываем в этой сфере театра. Но страх прошел на первой же репетиции, а на третьей я услышал оркестр, как он начинает складываться. И Гриша этого достиг не жесткими тренировками, не вдалбливанием в нас этого смысла, а просто общением. Мы как-то услышали его камертон, и это очень большой плюс его человеческим качествам. Здорово было бы не отпускать его, пока он не сбежит от нас. Прекрасно, что это — не просто проект, он для нас — больше дружба. И я вообще с каждым разом все больше радуюсь, когда у меня с режиссером складываются взаимоотношения, когда наша работа похожа на дружбу, когда мы ощущаем друг друга. К тому же все было сложно. Когда Гриша пришел и сказал в двух словах — что есть пьеса французского драматурга, есть такая идея, есть оркестр, есть музыка, — я сказал: «А можно я?» Он сказал: «Отлично!» На следующий день я ехал в маршрутке, читал пьесу и пласал. Вокруг люди — а я сижу, здоровый бородатый мужик,

и рыдаю над телефоном. И в этот момент ко мне закралась маленькая мысль, что, наверно, я откажусь, потому что я не смогу морально вынести эту историю. Но когда прошла первая репетиция, я понял, что я не могу уйти отсюда, потому что я включился как человек. Я чувствовал свою беспомощность, когда читал пьесу. Но когда мы начали работу, этот «дирижер» сразу убрал все вопросы, сомнения и страхи, и мы наперевес с инструментом побежали вперед. Вот такие сумбурные впечатления.

(Аплодисменты.)

Григорий Лопухин. Я хочу поблагодарить актеров, они очень талантливы, очень много работали, и, что самое важное, — они верили. Даже если не понимали, что это был за ритм, они верили и всегда шли вперед. И это очень приятно. Самый лучший актер — не тот, у кого яркий, хороший голос, а тот, кто может верить вопреки всему. Так, я думаю, можно создавать новые формы.

Татьяна Викторова (из зала). Нужно еще поблагодарить присутствующего среди нас переводчика пьесы — **Светлану Дубровину** (апплодисменты), без которой тоже этой постановки бы не было. Спасибо именно оркестру, сложившейся полифонии голосов. Слушая вас, я думала о том, что полифоничность — главное качество этой пьесы — была создана благодаря этой атмосфере, которая возникла у вас уже во время репетиции. И это почувствовал сам Мишель Винавер, который имел тоже совершенно удивительную возможность познакомиться с вашей работой. Два дня назад в городе Кане на севере Франции была конференция, посвященная его творчеству. И сам автор приехал туда, зная, что в ее рамках будет показан небольшой видеосюжет из города Воронежа, заснятый Григорием Лопухиным. И это видео в течение пятнадцати минут показывает нам фрагменты репетиций и ваших комментариев. Он был глубоко взволнован. Он сказал, что главное, что удалось, — это хоровое измерение, которое для него — суть этой пьесы. Он с большим вниманием отнесся к вашим находкам именно ритмического характера, некоторым звукам, которые вы добавляете. Он оценил и сдержанный характер этой пьесы, потому что Мишель Винавер — очень лаконичный драматург. Он предпочитает дать несколько знаков, несколько слов (вы это почувствовали), нежели

объяснить. Объяснение – это работа зрителя. Огромное вам спасибо за это.

Юлия Штонда (из зала). Со стороны зрителей хотела поблагодарить Гришу и актеров за то, что вы не побоялись сказать об этой боли. Главный внутренний вопрос, который я задаю себе: как что-то на себя взять? Вы говорили о том, что очень сложно выходить на сцену, что ты пытаешься постоянно на себя это все примерить. На самом деле очень сложно здесь как раз то, что оказывается таким поручнем, когда ты все это передаешь, но сам от этого отстранен. На сегодняшний день наша культура носит потребительский характер. Нечасто удается увидеть на сцене такое живое размышление, которое цепляет за живое. В двадцатом веке в России было очень много сюжетов, о которых можно говорить именно так. Почему-то в Европе этого не боятся: есть музеи в Аушвице, в Равенсбрюке. А у нас такого не очень много. Я была на Соловках – там не очень активно говорят о ГУЛАГе.

Антон Тимофеев. Мы закрываемся.

Юлия Штонда. Да, мы от этого закрываемся, мы боимся, а здесь я увидела, что все-таки, когда мы об этом говорим, когда мы вот так переживаем, то этот катарсис. Это внутреннее ощущение, когда ты не просто берешь на себя какое-то зло, в этом копаешься, потом унываешь, умираешь в этом. Непонятно, как это действует, но это погружение во тьму, это переживание наоборот открывает сердце для чего-то нового, для того, чтобы любить других людей, дает новые силы. Большое спасибо за этот подвиг.

Татьяна Викторова. Вопрос к Григорию как к режиссеру, имеющему опыт постановок разных пьес, работающему с русскими и французскими актерами, совсем молодыми и в уже преклонном возрасте*. Что означает для тебя воронежский опыт?

Григорий Лопухин. Знакомство с вами (*к зрителям*), с актерами. Мне было удивительно, как актеры из Воронежа быстро все поняли. Не нужно было объяснять, что и почему. Хорошо, что существуют такие театры, как «Неформат», и что возможен такой диалог. Эти люди стали мне близкими, этот опыт – незабываем.

* См. в № 206 «Вестника РХД» материал о постановке Г. Лопухиным «Гамлета» в РСХД.

Если Вам интересна жизнь писателя, приходите на открытие выставки в понедельник в 13:00 в музей книги ВГУ.

Татьяна Викторова. Эта выставка показывает русские корни Мишеля Винавера, у которого совершенно замечательная генеалогия и с материнской, и с отцовской стороны. Она приоткрывает и связь самого Мишеля Винавера с русскими драматургами, поскольку он создал адаптации Горького, Эрдмана и только что закончил работу над «Месяцем в деревне» Тургенева. Вас ждет сюрприз: мы откроем выставку словом самого Мишеля Винавера, адресованным воронежцам. (В частности, он был очарован звучанием слова «Воронеж» на французском языке, и по поводу этого «Воронэж» создал целую поэму). Вы услышите, как он произносит это слово, с какой любовью, с какой исключительной привязанностью обращается к «вам, которые не знаете меня». Это стоит того, чтобы быть услышанным по-французски, ведь часто говорят, что, чтобы по-настоящему познакомиться с автором, нужно услышать его голос.

Антон Тимофеев. Есть ли еще замечания и вопросы?

Андрей Скидан (из зала). Я думаю, это не случайно, что мы сегодня находимся в этом черном помещении, в подвале, и название этой сцены — театр «Неформат». Я думаю, что и сегодняшнее восприятие русского общества такого плана, и эта рефлексия относительно событий 11 сентября и относительно терроризма в целом — это тоже неформат. Я сам из Гомеля, и у нас не пользовалась популярностью «Чернобыльская молитва» Светланы Алексиевич, которая как раз работает в жанре документальной драматургии. Хотя, с другой стороны, в исследовательской среде сейчас очень популярна устная история. Записываются свидетельства людей по разным временным отрезкам, по разным историческим феноменам, и это тоже неформат. И то, что мы сейчас здесь увидели, — это тоже память, потому что там, на центральной площади, собирались люди. Их тоже было мало, но они все-таки собирались в центре с красными флагами. Может быть, вы можете прокомментировать, для вас неформат — это маргинальное положение думающих людей?

Антон Тимофеев. Хотелось бы так верить. «Неформат» создавался прежде всего для таких проектов. Да, мы вынуждены ставить иногда красивые истории, про любовь и тому

подобное. Нам не всегда удается заявить о своей позиции. Сейчас она есть. И я понимаю, что не эта тема привлечет аудиторию. Признаться, я даже не ожидал, что вы все приедете, переживал, что будет два человека. Внутренне, с позиции истории, меня это не пугало. Мы вышли бы для двоих человек и сделали бы то же самое.

Инна Ткаченко. Я хотела еще выразить особую признательность Антону от всего круга людей, которые причастны к подготовке этого спектакля и этой встречи. Открою вам секрет: эту пьесу было предложено поставить в Институте искусств. Но там испугались жанра, поняв, что вместо «дяди Кости» предлагается что-то другое. И мне бесконечно жаль, что для студентов эта уникальная возможность была упущена, равно как и для всех тех людей, которые могли бы попробовать, но не решились, увидев в пьесе политику. Хотя понятно, что вовсе не о политике речь, здесь антропологическая и духовная проблематика, которая человека ставит на первое место, указывает на его духовное существование в мире в момент столкновения со злом. Прекрасно, что Антон откликнулся, благодаря своей чуткости неформальной. Произошла настоящая встреча Гриши — и всех вас. Спасибо!

Открытие Культурного центра имени А.И. Солженицына в Париже

19 мая 2017 года в Париже в книжном магазине «YMCA-Press» состоялось открытие Культурного центра имени А.И. Солженицына и приуроченной к его открытию выставки «Архипелаг ГУЛАГ: история литературного взрыва». Редакция публикует приветственное слово Наталии Дмитриевны Солженицыной и некоторые впечатления московских и парижских участников вечера.

Приветственное слово Н.Д. Солженицыной

Москва, 16 мая 2017

Дорогие друзья!

Конечно, открытие в Париже культурного Центра имени Солженицына – и для вас, и для нас в России – событие радостное, важное и вдохновительное.

Но оно еще и СПРАВЕДЛИВОЕ. Ведь именно в Париже, в тех самых стенах, где вы сейчас собрались, прогремел мировой взрыв «Архипелага». Именно в Париже впервые публиковалось по-русски всё написанное Солженицыным за 20 лет изгнания. Именно в Париже – всегда стремительно, почти сразу вслед русскому первопечатанию и обгоняя любые иные языки – появлялись французские переводы его книг.

Это справедливо и по отношению к той взаимной любви, которая, неожиданно для него самого, связала Солженицына и Францию. Он признавался вскоре после изгнания: «С Францией я испытал ошибку... я всегда считал ее себе противопоказанной, не по моему характеру, куда чужой Скандинавии, Германии, Англии, – а вот тут стало мне ласково, нежно,

естественно, — если жить в Европе, то и не нашел бы лучшие страны». И повторил перед самым возвратом в Россию, когда приехали мы прощаться с Европой: «Во Франции — как всегда, мне особенно тепло... уж двадцать лет повелось, что во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине».

Так пусть на этой «второй, неожиданной родине» все начинания Центра, задуманного незабываемым дорогим другом Никитой Струве, а ныне открываемого, будут в духе Солженицына, будут пронизаны его неотступной верой, что «Одно слово правды весь мир перетянет».

Душой с вами,

Наталия Солженицына

Открытие центра в Париже: встреча двух России

В Париже первыми отметили приближающийся юбилей Александра Исаевича Солженицына: в книжном магазине издательства «YMCA-Press», где 23 декабря 1973 года был опубликован — и прозвучал на весь мир — «Архипелаг ГУЛАГ», открылся Культурный центр имени А.И. Солженицына и выставка, посвященная великой книге XX века. Такой культурный центр был давней мечтой Никиты Алексеевича Струве, и вот теперь, спустя год после его ухода, его соратникам удалось воплотить эту мечту в жизнь.

В отреставрированном помещении «YMCA-Press» посетители познакомились с историей пересылки фотокопий рукописи «Архипелага ГУЛАГа» и долгого хранения самой рукописи в Эстонии. Увидели тот самый печатный станок, на котором Леонид Лифарь, брат знаменитого балетмейстера, набирал в Париже страницы романа Солженицына, — а вычитывать верстку ему помогали супруга М.И. Лифарь, Никита Алексеевич и Мария Александровна Струве.

Сильным экспонатом выставки стало старое зеркало, на котором теперь — намеренно с трудом — прочитываются имена «невидимок», помогавших Солженицыну. И конечно,

большое внимание уделено восприятию романа на Западе, в том числе во французской прессе.

Вечер открыл профессор Парижского университета Даниил Струве, сын Никиты Алексеевича. Он отметил, что ИМКА, известная всем присутствующим как книжный магазин и издательство, предстает сегодня в новом качестве – как Культурный центр имени А.И. Солженицына, и поблагодарил за поддержку всех членов попечительского совета Центра, в том числе Пьера Мореля, профессоров Жоржа Нива и Ива Амана, а также директора Дома русского зарубежья В.А. Москвина. Особая благодарность за поддержку и помочь в создании выставки прозвучала в адрес Наталии Дмитриевны Солженицыной, и было зачитано ее приветственное слово.

Татьяна Викторова, профессор Страсбургского университета, соратник Н.А. Струве, ныне главный редактор журнала «Вестник РХД», рассказала об истории издания «Архипелага ГУЛАГа», благодаря которому «YMCA-Press» стало одним из самых известных издательств мира. Архивные документы издательства позволяют представить, какой культурный шок испытали первые читатели «Архипелага», каким настоящим

Типографский станок, на котором Леонидом Лирафем был набран «Архипелаг ГУЛАГ» в парижской типографии Березняка

откровением стала для них эта книга, свидетельствующая о беспримерной, неистощимой внутренней свободе человека в самых страшных внешних обстоятельствах.

Татьяна Викторова кратко описала концепцию выставки ««Архипелаг ГУЛАГ»: история литературного взрыва», рассказывающей об истории публикации и восприятия книги на Западе. Выставка погружает в лабораторию писателя – благодаря материалам, предоставленным Н.Д. Солженицыной, позволяет увидеть, как работал писатель. Более ста двадцати «невидимок», помогавших писателю, нашли свое место на выставке не только отраженным на зеркале списком, но и теми предметами, которые в свое время помогли их владельцам вывозить рукописи, – например, обычная коробка из-под конфет, предметы из архива одной из невидимок Аси Дуровой (свое место в скором времени займет на экспозиции и та самая труба, в которой, закопанной в землю, хранилась рукопись «Архипелага» в Эстонии).

Важное место заняла на выставке тайная переписка между Н.А. Струве и А.И. Солженицыным, в которой книга фигурирует под именем «Лёня» и обсуждается ее «рождение» в центре Парижа.

Авторские наброски при работе над «Архипелагом».

«Письменный инвентарь» А.И. Солженицына.

Экспонируется с любезного разрешения Н.Д. Солженицыной

«Деятельность культурного центра имени А.И. Солженицына, — сказала Т. Викторова, — видится прежде всего в русле продолжающегося осмыслиения наследия писателя».

С приветствием новому культурному центру выступил Пьер Морель; он поделился личными воспоминаниями о той эпохе, когда он был молодым сотрудником Посольства Франции в России и был свидетелем тайной работы «невидимок», а также о том времени, когда, уже будучи Послом Франции в России, с 1993 года, принимал непосредственное участие в поездках с дарами французских книг и книг издательства «YMCA-Press» библиотекам России. Пьер Морель сравнил открывшуюся выставку с романом — с захватывающим романом об истории тайной деятельности невидимок, об истории большой дружбы и соратничества, несмотря на большой риск.

Профессор Жорж Нива подчеркнул, что в этот день в ИМКЕ произошла — как тогда, при публикации в Париже «Архипелага ГУЛАГ», — встреча двух Россия: России эмигрантской, изгнанной, и России внутреннего сопротивления, России ГУЛАГа.

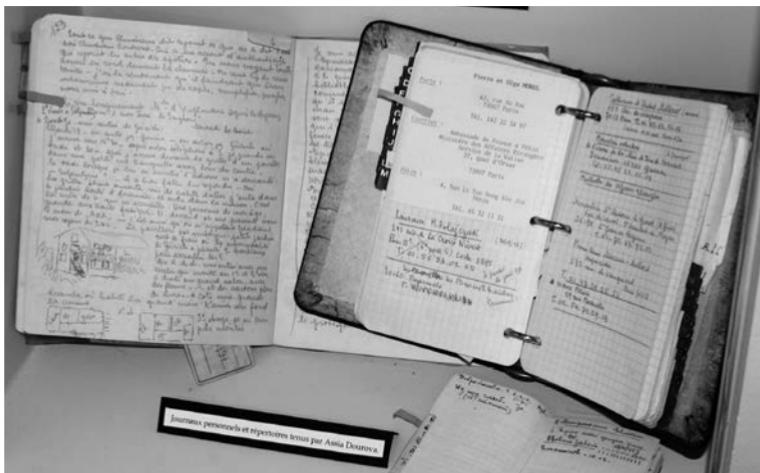

«Невидимки» А.И. Солженицына: Ив Аман и Ася Дурова

«Выход “Архипелага ГУЛАГа” – одно из тех событий, которое изменило и Россию, и весь мир», – сказал в своем приветственном слове В.А. Москвин. Он напомнил и об истории сотрудничества ИМКИ и Фонда Солженицына, благодаря которому более чем в восьмидесяти городах есть коллекции книг «YMCA-Press», а также была создана ее московская ветвь – издательство «Русский путь». Результатом сотрудничества Никиты Струве с А.И. и Н.Д. Солженицынами стало и возникновение Музея русского зарубежья имени Александра Солженицына. В.А. Москвин рассказал о строительстве нового здания музея, впечатляющего своими масштабами, и пригласил вновь открывшийся культурный центр к дальнейшим совместным проектам.

В завершение вечера театральный режиссер Григорий Лопухин, внук Н.А. Струве, представил отрывок из спектакля «Один день Ивана Денисовича» на французском языке. Спектакль был сыгран целиком на следующий день труппой его актеров «Companie Fronatale».

Светлана Дубровина,
Дом русского зарубежья, Москва

Страница из дневника Аси Борисовны Дуровой, где она рассказывает о встрече с А.И. Солженицыным в Париже в 1975 г. Записная книжка Аси Дуровой с указанием книг YMCA-Press, передаваемых из Парижа в Москву. На хранении в монастыре Св. Надежды (Мениль Сен Лу)

**«Архипелаг ГУЛАГ:
история литературного взрыва»:
выставка в культурном центре
им. А.И. Солженицына в Париже**

«Литературный взрыв»: какое выразительное название для выставки, посвященной «Архипелагу ГУЛАГу»! Слушая выступающих, я думал о красноречивом выражении, которое цитирует сам А.И. Солженицын: «Простой крик в горах может вызвать сход целой лавины». Неравенство сил очевидно: могущественная тоталитарная машина, оснащенная столькими полномочиями, — и слово человека, который безоружен, но повинуется внутреннему зову и становится голосом многих. Этот контраст неслучаен, он проявляется в этом деле во всем: местом, где должен был прозвучать и быть услышан этот крик, выбрано скромное издательство и магазин русской книги на улице Святой Женевьевы, которое в спешке можно не заметить. Это место, однако, уже послужило трибуной для многих мыслителей и богословов русской эмиграции, потерявших, вместе с родиной, все, кроме сво-

Профессор Жорж Нива выступает на открытии Центра

боды совести и слова. Это может напомнить прекрасный ответ Жана Кокто на вопрос: «Что вы вынесете из сгоревшего дома?» — «Огонь».

Выставка ярко отражает, как распространялся этот пожар: скромными средствами, благодаря людям, забывшим о личных интересах, но строго следующим голосу совести. Я хорошо знал одну из них, Асю Борисовну Дурову. Она эмигрировала во Францию с семьей в раннем возрасте. Однако, начиная с 1964 года, она сознательно выбирает жить в Советской России, занимая должность по хозяйственной части при Французском посольстве в Москве. Этот выбор продиктован ее верой и желанием послужить родной земле. «Мне кажется, что я должна быть послушным орудием в Его руках», — пишет она в своем дневнике накануне отъезда в СССР. Это свободное предопределение встречается с другим: волей судьбы она стала одним из посредников в передаче текстов А. Солженицына на Запад.*

Для меня, монаха, эта выставка подтверждает мое глубокое убеждение в том, что видимое — лишь внешняя суть вещей. Мы улавливаем только видимую часть айсберга. Иначе говоря, сущностное остается *невидимым*. Это напоминает выразительное заглавие книги Александра Солженицына, посвященной тем, благодаря кому крик тревоги был услышан миром. Ныне более, чем когда бы то ни было, необходимо повернуться к невидимому — для того, чтобы ощутить сокровенное биение сердца мира.

К этому приглашает нас и позволяет нам приобщиться эта выставка.

БРАТ БЕРТРАН ЖЕФФРЕН,
монастырь Св. Надежды, Мениль Сен Лу (Франция)
Перевод с французского Татьяны Викторовой

* А.И. Солженицын рассказывает о ее роли «невидимки» и о их встрече в 1975 году в Париже и в Швейцарии в книге «Бодался теленок с дубом» (часть V). — Прим. ред.

Коротко об авторах

Белавина Екатерина Михайловна (Москва). Кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкоznания филологического факультета МГУ, руководитель семинара «Поэтика и фонетика». Поэт, переводчик, исследователь французской и русской поэзии XIX–XXI вв.

Белякова Елена Владимировна (Москва). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института Российской истории РАН, автор более 80 научных работ по истории Церкви и церковного права.

Бертран Жеффрен, брат, настоятель бенедиктинского монастыря Святой Надежды в местечке Мениль Сен Лу в Шампани (Франция). Хранитель архивов А.Б. Дуровой, переводчик на французский язык (в частности, книги «Подстрочник. Жизнь Лилианы Лунгиной», 2017); основатель издательства «Edition des Quatre Vivants», книги которого отражают межконфессиональный диалог авторов Западной и Восточной Европы, с особым интересом к живым свидетельствам из современной России.

Бобринский Борис, протопресвитер (Париж). Богослов, профессор догматического богословия, в 1993–2005 гг. декан Свято-Сергиевского богословского института в Париже, духовный сын отца Сергия Булгакова и продолжатель его мысли в области троического богословия в его связи с евхаристическим, литургическим опытом Церкви. Автор монографии «Тайна Пресвятой Троицы», переведенной на английский и русский языки, и свыше ста статей в области литургического богословия, в том числе и статей в «Вестнике РХД» (1966, № 81; 1999, № 165; 2002, № 183).

Дубровина Светлана Николаевна (Москва). Кандидат филологических наук, заведующая отделом по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Переводчик (перевела с французского пьесу Мишеля Винавера «11 сентября 2001»).

Зелинский Владимир, протоиерей (Брешия, Италия). 1942 г.р. Православный священнослужитель, настоятель церкви во имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радость в г. Брешии, писатель, богослов. Член редколлегии и постоянный автор «Вестника». Окончил филологический факультет МГУ.

Клементьев Александр Константинович (Санкт-Петербург). Исследователь истории Русской Православной Церкви в эмиграции и в России первой четверти XX века.

Ликвинцева Наталья Владимировна (Москва). Окончила философский факультет МГУ, филологический факультет Университета г. Тура (Франция). Кандидат философских наук. Ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

Марков Александр Викторович (Москва). Доктор филологических наук, профессор факультета истории искусства РГГУ, ведущий научный сотрудник отдела христианской культуры Института мировой культуры МГУ.

Нива Жорж (Женева). Французский историк литературы, славист, профессор Женевского университета, автор книг и статей об Александре Солженицыне, русской литературе, России и Европе.

Панич Светлана Михайловна (Москва). Филолог, литературовед, переводчик, исследователь культуры русского зарубежья, автор многочисленных публикаций.

Саббатини Марко (Италия). Доцент университета Мачераты (Италия), специалист по самиздату и «неофициальной» ленинградской поэзии 70–80-х годов (В. Кривулин, Е. Шварц, С. Стратановский). Перевел этих поэтов на итальянский язык, равно как поэзию В. Соловьева, В. Соснора, Д. Пригова. Занимается в университете Мачераты фондом А.А. Ахматовой, созданным Карло Риччо.

Седакова Ольга Александровна (Москва). Русский поэт, прозаик, филолог, богослов, переводчик, лауреат многочисленных литературных премий. Кандидат филологических наук, почетный доктор богословия Европейского гуманитарного университета, академик Амвросианской академии. Работает старшим научным сотрудником Института мировой культуры МГУ.

Сигов Константин Борисович (Киев). Украинский философ и общественный деятель, кандидат философских наук, директор Центра европейских гуманитарных исследований Национального университета «Киево-Могилянская академия» и научно-издательского объединения «Дух і літера», главный редактор журнала «Дух і літера».

Строцев Дмитрий Юльевич (Минск). Поэт, книгоиздатель, по образованию архитектор, представитель «Вестника» в Минске, член фонда «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского».

Херсонский Борис Григорьевич (Одесса). Поэт, автор сборников «Восьмая доля» (1993, переизд. 2008), «Вне ограды» (1996),

«Семейный архив» (1997, переизд. 2006), «Post printum» (1998), «Там и тогда» (2000), «Свиток» (2002), «Нарисуй человечка» (2005), «Площадка под застройку» (2008), «Мраморный лист» (2009), «Пока не стемнело» (2010), «Кабы не радуга» (2015) и других. Клинический психолог и психиатр, кандидат медицинских наук.

Языкова Ирина Константиновна (Москва). Искусствовед, автор книг и статьей по иконописи в России и в русской эмиграции. Куратор ряда выставок по русской иконе. Автор журналов «Странцы: богословие, культура, образование», «Истина и Жизнь» и «Дорога вместе», соредактор альманаха «Дары».

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Слова в неделю молитв о христианском единстве —	

Митрополит Сурожский Антоний (перевод и публикация Елены Майданович)	5

<i>K 125-летию со дня рождения архимандрита Льва (Жилле)</i>	

«“Эрос” и “Агапе”. Страдающий Бог». Глава из книги «Монах Восточной Церкви: отец Лев Жилле» — Элизабет Бер-Сижель (перевод Натальи Ликвинцевой)	30
Страдающий Бог — <i>Иеромонах Лев Жилле</i>	38
Из книги «Безгранична любовь» — Монах Восточной Церкви (Лев Жилле) (перевод Натальи Ликвинцевой).....	49

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

<i>K столетию Поместного Собора 1917–1918 годов</i>	

<i>Обсуждение Поместного Собора в эмигрантской периодике</i>	

О церковном Соборе 1917 года — Е.Ю. Скобцова (мать Мария)	55
Еще о положении Церкви при Временном правительстве (доклад А.В. Карташёва) — Е.Ю. Скобцова (мать Мария) ...	62
Временное правительство и Русская Церковь — А.В. Карташёв	65

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов: слишком длинный путь к реформам и драма истории — Елена Белякова.....	89

Анкета «Вестника» о значении Собора 1917 года: в продолжение дискуссии — <i>Ответы проповеди. Бориса Бобринского, Андрея Псарева, Павла Мейендорфа, свящ. Георгия Кочеткова</i>	110
Община в гонениях. Круг отца Александра Глаголева — <i>Константин Сигов</i>	117
ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ	
Путь к персональной Голгофе — <i>Юрий Дмитриев.</i> (беседовала Ирина Галкова)	138
<i>K 100-летию Октябрьской революции 1917 года</i>	
Работа горя. О живых и непогребенных — <i>Ольга Седакова</i>	157
Идеократический посредник и его двойник (к столетию Октября) — <i>Протоиер. Владимир Зелинский</i>	168
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ЭМИГРАЦИИ	
Несколько слов об архимандрите Киприане (Керне) — <i>Протопресвитер Борис Бобринский</i>	187
Дни и труды Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже в письмах Константина Петровича Струве (1925–1928 гг.) — (публикация А. Клементьева)	194
ЛИТЕРАТУРА	
Стихи — <i>Борис Херсонский</i>	224
Покаянные псалмы — <i>Франческо Петрарка</i> (перевод Павла Алешина)	233
Марселина, Татьяна, Марина: культурный миф Деборд-Вальмор в России — <i>Екатерина Белавина</i>	242
<i>Анна Ахматова и европейская поэзия</i>	
«Разговор в Воронеже» — <i>Жан-Ив Масон</i> (перевод Татьяны Викторовой)	252

Анна Ахматова и Либеро Биджаретти. Из истории итальянских встреч — <i>Марко Саббатини</i>	256

Профиль росчерком: черные слезы по Анне Ахматовой — <i>Либеро Биджаретти</i> (перевод и публикация <i>Марко Саббатини</i>)	264

В МИРЕ КНИГ

«Но душа моя отмечает очевидность...» «Дневник. 1942–1944» Элен Берр — <i>Светлана Панич</i>	274

«Облик жизни надо изменять, делать его чище, благороднее, духовнее, лучше...» «Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века: письма М.В. Шика (свящ. Михаила) и Н.Д. Шаховской (Шаховской-Шик)» — <i>Ольга Борисова,</i> <i>Татьяна Васильева</i>	283

«Среди ада кромешного я чувствовала безграничное сострадание ко всем...» «В тюрьме в 1920 году: Воспоминания» А.А. Ершовой — <i>Ольга Синицына</i>	287

IN MEMORIAM

Слово о Н.А. Струве — <i>Архиепископ Иоанн (Реннето)</i> (перевод Татьяны Викторовой)	289

Смерть поэта Евтушенко — <i>Жорж Нива</i> (перевод Татьяны Викторовой)	291

Луи Мартинез, изгнаник из «исчезнувшего» города Оран, недруг русской утопии и лучший переводчик Пушкина — <i>Жорж Нива</i> (перевод Татьяны Викторовой)	293

Памяти Сергея Георгиевича Бочарова — <i>Александр Марков</i>	300

Памяти Лилии Николаевны Ратнер — <i>Ирина Языкова</i>	304

Памяти Ольги Морель — <i>Татьяна Викторова</i>	308

ХРОНИКА

«Лаборатория» будущей России: вечер памяти Н.А. Струве и презентация «Вестника» № 205 в Москве — <i>Софья Андроненко, Дмитрий Строцев</i>	315

«Наше наследие. Дни русского зарубежья в Воронеже»: хроника событий – <i>Нелля Бедеркина,</i> <i>Нина-Инна Ткаченко</i>	324
Пьеса «11 сентября» Мишеля Винавера в Воронеже. Беседа с актерами театра «Неформат» и режиссером Г. Лопухиным.	332
<i>Открытие Культурного центра имени А.И. Солженицына в Париже</i>	
Приветственное слово – <i>Наталья Солженицына</i>	341
Открытие центра в Париже: встреча двух Россия – <i>Светлана Дубровина</i>	342
«Архипелаг ГУЛАГ: история литературного взрыва»: выставка в культурном центре им. А. Солженицына в Париже – <i>Брат Бертран Жеффрен</i> (перевод Татьяны Викторовой)	347
Коротко об авторах	349

SOMMAIRE

Éditorial	3

THÉOLOGIE, PHILOSOPHIE

Homélies pour la Semaine de prières pour l'unité chrétienne – <i>Métropolite Antoine de Sourge</i> (traduction et publication d'Hélène Maïdanovitch)	5
<i>125e anniversaire de la naissance de l'archimandrite Lev Gillet</i>	

«Éros et agapê. Le Dieu souffrant» (chapitre du livre <i>Un moine de l'Église d'Orient : le père Lev Gillet</i>) – Élisabeth Behr-Sigel (traduction de Natalia Likvintseva)	30
Le Dieu souffrant – <i>Père Lev Gillet</i>	38
L'amour sans limites – <i>Un moine de l'Église d'Orient (Lev Gillet)</i> (traduction de Natalia Likvintseva)	49

VIE DE L'ÉGLISE

<i>Centenaire du Concile local de Moscou 1917–1918</i>	
<i>Discussions sur le Concile dans la presse périodique</i>	
Au sujet du Concile de 1917 – <i>E.Iou. Skobtsova (mère Marie)</i>	55
Encore à propos de la situation de l'Église sous le gouvernement provisoire (l'exposé de A.V. Kartachev) – <i>E.Iou. Skobtsova (mère Marie)</i>	62
Le gouvernement provisoire et l'Église de Russie – <i>A.V. Kartachev</i>	65
Le Concile local de l'Église orthodoxe de Russie: une route trop longue vers les réformes et le drame de l'histoire – <i>Hélène Beliakova</i>	89

Enquête du Messager sur la signification du Concile de 1917–1918: poursuite de la discussion — <i>Réponses du père Boris Bobrinskoy, d'André Psarev, de Paul Meyendorff, du père Georges Kotchetkov</i>	110
Une communauté dans les persécutions. Le cercle du père Alexandre Glagolev — <i>Constantin Sigov</i>	117
QUESTIONS DE SOCIÉTÉ	
Chemin vers un Golgotha personnel — <i>Iouri Dmitriev (propos recueillis par Irina Galkova)</i>	138
<i>Centenaire de la Révolution d'octobre 2017</i>	
Le travail du deuil. Des vivants et de ceux qui sont privés de sépulture — <i>Olga Sedakova</i>	157
L'intermédiaire idéocratique et son double (pour le centenaire d'Octobre) — <i>Père Vladimir Zelinski</i>	168
HISTOIRE DE L'ÉGLISE RUSSE DANS L'ÉMIGRATION	
Quelques mots au sujet de l'archimandrite Cyprien Kern — <i>Père Boris Bobrinskoy</i>	187
Les travaux et les jours de l'Institut de théologie orthodoxe saint Serge à Paris dans les lettres de Konstantin Struve (1925–1928) — <i>Publication de A. Klementiev</i>	194
LITTÉRATURE	
Poèmes — <i>Boris Khersonski</i>	224
Psaume pénitentiels — <i>Pétrarque (traduction de Pavel Alechine)</i>	233
Marceline, Tatiana, Marina : le mythe culturel au sujet de Desbordes-Valmore en Russie — <i>Ekaterina Belavina</i>	242
<i>Anna Akhmatova et la poésie européenne</i>	
«Conversation à Voronèje» — <i>Jean-Yves Masson (traduction de Tatiana Victoroff)</i>	252
Anna Akhmatova et Libero Bigiaretti: un épisode des rencontres italiennes de la poésie — <i>Marco Sabbatini</i>	256

Profil au crayon: larmes noires pour Anna Akhmatova – <i>Libero Bigiaretti</i> (<i>traduction et publication de Marco Sabbatini</i>)	264

LE MONDE DES LIVRES

«Mais mon âme remarque l'évidence...»: <i>Journal (1942–1944)</i> d'Hélène Berr – <i>Svetlana Panitch</i>	274
«Destins non inventés sur fond du siècle passé: lettres de M.V. Chik (père Mikhaïl) et de N.D. Chakhovskoy (Chakhovskoy-Schick)» – <i>Olga Borisova, Tatiana Vasilieva</i>	283
«Au milieu de l'enfer absolu, je ressentais une compassion sans limite pour tous...»: <i>En Prison en 1920</i> de A.A. Erchova – <i>Olga Sinitsyna</i>	287

IN MEMORIAM

In memoriam Nikita Struve – <i>Archevêque Jean Renneteau</i> (<i>traduction de Tatiana Victoroff</i>)	289
Mort du poète Evtouchenko – <i>Georges Nivat</i> (<i>traduction de Tatiana Victoroff</i>)	291
Louis Martinez, exilé de la ville «disparue» d'Oran, ennemi de l'utopie russe et meilleur traducteur de Pouchkine – <i>Georges Nivat</i> (<i>traduction de Tatiana Victoroff</i>)	293
In memoriam Sergueï Botcharov – <i>Alexandre Markov</i>	300
In memoriam Lilia Ratner – <i>Irina Iazykova</i>	304
Im memoriam Olga Morel – <i>Tatiana Victoroff</i>	308

CHRONIQUE

«Laboratoire de la Russie future»: soirée à la mémoire de Nikita Struve et présentation du n° 205 du <i>Messager à Moscou</i> – <i>Sofia Androsenko, Dmitri Strotsev</i>	315
Journées de l'ACER, d'Ymca-Press et de la Maison de l'étranger russe à Voronèje – <i>Nelly Bederkina</i>	324
La pièce <i>11 septembre 2001</i> de Michel Vinaver jouée à Voronèje. Entretien avec les acteurs et le metteur en scène G. Lopoukhine	332

<i>Inauguration du Centre culturel russe A. Soljénitsyne à Paris</i>	
Message de félicitation — <i>Natalia Soljénitsyne</i>	341
Ouverture d'un centre culture russe à Paris: rencontre de deux Russies — <i>Svetlana Doubrovina</i>	342
« <i>L'Archipel du Goulag</i> , histoire d'un séisme littéraire», exposition dans le Centre culturel russe A. Soljénitsyne à Paris — <i>Frère Bertrand Jeuffrain</i> (traduction de <i>Tatiana Victoroff</i>)	347
Biographies des auteurs.	349

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Natalia Ermolaev

Fr. Georges Florovsky Orthodox Christian Theological Society
Princeton University
Priceton, NY 08540
e-mail: nataliae@princeton.edu

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison

5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK
e-mail: olga.pattison@talk21.com

НИДЕРЛАНДЫ

диакон Дмитрий Довгер

Drususstraat 34, 2025 BS Haarlem
The Netherlands
Tel. +31 6 23549014
e-mail: ddovger@gmail.com

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan

Via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

ФИНЛЯНДИЯ

Елизаветинское сестричество

Elisabetian sisaristo

PL 120 Turku 20701 Finland – Suomi
Tel. +358 40 734 7549
e-mail: elsisari@gmail.com

РОССИЯ

Москва

Смирнова Алина Владимировна
109240, Москва,
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел. +7 (495) 915 10 47
vestnikrhd@mail.ru

Санкт-Петербург

Буровы Александр и Светлана
197375, Санкт-Петербург,
ул. Вербная, д. 19/1, кв. 121
Тел. +7 (812) 230 77 12, +7 921 347 66 88
e-mail: aburov05@rambler.ru

Екатеринбург

Иванова Оксана Витальевна
620041, Екатеринбург,
ул. Уральская, д. 57/2, кв. 171
Тел. +7 965 546 60 75
e-mail: ox0517@gmail.com

Воронеж

Дьякон Павел Строков
394000, Воронеж,
ул. Димитрова, д. 2, кв. 45
e-mail: d.p.strokov@gmail.com

Чувашская Республика

Спиридонова Людмила Сергеевна
Центр православной книги «Радонеж»
Национальная библиотека Чувашской Республики,
428000, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. Ленина, д. 15
e-mail: sekretar@publib.cbx.ru

БЕЛОРУССИЯ

Минск
Дмитрий Строцев
220030, Минск,
ул. Карла Маркса, 20-13
Тел. +37 529 771 1473
e-mail: dstrotsev@tut.by

Гомель
Свято-Никольский мужской монастырь
Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви
246014, Республика Беларусь, Гомель, ул. Д. Бедного, 4
Тел. деж. + 375 232 952335, тел./факс + 375 232 719292
e-mail: gomelmonastery@mail.ru

УКРАИНА

Киев
Вадим Залевский, изд. «Дух и литература»
04070, Киев,
ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210
Тел. (044) 416 60 20
e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев
Шполянский Илья Михайлович
54001, Николаев,
ул. Набережная, д. 5, кв. 13
e-mail: laik@ukr.net

Харьков
Филоненко Александр Семенович
61098, Харьков,
Полтавский шлях, д. 188, кв. 77
e-mail: afilonenko@yandex.ru

УЗБЕКИСТАН

Германов Валерий Александрович
700052, Ташкент-52,
ул. Коры-Ниазова, д. 102-а
e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЕНГРИЯ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
Tel. +420 777 827 073
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЬША

Dmitry Lukashevich
mitry Lukshevich, 9
01-574 Warszawa
Polska / Poland
e-mail: dmitry.lukashevich@gmail.com

ЛАТВИЯ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 1
LV, 1013, Riga, Latvia
Tel.: (371) 29147350
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 207

Подписано в печать 21.08.2017
Формат 60x90 1/16. Печ. л. 22,75